

МИТРОПОЛИТ ФИЛИПП

Дмитрий
Володихин

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Annotation

Митрополит Филипп — ярчайшая фигура русской истории XVI столетия, представитель старинного рода Колычевых, поменявший доспехи служилого человека на монашескую рясу. Ему, никогда не жаждавшему власти, стремившемуся к отшельничеству, пришлось возглавить Соловецкую обитель, а потом встать во главе Русской церкви. Поднятый из глуши островов, затерянных в Белом море, на вершину церковной власти, он пытался смягчить сердце сурового царя, заступался за жертв опричнины и в конце концов вступил в конфликт с Иваном Грозным, был предан церковному суду и сослан в провинциальный монастырь. Он испытал унижение, телесные страдания и принял смерть от рук царского приближенного, но не изменил своим представлениям о вере и любви.

Книга историка Дмитрия Володихина дает читателю возможность приподнять завесу над тайной гибели архиерея, погрузиться в водоворот исторических событий, где среди зловещих опричных фигур сияет чистотой образ Филиппа: смиренного инокa, игумена, главы Русской церкви, мученика, воссиявшего в Русской земле.

[Адаптировано для AlReader]

FB2 книгу сделал mefysto

-
- [Дмитрий Володихин](#)
 -
 -
 - [БОЖЬИ ПРИТЧИ](#)
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Глава четвертая](#)
 - [Глава пятая](#)
 - [Глава шестая](#)

1. **Introduction**
 2. **Background**
 3. **Methodology**
 4. **Results**
 5. **Discussion**
 6. **Conclusion**
 7. **References**
 8. **Appendix**
 9. **Figure 1**
 10. **Figure 2**
 11. **Figure 3**
 12. **Figure 4**
 13. **Figure 5**
 14. **Figure 6**
 15. **Figure 7**
 16. **Figure 8**
 17. **Figure 9**
 18. **Figure 10**
 19. **Figure 11**
 20. **Figure 12**
 21. **Figure 13**
 22. **Figure 14**
 23. **Figure 15**
 24. **Figure 16**
 25. **Figure 17**
 26. **Figure 18**
 27. **Figure 19**
 28. **Figure 20**
 29. **Figure 21**
 30. **Figure 22**
 31. **Figure 23**
 32. **Figure 24**
 33. **Figure 25**
 34. **Figure 26**
 35. **Figure 27**
 36. **Figure 28**
 37. **Figure 29**
 38. **Figure 30**
 39. **Figure 31**
 40. **Figure 32**
 41. **Figure 33**
 42. **Figure 34**
 43. **Figure 35**
 44. **Figure 36**
 45. **Figure 37**
 46. **Figure 38**
 47. **Figure 39**
 48. **Figure 40**
 49. **Figure 41**
 50. **Figure 42**
 51. **Figure 43**
 52. **Figure 44**
 53. **Figure 45**
 54. **Figure 46**
 55. **Figure 47**
 56. **Figure 48**
 57. **Figure 49**
 58. **Figure 50**
 59. **Figure 51**
 60. **Figure 52**
 61. **Figure 53**
 62. **Figure 54**
 63. **Figure 55**
 64. **Figure 56**
 65. **Figure 57**
 66. **Figure 58**
 67. **Figure 59**
 68. **Figure 60**
 69. **Figure 61**
 70. **Figure 62**
 71. **Figure 63**
 72. **Figure 64**
 73. **Figure 65**
 74. **Figure 66**
 75. **Figure 67**
 76. **Figure 68**
 77. **Figure 69**
 78. **Figure 70**
 79. **Figure 71**
 80. **Figure 72**
 81. **Figure 73**
 82. **Figure 74**
 83. **Figure 75**
 84. **Figure 76**
 85. **Figure 77**
 86. **Figure 78**
 87. **Figure 79**
 88. **Figure 80**
 89. **Figure 81**
 90. **Figure 82**
 91. **Figure 83**
 92. **Figure 84**
 93. **Figure 85**
 94. **Figure 86**
 95. **Figure 87**
 96. **Figure 88**
 97. **Figure 89**
 98. **Figure 90**
 99. **Figure 91**
 100. **Figure 92**
 101. **Figure 93**
 102. **Figure 94**
 103. **Figure 95**
 104. **Figure 96**
 105. **Figure 97**
 106. **Figure 98**
 107. **Figure 99**
 108. **Figure 100**
 109. **Figure 101**
 110. **Figure 102**
 111. **Figure 103**
 112. **Figure 104**
 113. **Figure 105**
 114. **Figure 106**
 115. **Figure 107**
 116. **Figure 108**
 117. **Figure 109**
 118. **Figure 110**
 119. **Figure 111**
 120. **Figure 112**
 121. **Figure 113**
 122. **Figure 114**
 123. **Figure 115**
 124. **Figure 116**
 125. **Figure 117**
 126. **Figure 118**
 127. **Figure 119**
 128. **Figure 120**
 129. **Figure 121**
 130. **Figure 122**
 131. **Figure 123**
 132. **Figure 124**
 133. **Figure 125**
 134. **Figure 126**
 135. **Figure 127**
 136. **Figure 128**
 137. **Figure 129**
 138. **Figure 130**
 139. **Figure 131**
 140. **Figure 132**
 141. **Figure 133**
 142. **Figure 134**
 143. **Figure 135**
 144. **Figure 136**
 145. **Figure 137**
 146. **Figure 138**
 147. **Figure 139**
 148. **Figure 140**
 149. **Figure 141**
 150. **Figure 142**
 151. **Figure 143**
 152. **Figure 144**
 153. **Figure 145**
 154. **Figure 146**
 155. **Figure 147**
 156. **Figure 148**
 157. **Figure 149**
 158. **Figure 150**
 159. **Figure 151**
 160. **Figure 152**
 161. **Figure 153**
 162. **Figure 154**
 163. **Figure 155**
 164. **Figure 156**
 165. **Figure 157**
 166. **Figure 158**
 167. **Figure 159**
 168. **Figure 160**
 169. **Figure 161**
 170. **Figure 162**
 171. **Figure 163**
 172. **Figure 164**
 173. **Figure 165**
 174. **Figure 166**
 175. **Figure 167**
 176. **Figure 168**
 177. **Figure 169**
 178. **Figure 170**
 179. **Figure 171**
 180. **Figure 172**
 181. **Figure 173**
 182. **Figure 174**
 183. **Figure 175**
 184. **Figure 176**
 185. **Figure 177**
 186. **Figure 178**
 187. **Figure 179**
 188. **Figure 180**
 189. **Figure 181**
 190. **Figure 182**
 191. **Figure 183**
 192. **Figure 184**
 193. **Figure 185**
 194. **Figure 186**
 195. **Figure 187**
 196. **Figure 188**
 197. **Figure 189**
 198. **Figure 190**
 199. **Figure 191**
 200. **Figure 192**
 201. **Figure 193**
 202. **Figure 194**
 203. **Figure 195**
 204. **Figure 196**
 205. **Figure 197**
 206. **Figure 198**
 207. **Figure 199**
 208. **Figure 200**
 209. **Figure 201**
 210. **Figure 202**
 211. **Figure 203**
 212. **Figure 204**
 213. **Figure 205**
 214. **Figure 206**
 215. **Figure 207**
 216. **Figure 208**
 217. **Figure 209**

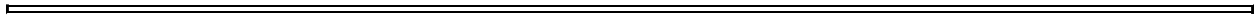
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)

- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)

- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [comments](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)

- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)

- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)

ЖИЗНЬ[®] ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким

ВЫПУСК

1373

(1173)

Дмитрий Володихин

МИТРОПОЛИТ ФИЛИПП

МОСКВА
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

*

© Володихин Д. М., 2009

© Издательство АО «Молодая гвардия»,
художественное оформление, 2009

Бога ради живите любовно...

Митрополит Филипп

БОЖЬИ ПРИТЧИ

Русская церковь вот уже более тысячелетия играет важнейшую роль в судьбах нашей страны. Персоны, прославленные ею в лике святых, видные церковные деятели, духовные просветители заслужили добрую память потомков в неменьшей степени, чем знаменитые полководцы, правители, ученые. Разумеется, в советские времена писать биографии «церковников» было неудобно, опасно, да и бесперспективно. До печатного станка дошли бы в лучшем случае крохи, изувеченные красным карандашом бдительного редактора. Ныне тех запретов и след простыл. Однако полноценных жизнеописаний подобных личностей по сию пору появилось совсем немного.

Крупнейшие люди Церкви, люди-эпохи, люди-столпы нашим современникам известны лишь постольку-поскольку, и пробел этот исчезает крайне медленно.

Одним из первых в списке «великих неизвестных» стоит имя святого Филиппа, митрополита Московского.

В позапрошлом столетии о Филиппе писали много. Немало публикаций появилось и в XX веке. Однако вспоминают о нем, как правило, в сочетании с именем Ивана Грозного и, следовательно, прилагают деяния митрополита к общественной полемике вокруг опричных дел. В нашей исторической литературе образ митрополита Филиппа очень редко получал самостоятельное наполнение. Между тем роль святителя в жизни России столь велика, а нравственный пример столь созвучен нашему дню, что его можно было бы поставить как минимум вровень с титанической фигурой первого русского царя.

В отечественной исторической традиции нередко с большой силой звучало, да и в наше время еще звучит противопоставление двух крупных деятелей XVI века — Ивана IV и Андрея Курбского. Однако чем дальше, тем больше тускнеет фигура князя-«диссидента». Масштабы, которые придает ей массовое историческое сознание нашего народа, не столь велики, чтобы на ниве национальной мифологии Курбский удержался в роли нравственного полюса, на равных противостоявшего другому полюсу — государю Ивану Васильевичу. Интеллектуальные игры, которые князь вел из Литвы с бывшим своим правителем, были прежде всего абсолютно безопасными для него; к тому же узкословная заостренность писем Курбского, адресованных царю, позволяет отыскать в них какие-то

общечеловеческие максимы лишь с очень большой натяжкой.

Другое дело — митрополит Филипп. Он высказывался, рискуя собственной жизнью и жизнями близких людей. Он взывал к духу христианской любви. Он восстал против опричнины и придал конфликту с царем поистине евангельскую глубину. Наверное, Филипп-то и должен рассматриваться как тот самый недостающий «полюс». В его словах звучали истины, за которые мученики первых столетий христианства претерпевали мучения от жестоких властителей. Поэтому нравственный идеал, оставленный Филиппом, столь притягателен.

Полагаю, Господь рассказывает человекам притчи о человеках и через человек. А нам следует всматриваться в них, вдумываться в смыслы, наполняющие всякий день жизни, всякое мгновение. В каждом слове, каждом поступке, каждом повороте судьбы начертаны знаки Его воли. Их невозможно понять до конца, но пытаться осознать хотя бы самое общее значение — необходимо. Вся история человечества представляет собой собрание притч, рассказанных Небом земле.

Талантливый православный историк Сергей Кизюков писал о притчах, данных людям свыше. Я постарался вывести разговор о них в биографическую плоскость. Через Филиппа России и русскому народу сказано очень многое. Этой идеей пронизана книга о нем.

Бог для каждого уготовил роль в огромном мировом действии — и для верующих в Него, и для тех, кто в Него не верит, и даже для тех, кто Его не знает. Жизненный выбор человека состоит, по сути, в том, чтобы узнать свою роль, принять ее и сыграть наилучшим образом, или же, напротив, не пытаться понять ее смысл, либо, поняв, не принять его, а все-таки приняв, сыграть спустя рукава. Мы не выбираем наши роли, они даны нам изначально. Можно смириться с этим и сделаться требовательнее к себе, а можно всю жизнь провести в состоянии бунта, безлюбия и безответственности.

Митрополит Филипп в роли, полученной им от Бога, был совершенен...

*

Автор благодарит за неоценимую помощь историков русского Средневековья А. В. Лаушкина, С. В. Алексеева, Г. А. Елисеева, Н. С. Борисова, а также церковного историка архимандрита Макария (Веретенникова).

Глава первая

ТЕНЬ ЮНЫХ ЛЕТ

11 февраля 1507 года в аристократическом семействе Колычевых появился на свет младенец мужеска полу. Его при крещении нарекли именем Федор — в честь древнего святого Феодора Стратилата, небесного покровителя служилых людей по отчеству, как называли в ту пору дворян. Память Феодора Стратилата отмечается всего несколькими днями ранее, вот родители и выбрали подходящего святого покровителя для новорожденного мальчика.

Три десятилетия спустя он пострижется в монахи с именем Филипп. Почти шесть десятилетий спустя он станет главой Русской церкви, митрополитом, а после ухода из земной жизни его причислят к лику святых. О нем напишут множество статей и немало книг, в которых жизнь этого человека будет разобрана до мельчайших деталей. Немало поучительного и доброго скажут отдаленные потомки о его детстве, юности и молодых годах.

Вот добродетельные родители. Вот христолюбивая обстановка в доме. Вот великокняжеский дворец, куда молодой человек был допущен по праву высокого рождения. Вот первые стадии его духовного развития. Вот каковы были черты его характера. А вот его преданность евангельским истинам...

Земная судьба святого человека — такая материя, к которой следует прикасаться с величайшим почтением, не пускаясь в фантазии. О юном Федоре Колычеве написано слишком много выдуманного — вернее, додуманного за скупыми словами его Жития.

Впрочем, и сама основа, Житие, сообщает мало правды о первой половине биографии будущего митрополита. Между тем хотелось бы подчеркнуть: Житие — главный источник по истории жизни митрополита Филиппа.

Его составили в то время, когда в живых уже не осталось ни одного свидетеля молодости святого. Сам он к этому моменту вот уже несколько десятилетий лежал в могиле. Его рассказы о самом себе могли помнить лишь немногие старики, да и те в основном знали обстоятельства последнего периода его жизни. Особенно сильно почитали святого в Соловецкой обители, и там могла сложиться устная традиция рассказов о нем, передаваемых от старцев к молодым инокам. Но сколько в ней

достоверности в той части, где речь заходит о глубокой старине? Бог весть. Скорее всего, правдивых сведений там сущие крупницы, а больше вольных упражнений благочестивого ума.

Летописец же оставил запись о рождении Филиппа, чтобы вновь обратиться к этой фигуре лишь после того, как будет прожито больше половины его жизни...

Остается сделать вывод: между новорожденным Федором Колычевым и недавно постригшимся иноком Филиппом находится пустыня фактов. Мы не знаем о его молодости почти ничего.

Зато довольно много известно о его роде. О, это был знаменитый род старинной московской знати!

Древнее семейство московских бояр Колычевых происходило от знатного человека Андрея Кобылы^[1], служившего московским князьям еще в середине XIV столетия. Второй сын Кобылы, Александр Елко, стал родоначальником фамилий Колычевых и Хлуденевых. Его старший сын Федор Колыч во второй половине XIV — начале XV века владел огромными вотчинами. Его прозвище некоторые возводят к слову «колыга» (скряга), другие — к слову «колча» (хромой), третьи — к слову «колышка» (колыбель). В любом случае именно оно дало имя целой ветви потомков Кобылы. Семейство постепенно разрасталось, из поколения в поколение его представители занимали важные административные и военные посты. Некоторые из них служили «на великого государя» Московского, прочие же оказались на службе при дворах удельных князей Московского правящего дома.

В XVI столетии семейство «служилых людей по отечеству» Колычевых имело множество ответвлений. Одно из них именовалось Лобановыми-Колычевыми. Именно к нему восходит родословие будущего митрополита Филиппа.

Его основатель, Иван Андреевич Колычев по прозвищу Лобан, был крупным новгородским помещиком и важным человеком при дворе великого князя Ивана III. Будущему митрополиту он приходится дедом. Точно известно, что Иван Андреевич сделал отличную карьеру, служа «государю всеа Руси». Он выполнял важные дипломатические поручения, возглавлял полки на поле брани, заседал в Боярской думе. Не позднее 1498 года Иван Андреевич получил высокий думный чин окольничего, а по другим, менее достоверным сведениям, и высший в Московском государстве — боярина. Позднее его назначили на крупнейший пост в дворцовой иерархии: документы называют его «конюшим», а это

предполагало руководство соответствующим ведомством. С 1499 по 1502 год Иван Андреевич сидел наместником в Великом Новгороде. Он женился на дочери одного из представителей видного новгородского боярского рода Есиповых и получил в приданое волостку Бежецкой пятины. Высокое положение также позволяло ему «округлить» земельные владения. Ивану Андреевичу, в частности, принадлежали села под Коломной, Серпуховом и, разумеется, в Новгородской земле. В последние годы правления Ивана Васильевича он был одной из главнейших фигур в «обойме» великого князя. Если переводить на язык современной политической иерархии, то Ивана Андреевича следует приравнять к министру и губернатору, притом с генеральским чином.

Девятого марта 1502 года он погиб под Ивангородом^[2], когда на крепость напали ливонские немцы, так что внука своего знать не мог. Зато внук наверняка слышал от отца рассказы о великом деде.

Сын Ивана Андреевича Степан (Стефан) родился где-то в новгородских землях и унаследовал земельные владения на Новгородчине^[3]. Он также пытался делать карьеру, но достиг куда меньших успехов. Кроме него у Ивана Лобана-Колычева было еще четверо сыновей, поэтому богатства отца при дележе наследства расплылись; доля, доставшаяся каждому из братьев, не могла служить надежным трамплином для возвышения. Каждый должен был самостоятельно выслуживать новые поместья и вотчины.

Степан Иванович носил странное прозвище — Стенстур. Так звали крупнейшего политического деятеля и просветителя Швеции тех времен: Стен Стуре Старший. На протяжении десятилетий он правил страной в качестве регента^[4], отличался большим государственным умом, удачно воевал, в том числе и против русских. Что означает прозвище Степана Ивановича, понять сложно. Возможно, тот, кто так его назвал в первый раз, имел в виду нечто вроде: «Ну ты прямо Стен Стуре, ума палата!» То ли речь шла о внешнем сходстве, то ли о каких-то событиях, связанных с военными действиями или торговыми эпизодами, когда Степану Ивановичу пришлось иметь дело со Стеном Стуре Старшим... Иван Андреевич Колычев сражался против шведского регента и мог знать его лично, однако этот факт сам по себе еще ничего не объясняет.

О карьере Степана-Стенстура известно крайне мало. Таких высот, как отец, он не достиг, но одно время — видимо, в 1530-х или 1540-х годах — был дядькой (воспитателем) Юрия — родного брата будущего государя Ивана IV. Великий князь Василий III, их отец, благоволил Колычеву.

Однако в военных предприятиях Московского государства этот представитель рода Колычевых совершенно незаметен: документы того времени не упоминают его ни в качестве воеводы, ни даже в качестве воинского головы — командира рангом пониже. Это очень странно, если учесть, что отец Степана Ивановича был крупным полководцем и его положение должно было хоть в какой-то степени перейти к первенцу. В России XVI столетия составлялись подробные списки («разряды») воинских назначений — в полки и гарнизоны, на строительство крепостей. Они дошли до наших дней в хорошем состоянии. Таким образом, в распоряжении современного историка имеется мелкаячеистая сеть, которой можно «выловить» любого мало-мальски значительного военачальника. Эта сеть «не захватила» Степана Ивановича; следовательно, на армейском поприще он был никем.

Нет данных и о службе Степана-Стенстура в административном аппарате державы. Последнее, допустим, как раз неудивительно: бумаг, содержащих сведения о руководстве центральных русских ведомств того времени, сохранилось ничтожно мало. Так что Степан Иванович мог занимать довольно высокий управленческий пост, но служба его не отразилась в сохранившихся источниках^[5]. Настораживает другое.

Служебное положение младших братьев Степана Ивановича хорошо известно. Второй сын Ивана Андреевича, Михаил, стоял очень высоко в московской служебной иерархии. Он был наместником в Новгороде-Северском, воеводствовал в Смоленске, в Думе получил звание окольничего, а умер в 1570 или 1571 году. Третий сын Ивана Андреевича, Иван Иванович Лобанов-Колычев по прозвищу Рудак, был не менее заметным деятелем: строил крепость в Заволочье, ходил в окольничих. Иван Иванович Умной, младший (пятый) из братьев, служил у князя Андрея Старицкого дворецким, угодил в опалу, затем опять-таки вышел у Ивана IV в окольничие, к тому же получил, как и отец, почетный пост конюшего — при дворе слабоумного царского брата Юрия; бывал в полковых воеводах и даже участвовал во взятии Казани в 1552 году. А потомство его достигло выдающегося положения в опричнине. О детях Ивана Ивановича Лобанова-Колычева (по прозвищу Умной) еще пойдет речь в этой книге. Иными словами, при сыновьях Ивана Андреевича эта ветвь Колычевых не захудала и не потеряла влияния из-за государева гнева. Братья-Ивановичи в службах были благополучны — все вышли в «министры» и «генералы», на худой конец доходили до уровня «замминистра».

Но старший брат почему-то в чинах не рос...

Документы и летописи XVI столетия не донесли известий об опале, которая могла сразить его. Весьма вероятно, что существовали иные препятствия для его карьеры. В монахи он не ушел — это известно точно. Возможно, ему мешало слабое здоровье — или же большая набожность, тяга к книжной премудрости. Служилый аристократ того времени мог быть сколь угодно начитанным «книжником», но только во вторую очередь, а в первую — военачальником и администратором, по гроб жизни обязанным служить государю «мечом и советом». Если у Степана Ивановича склонность к духовному просвещению оказалась преобладающей над служебным предназначением, то в чинах он высоко подняться не мог.

Житие святого Филиппа говорит о его отце в самых общих словах, как о знатном и благочестивом советнике великого князя Василия Ивановича, «украшенном многими добродетелями, исполненном ратного духа, большом знатоке Божественных заповедей и государевых законов»^[1]. Каков был Степан Иванович на войне — бог знает; ничем особенным он себя не проявил, по армейской стезе, как уже говорилось, не пошел. А вот его ученость — вещь весьма возможная, и она-то могла отвести потомка грозных воинов от воеводской работы. Да и к сыну его, человеку, без сомнения, «книжному», эта страсть могла перейти от отца.

Как бы мало мы ни знали об отце будущего митрополита, о его матери известно еще меньше. Звали ее Варварой, а в конце жизни, постригшись в монахини, она приняла имя Варсонофия. Автор Жития ласково именует ее «многоцветущей и плодovитой лозой». Что ж, детьми эту женщину Бог и впрямь не обидел. В популярной литературе ее называют «набожной женщиной», опираясь на сам факт принятия ею иноческого сана. Но ее постриг может объясняться совершенно иначе: после смерти мужа и ухода старшего сына Федора в монахи ей не на кого было опереться, и монастырь оказался наилучшим исходом. Принятие пострига после кончины супруга было обычным делом среди русских женщин старомосковской эпохи.

О семейном быте четы Колычевых Житие сообщает всего в нескольких строках: супруги соблюдали Закон Божий и Заповеди евангельские, жили в достатке, много жертвовали «сирым и убогим», были глубоко верующими людьми и любили друг друга. Как уже говорилось, достоверность Жития в той его части, где рассказывается о молодости святого, оставляет желать лучшего. Так что эта картина в равной степени может быть абсолютно верной и совершенно выдуманной — плодом благочестивых раздумий автора...

Помимо Федора, у Степана Ивановича было еще трое сыновей: Прокофий, Яков и Борис. Все четверо числились в новгородских

помещиках. Из них первые три сына ушли из жизни бездетными. Быть может, Прокофий и Яков умерли рано — на государственной службе их не видно; во всяком случае, заметного положения они не добились.

Продолжил род только Борис Степанович, но у его детей потомства не было. Вообще, Борис Лобанов-Колычев, в отличие от отца и старшего брата, пошел по традиционному пути служилых аристократов. Это был военный человек, к зрелым годам выслуживший воеводские назначения. Его отличал незаурядный полководческий талант. Зимой, в начале 1558 года, он участвовал в набеге на ливонские земли, занимая пост воеводы сторожевого полка. Весной того же года из Ругодива (Нарвы) к ливонскому городу Сыренску было отправлено русское войско, а ему на подмогу вышли «головы» с новгородскими отрядами — Борис Колычев старшим, да с ним Василий Разладин-Квашнин. В июне Сыренск пал. В июле Борис Степанович во главе ертаула (передового отряда) большой русской армии успешно громил ливонцев в поле. Месяц спустя его отряд захватил города Раковор и Пор-хол. Сентябрь принес Борису Степановичу еще одну громкую победу. Он разбил немцев у Голбина: положил на месте множество вражеских воинов, взял в плен 34 ливонских дворянина и при этом потерял всего троих русских. Поздней осенью он участвовал в тяжелых боях с ливонцами у Рынгола^[6], пребывая в чине третьего воеводы Большого полка. Тогда нашим приходилось туго... Несколько месяцев спустя Борис Колычев вновь отправляется в поход: его определили под начало князя Юрия Кашина, командовавшего полком правой руки в крупном русском соединении, отправленном на Ливонию. Войско вернулось домой с победой, наголову разгромив немцев у городка Чествин. Таким образом, в первые месяцы 1559 года армейская карьера Бориса Степановича складывалась весьма успешно, у него были отличные перспективы. Этот человек был таков, каким должен был стать Федор Колычев и каким он никогда не стал. Младший сын в каком-то смысле заменил старшего, прожил его судьбу. Между 1559 и 1561 годами его биография пресеклась, каким образом — неизвестно.

По крайней мере один из сыновей Бориса, Венедикт, пережил и отца, и самого митрополита Филиппа. Известно, что в 1571 году он женился на дочери Ивана Замыцкого. В карьерных делах Венедикт Борисович следовал отцу, был военным, однако высоко не поднялся — числился среди новгородских помещиков Деревской пятины.

В 1561 году Филипп вписал в заупокойный помянник Соловецкого монастыря имена своего отца Степана, матери, инокини Варсонофии^[7], и

брата Бориса. Как судьба обошлась с двумя его другими братьями — Прокофием и Яковом, — остается только гадать. Возможно, к тому времени они еще были живы, но с той же вероятностью могли умереть намного раньше, еще в юности, и потому не попали в соловецкий помянник.

Огромное, разветвленное семейство Колычевых в XVI столетии процветало на службе. А если сложить воедино все поместья и вотчины, которыми владели его представители, то получится территория, равная по площади небольшой европейской стране. Биографии Степана-Стенстура и его сына Федора выпадают из общей судьбы рода.

Что касается последнего, то его молодость никак не «улавливается» в «сеть» военной документации того времени. Он *обязан* был служить и по происхождению своему мог претендовать на высокие посты в армии, аппарате управления или при дворе. За Колычевыми, в частности за ближайшей родней Федора Степановича, числились очевидные заслуги перед престолом. Как старший сын, рожденный старшим из братьев предыдущего поколения, он оказался во главе всей ветви рода. И что же? Ни один разряд ни разу не упоминает его на военной службе. Ни один документ не свидетельствует о том, что Федор Степанович занимал какой-то административный пост. Это необычно. Может быть, он до тридцати лет просто не успел подняться высоко? Что ж, не исключено... И всё же надо учесть одну особенность старомосковской цивилизации: юноши-дворяне начинали службу с очень раннего возраста. В 15 лет они уже могли быть призваны в поход «конны, людны и оружны». Стало быть, к тридцати годам у Федора Степановича было за плечами никак не меньше полутора десятилетий службы. Так почему же он остался невидим для разрядов?

Выдвигались гипотезы, согласно которым Федор Степанович мог оказаться на службе у князей Старицких — или, скажем, у Юрия Дмитровского — удельной родни Василия III. Документы, где записывались службы при удельных дворах, не дошли до наших дней, так что проверить это предположение невозможно. Да оно и не кажется правдоподобным: если Степан-Стенсур служил великому князю Василию Ивановичу, зачем ему было определять сына-первенца ко двору удельного князя? Ведь такая служба была «честью ниже», чем служба при великокняжеском дворе. Разве он не хотел добра крови и плоти своей? Но и отвергнуть эту идею напрочь тоже нет оснований: кое-кто из родни Федора Степановича служил тогда у Старицких...

В 30 лет Федор Степанович мог уйти в монахи, поскольку не был женат. Ясно только одно: у него не было супруги в тот момент. Но была ли

она раньше? Прийти к тридцатилетнему рубежу, не изведав брака, — крайне необычный выверт в судьбе знатного мужчины XVI века. Одно из двух: либо до принятия пострига будущий митрополит все-таки был женат, но его супруга рано умерла, не подарив ему детей (а генеалогические памятники говорят о его бездетности), либо он с юных лет подумывал о судьбе инока и потому сознательно уклонялся от брачных уз, а отец не стал его неволить. Если верно второе, то Степана Ивановича надо считать человеком большой мудрости и удивительной мягкости: он согласился с нежеланием сына-первенца продолжать род, хотя это шло вразрез с обычаями служилой аристократии.

Житие говорит о юных годах Федора Колычева следующее: он сторонился «пустошных игр», любимых другими детьми, предпочитая им «книжное учение». Родители приохотили его к «художной хитрости — Божественному писанию», и мальчик полюбил читать. Степан и Варвара Колычевы ласкали сына и баловали его.

Как отпрыск знатного семейства, он должен был освоить ратную науку, прежде всего получить навык верховой езды. К нему приставили молодых парней, обязав их почаще ездить верхом с Колычевым-младшим. В ту пору молодой человек, чтобы не отстать от сверстников, должен был как можно больше бегать, скакать на коне, бороться, упражняться в стрельбе из лука и участвовать в жестоких кулачных боях. Аристократ осваивал также правильное обращение с оружием, прежде всего с саблей и боевым топором, узнавал от старших обо всех известных им тактических уловках и походных обычаях русской армии.

Приобщаясь к «воинской храбрости», Федор все-таки больше тянулся к книгам, к молитве, к Священному Писанию.

Похоже, тут автор Жития не столько измышлял подробности жизни святого, сколько пользовался какой-то устной традицией, существовавшей в Соловецком монастыре. Чувствуется, как в его рассказе проступают живые черты характера юного аристократа. Не столь уж многие крупные деятели православной церкви возвысились из аристократических родов, и считанные единицы были причислены к лику святых. Поэтому всякий раз агиограф, задумываясь над судьбой такого человека, должен был объяснить себе и читателям: как личность, самой судьбой приготовленная для битв и государственных советов, оказалась в стенах монастыря? Савва Сторожевский, например, происходил если не из аристократии, то уж во всяком случае из богатых людей. Однако о его особенной «книжности» известий нет. Это был выдающийся аскет, возможно, исихаст^[8], один из любимых учеников Сергия Радонежского, но, видимо, не «философ». Таков

же и знаменитый Кирилл Белозерский — отпрыск величайшего рода московских бояр. Стефан Пермский, напротив, с детства проявлял тягу к духовному слову и необыкновенные способности к учебе. Вот уж кто был великий книжник! Но нет данных, которые позволили бы связать его происхождение со средой «служилых людей по отечеству». Как правило, когда агиограф извещает о «книжности» какого-то святого, это чаще всего не дань литературному этикету, а отражение действительной черты характера. Преподобный Сергей Радонежский, например, вышел из ростовской знати — правда, из обнищавшего рода. На первых порах учение ему не давалось, а обстоятельства жизни его родителей не располагали к занятиям военным делом. С Федором Колычевым всё обстояло наоборот: его ожидала блистательная карьера, ему предстояло водить в бой полки и целые армии, выступать на заседаниях Боярской думы... Он это прекрасно знал — но в какой-то момент отказался и от достатка, и от военной и государственной карьеры. Почему?

В декабре 1533 года скончался великий князь Василий III. Тогда Федору Степановичу было почти 27 лет. Житие рассказывает: молодого Колычева определили в число «благородных юношей», оказавшихся в «царском служении» — видимо, в свите нового великого князя (по выражению автора Жития, «в полате царской»). Там он был «любим» государем, «добре строил» его повеления, успевая при этом «терзать зловерие» и быть «садителем благочестия».

Да только всё это чистой воды выдумка.

Новый великий князь Иван Васильевич родился в 1530 году и был к дню смерти отца трехлетним младенцем. В Москве, при великокняжеском дворе, Федор Степанович пробыл до 1537 года — тогда его государю исполнилось всего семь лет. За что любил маленький мальчик чужого взрослого человека и какие повеления давал ему, остается только гадать. Но, скорее всего, автор Жития просто пустился в фантазии. Отец Федора Степановича был назначен воспитателем к младшему брату державного малыша гораздо позже: в середине 1530-х годов он никак не мог исполнять обязанности дядьки, поскольку Юрий Васильевич родился в 1533 году, незадолго до кончины Василия III. Какое там воспитание! Малютка еще пускал пузыри, требовал соску и агукал, к радости мамы. Так что неизвестно, была ли вообще родовая ветвь Степана и Федора Колычевых приближена ко двору после смерти Василия Ивановича.

В 1537 году некоторые представители семейства приняли участие в мятеже удельного князя Андрея Старицкого и после его подавления жестоко пострадали. В светской исторической литературе укрепились

мнение, согласно которому позор и унижение рода, а может быть, и прямая опасность для самого Федора Степановича стали главной причиной, подвигнувшей его на оставление мира и обращение в инок. Церковные писатели, используя иные слова, говорят примерно о том же: молодой мужчина испытал, каковы слава и богатство, а затем на примере близких людей увидел, как тленны земные блага, сколь быстро они отымаются; это привело его к душевному кризису, из которого он вышел монахом. Подобное мнение высказал еще в середине XIX века преосвященный Леонид (Краснопевков), епископ Дмитровский.

Но вот беда: никто не знает, действительно ли мятеж Старицкого, а потом и его разгром оказали столь сильное воздействие на личность Федора Колычева. Ни один источник не говорит об этом прямо. В Житии нет ни слова о мятежной родне будущего митрополита.

При малолетних наследниках Василия III удельный князь Андрей Старицкий имел отличный шанс захватить престол. Будучи рожден от брака Ивана Великого и Софьи Палеолог, он приходился младшим братом покойному государю. Это был взрослый человек, пользовавшийся поддержкой части московской знати. К тому же он располагал собственными силами: войском и двором удельного княжества.

Между тем в Москве за двух малышей правила их мать, великая княгиня Елена Глинская. Она очень опасалась за судьбу детей, и на то были основания. Гордая, своевольная аристократия никогда не забывала о ветви Старицких как о претендентах на русский трон. Регентша происходила из рода литовско-русских князей, чужаков для Москвы. Для того чтобы Василий III мог на ней жениться, ему пришлось развестись с первой супругой, Соломонией Сабуровой, что вызвало чудовищный скандал. Не считая положение свое прочным, Елена Глинская была готова на любую жестокость, если бы это помогло спасти ее мальчиков. Она, словно птица крыльями, хотела бы закрыть своих птенцов от любой угрозы. Так вела себя в том же XVI веке другая известная женщина — Екатерина Медичи. Эта французская «Елена Глинская» с необычайной свирепостью сражалась за сохранение своего потомства.

В 1537 году отношения между московским и старицким дворами накалились до предела. Действительно ли Андрей Старицкий планировал мятеж или окружение Елены Глинской возбудило в ней самые страшные подозрения против князя, неясно.

Андрея Ивановича позвали в Москву для руководства войсками на казанском театре военных действий. Опасаясь расправы, он отказался. К нему отправили «посольство», состоявшее из видных представителей

Церкви. «Послы» от имени государя Ивана Васильевича и регентши Елены Глинской должны были дать ему «слово правое», что над ним не учинят «никогого лиха», вот только надо разобраться, кто сеет смуты между Москвой и Старицей. Опасаясь побега или бунта князя, боярское правительство выдвинуло полки поближе к его владениям — в район Волока Дамского. Приближенного Андрея Ивановича, князя и боярина Федора Пронского, отправленного в Москву с объяснениями, арестовали, не дав ему исполнить поручение. «Посольство» еще не успело добраться до старицкого двора, когда Андрею Ивановичу сообщили о приближающейся московской армии. Князь «дрогнул» и «побежал» в Великий Новгород, решив искать помощи у тамошних жителей. Богатая столица Северной Руси могла стать превосходной базой для борьбы с Москвой. При неудаче у Старицкого появлялся выбор: бежать далее за море к шведам, сдаться ливонским немцам или отправиться в Литву со всей свитой. Но, во-первых, новгородцы его не поддерживали, а во-вторых, прежде чем он добрался до Новгорода, туда уже явились приближенные Елены Глинской с самыми строгими инструкциями. Правда, часть новгородцев все же прибыла к нему в лагерь и попросилась на службу. Очевидно, таких оказалось немного... Андрей Иванович с полдороги развернулся для боя с московскими полками. Здраво оценив соотношение сил, в последний момент мятежный князь не решился дать войскам сигнал к атаке. Вместо этого Андрей Старицкий начал переговоры с противной стороной, пытаясь избавить себя от тяжелой кары. Командующий правительственными войсками обещал ему неприкосновенность, после чего он сдался и отправился в Москву. Однако Елена Глинская не была настроена оказывать милость. Для нее представился случай навсегда избавиться от величайшего страха последних лет. В ярости она подвергла аресту князя и его семью. Несколько месяцев спустя, как пишет летопись, «...преставися князь Ондрей Иванович в нуже страдальческою смертию».

Для судьбы Федора Степановича Колычева гораздо важнее самого выступления бунтовщиков и их разгрома было расследование, проведенное по горячим следам. Бояр Андрея Старицкого осрамили торговой казнью и бросили в темницу. Новгородцев, перешедших в лагерь князя, предали смерти. Среди сторонников мятежного князя отыскалась целая гроздь Колычевых, и с ними обошлись сурово.

Прежде всего торговая казнь обрушилась на Ивана Ивановича Колычева-Лобанова^[9], основателя ветви Умных, приходившегося дядей Федору Степановичу.

Во главе новгородских помещиков, пришедших на помощь Андрею

Старицкому, стояли родственники Федора Степановича (хотя не столь близкие, как Умной) Андрей Иванович Колычев-Пупков и Гаврила Владимирович Колычев, а с ними еще три десятка дворян рангом пониже. Они закончили жизнь страшно: их били кнутом, а потом повесили, расставив виселицы по дороге от Москвы до Новгорода. Их тела должны были служить предупреждением для всех, кто мог еще осмелиться на бунт против вдовствующей великой княгини.

Как должен был относиться Федор Степанович к этим событиям? Естественно предполагать, что он скорбел о казненных родственниках, жалел дядю, терзался, видя, какое пятно легло на честь всего семейства. Тень мятежа легла, как станут говорить в XX столетии, на «членов семьи». А это, помимо нравственного унижения, грозило серьезными материальными потерями. Подозреваемых в склонности к мятежу и тем более в прямой связи с заговорщиками правительство могло запросто лишить вотчин и поместий, отправить в ссылку, а главное — отобрать выслуженные чины. Потом, через несколько месяцев или даже лет, земли и служебное положение могли вернуть — в истории московского двора такое бывало многое множество раз.

Так, в сущности, сложилась судьба и колычевского рода. Тот же Иван Иванович Умной впоследствии был приближен ко двору молодого Ивана Грозного и сделал отличную карьеру в Москве. Но раз на раз не приходится. Кому-то возвращали всё, кому-то — кое-что, а кому-то — ничего. Испытав подобный удар, знатный род мог надолго уйти в тень, «захудать», потерять высокий статус. Так, например, на протяжении большей части XVI столетия князья Пожарские, высокородные Рюриковичи, не вылезали из опал и никак не могли подняться к высоким чинам... Поэтому всё семейство — виновные и невинные в мятежных деяниях — должно было трепетать в предчувствии больших бед.

Нет никаких сведений об участии Федора Степановича в мятеже князя Старицкого. Нам также не известно о том, что он в был чем-то ущемлен после подавления бунта. Но как «члену семьи» ему было чего опасаться. Советский историк П. А. Садиков прямо указал: «Филипп еще молодым человеком ушел из Москвы в 1537 г., *спасаясь* (курсив мой. — Д. В.) после дела кн. Андрея Ивановича Старицкого»^[2].

Преосвященный Леонид в своем прекрасном труде о святом Филиппе рисует образ молодого мужчины, обреченного на страшное душевное испытание: «Больно было Феодору несчастье кровных, позор фамилии. Его благородному, возвышенному сердцу стало невыносимо оставаться в придворной службе, в присутствии наглого любимца, и тут-то он сожалел,

может быть, что не уклонился заранее к безмятежному берегу жизни монашеской. Внутреннее состояние его было тяжело, и нужно было успокоить смятенную, взволнованную душу». Прекрасные слова! Как хочется им поверить! «Наглый любимец» — фаворит Елены Глинской князь Иван Телепнев-Оболенский по прозвищу Овчина — действительно сыграл в деле князя Старицкого центральную роль. Поведение его и тесные отношения с вдовствующей великой княгиней вызвали крайнее раздражение у старомосковской служилой знати. Кое-кто даже позволял себе говорить гадости о происхождении сыновей Василия III: мол, не староват ли был великий князь для такого дела? Не делит ли Овчина с ним отцовство?

В апреле 1538 года Елена Глинская умерла. Регентша отошла в мир иной задолго до того, как увядание коснулось ее тела. Великая княгиня была молода, ей не исполнилось и тридцати лет, и ничто не говорит о ее плохом здоровье. Может быть, не настолько уж неправдоподобны предположения, согласно которым одна из придворных «партий» нешумно «помогла» ей завершить земной путь?^[10] После кончины Елены Глинской с ненавистным фаворитом Овчиной расправились моментально. На протяжении нескольких лет он был всесильным человеком, но как только исчезла поддержка государыни, любимец ее сделался мертвецом.

Это лишний раз показывает, сколь дурно относились в аристократической среде к правительнице, сколь непопулярна была она на протяжении пяти лет владычества и, в конечном итоге, е какой неохотой ей служили.

Таким образом, вроде бы и с духовной, и с политической точек зрения есть основания предполагать, что дело о мятеже князя Андрея Ивановича прямо повлияло на выбор молодым Федором Колычевым иноческой жизни. Очень похоже... Да.

Но нельзя забывать простое правило: после того — не значит вследствие того. После 1537 года Федор Степанович Колычев оказывается монахом Филиппом. Однако нет прямых и точных подтверждений тому, что он стал иноком *вследствие* событий 1537 года. Более того, существует несколько серьезных доводов, работающих против этой схемы.

Во-первых, Житие ни слова не говорит о каких-либо страданиях дворянина в связи с участием родни в мятежных делах. В нем вообще не упоминается бунтовская история, в которой были замешаны Колычевы. Ни летописи, ни послания самого Филиппа, ни какие-либо иные документы не дают даже намека на связь между событиями 1537 года и постригом Федора Степановича в монахи. Эта связь установлена лишь гипотетически.

Во-вторых, на протяжении нескольких десятилетий семейство Колычевых проявляло необыкновенную живучесть и, если угодно, непотопляемость. Положение его при дворе отнюдь не рухнуло в одночасье из-за «дела Старицких». Многие его представители сохранили высокое служебное положение, а некоторым еще предстояло добиться поистине выдающегося статуса в политической элите Московского государства. Минула четверть века, и на Колычевых обрушился новый страшный удар. Под него подставил родню Богдан Никитич Хлызнев-Колычев, когда-то служивший воеводой в удельной армии Андрея Старицкого. В январе 1563 года он стал перебежчиком к литовцам, притом совершил побег во время боевых действий: русская армия тогда «в силе тяжкой» двигалась на Полоцк. Богдан Никитич удрал прямо из походных станов и предупредил врага о подходе нашего войска. Несмотря на страшный позор, несмотря на то, что у Ивана IV должно было сформироваться подозрительное отношение к семейству Колычевых, они все-таки продолжали оставаться на самом верху русской военно-политической иерархии. Наконец, даже падение самого митрополита Филиппа не перечеркнуло их влияния и не выбило их с высоких чинов. Колычевы сохраняли высокое положение при дворе все годы правления Ивана Васильевича, да и после его смерти.

Положение любого рода при дворе в значительной степени было результатом бойцовских качеств его представителей. Трудно было пробиться в «высшую лигу» власти, однако еще труднее остаться там надолго. Временщики приходили и уходили, но несколько десятков семейств постоянно сохраняли в своих руках бразды правления страной, разделяя их только с монархом. Колычевы были в их числе, и они умели грызться за свое высокое положение, умели отстаивать его. Они научились использовать все возможности, чтобы удержаться на вершине. Поэтому все сказанное выше о «предчувствии больших бед» может быть повернуто другим боком: кто готов бороться за себя, тот вылезет из тяжелой опалы. Потребны только воля, связи и уверенность в собственных силах. Федор Степанович, допустим, мог опасаться крупных неприятностей в связи с мятежом князя Андрея Старицкого; но в такой же степени он мог испытывать надежду на то, что эти неприятности он переживет, выкарабкается; если же ему будет не хватать собственных сил — поможет более удачливая родня, не даст пропасть окончательно.

На чем основывается утверждение о связи между постригом Федора Колычева и бунтом князя Андрея Ивановича? *Только* на сопоставлении чисел: Федор Степанович Колычев обернулся монастырским послушником, когда ему было сравнялось 30 лет, а было это в начале 1537 года, за

несколько месяцев до московско-старицкого конфликта. Как об этом говорится в Житии? «Егда же приспе в совершенство мужа в тридесят лет возраста своего...» Но это могло быть и простое совпадение, никак не связанное с политическими бурями смутной эпохи.

Следовательно, связь между уходом Федора Степановича в иночество и мятежом Андрея Старицкого должна быть поставлена под серьезное сомнение.

Само Житие рассказывает об окончательном решении молодого Кольчева пойти в монахи совершенно иначе. Однажды он стоял на литургии, слушал иерея, читавшего Евангелие, и в сердце его неожиданно запали слова: «Немощно убо человеку едином оком на землю зрети, а другим — на небо, ни двема господинома работати: любо единого возлюбит, а другого возненавидит; или единого держится, а о друзем же нерадети начнет». В другой редакции Жития всё это звучит значительно проще: там цитирование евангельского чтения останавливается на слове «работати».

Именно с того времени Федор Степанович принялся «усердно размышлять» о своей жизни, а вслед за тем начал искать иной участи.

Но что значит это место в Священном Писании? Более всего оно похоже на пересказ Нагорной проповеди Иисуса Христа в Евангелии от Матфея. Для того чтобы увидеть смысл цитаты, понятный любому книжнику XVI столетия, стоит привести это место из Евангелия полностью: «Светильник для тела есть око. Итак, если око твоё будет чисто, то все тело твоё будет светло; если же око твоё будет худо, то все тело твоё будет темно. Итак, если свет, который в тебе, тьма, то какова же тьма? Никто не может служить двум господам: ибо или одного будет ненавидеть, а другого любить; или одному станет усердствовать, а о другом не радеть. Не можете служить Богу и мамоне. Посему говорю вам: не заботьтесь для души вашей, что вам есть и что пить, ни для тела вашего, во что одеться. Душа не больше ли пищи, а тело — одежды?» (Мф. 6:22–25). Как указал еще преосвященный Леонид, чтения Евангелия на 18-е зачало от Матфея происходит в воскресенье, на второй неделе по Пятидесятнице^[11].

Впрочем, это могли быть и слова проповеди, где высказывание преподобного аввы Исая: «Как нельзя одним глазом смотреть на небо, а другим — на землю, так и уму нельзя пещись и о Божиим, и о мирском. Что не будет помощно тебе, когда выйдешь из тела, о том стыдно тебе пещись» — священник использовал в качестве толкования на Евангелие.

Эти слова расшифровывают борование, происходившее в душе молодого

Колычева. Не мятеж, как видно, подвигнул его к иноческому пути, а долго вызревавшая нелюбовь к обязанностям царедворца. Не стоит искать внешних событий, так или иначе влиявших на личность будущего митрополита. Ведущую роль в его выборе сыграли глубинные психологические процессы, душевные движения, шедшие долго — все те годы, пока формировалась его личность. На Федора Степановича повлияла вся совокупность впечатлений, полученных им за многие годы, продуманных, прочувствованных, обращенных в строительный материал для возведения собственных предпочтений.

Что он видел, что испытал на протяжении трех десятилетий жизни?

Эпоха, которой был свидетелем Федор Степанович Колычев, — одна из самых блистательных во всей биографии Руси. За два года до его рождения скончался Иван III Великий, создатель России, правитель, при котором весь государственный уклад резко изменился: исчезла былая вольность окраин, произошла резкая централизация. Вся власть над колоссальными просторами Русской земли сосредоточилась в Москве. Прежде такого не бывало: все княжества и вечевые республики располагали большей свободой и имели полное право вести собственную политику, устанавливать свои законы, вести войны или, скажем, чеканить монету по собственному изволению. При Иване III всю власть забрала в один кулак одна столица — но она же сумела защитить страну от воинственных татар, отвоевать изрядный кус Литовской Руси, дать общий закон для всех. Свободы стало меньше, зато снизился риск попасть в рабство и быть выставленным на каком-нибудь крымском рынке в качестве живого товара. Русь отдыхала от кровавых междоусобных войн. То, чего не могли совершить русские князья поодиночке, единое Московское государство сделало реальностью.

Благо, принесенное русскому народу московскими государями, самым очевидным образом перевешивает недостатки их правления — во всяком случае, до поры массовых опричных казней.

Но была у объединительного процесса еще одна сторона, на которую не столь уж часто обращают внимание. В столице не только сосредоточилась власть, но и повысилась концентрация знатных людей. Если прежде тверской, ярославский или новгородский боярин прекрасно чувствовал себя в родных местах, служил с родовых вотчин и делал карьеру на родине, то теперь всё изменилось. Блага земные для русского аристократа собраны были в Москве. Тут, при дворе, он мог пасть или возвыситься, проложить всему роду путь к преуспеянию или же погубить для семьи всякие надежды на доброе материальное устройство. Вся знать

Руси устремилась в Москву. Здесь она толкалась у дверей «великих людей», стремилась приблизиться к престолу, дралась за чин, за место в Боярской думе, за деревеньку. Здесь пихали друг друга локтями бояре и князья. Тот, кто мечтал о славе и богатстве, должен был войти в эту толпу, присоединиться к ней, научиться жить по ее законам.

А законы эти — ох — не всякий раз совпадали с идеалами доброго христианина. Ладно бы сам государь, возглавляя всё это великое столпотворение, возвышался над ним, как столп мужества, мудрости и великих нравственных качеств. Но и тут было отчего усомниться в достоинствах службы. Если Иван III был поистине великим правителем, может быть, величайшим во всей истории России, сильным в добре и зле, умелым законодателем и волевым стратегом, искусным дипломатом и мудрым хранителем семьи, то преемники его такой же мощью не отличались.

Федор Степанович Колычев большую часть того срока, который он отдал службе, видел на престоле сына Ивана III Великого, Василия III. Тот был правителем средних способностей. Будучи храбрым человеком, он не обладал талантами выдающегося политика, полководца, дипломата. Ему удалось присоединить Псков, Смоленск и Рязань. Войны с татарами Василий Иванович вел с переменным успехом. По отношению к служилой знати великий князь был крутенок — до того, что иногда забывал о собственных обещаниях, прежде данных аристократам; так что жесткость его порой выходила чрезмерной. Правда, и своевольная знать состояла далеко не из праведников. Василий III как государь был не особенно хорош, но не столь уж и плох. Лишь последние годы правления сильно замарали его имя — из-за скандала, связанного с разводом.

Так или иначе, это был истинный природный государь, отпрыск Московского княжеского дома Рюриковичей, с одной стороны, и царственного семейства византийских Палеологов — с другой.

Но после его кончины, как уже говорилось, во главе правления встали чужачка Елена Глинская да ее фаворит. Они погубили младших братьев великого князя Василия Ивановича^[12]. Они властвовали именем младенца, в котором служилые люди России не без труда признавали сына Василия III. Когда регентша и Овчина закончили земной путь, на смену их жестокому правлению пришла беспорядочная борьба боярско-княжеских группировок, сущая смута.

Что уж тут говорить о благочестии, мудрости, благе страны? Вместо всего этого — долгая полоса эгоистической борьбы честолюбий. Положение при дворе рассматривалось в ту пору как инструмент для

удовлетворения корыстных исканий.

Страна была на подъеме. А вот ее политическая элита свалилась в продолжительный кризис.

Федор Степанович знал по опыту — собственному и многочисленной родни: забравшись наверх, устремившись ко двору, трудно остаться чистым.

В то же самое время, помимо объединительного процесса, Русь переживала другую трансформацию, не менее, а может быть, и более важную.

Наша земля в XIV–XVI столетиях испытала невиданный взлет монастырской жизни. Всё лучшее в русской культуре того времени рождалось в иноческих обителях. Чистейший, звонкий металл нации, самые выносливые, самые умные, самые энергичные ее представители, отвергая материальное благополучие, уходили в места далекие и неосвоенные, в леса, в морозные дали, в непроходимую глушь и там устраивались для иноческой жизни. Наша Северная Фиваида^[13] — ожерелье русских монастырей, возникших в ту пору, — ни с чем в истории мирового христианства не сравнима. Это явление настолько величественно, что даже по прошествии многих веков дух захватывает от созерцания его во всей полноте! Тысячи и тысячи русских того времени грезили о твердом установлении Христовой истины внутри самих себя и для того искали уединения. Найдя то, что искали, они утверждали твердое благочестие не только в собственных душах, но и на сотни верст вокруг — одним своим нравственным примером. Да какая эпоха в истории Руси более привлекательна, более прозрачна, давала больше простора для жизненного творчества сильных духом личностей? Какое время выше духовной зрелостью? Аромат сосновых стружек, оловянная стынь северных озер да лик одинокого инока, устало отложившего топор, присевшего отдохнуть у недостроенного скита и мечтательно вглядывающегося в небо: улыбнется ли ему Бог из заоблачной выси? — вот русская правда, глубинная, сильнейшая.

Вся Русь от края до края осветилась сиянием крестной истины, шедшей от сотен молодых обителей, будто от лампад, зажженных рукой Высшего Судии и развешанных ею по чащобным святыням.

Ничего выше у нас по сию пору не было.

Вторая половина XV — начало XVI века подарили нашему народу множество прославленных подвижников. Пылало благодатное пламя воспоминаний о Корнилии Комельском и Александре Ошевенском, о Пафнутии Боровском и Михаиле Клопском, о Зосиме, Германе и Савватии

Соловецких, о Ниле Сорском и Иосифе Волочком, о яростном Геннадии Новгородском. О них знал, о их участии мечтал молодой Колычев. Преподобного Иосифа он в детские годы мог видеть. В годы молодости Федора Степановича совершали монашеские подвиги Александр Свирский, Антоний Сийский и Нил Столобенский. В 1518 году в Москву приехал великий книжник Максим Грек; некоторые полагают, что Федор Степанович встречался с ним. По крайней мере его труды молодой Колычев мог читать. В 1520-х годах на митрополии пребывал книжником-иосифлянин Даниил — противоречивая личность, но во всяком случае один из ученейших людей своего времени.

А за их спинами источала сияние фигура духовного богатыря — преподобного Сергия Радонежского, окруженная целой дружиной учеников.

Какие еще причины требовались русскому человеку того времени, чтобы уйти в монастырь, помимо блистательного примера этих людей, их самоотверженного иноческого делания? Нужно ли приплетать обстоятельства жизни мятежного князя, чтобы понять причины пострига личности, которой суждено было стать новым светильником нашего духовенства? В России и до возмужания молодого Колычева, и при его тридцатилетии жили великие иноки, слава о них прокатывалась по стране из конца в конец. Одно это было уже достаточным поводом для выбора монашеской рясы вместо кольчуги и шлема.

Если представить себе, как молодой Колычев мог воспринять слова, услышанные в храме, во время богослужения, станет ясна тревога, ожегшая ему сердце. Как совместить в одной душе два идеала: ценности дерзновенного иночества, взыскующего сокровищ небесных, и потуги служилой аристократии, пытающейся в годы нестроения приобрести от близости ко двору блага земные — земельку, чины, влияние на дела? Русская знать была очень хороша на *своем месте*: она умела воевать и управляться со страной, она была сильна и воинственна, рождала людей, обладавших государственным умом. Но, утратив понимание *своего места*, выскользнув из уздечки, накинута на нее всадником-государем, она бесилась, пытаясь обогатиться не службой, а одним только самовольством. Естественно, ослабление идеала честной службы производило на Федора Степановича тяжелое впечатление. Будущие его деяния покажут: по характеру своему он был прям и не терпел искажений истины. Трудно же ему приходилось с этой прямоотой в мутные годы интриг и свар! Натура более гибкая нашла бы возможность компромисса, договорилась бы как-нибудь с собственной душой. Но на будущего митрополита глядели лики

святых, немо укоряя: «Отчего ты служишь мамоне? Служи Христу!» И этому укору он хотел бы подчиниться, ибо так выходило честнее.

Богомольный человек, с юности книжный, влюбленный в слово духовное, Федор Колычев предрасположен был к иночеству. Раздвоение между службой и мечтами о рясе, как видно, давно тяготило его. Не хватало только явного знака. Ударившись духом о евангельские слова про служение «двум господам», он и воспринял их как сигнал, поданный свыше.

Так свершился его выбор.

Ранняя часть биографии святого Филиппа напоминает молодость отца русского монашества, преподобного Феодосия Печерского. Оба происходили из «военно-служилого» сословия. Оба вопреки родовому предназначению с юных лет испытывали тягу к монашеской жизни. Оба в конечном итоге вступили на эту дорогу и стали величайшими учителями русского иночества. Разница только в том, что уходу Феодосия в монастырь очень противилась семья, поэтому он «прорывался» к ношению рясы с невероятным напряжением. Федору Колычеву этот поворот дался легче: он постригся в том возрасте, когда сам имел право решать, как ему распорядиться собственной судьбой.

Хотя и у него могли быть опасения относительно позиции семьи...

Первенец боярского рода покинул палаты, оставил изысканные яства и дорогие одеяния, бросил меч, расстался с конем. Его влекли рассказы о славной обители, стоящей посреди моря, дарующей возможность суровой жизни и благого уединения. Он устремился к ней, в полночные края. Там, у дальних пределов Руси, ждали его простая изба, да хлеб, да рыба, да вода, да грубая (а то еще и «многошвейная», то бишь лоскутная) ряса, да тяжкий крест иночества.

Да еще те же лики, взирающие с икон... одобрительно.

*

Остается констатировать: если история рода Колычевых в общем и целом «прозрачна», то первая половина жизни Федора Степановича Колычева совершенно темна. Какой ее эпизод ни возьми, то все получается одинаковым образом: «С одной стороны нельзя не предположить, с другой — недостаточно фактов, чтобы подтвердить». Юным годам будущего митрополита невозможно дать полноценное биографическое описание. От них осталась лишь тень, ничтожное количество точно известных

обстоятельств тонет в океане гипотез. Первые три десятилетия в судьбе Федора Степановича представляют собой один большой призрак.

Где только можно было сквозь зыбкую призрачность, сквозь туман неведения увидеть черты реальной личности, там это и сделано. Возможно, грядущие поколения историков отыщут в архивах доселе не известные бумаги XVI века и рассеют мглу, скрывающую молодые годы митрополита Филиппа.

Глава вторая

МОНАХ

Во второй половине 1530-х годов Федор Степанович Колычев превратился в инока Филиппа, на всю жизнь связав себя с монашеским бытом.

Житие говорит о том, что он пустился в путь на север, заранее поставив себе целью добраться до Соловецкого монастыря. Зная о монашеских подвигах Зосимы и Савватия Соловецких, он имел представление и о жизни основанной ими обители, «...еже бе во удалении от людей в северной стране, край вселенныя, во окиянстей пучине». Ему было известно о том, что на благословенные острова в Белом море «...многие... с верою притекают на исправление своим единокровным и бессмертным душам не токмо иноки, но и мирские людие».

Итак, молодой Колычев решил постричься в одной из самых дальних обителей, притом жившей в исключительно трудных условиях. Между тем из троих основателей Соловецкого монастыря двое — святые Савватий и Зосима — будут канонизированы лишь в 1547 году, а третий, святой Герман, — только в XVII столетии. Великую славу обитель получит в будущем, как раз в ту пору, когда ее игуменом станет человек, пока бредущий бесконечными дорогами на север...

Почему же он искал пристанища именно там? Вокруг Москвы стояли более древние обители, жившие в ореоле великой святости: Троице-Сергиев монастырь или, например, Саввино-Сторожевский... Почему он выбрал не знаменитую Кирилло-Белозерскую обитель или, скажем, не блистательные общины Вологодчины? Не отправился в Спасо-Каменный монастырь на Кубенском озере, известный «сильной» иноческой жизнью? Кажется, по сравнению с ними Соловецкая обитель тогда сильно проигрывала.

Однако уже в ту пору монастырь на островах пользовался доброй славой. Первые паломники посетили его при игуменстве Зосимы, умершего еще в 1478 году. На Новгородчине о Соловках знали очень хорошо, тамошний владыка Макарий покровительствовал соловецким инокам, а Федор Степанович и многие его родичи как раз являлись новгородскими помещиками. Но в некоторой степени знакомы были Соловки и москвичам. Во-первых, почитание Зосимы и Савватия началось гораздо раньше их

общероссийской канонизации, и в русской монашеской среде они были известны задолго до того. Во-вторых, в конце 70-х годов XV века Новгородскую область присоединил к своим владениям московский государь. За десяток лет до падения Новгорода, в 1468 году, монастырь получил от новгородского правительства в вотчину весь архипелаг. Теперь великий князь Иван III, завоеватель Новгорода, должен был определить статус этих владений. 7 февраля 1479 года в Москве была подписана грамота, где игумена и братию жаловали: «...ведают те острова и пожни, и тони, и лешие озера, и страдомуя землю по старине те игумен и старци, которые учнут служить в том монастыре у церкви Святого Спаса, и у Пречистые Успенья, и у святого Николы». Теперь братия не владела архипелагом, а «ведала» его и за пользование им обязывалась служить в роли государевых богомольцев. Таким образом, Соловки превратились в великокняжескую обитель. А к таким монастырям Москва относилась с повышенным вниманием.

В столице России и в Великом Новгороде репутация соловецких иноков стояла тогда высоко. Следовательно, нет ничего необычного в том, что Федор Степанович среди множества знаменитых монастырей выбрал именно этот, относительно молодой, и отправился туда пешком.

Житие сообщает, что родня Федора Степановича разыскивала его повсюду. Как видно, его уход стал для семейства Колычевых полной неожиданностью. «Беглеца» найти не удалось, а вестей о себе он не отправлял долгое время — покуда не укоренился на Соловках. Его даже оплакали, будто мертвеца... Так что все приведенные выше соображения о «репутации» Соловецкого монастыря совершенно равноправны с гораздо более прозаическим обстоятельством: Колычев-младший стремился туда, где его не найдут, а если и отыщут, то вряд ли выцарапают. Родители могли настоять на возвращении первенца, и это поставило бы крест на его послушничестве. Но в конечном итоге Соловки оказались *достаточно* *отдаленным* местом. Уже упоминавшийся святой Феодосий Печерский вынужден был совершать побеги из дома, желая принять постриг, чему противилась его мать. Колычев фактически тоже совершил побег, хорошо продуманный побег на край света.

Собираясь в путь, он подкрепил душевные силы молитвой, начальные слова которой донесло до наших дней Житие: «Господи Боже, Просветителю и Спасителю мой и Защитителю животу моему, настави на путь Твой и пойду во истине Твоей...»

Однако до прибытия на острова ему еще предстояла долгая и трудная дорога через всю Новгородчину, а затем по Белому морю. Федор

Степанович отправился налегке, не взяв с собой ни денег, ни сменной одежды, ни даже походного мешка, по выражению Жития, «верую токмо и добродетельми обогащясь». Для человека, привыкшего к достатку, к жизни со слугами и богатому столу, это было серьезное испытание.

Как видно, оказавшись в северных областях Новгородской земли, молодой Колычев изнемог. У него не было ни сил, ни средств, чтобы добраться до Соловков, и лишь предельное напряжение воли заставляло его продолжать движение. Однако у Онежского озера он все же вынужден был остановиться.

Ему посчастливилось найти доброго человека, давшего жилье и работу. Им стал некий Сидор^[14] (Исидор) Субота, житель прионежской деревни Киж, или Марковская. Землеописания XVI века полностью подтверждают сообщение Жития. Действительно, у северного побережья Онежского озера стоял Спасский погост в Киж. Еще в 1560-х годах там жил черносошный крестьянин Сидорка Степанов по прозвищу Субота. Очевидно, именно он приютил измученного Колычева.

С этого момента мы можем говорить о возросшей достоверности Жития. Все, что относится к соловецкому периоду жизни святого Филиппа, составителю Жития известно лучше, чем остальные события жизни святого, — за исключением, пожалуй, обстоятельств его гибели: тут агиограф располагал первоклассным источником (о нем речь пойдет в соответствующей главе).

Житие добавляет к онежскому эпизоду в судьбе святого Филиппа: прежде «словесных» овец он «добре упасает» овец «бессловесных». Проще говоря, Сидор Степанович доверил своему тезке по отцу пасти овец. И Федор Степанович не погнушался принять от него работу бедняка. Там, в Москве, знатный человек Федор Колычев, быть может, даже не заметил бы скромного крестьянина с Севера. Здесь, у Онеги, этот крестьянин играет роль сущего благодетеля, вероятно, спасшего исхудалого странника от голодной смерти. Будущий митрополит принял новый для себя труд со смирением. Таков был первый большой урок его монашеского пути: он поклонился человеку низкого звания, и через простого крестьянина Бог дал ему хлеб насущный. Надо ли добавлять, что Федору Степановичу, привыкшему жить на всем готовом, следовало побороть дворянскую гордыню, набраться нравственных сил, чтобы отвесить низкий поклон простолюдину?

Неизвестно, как долго пастушествовал на Онежском озере молодой Колычев. Преосвященный Леонид считает, что он начал свое путешествие на Север в июне, а закончил его на Соловках не позднее октября 1537 года,

поскольку в дальнейшем погодные условия просто не позволили бы переправиться на острова. Таким образом, на все путешествие ушло около четырех месяцев. Сколько же он провел в пастухах у Сидора Суботы? Если судить по этим подсчетам, выйдет всего ничего: месяц или даже несколько недель. Закрадывается сомнение: обратил бы составитель Жития внимание на столь незначительный эпизод в жизни святого Филиппа? Впрочем, может быть, агиограф все равно счел бы его достойным упоминания — из-за красивой аналогии между ролью пастуха, сыгранной Федором Степановичем Колычевым, и ролью пастыря, каковую сыграет митрополит Филипп.

Но возможен и другой вариант: в 1537 году Колычев просто не попал на Соловки. Да и способен ли столь неопытный странник, каким был Федор Степанович, к тому же без всяких запасов, пересечь страну в указанный срок, поработав между делом у зажиточного крестьянина...

Поднабравшись сил и, возможно, получив деньги на оплату переправы по морю, Федор Степанович добрался, наконец, до цели своего странствия. Но в каком году это произошло — в 1537 или 1538-м, определить невозможно.

Как встретили долгожданные острова бывшего аристократа, до смерти уставшего от бесконечного путешествия и горького нищенства?

В 30-е годы XVI столетия Соловецкая обитель ничем — в самом буквальном смысле! — не напоминала современный архитектурный комплекс, величественный и прекрасный. Более того, есть все основания предполагать, что Федор Степанович, сойдя на берег, увидел груды головешек и выкопанные наспех землянки.

Увидел — и счастливо улыбнулся. Какое ему дело — каменные палаты, добротные избы, землянки, пещера или дупло в старом дубе? Новому Колычеву было абсолютно безразлично, в каких условиях жить. Он прибыл туда, куда стремился. Он был доволен. Его вторая жизнь веяла прохладным ветерком в прорехи на изношенной одежде. Странник зябко поводил плечами.

Здесь ему предстояло провести три десятилетия.

Современного паломника, приезжающего на Соловки, встречает величественный монастырь, вздымающийся над мелководьем, словно второй Иерусалим над равнинами новой Святой земли. Он видит прекрасные каменные храмы, могучие стены с башнями, множество часовен, мощеные дороги, дома-крепости, напоминающие старомосковские палаты. Он может пройти в сторону каменных садков для разведения

рыбы, умыться водой из Святого озера, идущего тихой рябью, в двух шагах от монастырской стены, или отправиться на лодке в большое путешествие по озерам, соединенным каналами. В наши дни Соловки оставляют впечатление тихой, уединенной от сует материка, но обжитой земли.

Так вот, когда Федор Степанович Колычев высадился из поморского судна и впервые ступил ногой на берег Соловецкий, ничего этого в помине не было.

Ни каналов.

Ни мощеных дорог.

Ни садков.

Ни палат.

Ни каменных часовен.

Ни каменных церквей.

Ни мощных стен вокруг обители.

А когда он уезжал с Соловков, все это — за исключением одних только крепостных стен — уже существовало.

Но сейчас речь идет не о том, сколько, чего, как и когда было построено по его инициативе. Важнее посмотреть глазами чужака на соловецкий быт второй половины 30-х годов XVI века.

Первые монахи — преподобные Савватий и Герман — появились на островах за столетие с лишним до Колычева, в 20-х годах XV века. Святой Савватий принадлежал к духовной школе преподобного Кирилла Белозерского, его присутствие у истоков обители протянуло нить между беломорскими «неизвестными» местами и высокой иноческой культурой коренной Руси.

В непролазной чаще выросли келейки, поднялся деревянный крест. Озера давали пресную воду, леса — ягоды и корни, море кормило рыбой. Хлеба тут при первых монахах просто не было, да и позднее с зерном бывали перебои. Огородничество на Соловках получило широкое распространение, но попытки завести пашню, посеять рожь не привели к успеху. Поля быстро забрасывали из-за того, что хлеб не вызревал. А вот рыбы всегда было вдоволь. Да и скотину разводили — в основном ради молока и шерсти. Еще били нерпу и выделяли нерпичью кожу.

С поздней осени до середины весны архипелаг отделен от материка подвижными льдами; трещат морозы, снега наметает во множестве. До Кеми, где располагается ближайшая гавань, около шестидесяти верст. Летом насельников одолевает злой соловецкий комар. Ветры вечно стоят над островами, словно десница Господня крутит ручку машины, испускающей воздушные потоки...

Преосвященный Леонид в мрачных красках описал суровость природы, царящую на шести островах архипелага: «Природа глубокого севера, хотя местами не бедная по своей наружности, вообще скудна в дарах своих, как на материке, так и по островам. Леса Соловецкие непроходимы, глухи; но грубая каменистая почва мало дает питательности растениям, и деревья поднимаются медленно, неровно, засыхают прежде старости, и весьма немногие, и то лишь в середине большого острова, приобретают качества строевого дерева. Многочисленные пресные (исключительно озерные) воды; но немногие из озер обширны, а малые бесчисленные озерки и болота низменных долин лишь отравляют воздух испарениями своих гниющих вод. Нет здесь ядовитых пресмыкающихся; но летний воздух наполнен мириадами несносных мошек. Не бывает чрезмерно жестоких морозов, зато постоянная сырость. Неудивительно после такого очерка, что Соловки (прилежа притом к стране малонаселенной) оставались долго необитаемы».

Да, жизнь тут очень нелегка, и трудно даже представить себе, сколь рискованной и тяжелой она была в эпоху молодости Соловецкой обители.

Но есть в соловецких чащобах и озерах, в извилистых бухточках побережья и плавных всхолмиях срединной земли очарование, которое невозможно до конца передать на словах. Соловки обладают силой непреодолимого притяжения.

Мелководье здесь усыпано островками, и не поймешь, что называть маленьким островом, а что — грудой валунов, едва обросших травой и припущенных кустарником. Голые каменные кругляки торчат из моря, как сточенные зубы.

Иззубренное лезвие берега повсюду выстлано коричневатым пергаментом водорослей. На несколько шагов от полосы прибоя валунные россыпи сплошь покрыты неровными полосками их плоти. Запах морских трав, выброшенных волнами на прибрежные камни, звучит как соло трубы в фортепьянном концерте ароматов моря и леса.

А лес подступает к тем последним пядям, где исчезает пена, принесенная длинными языками прибоя. Тонкие, изломанные стволы деревьев напоминают руки, потянувшиеся из-под земли к небу и раскинувшие ладони листвы. Лес «пляшущий», кривенький и реденький, дальше от берега сменяется более густым, но все еще низкорослым. Деревьям не во что вращать корнями — каменистая твердь запирает им дорогу. Мало почвы, зато воды изобильно: всюду озерки, пруды, болота, наполненные водою торфянистого оттенка. Осенью червонные монетки листвы осыпаются на чернеющую подобно полированному дереву гладь

ручьев... Вода всё быстро меняет, ничего надолго не оставляя в покое. Ручьи прорезают луга и тропы, устремляясь к валунному драже побережья. Бережки озер то дальше, то ближе; лужи перерастают в пруды, потом пруды высыхают, чтобы вновь появиться через пару недель. Болотца, болота и болотища заботливо укрыты периной из трав и мхов, приперчены морошкой, брусникой, черникой.

Березы и ели одеты в пятнистые плащи зеленоватых лишайников, а серые пироги камней затянуты в бархат лишайников светло-коричневых. Редкие луга заросли кипреем, на сумеречных опушках стелется можжевельник в обрамлении вереска. Валуны — гладкие и угловатые, цельные и рассеченные, одинокие и вытащенные человеком из земли, а после того сложенные в кучах, заросшие травкой или лысые — всюду, всюду, всюду. Но камень здесь уютен, он не такой хищный, как в горах, он хоть и холоден, но почему-то выглядит тепло, почти дружелюбно. А над самыми большими камнями поднялись мягкие округлости холмов, будто груди земли...

На всем лежит печать глубокой древности, изначалья, первых дней Творения.

Тишина пятен земли соловецкой, разбросанных по Белому морю, нежна к страннику. Чуть только отойдешь вглубь большого острова, едва стихнет рокот прибоя, и со всех сторон торжествующе подступает она, подбираясь к душе, притрагиваясь к ней шелковыми пальчиками. Никаких посторонних шумов — только стенания ветра, не стихающего никогда, «стоячего»; да шелест колеблющихся листьев, да редкие крики птиц. Над головой — мерно клубящееся серебро низкого неба.

Вглядываешься в тайну Соловков и чувствуешь ответный взгляд, словно прозрачные, хрустальные глаза смотрят на тебя из-за молочного тумана, столь густого, что хоть ладонью режь, смотрят пристально, неотступно, призывая отмыть душу в чистых водах соловецкого рая.

Борис Шергин с пронзительной любовью писал о Соловках: «Уже нету времени, годов, дат живших, умерших поколений... Все то же небо и те же волны, те же белые пески, тот же вечер дует сегодня, что и век назад. Вечность вечно юнеет. И сегодня, сегодня ходко бежит корабль преподобного Савватия по морю Соловецкому...»

Существует две области, населенные русскими людьми, которые воздействуют на воображение с такой неотразимостью, которые способны взять рассудок в плен и зачаровать сердце. Это — Соловецкие острова и Крым. И то и другое место издавна привлекали поэтов и монахов. Здесь с особенной силой чувствуется близость потустороннего, сакрального. Будто

стена, отделяющая земную жизнь от небесной, истончается до состояния прозрачной пленки и дух тянется ввысь... Недаром говорят: «На Соловках Бог близко». Чувствительная натура с благодарностью откликается на такой дар Божий — святую землю, где воспоминание о рае, покинутом людьми, столь свежо и сильно.

Тот же Шергин в тишине Соловецких палестин слышал постоянно звучащий голос Бога: ««Это Я, — говорит Господь, — это Я!..» О неведомом счастье... о неведомой радости без слов молилось сердце в дни юности, там, у светлого моря, когда, забывая о сне, глядел я в жемчужные, таинственные зори белых северных ночей».

Между Крымом и Соловками словно протянута мистическая ось, на которую нанизаны Оптиная и Троице-Сергиева обитель, и вся коренная Русь распрямлена по этой оси, достигая в крайних точках полного выражения своей сокровенной сути...

Где удобнее спастись русскому человеку, устало ищущему Бога, как не на Соловках? Где лучше? Где душе мягче погрузиться в ласковые волны смирения? Почитать за счастье надобно и суровую жизнь соловецкую, и оторванность от Большой земли, и малую населенность, но прежде всего — острое ощущение божественного присутствия, которым пронизана соловецкая природа.

*

В 1435 году Савватий умер, но Герман недолго оставался в одиночестве — скоро он привел на Соловки преподобного Зосиму. Он-то и стал первым соловецким игуменом, при нем появился маленький деревянный храм.

Бедность обители долгое время не позволяла строить каменные сооружения. До 50-х годов XVI века их, видимо, вообще не было на островах. Так что прибывший туда Федор Степанович застал нестройную толпу бревенчатых келий, сгрудившихся у трех деревянных церковок и окруженных невысоким деревянным тыном. Между тем братии в ту пору набиралось до ста человек. А это уже солидное число, даже для Центральной России.

Всюду сушились сети, в лодейных амбарах ремонтировались небольшие суда — карбасы и соймы.

Из небольшого прудика, который впоследствии станет Святым озером, монахи прорыли к морю канал и устроили на нем мельнички.

Спасо-Преображенская церковь была первым и главным храмом обители. При Зосиме и Германе Соловецких возникли также Никольский и Успенский храмы. С тех пор, по всей видимости, новых престолов не появилось, хотя ветхие постройки середины XV века монахи, скорее всего, заменили новыми, сохранив лишь их расположение. При церкви Успения Богородицы имелась большая трапезная. А традиция совместной трапезы указывает на то, что в монастыре соблюдался общежительный устав. Был ли он принят в общине в самого начала, со времен Савватия, Германа и первых лет игуменства Зосимы? Нет фактов, которые бы опровергали или подтверждали подобное предположение. Но, во всяком случае, Федор Степанович попал на Соловки в то время, когда способ жизни многочисленной братии уже окончательно определился. Иноки не могли иметь ничего своего, они трапезовали совместно, а вещи, принадлежавшие монастырю, не переходили в собственность монахов, но лишь использовались ими по мере надобности.

Выше говорилось, что Колычев-младший мог увидеть на месте обители наскоро вырытые землянки да головешки. Это очень вероятно. Местный летописец сообщает: «В лето 7046. В вечер глубок погори монастырь Соловецкой весь до основания».

***Одна из самых ранних карт Соловецких островов. Выполнена
поручиком Васильевым в XVIII веке.***

«В лето 7046» — означает: с сентября 1537-го по август 1538 года. Другой летописец уточняет: 1 мая 1538 года. Если взыскующий монашеской жизни дворянин не увидел бедствующих погорельцев сразу по прибытии, то уж точно увидит их очень скоро. К тому же пожарное разорение обители затянулось надолго: строевой лес был редкостью на архипелаге, так что его не хватало даже на возобновление келий; приходилось доставлять бревна с материка. Так или иначе, великий соловецкий пожар не поколебал решимости странника остаться на островах. Это показывает серьезность намерений и твердость воли будущего митрополита.

В 1468 году новгородские власти даровали небольшой монашеской общине всю землю Соловецкого архипелага. Но братия, хотя и была по внешней видимости богатым землевладельцем, располагала лишь дикими, скудно населенными территориями, а потому жила бедно, много трудилась, и никто не воротил нос от простой черной работы.

Как пишет современный историк, «...чтобы выжить на диком острове, соловецкой братии приходилось много трудиться «ручным делом»: копать землю, валить лес, «сечь» дрова, варить из морской воды соль, ловить рыбу, ходить на небольших судах по бурному и опасному морю, молоть привезенное с материка зерно... печь просфоры и хлеб. Продиктованный суровой необходимостью, этот постоянный и напряженный телесный труд со временем превратился в яркую черту духовной жизни на Соловках. Впоследствии он станет восприниматься иноками как один из аскетических подвигов — наряду с молитвой и постом».

Необходимость для каждого инока «ручного дела» в значительных объемах к 30-м годам XVI века никуда не делась, и Федору Степановичу предстояло познакомиться с ним самым тесным образом.

Каждый, кто хочет стать монахом, проходит в обители своего рода «испытательный срок» — послушничество. У кого-то оно короче, у кого-то — длиннее, и только считанные единицы постригаются сразу после того, как изъявили такое желание. Подавляющее большинство сначала получает опыт жизни в монастыре, неустанных трудов, смирения и самоограничения. Кое-кто, попробовав вкус монашества, понимает, что такая жизнь не по нему. До принятия пострига обитель можно невозбранно

покинуть, отказавшись от иноческой доли. В этом нет греха. Человек тратит время и труд, но этим лишь возвышает душу, насколько может. Кто-то способен перейти на более высокую ступень скоро, кто-то входит в монашество на протяжении многих лет и даже десятилетий, кому-то подобный шаг в принципе не под силу. А для кого-то подвиг благочестивой и честной жизни в миру зачтется в неменьшей мере, чем иноческие подвиги, — когда Высший Судия примется оценивать наши жизни.

Ищущий пострига человек именуется в монастыре послушником. И Федор Степанович Колычев был простым послушником долго. Игумен Алексей (Юренев) поставил его на общие работы, наряду с иными послушниками, никак не выделяя из их числа.

Житие передает этот период его судьбы в нескольких емких фразах: «И тружаяся со всяким усердием... и многие скорби и труды подъял, словно раб, которому не суждено быть выкупленным»^[3]. Он проявил покорность воле настоятеля, жил любовно и смиренно в отношении остальной братии. Отпрыску боярского рода приходилось рубить дрова, копать землю, переносить камни, трудиться на мельнице, выходить в море на ловлю рыбы... По словам составителя Жития, Федор Степанович «...вся таковая со тщанием делаше». От суровых условий соловецкого быта молодой Колычев одно время хворал: у него появился нарыв на плече. Но здоровый организм профессионального воина справился с болезнью.

Далеко не все обитатели монастыря — сущие ангелы. Даже в образцовой монашеской общине попадают люди дурного нрава. От таких новому послушнику иной раз попадало. Конечно, человек, с детства обучаемый для военной карьеры, мог бы дать сдачи, да так, чтобы в следующий раз ни у кого не возникло желания поднять на него руку. Однако боевая выучка — лишний навык в обители. Тут необходимо следовать иным образцам поведения: «...не гневаться от унижения, радоваться битью и терпеть все со смиренномудрием»^[4]. Так поступал и Федор Степанович.

Ему пришлось изрядно поработать руками. Впрочем, русское монашество того времени считало тяжкие труды делом обычным и душеполезным. Конечно, по «особножительным» обителям коротали век старики-аристократы, которые даже в стенах иноческой кельи имели возможность пользоваться всеми преимуществами своего богатства. Они питались и одевались лучше, нежели остальная братия. Они не должны были гнуть спину на помоле зерна, строительных работах или, скажем, на поварне... Однако основная масса иноков жила иначе. Да и светочи нашего

монашества своим примером создали идеал инока-труженика. Многие из них не гнушались приложить руки к простой работе — вплоть до самого Сергия Радонежского, искусного плотника. Вот и молодой Колычев попал в этот ряд. Тот, кому в будущем предстояло повелевать, учился подчиняться, хребтом своим узнавал, почем она, хлебная краюха.

Понимал ли настоятель соловецкий, кого Бог привел к нему в послушники? Знал ли, какого полета птица залетела на Соловки? По всей видимости, Федор Степанович не торопился открывать свое происхождение. Ему все еще грозила опасность быть вырванным из монашеской среды по настоянию родни. Но даже если он и открыл игумену Алексию тайну своего происхождения, тот ни в чем не делал для него исключений.

Любопытно сравнить его с другим знатным дворянином, искавшим монашества в XIX веке. Константин Николаевич Леонтьев, великий ум поздней Российской империи, писатель и философ, попал на Афон, имея искреннее желание постричься. Там его научили «середе и пятнице», погрузили в православный быт, показали все красоты и все труды монашеской жизни. Однако на постриг благословения не дали. Великие его наставники, старцы афонские, мудро сказали ему: рано идешь к нам, справишься прежде с обстоятельствами жизни своей мирской, иначе они тебя из обители вытащат. Константин Николаевич, личность волевая и к тому же большой гордец, не внял совету старцев. Несколько лет спустя он стал послушником в подмосковном Николо-Угрешском монастыре, а через несколько месяцев сбежал оттуда. Верно сказали ему старцы, все вышло по их слову. Возжелав стать иноком, дворянин, привыкший к высокому уровню достатка, пришел в обитель весь в долгах, без копейки. Он терпел холод, бытовую скудость и даже грязную работу... Доконала его грубая пища угрешской братии. Будь у Константина Николаевича немного денег, возможно, он смог бы докупать хорошие продукты, да и приучился бы мало-помалу к простой иноческой трапезе: сначала мешал бы ее с доброй пищей, постепенно урезая ее порцию, а потом и свыкся бы с общим столом. Но деньги в тот момент оказались отняты обстоятельствами жизни мирской. Лишь через много лет, пожив у стен Оптиной пустыни, вволю побеседовав с тамошними старцами, раздав долги, «переменив ум», попривыкнув к самой простой обстановке, Леонтьев принял постриг. Это произошло незадолго до его кончины, но все-таки в могилу лег уже не Константин Леонтьев, а инок Климент. Подобная эволюция в среде «просвещенного» дворянства его времени выглядела почти подвигом...

Федору Степановичу движение к монашеству далось легче. Но не надо

думать, что «легче» означает «легко». Вечное недоедание, холод, сырость, всплески гордыни, тоска по родне, мозоли на руках и абсолютное подчинение монастырским властям — все это он изведal, отказавшись от сытой жизни в окружении услужливой дворни.

Наконец послушнику Федору позволили принять постриг. И более не стало Федора Степановича Колычева. Он умер. Ибо монах для мира — живой мертвец.

Вместо него появился инок Филипп.

И возможность отказаться от «карьеры» в стенах обители совершенно исчезла. Ведь то, что позволительно послушнику, не разрешено монаху. Расстричься для инокa — страшно. Это великий груз на душу.

Но, надо полагать, у соловецкого инокa Филиппа такого желания не возникало. Этот человек не знал великих служб и не добился высоких чинов, зато в монашестве поистине расцвела его душа.

Попытаемся точнее определитьcя с датой его прибытия в обитель.

Житие говорит о его жизни на Соловках следующее: послушничал Федор Степанович «лето и пол и вяцьше». Итого получается менее 24 месяцев, но более 18. В другом месте названа еще одна цифра: до принятия игуменского сана^[15] он провел в монастыре девять лет. Тут нет никакой неопределенности, всё четко и не дает повода для разночтений: «Минувшим убо девятим летом за премноего его терпение и благоразсудительство благословляет и молит его того монастыря игумен Алексей на свое место игуменом». Или, иначе, то же самое: «Служащу же сице Филиппу благоразумнее же и богоугодне девять лет, молитвы же и благословения отча насыщался».

Здесь имеет смысл обратиться к подсчетам преосвященного Леонида. Если принять его логику, то получится, что Колычев явился на архипелаг во второй половине 1537 года, но до поздней осени. Тогда из послушников он перешел в монахи в 1539 году. С учетом девяти лет иночества в настоятелях он оказывается в 1548 году. Именно такой вывод сделал владыка Леонид.

Но до наших дней дошли две грамоты из монастырского архива, относящиеся к 1546 (!) году. Одна из них была составлена 4 июля, а другая — 13 июля. Первая начинается словами: «Се яз, Ефросинья Прокофьева дочь, а ивановская жена Корельского, дала есми всемилостивому Спасу честнаго его Преображения, Пречистыя Его Матере и угоднику чюдотворцу Николе и преподобным отцам начальникам Соловецким Зосиме и

Савватию и чудотворцем в дом на Соловки в монастырь^[16], а игумену Алексею (курсив мой. — Д. В.) з братьею две обжи земли, мужа своего владенье Ивана...» А вот начальные строки второй грамоты: «Се яз, Данило Кирилов сын, продал есми треть двора своего Соловецкого монастыря игумену Филиппу (курсив мой. — Д. В.) з братиею...» Следовательно, в июле 1546 года скончался настоятель Соловецкого монастыря Алексей (Юренев), и его заменил на игуменстве Филипп.

Вся стройная хронология владыки Леонида ломается. Если отсчитать от 1546 года девять лет, получится 1537-й (даже если предположить, что составитель Жития не углублялся в подсчеты месяцев, выйдет в лучшем случае первая половина 1538 года). Но как тогда мог Федор Степанович провести в послушниках более полутора лет? Выходит, он оказался на острове гораздо раньше, до мятежа князя Старицкого, а направился туда аж в 1536 году, то есть еще до достижения тридцатилетия, что явно противоречит тексту Жития^[17].

Но, возможно, срок послушничества соединен автором Жития со сроком иночества. Собственно, таков единственный выход из цифровой головоломки. Тогда девять лет представляются суммой полутора с небольшим лет и семи с небольшим лет^[18].

Итак, время прибытия Колычева на острова — 1537-й или в крайнем случае первая половина 1538 года (тогда в пастухах или скотниках у Сидора Суботы Филипп мог провести несколько месяцев). Таким образом, постригся в иноки он в 1539-м или же в самом начале 1540 года.

Наставничество над новопостриженным иноком игумен Алексей отдал «...монастырскому духовну^[19] и знаменоносцу старцу священноиноку Ионе, зовому Шамше (Шамину. — Д. В.)». Иеромонах Иона Шамин был одним из светочей обители, вторым человеком после самого настоятеля, уставщиком братии. Он назван в Житии «сопричастником» преподобного Александра Свирского, одного из величайших учителей русского монашества в XVI столетии. Александр Свирский скончался в 1533 году, его выученик должен был помнить всю ту премудрость монашеского делания, которую преподавал ему блистательный учитель. Через него к Филиппу, «новоуку» в монашестве, протянулась нить от знаменитого подвижника. Как свидетельствует Житие святого Александра Свирского, основателя Троицкой обители под Олонцом, ему являлась Богородица, а также Пресвятая Троица — как в библейские времена праотцу Аврааму, в виде трех ангелов. Наставничество свирского

подвижника вывело к духовным подвигам нескольких святых, основателей монастырей. Иона Шамин не столь известен, как, например, преподобные Адриан Андрусовский, Афанасий Сяндомский или Макарий Оредежский, но школу он проходил ту же. Соловецкая община сохранила старинное предание, согласно которому Иона Шамин удостоился чудесного посещения Соловецких чудотворцев.

Таким образом, Филипп получил очень хорошего наставника, обладавшего бесценным духовным опытом.

Иона Шамин взялся за молодого монаха основательно. Под его духовным водительством Филиппу пришлось пройти исключительно трудный путь. Наставник учил его благочинию и смирению, чтобы он запомнил до самой смерти главное правило иноческого быта: дни надо проводить в трудах и постах, а ночи — без сна, в молитве...

Именно этих благ искал когда-то Федор Степанович Колычев — и получил их теперь сполна. Строгость наставническая — норма в обращении с начинающим иноком. Но для Филиппа это была еще и желанная норма. Очевидно, он имел склонность к тому, что другим давалось с большим трудом.

Прежде всех духовных усилий на Филиппа сваливаются тяжкие физические труды — горше прежних, которыми нагружал его игумен Алексей в послушничестве. Соловецкая обитель для абсолютного большинства монахов оборачивалась той стороной, которая очень далека от идеального скитского жительства, описанного в трудах преподобного Нила Сорского. Там главным делом инока показан труд молитвенный. А обычным делом для соловецкой братии был иной труд — современный мирянин иначе как каторжным его не назовет. Между тем всякому островному монаху следовало и молитвенником быть неустанным.

Иными словами, рукам Филиппа и хребту его вновь досталось полной мерой. На протяжении нескольких лет он работает в поварне, потом его направляют в «пекольную» (пекарню). Инок таскает воду, тягает дрова, топит печи. Именно ко времени послушания Филиппа по соседству с хлебопеками относится одно монастырское предание, глубоко укоренившееся в среде соловецкого монашества. Старинная история, вошедшая во многие церковные издания, сообщает о том, как инок Филипп обрел за печью чудотворный образ Божией Матери; икона хранилась в обители под именем Богородицы «Хлебной» или «Запечной», но в советское время исчезла^[20]. Однако Житие ничего не рассказывает об обретении Богородичного образа, а монастырское предание было записано в позднее время; бог весть, сколько в нем правды.

Молитвенник из Филиппа тоже вышел изрядный. Житие хвалит его за искусство в «соборном пении».

Братия проявляла к нему самые добрые чувства: «...бысть всеми любим, и почитаем, и хвалим». Очевидно, инок Филипп заработал в общине высокий духовный авторитет. Только тогда, по прошествии нескольких лет после прибытия на Соловки, он взялся за первый монашеский подвиг.

Филипп проявлял склонность к молчаливости. Однажды он решил, что суровой жизни в стенах обители ему мало; он освоил всё, чему мог обучить Иона Шамин; теперь он желал испытать свои силы на ином пробном камне. Он уходит от братии, чтобы поселиться в лесу, в нескольких верстах восточнее монастыря. Здесь, в одиночестве, в полном молчании, Филипп ведет «крайне жестокое житие», изнуряя себя всеобщими молитвенными стояниями, а вместо подушки использует камень.

Состояние пустынничества ни в коей мере не равняется простому отдыху от шума общежительного монастыря. Уединившийся инок сосредоточивается на молитве и богомыслии, очищает ум и сердце от скверны, отыскивает тайные двери, через которые проникают в его сознание соблазны, и затворяет их. Он вырывает из собственной души глубоко укоренившиеся, ставшие частью личности искушения и тем приближается к Богу. Для подобной «чистки» необходима покаянная честность перед самим собой и концентрация воли.

В наши дни участок леса, где четыре с половиной столетия назад подвизался инок Филипп, именуют «Филипповой пустынью» или, иначе, «Иисусовой пустынью». Основанная в XVI веке, она до нынешних дней особо почитается на Соловках как место молитвенного уединения^[21]. Правда, от деревянной келейки инока Филиппа ничего не осталось.

По монастырскому преданию, именно здесь Филиппу явится окровавленный, израненный Спаситель в терновом венце, каким он был после поругания, побоев и мук. Видение Иисуса, быть может, несло в себе пророческое знание о будущем унижении, страданиях и гибели самого Филиппа. На этом месте появится вода из земли, тут выкопают колодец и поставят часовню. Но все это произойдет спустя много лет после того, как инок впервые отправился в лес ради аскетического делания.

Духовный писатель XIX столетия архимандрит Мелетий указывал: «... в 1856 году на расстоянии 28 аршин от этой часовенки, построена деревянная на фундаменте из дикого камня крестообразно церковь во имя Живоначального источника. Внутри храма посредине церкви находится св.

кладезь, вода из коего верующим подает исцеление. По входе во храм направо на доске подпись следующего содержания: «Святитель Филипп, будучи игуменом Соловецким, любил удаляться сюда по временам на молитву; незадолго перед тем, как он имел быть избран в Митрополита всероссийского, на молитве явился к нему Иисус Христос в терновом венце в оковах. Униженный, обагренный кровию с ранами на теле, в таком виде, как он после поруганий и биений перед судилищем Пилата, введен был в темницу; на месте этого явления брызнули из земли струи чистой ключевой воды. В память этого чудесного прославленного явления, бывшего на сем месте в 1565 году, св. Филипп поставил здесь часовню. Устроил из дерева и изображение Иисуса Христа, в подобии им виденном, и где вода брызнула из земли, там ископал колодезь, оставил здесь и камень, который был ему возглавием и заповедал хранить. Устроенное св. Филиппом поддерживаемо было настоятелями свято 300 лет»^[5]. Однако это предание не вошло в Житие, да и записано было довольно поздно, в XVIII или даже XIX веке. Трудно судить, насколько оно достоверно. Во всяком случае, деревянное изображение Спасителя, которое хорошо знали паломники позапрошлого века, появилось тут гораздо позднее времен Филиппа.

Многие иноки, зная о духовных подвигах давних своих предшественников, берутся повторить их и превзойти: принимают обет молчания на долгий срок, пытаются уйти в затвор, поселиться в чащобе или даже юродствовать Христа ради. Но далеко не у всех из этого выходит что-либо путное. Некоторые просто не выдерживают и сдаются. Другие берутся за дело, к которому они внутренне не расположены, из тщеславия, и ничего не приобретают этим для души. Кто-то старается напоказ; таким «молитвенникам» приходится испытать на себе насмешливое отношение братии. Наконец, настоятель монастыря или старец-наставник может просто не благословить на подобные действия, видя, насколько человек несерьезен, насколько он еще не дорос до аскетических трудов. А то, бывает, дав вначале благословение, игумен быстро останавливает тех, кто берет на себя груз не по силам.

К тому же по воззрению, распространенному в иноческой среде, тот, у кого лежит душа к особенным подвигам, привлекает пристальное внимание сил враждебных, нечистых. К такому монаху подступают бесы, ему приходится держать духовную оборону от их нападков со всех сторон. Сложно тут не соблазниться, не впасть в прелесть.

Истинный подвижник, прежде всего пустынный — большая редкость в иноческой среде, причем не только сейчас, но и в древности.

Филипп явно удалился на длительный срок не без благословения

наставника, всё выдержал и вернулся в киновию^[22], завоевав всеобщее уважение. Сколько времени он провел в уединении, неизвестно. Житие говорит о годах его пустынножительства. Но уединение на острове неподалеку от большого монастыря не может быть полным. Очевидно, к нему заходили другие иноки, возможно игумен и старцы, смотрели за благочинием и честностью его жизни, оценивали. Аскетические усилия, если предпринимаются они с прозрачной душой и прямой верой, воздействуют на монаха так же, как на металл воздействует процесс закалки: шлаки, дурные примеси уходят, остаются лишь чистота и прочность. Опытные братья Филиппа по соловецкой общине, очевидно, следили за изменениями, происходившими с его личностью, и вынесли доброе суждение. Это — не тщеславие, не торопливость духа, не самонадеянность экзальтированного неопита. Это — *настоящее*.

Вернувшись в общину, Филипп спокойно вошел в стихию повседневных трудов. Теперь за ним признавалось право высказывать суждения по важным предметам иноческой жизни, и к словам его прислушивались. Вскоре настоятель сделал Филиппа своим «споспешником», иначе говоря, помощником, доверенным лицом. По словам Жития, «...видя же его игумен Алексей тако превосходяща подвиги, и чудна смыслом и разсудительна суца, и смирением украшена многим и мужественна в деланиих добродетельных, радовашеся о нем зело, и спомощника и содельника имяше его во многих служениих и попечении, о начальных службах устроить ему повеле».

Вероятно, после возвращения из лесной кельи Филипп поднялся на высшую ступень монашества — принял великую схиму^[23]. В дальнейшем Житие именует его старцем.

Соловецкая братия видела в Ионе Шамине Божий дар пророчества. Одно из его пророчеств касалось ученика. Всмотревшись в Филиппа духовным взором, Иона Шамин сказал: «Он будет настоятель во святой обители сей».

Так и вышло.

Глава третья

ИГУМЕН

Соловецкий настоятель Алексей постепенно изнемогал под грузом лет и нездоровья. Ему всё труднее было справляться с многочисленными обязанностями главы большого монастыря. Он надеялся передать игуменский сан Филиппу, прекрасно показавшему себя в «начальных службах», уважаемому братией, прожившему в обители девять лет, а передав, до скончания века жить «особно», отдыхая от трудов.

Но Филипп совсем не желал настоятельской власти. Создалась ситуация, крайне неприятная для обоих.

Алексей, как сообщает Житие, «благословляет и молит» Филиппа «на свое место игуменом». Слово «молит» в данном случае надо понимать как «умоляет», то есть настаивает и упраскивает Филиппа принять сан против его собственного желания.

Тот отказывается и, видимо, проявляет большую твердость.

Тогда игумен собирает всю братию и обращается к ней: «Меня старость к земле клонит и мучают недуги, так скажите же, кого хотите видеть в настоятелях после меня? Кто будет благоуправно окормлять вас, когда я уйду?» Никто не высказал мнение, что есть более достойный преемник Алексею, чем инок Филипп. Его хвалят за большой разум, духовные знания, способность к наставничеству. Алексей пожимает плечами: «Как мне с вами не согласиться? Думаю о том же». Он рассказывает всей общине о нежелании Филиппа принять власть над обителью и просит монахов обратиться к нему всем миром. «Потом же и вся о Христе братия молят его, дабы повинулся игуменскому благословению и не презрел моления их, еже правити святое место и пещися о спасении братства. Видяху бо его вси всеми добродетельми украшена и могущи спасти словесныя овца. Он же отрицашася такого начинания».

Инок Филипп упорно отвечал всем: «Я недостойн».

Только после того, как игумен приступил к нему с суровыми словами и повелел принять сан под угрозой наказания, Филипп вынужден был согласиться.

Откуда столь упорное сопротивление?

Дело явно не только в скромности Филиппа. И даже не в том, что он с

большими усилиями переделал себя, обратясь из блестящего дворянина в аскета, молчальника, образцового монаха. Конечно, совмещать игуменские обязанности с тем способом жизни, который он избрал себе, невозможно. От внутренней сосредоточенности, от концентрации на молитве и богомыслии пришлось бы надолго отказаться, чтобы блюсти жизнь всей братии. Но только ли в этом причина? Филипп — инок, солдат духовной армии. Начальник его, настоятель, велит ему принять игуменство. Изложив резоны своего нежелания и все-таки услышав повторный приказ, *уместно повиноваться*. Прочее же выходит за пределы норм монашеской жизни.

Житие вкратце приводит смысл речей Филиппа, обращенных к Алексию: «Не желал он принять начальственное положение на себя и отвращался от власти как от великой тяготы. Он в большей степени хотел повиноваться, нежели наставлять иных. Ибо знал блаженный, что для спасения легче и удобнее наставляться от других, чем самому наставлять»^[6].

Филиппа признавали пригодным для наставничества. Если так, то он уже проявил себя в подобного рода деятельности — братии было по чему судить. Но тут Филипп отрекается от роли наставника, отрекается с необыкновенным упрямством. Для его согласия требовались прошение всей братии и угроза игумена.

Как видно, дело в том, что сам Филипп уже задумывался об игуменстве на Соловках, примерил на себя новые тяготы и увидел ясные резоны для отказа. Для *твердого* отказа. Каковы же они?

Вся последующая деятельность Филиппа на игуменском месте *резко отличается* от того, как руководили Соловецким монастырем его предшественники. Он, будучи в миру богатым помещиком, имея опыт управления большим хозяйством, видел возможность и благодать перемен, какие требовалось произвести в обители. Видел также *масштаб* необходимых нововведений. Знал, что способен справиться с этой работой.

Но столь же хорошо понимал Филипп, с каким противодействием придется ему столкнуться.

Соловецкая братия привыкла к определенному укладу жизни. Хорош он или плох, благи или дурны перемены, а привычка производит давящее действие на умы людей. Филипп мечтал сломать старый тихий уклад *выживающего* монастыря и превратить обитель в *процветающую*, обеспеченную всем необходимым, украшенную величественными храмами.

Однако братия-то не могла заглянуть ему в мысли и не знала, каких способностей он человек. Филипп, всю жизнь утверждавший дух евангельской любви, предвидел шатания среди соловецких иноков,

прозревал раздоры и сомневался: да стоит ли ради великих целей поколебать добронравный мир в общине? Не лучше ли та размеренная любовь, пронизывающая скромный быт иноков, чем новая жизнь, в основу которой ляжет непокой?

Потому и отказывался столь долго — добр был к другим, склонялся к тому, чтобы себе отказать в совершении больших замыслов, лишь бы не утеснять братию.

Но в конечном итоге Филипп отступил, покорился тому, к чему вел его сам Господь. Дальнейшее сопротивление было бы странно и даже неприлично.

Теперь иноку Филиппу, нареченному игумену, предстояло ехать на материк для поставления в сан у архиепископа Новгородского. Братия избрала сопровождающих, казначей выдал немного серебра на расходы, и монастырский карбас, приняв группу людей в бедных рясах, со скудными харчишками в дорожных мешках, отправился в плавание «на полдень». Игумен, крестя на прощание Филиппа, со вздохом напоминал: «Просите у владыки милостыню... Хлеба нам не хватает».

Сам Алексей не решился покинуть обитель. Как видно, ему не хватало здоровья для трудного плавания и длинных пеших переходов.

В ту пору на новгородской кафедре пребывал архиепископ Феодосий, занявший ее после перехода мудрого книжника Макария на митрополию.

Феодосий смотрел на Филиппа с недоверием. Почему не явился сам игумен? Одобрил ли он возвышение этого человека? Да и кто он таков, никому не ведомый на Большой земле инок Филипп? Говорят, из бояр... Да лукавый ли его видел, из каких таких он бояр!

Но посланцы братии, пришедшие вместе с Филиппом, подтвердили: «Владыка святой, молит тя собор Соловецкия обители, да поставиша нам во игумены посланного с нами старца Филиппа».

При Феодосии Соловецкая обитель уже слыла крупной и важной. Допустить на игуменство малограмотного человека было бы неправильно. Давний предшественник Феодосия по новгородской кафедре, архиепископ Геннадий, за несколько десятилетий до того жаловался горько: приведут к нему прихожане человека для возведения в поповский сан, а он едва бредет по Псалтыри. Как доверить такому приход? А тут не простой приход, а прославленный монастырь. Нужно подходить с разбором.

Архиепископ расспросил о Филиппе в подробностях, но не услышал ничего худого. Тогда владыка высказал желание побеседовать с ним особо.

Явившись на испытание, Филипп смиренно приветствовал Феодосия

глубоким поклоном. Тот благословил его и усадил, а вслед за тем принялся проверять познания соловецкого выученика в Священном Писании. Филипп, человек книжный, отвечал «вся по ряду», не допуская ошибок. Морщины на лбу владыки понемногу разгладились — он понял, что соловецкая братия привела к нему достойного преемника старому Алексию.

С легкостью в сердце Феодосий поднялся из епископского кресла и велел позвать приехавших с Филиппом иноков. Когда тех привели, владыка сообщил им, что нашел присланного старца «искусна суца» в духовных знаниях и «могуца паствити словесное стадо». На глазах у ликующих посланцев соловецкой братии Феодосий совершил поставление Филиппа в сан. Закончив обряд, он обратился к монахам, которые с этой минуты должны были повиноваться новому игумену: «Се отец ваш! Имейте его во Христов образ! Со всяким послушанием покоряйтесь ему!»

Добрая слава Соловецкой обители давно долетела до Новгорода. Прознав о том, что в городе находится новый игумен тамошней монастырской общины, богатые новгородские «христороубцы» явились к Филиппу и наделили его богатыми дарами. Иноки, сопровождавшие его, радовались: полегчает братии, не так сильно будет мучить голод. Однако сам новопоставленный игумен выглядел, к их удивлению, опечаленным. Серьезный разговор он отложил до возвращения на «зачарованные острова». В Новгороде он терзался мыслью: большой монастырь живет в горькой нищете, и невозможно разобрать, от чего в быту иноки отказываются во имя любви к Христу, а от чего — лишь по причине хозяйственной скудости. Много ли в том хорошего?

Филипп все больше утверждался в намерении изменить сам уклад соловецкой жизни.

После того как «посольство» к новгородскому владыке вернулось домой, произошел странный и даже загадочный эпизод в жизни Филиппа. Как ни вчитывайся в Житие, все-таки не найдешь достаточного объяснения случившемуся.

Сначала все идет так, как и предполагали Алексей с братией. Филиппа с великой честью встречают все монахи со старым настоятелем во главе. Он дает Алексию ставленную грамоту, полученную в Новгороде, и утверждает в игуменском достоинстве. Войдя в церковь, Филипп творит ектенью^[24] за государя Ивана Васильевича и произносит проповедь. Затем, отслужив литургию, Филипп причащается. Иноки соловецкие, принимавшие Святое причастие из его рук, говорят друг другу, что у нового настоятеля поистине ангельское лицо...

Вопреки доброму началу происходит нечто необъяснимое. Житие не указывает, как скоро после возведения Филиппа в игуменский сан совершился этот поворот: минуло ли несколько дней или, может быть, недель, месяцев. Но суть его такова: приняв «старейшинство», Филипп скоро отказывается управлять братией; иными словами, он пренебрегает прямыми игуменскими обязанностями. Что за невидаль — он оставляет игуменство, а монахам велит управляться собственным разумением! Вместо него иноки возводят в настоятели старого Алексия. Тот поневоле перенимает «старейшинство», повинувшись желанию общины.

Автор Жития причиной такого поведения Филиппа считает благочестие. Его больше интересовал духовный подвиг, привычнее были телесные труды, нежели «человеческая хвала»; он предпочитал смирение и безмолвие. Но ведь до путешествия к Новгороду и обратно Филипп успел отказаться от безмолвия и уединенных духовных подвигов. Подчинился же он, в конце концов, требованию Алексия! Откуда взялся «рецидив»? Да еще какой!

Филипп ушел из обители и поселился на том месте, где раньше предавался аскетическому деланию. Отныне в монастырь он являлся только в те поры, когда хотел причаститься.

Алексий явно не желал отпускать его. «И бысть промеж ими моления много, друг друга понужаху. И повинуся Алексий Филиппову молению», — трудно сказать тактичнее о крайне сложной ситуации. Более того, соловчанам опять пришлось посылать в Новгород за благословением архиепископа — на сей раз на возобновление игуменства Алексия. И Феодосий, наверное, долго не мог прийти в себя от удивления. Совсем недавно его упрашивали возвести в сан нового игумена, а тут молят вернуть старого — вот так притча!

В истории русского иночества и прежде бывали случаи, когда настоятель оставлял обитель, положив пастырский жезл. Так, сам преподобный Сергей Радонежский покинул Троицкий монастырь, увидев ревность к своей настоятельской власти и ропот иноков на строгость устава. Впоследствии, опамятавав, братия призвала его назад. Вероятно, и Филиппов очередной уход в пустынножительство объясняется разладом в общине.

Надо полагать, новый игумен собрал монахов и объяснил им, какими преобразованиями хочет заняться. Сила привычки на первый раз победила: сомнения иноков, их колебания или даже прямое неприятие планов Филиппа огорчили его. Спорил ли он? Убеждал ли в своей правоте братию, обязанную «со всяким послушанием покоряться» — кто знает? Однако в

конце концов он сделал так, как диктовала его душевная склонность.

Филипп не хотел разрушать дух любви, царивший в обители. Ему легче было вновь проститься с собственными затеями, чем оказаться у истоков большой свары. Он уступил. Он ушел — и, надо полагать, жил спокойно, ничуть не надеясь на перемену ума соловецкой братии. Напротив, скорее радовался: ему удалось сохранить покой любви в сердце своем, не расшатать его в других людях и уберечься от власти. Теперь он жил так, как ему нравилось...

Филипп никогда, ни при каких обстоятельствах не проявлял властолюбия — даже в самых ничтожных дозах. Он трудно принимал начальственные полномочия и легко отказывался от них. Пастырское бремя было тягостью, которую он водружал на свои плечи лишь по принуждению. Этот соблазн его не беспокоил — как видно, Филипп ясно видел природу душевной порчи, от него происходящей. Соловецкий выученик, он мог размышлять о лучшем устройстве обители, а потом и о лучшем устройстве всей Русской церкви, но... начинал пользоваться властью как инструментом для воплощения своих идей не прежде, чем сам Господь передвигал его неподъемную, каменную фигуру на иное место. Сам он стремился в монахи, а став монахом — в пустынники. Поднимаясь выше, Филипп чувствовал себя неуютно. Власть, в том числе и высшего пастыря Русской церкви, оказалась для него тяжелейшим послушанием из всех возможных. Пока можно было не «впрягаться» в него, он избегал этой душевной муки; но Бог готовил для него новый воз и новую упряжь. Всякий раз Филиппу приходилось покоряться.

Игумен Алексей, правивший обителью, страдая от постоянного нездоровья, скончался. Лишних полтора года ему пришлось нести на своих плечах бремя власти над монастырем — от удаления Филиппа в пустынь до самой смерти. Теперь, когда прежний игумен покинул мир земной, а в пределах получаса ходьбы от обители жил новый настоятель, отправлять к владыке Новгородскому посольство, чтобы тот поставил в сан *еще одного*, братии было крайне неудобно. К тому же, как видно, идеи Филиппа нашли немало сторонников. Поэтому после кончины Алексея иноки «... сотвориша совет благ, начаша молити Филиппа, да старейшинствует над ними и окормляет добре живот их».

Помня о старом опыте краткого игуменства, Филипп повиновался им «нехотя». Он понимал: тихая пустынножизненная жизнь для него окончена. Настало время засучить рукава перед большими трудами да готовиться к сопротивлению недовольных.

Быть может, Филипп в очередной раз отказался бы от начальственного

положения. Но Алексей, предполагая такой шаг, незадолго до смерти призвал его к себе и благословил на игуменство^[25]. Видно, не нашел старик среди монахов соловецких никого более подходящего на эту роль. Отказать умирающему настоятелю в исполнении последней воли или тем паче обмануть его — вот уж был бы великий грех!

Итак, Филипп становится настоятелем. Теперь нет ему возврата. Он честно понесет этот груз и будет выдерживать его тяжесть на протяжении двух десятилетий.

Самое время остановиться и уточнить хронологию жизни Филиппа в Соловецкой обители. Твердо известно, что в июле 1546 года он окончательно утвердился на игуменстве, а настоятель Алексей отошел в мир иной. С этого момента Филипп руководит монастырем непрерывно. Лишь летом 1566 года «хозяин Соловков» сойдет с игуменства, чтобы взойти на митрополию.

Но и прежде, до возвращения к пустынножительству, Филипп какое-то время провел в роли настоятеля. Если верить Житию, устранение его от дел длилось около полутора лет. Отсчитав 36 месяцев от июля 1546 года, получим январь 1545 года. И действительно, известны иконы с четко определенной датой их создания: конец 1544-го — середина 1545 года; сделанные на них надписи говорят о том, что иконописцы закончили работу в игуменство Филиппа. Следовательно, в период примерно с осени 1544-го до начала 1545 года он являлся настоятелем Соловецкой обители. До наших дней дошла Псалтырь Ионы Шамина, где обнаруживается приписка: «Лета 7054 сентября (1545) игумен Филипп Колычев игуменство оставил, а Алексей Юренев — на игуменство». Вероятно, в мае 1545 года, когда установилась навигация, братия отправила гонцов к владыке Новгородскому, чтобы он опять утвердил в настоятельстве Алексея, и гонцы вернулись с положительным ответом к сентябрю.

Впрочем, есть два соображения, как будто уточняющие эту датировку. Во-первых, соответствующее место в Житии оставляет впечатление краткости первого игуменства Филиппа. Он не совершил никаких значимых поступков, когда игуменствовал первый раз. Во всяком случае, Житие ничего не сообщает о них, говорит лишь о его добродетельной жизни. Да и какие-либо грамоты с упоминанием его имени до 1546 года не дошли до наших дней. Скорее всего, настоятелем Филипп был недолго. Во-вторых, по условиям навигации на Белом море монахи вряд ли позже октября могли пуститься по водам в обратный путь от владыки Новгородского. Если учесть время, потраченное на дорогу от Великого

Новгорода до беломорского побережья, а также необходимый его запас, предусматривавшийся иноками, опытными в плавании под парусом и привычными к капризам природы, выходит: Феодосий поставил Филиппа в сан не позднее лета 1544 года.

В Соловецком летописании встречаются и более ранние даты (1542 год), но они маловероятны. Это, по всей видимости, ошибка писца.

Историк Владимир Буров предлагает несколько иную хронологию. В частности, он пишет: «Время первого игуменства Филиппа было определено нами на основании анализа документов — не ранее февраля 1543 г. по сентябрь 1545 г.». Возможно, в распоряжении Бунова имеются до сих пор не опубликованные документы. Однако игуменство Филиппа в летние месяцы 1545 года крайне маловероятно — это противоречит данным Жития: в таком случае не набирается полутора лет повторного игуменства Алексея до июля 1546 года. Что же касается предлагаемой мною даты — лето 1544 года, — то она, естественно, также вписывается в обозначенные рамки «не ранее февраля 1543 г.». Пока не видно оснований, по которым начало первого игуменства Филиппа можно было бы отнести к столь раннему времени. Остается надеяться, что В. Буров обобснует свою датировку документально.

Филипп начал на Соловках грандиозное строительство, полностью изменившее облик монастыря, его роль в жизни Русского Севера и образ жизни братии. То величие обители, та роскошь ее архитектуры, которые в наши дни привлекают на острова тысячи туристов и паломников, уходят корнями к игуменству Филиппа.

А началось всё с возведения каменного храма Успения Богородицы взамен старого, деревянного.

Для этого весь монастырь должен был на протяжении нескольких лет предпринимать усилия, которые иначе как подвижническими назвать нельзя. Житие сообщает о сооружении Успенской церкви немного. В 7060 (1551/1552) году, посоветовавшись с братией, Филипп начал строительные работы. Игумен пригласил новгородских зодчих во главе со знатными мастерами Игнатием Салкой и Столыпой. О первом из них шла добрая слава — мол, «горазд и мудр церковному делу».

Великая «страда» длилась около пяти лет. В 1557 году Успенский храм был возведен и отделан как подобает. 15 августа Филипп освятил его. «На полатех» церкви соловецкий настоятель велел устроить особый придел, освященный в память Усекновения главы Иоанна Предтечи. К весьма значительной по размерам хоромине пристроили каменную трапезную для

братии, келарскую палату (склад), большой хлебный погреб, «...и иные многие службы монастырские благостройни бяху». Здесь пекли хлеб, здесь же стояли печи, предназначенные для обогрева трапезной и самой Успенской церкви.

Многие поколения насельников Соловецкого монастыря восхищались древнейшими каменными постройками. Трапезная «об одном столпе, чудна и светла, и превелика, величеством внутри 12 сажен». А сама Успенская церковь казалась истинным чудом в столь отдаленном от богатой коренной Руси месте, как Соловецкие острова. Составитель Жития писал о ней через много десятилетий после того, как она вознесла крест над скудными землями архипелага: «пречюдна и велика»!

Старомосковская цивилизация разработала оригинальную систему картографических обозначений. Известны русские чертежи, восходящие к XV столетию. В монастырском архиве когда-то хранились древние чертежи XVI века, подписанные игуменом Филиппом. Он сам, помимо новгородских зодчих, принимал участие в проектировании храмов и палат.

Новгородцы в основу всего большого здания, объединявшего Успенский храм с приделом, трапезную и келарскую палаты, положили огромные валуны. «Дикий камень» — единственный строительный материал, коим изобилуют Соловецкие острова. Кирпич тут всегда — вплоть до наших времен — был в дефиците, строительного леса не хватало катастрофически, а вот валунов — сколько угодно! Над валунным основанием поднимается кирпичная кладка. Общее впечатление от всей постройки — мощь, крепость, колоссальная прочность. Успенский храм имеет суровый вид: весьма толстые, несколько неровные стены, редкие и небольшие оконца, мощные, ассиметрично выложенные лопатки^[26]. По старинному северному обычаю на западной кровле храма зодчие устроили звонницу (ее давным-давно уже нет)^[27]. Так когда-то любили делать по всей Руси, и даже в Москве сохранилась Трифоновская церковь конца XV века со звонницей на кровле. Лишь позднее звонницы уступили место колокольням.

Что же на Соловках сохранилось от времени Филиппа?

Во-первых, трехглавие Успенской церкви. Три «луковицы» на невысоких барабанах поставлены в один ряд — чтобы с моря, от бухты Благополучия, всякий мореход, прибывающий в монастырскую гавань, видел их: первую — поменьше, среднюю — выше, крупнее и, наконец, третью, равную по размеру первой. Могучая крепостная стена вокруг обители появится лишь в 90-е годы XVI столетия. Поэтому при игумене

Филиппе три главы Успенской церкви ничто не загораживало от восхищенных взглядов. Большие русские лодии старомосковских времен ходили под парусами, поставленными на трех мачтах, среди которых средняя, естественно, возвышалась. Вся жизнь Беломорья была крепко просолена бытом моряков, дальними плаваниями, борьбой с бурями и нелегкой рыбацкой работой. Так кому же мог показаться непонятным символ корабля, сокрытый в Успенском храме Соловецкого монастыря? Как лодия идет по штормовым волнам, порой зачерпывая соленую водицу, теряя паруса, вздымая нос навстречу грозному валу, так и корабль иноческий плывет по океану страстей, подчиняя духовному искусству мореплавателей неверную стихию жизни. Всякий видел: такие же люди находятся внутри обители и за ее стенами, ходят они на своих судах под своими парусами, только одни вылавливают рыбу, а другие спасают души, «словесным неводом» вытаскивая их у бесов из-под носа...

Во-вторых, сохранилось расположение хозяйственных построек. Катастрофический пожар 1538 года братия восприняла одновременно как урок духовный и хозяйственный. Тогда сгорели храмы, а вместе с ними трапезная, служившая местом собрания иноков — не только для еды, но и для решения важных вопросов сообща. Превратились в пепел склады с богослужебным имуществом, одеждой, продуктами, хозяйственными припасами. Филипп знал: строительство приведет в обитель множество людей, привлечет и новых иноков. Он рассчитывал избавить монастырь от огненной беды — теперь она ударила бы по умножившимся насельникам намного больше, чем раньше. Строительство каменной церкви вообще стало возможным лишь с изменением всего экономического быта Соловков. Дальновидный игумен понимал неизбежность больших перемен, а потому готовил братию к новым условиям жизни. Появление огромной трапезной и значительных служебных помещений было частью большой программы экономических преобразований.

В-третьих, именно Филипп дал имя новой церкви. Игуменский сан делал наречение храма обязанностью Филиппа. В Соловецкой обители почитали всего более Спасителя, Богородицу, святого Николая. «Чудотворца Николу» вообще любили в Поморье и часто обращались к нему за помощью. А потому и храмов Никольских построено по берегам Белого моря великое множество. Моряки считали его своим главным заступником после самого Христа. В первые годы игуменства Филиппа монастырь располагал тремя деревянными храмами: Спасо-Преображенским, Успенским и Никольским. Почему Филипп выбрал именно Успенскую церковь для последующего обращения в каменную?

Причин тому могло быть несколько.

Игумен мог исходить из чисто утилитарных соображений. Спасо-Преображенский собор играл роль главной церкви монастыря, к тому же крупнейшей по размерам. Филиппу могло показаться рискованным делом — браться за столь значительную работу без опыта. Никольский храм, напротив, был скромных габаритов, а потому не соответствовал величию замысла настоятеля. Храм Успения подошел, видимо, по той причине, что был не слишком мал и не слишком велик... А может быть, и того проще: в описи 1549 года Успенская церковь отличается от двух прочих тем, что она — «теплая», то есть отапливаемая в холодное время. Учитывая краткость лета на Соловках, именно в ней, по всей вероятности, проводилось наибольшее количество богослужений в течение года. А значит, прежде двух прочих следовало возводить в камне именно ее.

Однако игумен мог принять решение по совершенно иным причинам. Похоже, *Филипп с особым почитанием относился к Пречистой Богородице*, у него в келье стояла икона Богоматери Умиление. Монастырское предание, рассказывающее о том, как обрел Филипп богородичную икону в пекарне, также косвенно свидетельствует об этом. Наконец, до наших дней дошли два образа, находящиеся ныне в музейных хранилищах Московского Кремля. Основной сюжет у них одинаков: «Богоматерь Боголюбская с предстоящими Зосимой и Савватием, клеймами их жития и (только на одной. — Д. В.) сценами притч». На обоих читаются надписи, отличающиеся лишь незначительными деталями: «В лето 7053 (1544/1545) написаны бысть иконы си при благоверном и великом князи Иване Васильевиче всяя Руси и при архиепискупи Феодосии, при игумени Филиппи». Очевидно, обе иконы созданы в период краткого «первого игуменства» Филиппа на Соловках — до того момента, как он отошел от дел и отправился пустынножить. По ним ясно виден замысел будущего церковного строительства: на среднике изображены десять иноков соловецких, предстоящих в молитвенных позах Богоматери; за их спинами возвышаются фигуры преподобных Зосимы и Савватия с нимбами; Господь благословляет их с небес. Местом действия служит Большой Соловецкий остров — суша, со всех сторон окруженная водой, с церковными зданиями в правой части. Две большие монастырские церкви нарисованы достаточно условно, но все-таки нетрудно понять, что обе они — каменные, а не деревянные. Но в 1545 году на Соловках не было ни единого каменного храма. Надо полагать, игумен просил иконного мастера изобразить общее моление братии к Богоматери о совершении, как он мечтал, каменных церквей на Соловках. Это моление не осталось

безответным. А значит, при окончании строительства следовало вспомнить об имени Матери Божьей, отнесшейся к мечтам Филиппа милостиво.

Что касается придела, освященного во имя Усекновения главы Иоанна Предтечи, то, очевидно, его наречение было актом почтения к государю Ивану Васильевичу, патрону монастыря. Тем более что без материальной поддержки, оказанной молодым царем, большое строительство на Соловках вообще могло бы не состояться.

Очевидно, митрополит Макарий благоволил к соловецкой братии. Во всяком случае, без его позволения не произошло бы причисление преподобных Зосимы и Савватия Соловецких к лику святых. Однажды он сделал монашеской общине Соловков своеобразный намек: пора бы вам, иноки, прославить место свое, благоуханный рай на зачарованных островах — возвести каменные церкви. Потрудитесь! Это произошло сразу после того, как монастырь пострадал от пожара в 1538 году. Ведь именно тогда, казалось бы, создалась удобная ситуация для подобного начинания: старые церкви исчезли, так новым бы появиться уже в камне, чтобы пламя не грозило их судьбе. То ли в конце 1538-го, то ли в 1539 году, будучи еще архиепископом Новгородским, Макарий отправил в Соловецкий монастырь вещь поистине драгоценную в условиях русского Средневековья — механизм для башенных часов. Это чудо техники, сработанное новгородским мастером Яковом, сохранилось до наших дней и теперь является экспонатом музея-заповедника «Коломенское». Владыка отправил часы с надеждой увидеть их когда-нибудь на каменной звоннице, а не над деревянными воротами^[28].

Возможно, тот же Макарий выпросил у боярского правительства при малолетнем государе земельное пожалование для соловецкой братии: деревни Шижно, Сухой Наволок и Остров^[29] с соляными варницами, Никольским приходским храмом, а также угодьями, исстари «тянувшими» к этим деревням. Три года спустя монастырь с принадлежащими ему селениями освободили от суда и контроля со стороны местных властей. Неужто государь-мальчик (к моменту первого пожалования ему исполнилось восемь лет, к моменту второго — И) возжаждал помочь обители, где он никогда не был? Неужто служилая знать, занятая жестокой борьбой придворных партий, обратила внимание на беды монастыря, расположенного в краю северных сияний? У кормила власти стояла тогда партия Шуйских. В специальной исторической литературе встречается утверждение, согласно которому Шуйские «...путем дарования льгот северным духовным корпорациям... стремились заручиться поддержкой

новгородских феодалов»^[17]. Но какой мог быть у «новгородских феодалов» интерес к богомольцам из обители, патроном которой считался сам государь, непонятно. В Москве вообще мало кто знал о существовании Соловецкой обители, а те, кто слышал о ней, наверняка худо представляли себе, где она находится. Зато владыка Новгородский был превосходно осведомлен о житие соловецких монахов, с ними встречался, слышал немало историй о чудесно «сильной иноческой жизни», принятой у тамошней братии. И у него были все основания поддерживать Соловки, направлять монастырскую общину к новым духовным подвигам.

В ту пору иноки не решились на большое строительство. Земельные пожалования показались им слишком скудными для такой затеи, доходов с них хватило лишь для того, чтобы поднять монастырь из пепла и угольев. А Макариевы часы упомянуты в монастырской описи 1549 года, но неясно, на каком здании они крепились. Во всяком случае, ни на одном из церковных. Лишь Филиппу идея Макария запала в душу.

Но Макарий не оставлял старой надежды. Найдя в Филиппе единомышленника, он помог настоятелю.

Чем владел монастырь на исходе 40-х — в начале 50-х годов XVI века? Упомянутым земельным пожалованием, да церковкой на реке Вирме с прилегавшими землями, да двумя клочками земли на Двине и Суми — помимо самих Соловецких островов. Чтобы было понятно, насколько «богата» была Соловецкая обитель, стоит сказать: на всех землях монастыря вне Соловков жили лишь 43 человека. Они варили соль, косили сено и мололи зерно на водяных мельницах. На Соловках монахи располагали стадом в 30 лошадей, 25 коров, небольшим «флотом» из четырех лодий и 15 карбасов (крупных лодок). Братия варила соль, ловила рыбу и тоже молола зерно на трех водяных мельничках, но жила все равно впроголодь. Если бы сотня постоянно недоедающих монахов, имея крайне скромные доходы, взялась возводить столь крупный архитектурный комплекс, как Успенский храм с пристройками, это строительство грозило бы превратиться в чудовищный, на десятилетия, долгострой.

Филипп начал собирать пожертвования на строительство Успенского храма еще в 1548 году — или даже 1547-м, задолго до начала работ. Он и сам не остался в стороне от общего дела, сделал крупный вклад. Помимо братии, вложились миряне — служилая знать, крестьяне, ремесленники. Игумену удалось получить деньги от 129 человек, всего 163 рубля с мелочью^[30]. Это была очень крупная по тем временам сумма, но для всего цикла строительных работ ее явно не хватало. Некоторые монахи на свои

средства нанимали грузчиков и строителей, но и этого оказалось недостаточно.

Требовалась поддержка извне.

Ее оказал государь Иван IV. Вернее, монастырь получил ее от имени царя. Скорее всего, за соловчан ходатайствовал тот же Макарий, к тому времени ставший митрополитом Московским и всея Руси. Его заботливая рука дала братии невероятно много за весьма короткий срок.

Вот список земельных пожалований Соловецкому монастырю, совершенных во второй половине 40-х — середине 50-х годов XVI столетия:

Волость Колежма с церковью Святого Климента;

остров на реке Сумь с тремя дворами;

деревня при устье реки Сороки (приток Выга) с храмом Святой Троицы (здесь когда-то умер преподобный Савватий Соловецкий);

Сумская волость с 26 деревнями (!) и Никольской церковью; село Пузырево с Никольской церковью (Бежецкий уезд)^[31]. Прибавление невероятно большое! Оно во много раз превышает всё, чем владела братия при настоятеле Алексии. К тому же обитель получает крупные земельные вклады от частных лиц да еще прикупает соляные варницы, отдельные дворы и большие участки пахотных земель. Теперь во владениях монастыря жили многие сотни, если не тысячи людей.

Благодаяния, посыпавшиеся на обитель, этим не ограничивались. Некоторое время соловецкие монахи пользовались выгодами от беспошлинной продажи соли. С середины 50-х годов с монастырских солеваров перестали взимать государев оброк. С 1547 года обитель прекратила платить подати за принадлежавший ей двор в Великом Новгороде на Щитной улице.

В обитель были отправлены драгоценные покровы на гробницу преподобных Зосимы и Савватия. В 1551 году игумену пожаловали богатое богослужebное одеяние из белой камки, шитое золотом и серебром, низанное жемчугом, украшенное яхонтами^[32]. Очевидно, тогда соловецкий настоятель ездил в Москву на Стоглавый собор^[33]; впредь для Филиппа велено было выдавать из государевой казны «кормовые деньги», если он прибудет в столицу по монастырским делам.

Монастырь получил также с Большой земли огромный колокол в 173,5 пуда весом, отлитый и доставленный иждивением князя А. И. Воротынского. К нему добавилось еще несколько колоколов меньшего размера.

Как видно, Филиппу пришлось открыть свое мирское имя, и не только братии, но также властям церковным, да и светским. Федору Степановичу Колычеву, отпрыску аристократического рода, имевшему в столице надежные связи, родню, пошедшую в чины, гораздо легче было получать новые и новые пожалования для обители, нежели неизвестному игумену Филиппу... По-видимому, в успехе его дел сказалось не только покровительство Макария, но и помощь влиятельных родственников. Лично Филипп ничего не получил и не мог получить из этого водопада пожалований. Не для себя он старался, но только для украшения обители.

Теперь у него было на что строить. Теперь у него было чем кормить братию.

В жизни монашеской окончание строительных работ и освящение Успенского храма были великим утешением для Филиппа. Смертельно уставший после многолетних трудов, он чувствовал себя счастливым и благодарил Бога за такую милость. Дал же Господь ему силы переплыть бурное море от славного замысла до его исполнения. Иной человек позволил бы себе отдохнуть от долгих усилий, умилился бы, омягчел душою. А игумен Филипп воспринял окончание столь большого дела как предлог для того, чтобы заняться следующим. Первый шаг совершен, пора сделать второй...

Сколько энергии, сколько неутомимости contained в себе характер Филиппа! Твердое благочестие соединялось в нем с не менее твердой волей.

Ход мыслей настоятеля соловецкого приобрел следующее направление: в обители было три деревянных церкви; по милости Божьей, теперь деревянных две и одна каменная; так надо бы оставшиеся бревенчатые храмы упразднить, а на их месте поставить все каменные. По молитве братии один раз Господь помог, будем же уповать на Его помощь и впредь.

Похоже, в монастыре сыскалось немало иноков, мягко говоря, несогласных с образом действий Филиппа и не испытывавших ликования от грядущих трудов.

Замыслив превратить деревянный собор Соловецкой обители в каменный, Филипп решился на гораздо более масштабное предприятие, чем строительство Успенского храма с хозяйственными палатами. Он поделился этой идеей со всею общиной.

Житие в очень осторожных выражениях повествует о том, что произошло дальше: «Они же (братия. — Д. В.), слышавше, недоумением

покровени быша, но не смеяху препяти (воспрепятствовать. — Д. В.) доброго его рачения. Тихо простирающе беседу, кротце глаголаху: «...О отче, недостатком в киновии сущее и оскудению велику... откуда имаше злато на воздвижение великия церкви?». Братия привела игумену речение из Евангелия от Луки: «Ибо кто из вас, желая построить башню, не сядет прежде и не вычислит издержек, имеет ли он, что нужно для совершения ее, дабы, когда положит основание и не возможет совершить, все видящие не стали смеяться над ним» (Лук. 14:28–29).

Игумен, выслушав мнение братии, настоял на своем: «Следует нам твердо уповать на Бога. Если Ему будет угодно это дело, мы будем получать бесчисленные подати от неоскудных Его сокровищ на воздвижение дома Святого имени Его»^[8]. Что оставалось недовольным? Просить прощения. Слово наставника заставило их покориться, желали они того или нет.

Иными словами, настоятелю пришлось преодолеть сопротивление братии. Непонятно, сколь многочисленны оказались его неприятели, однако слова Жития оставляют впечатление, что Филиппу воспротивились, пусть и пассивно, большинство обитателей монастыря.

Филипп вновь затеял сбор средств на строительство. И, разумеется, львиная доля пожертвований падала на соловецкую братию. В 1557/58 году ему удалось собрать около 107 рублей — меньше, чем в первый раз. Сохранился реестр сбора, содержащий имена 54 человек. Видимо, первое большое строительное предприятие истощило средства общины. Деньги собирали еще два раза. Во второй раз удалось получить совсем мало: 4–5 рублей. Третий список, от 1562/63 года, называет имена 35 новых жертвователей и общую сумму: около 23,5 рубля. Очевидно, далеко не все монахи горели желанием вновь расставаться с деньгами.

Кстати, в 1566 году, покидая Соловки, Филипп сдал монастырскому казначею оставшееся серебро. Приходная «ведомость» упоминает о деньгах, предназначенных для сооружения колокольни и каменного Никольского храма. При жизни святителя его последним архитектурным затеям не суждено было сбыться. Но после кончины Филиппа замыслы «хозяина Соловков» осуществились. Игумен будто завещал обители свои планы. Так или иначе, всё вышло по его воле.

Недовольство братии могло вызвать и другое обстоятельство — внешнее для иноческой жизни. Обитель еще десять лет назад была «бедной вдовицей», с нее и взять-то было нечего. К 1557 году тут всё изменилось. Монастырская казна могла бы сказочно обогатить враждебного пришельца, появившись он в водах Белого моря. Между тем несколько государств Западной

Европы приглядывались к слабозаселенным землям этого региона, прикидывали шансы на их военный захват. Самая серьезная угроза нависала со стороны шведов. Московское государство вступило с ними в первую войну еще в конце XV века. В 1554–1557 годах театром боевых действий между войсками русского царя и шведского короля стала Карелия, находившаяся в непосредственной близости от Соловков. Если бы шведы отправили к архипелагу небольшую флотилию, монастырь, не защищенный сколько-нибудь значительными укреплениями, сделался бы их легкой добычей. Бог миловал. Однако братия, слышавшая о больших сражениях в Карелии, могла напомнить своему настоятелю: «Отче! О храмах ли думать ныне? Себя бы уберечь! Нам бы стену с башнями, да пушки, да пищали...» В будущем Соловецкий монастырь превратится в главный опорный пункт русской обороны на Беломорье, вырастут еще могучие стены — сначала деревянные, а потом и каменные. Но до того пройдут десятилетия^[34]. А в 1557 году Филипп выбирал между двумя приоритетами — новым церковным строительством и возведением оборонительных сооружений; он выбрал первое, и по его воле обитель прежде поставила все главные храмы, а уж потом огородила их стенами. Филипп надеялся на милость Господню, на Божью оборону.

Бог его не выдал.

Отчасти же братия досадовала на игумена из-за обманутых ожиданий. До Филиппа монастырь жил очень бедно, но очень покойно, в великой тишине. А новый игумен разворошил устоявшийся быт, наполнил обитель шумом великих дел. На Соловецких островах прибавилось людей — новых монахов, купцов, ремесленников, строителей. А у иноческой общины добавилось забот. Вот завершилось большое дело — возведение Успенского храма с пристройками. Тут было братия возмечтала: переведем дух, вернутся старые времена, больше станет покоя, на островах установится прежнее, размеренное состояние. Но игумен, глядя братии в глаза, говорит иное: «Мы только начали».

Как?!

С начала 50-х годов Соловецкий монастырь втягивается в строительные работы, которые с небольшими перерывами будут идти до рубежа XVI–XVII веков. Уж и мощи святителя Филиппа давно легли в могилу, и навек успокоились его друзья и враги, а ритм, заданный обители «хозяином Соловков», с той же силой владел ею.

Роптала община, явно были в ней недоброжелатели Филиппа. Иной раз они открыто противились игумену. Но раскола не происходило. Видно, большинство, поколебавшись, утвердилось в смирении, поскольку считало

наставника человеком мудрым и чистым. Видно, замыслы его передались многим инокам соловецким. Видно, огонь его сердца согрел многие сердца.

Новая великая работа продлилась более восьми лет. Спасо-Преображенский собор начал строиться 27 мая 1558 года. А освятили его вскоре после отъезда Филиппа на митрополию в Москву, — как сообщает Соловецкий летописец, «на Преображение Спасово», то есть в августе 1566 года. Старец Спиридон, отправившийся в Москву, порадовал Филиппа: отче, мечта твоя сбылась.

Как уже говорилось, собственными силами иноческая община не смогла собрать необходимые деньги. Набранная сумма была во много раз меньше того, что требовалось. Поиски благочестивых жертвователей, вероятно, затянулись бы на долгие годы, если бы государь Иван IV по окончании работ над Успенской церковью не пожаловал обители колоссальные средства — тысячу рублей. В XVI веке на покупку дюжины деревень хватило бы меньшей суммы. Отправляя богатейшее пожалование соловецкой братии, царь ясно определил его предназначение: «...на каменную церковь Боголепного Преображения». И, следовательно, аргументом для строительства Спасо-Преображенского собора было не только обладание достаточными средствами, но и воля самого государя. Получив такие деньги, поздно было идти на попятную! Чтобы укрепить и ободрить братию, в год закладки собора из столицы был прислан золотой крест с частицами мощей, украшенный жемчугом и драгоценными камнями. От имени царевичей Ивана и Федора Ивановичей на изготовление креста было дано 210 рублей. За работой проследил Федор Дмитриевич Сырков — богатейший новгородский купец и дьяк (высокопоставленный чиновник)^[35].

В течение восьми лет на Большом Соловецком острове руками многих людей и волею игумена Филиппа творилось настоящее чудо. Русский Север в середине XVI века был небогат монументальными каменными церквями. А уж возвести такой храм в условиях Соловков — настоящий подвиг, физический и духовный. Попробовал бы кто-нибудь сейчас, в XXI столетии, повторить его!

Хоромина Спасо-Преображенского собора громадна. Толстые стены, слегка расширяющиеся книзу, создают ощущение необыкновенной мощи. Собор и в наши дни оставляет у богомольцев впечатление очень значительного сооружения: светлый, просторный, он при всей своей величине отнюдь не подавляет величием тех, кто любуется им, а скорее дарует звонкое чувство причастности к общему торжеству. Каменное одеяние храма — торжественное, строгое, гармоничное; камень, поднятый

руками христиан над землей и водой, поет славу Богу; одного взгляда на собор достаточно, чтобы пожелать присоединиться к этому беззвучному пению, чтобы на ум пришли слова Символа веры или праздничного песнопения...

Сегодня Соловецкий монастырь — с какой стороны ни посмотри — кажется избыточной роскошью, под которой прогибается слабое земноводье острова, словно сливочный торт, поставленный среди буханок ржаного хлеба. Будто бы сама природа соловецкая расступилась перед мощью монастырских построек и застыла в позе адорации^[36], почтительно склонив голову. Между тем Спасо-Преображенский собор возвышается над всеми зданиями обители, стягивая их, концентрируя вокруг себя; он-то и есть главное бремя и главная роскошь острова. Странник, перед которым впервые открывается панорама монастырских стен со шпилем колоколенки, с куполами, с белым исполином-собором, застывает и глядит неотрывно, понимая: это невероятно, этого здесь быть не могло! А потом отмирает, осеняя себя крестным знамением: с Божьей помощью все возможно. Знать, и тут без нее не обошлось.

Современный историк искусства В. В. Скопин называет Спасо-Преображенский собор «...важнейшим сооружением ансамбля, символом политического и духовного авторитета монастыря». Всё так! Но, наверное, слишком суха эта оценка. Не передает она то ликующее чувство, которым наполняется сердце, когдаходишь на монастырский двор, медленно приближаешься к собору, поднимаешься по ступеням на второй этаж иходишь в горнее помещение — туда, где священник служит Господу, а с ним содействуют сотни прихожан. Когда-то, четыреста лет назад, составитель Жития Филиппа сказал просто, точно, прозрачно: «Совершился храм вельми чуден и превелик».

В Спасо-Преображенском соборе воплотился излюбленный в старомосковской державе образ «Горнего града» или, иначе, «града Небесного». Пять глав церкви далеко отстоят друг от друга, к ним присоединяются еще две главы — над приделами. Когда-то, в старину, центральную главу изображали в виде шатра. То ли необычной формы барабан, сужающийся кверху, принимали за малый шатер, то ли в XVI столетии над храмом и впрямь возвышался настоящий каменный шатер^[37] — теперь уже понять невозможно. Но, во всяком случае, многоглавие Спасо-Преображенского собора на Соловках скорее отвечает не старинному богатырству Успенского собора в Кремле или его «старшего брата» во Владимире, а разноголосице узорчатых главок над Покровским

собором, что на Рву^[38], который в наши дни чаще именуют храмом Василия Блаженного. Каждая глава соловецкого храма вознесена на особую башенку, а потому как будто самостоятельна, как будто поставлена над собственным храмом. Верхняя часть здания, а также башенки под угловыми главами оформлены множеством килевидных кокошников и двускатных треугольных конструкций — своего рода «каменной гармошкой»^[39]. Это очень напоминает условное изображение множества палат на летописных миниатюрах XVI столетия. При Иване Грозном появилось грандиозное летописное сочинение — Лицевой свод, украшенный тысячами миниатюр. Всматриваясь в иллюстрации свода, замечаешь, насколько похожи нарисованные древними живописцами города, состоящие из этого «множества палат», на архитектурное убранство Спасо-Преображенского собора. Существует немало икон XVII столетия, где в качестве детали второго плана присутствует Соловецкий монастырь, в том числе и соборное здание. Так вот, в исполнении старинных иконописцев он выглядит точь-в-точь как город, а не просто церковь. Возможно, Филипп, беседуя с зодчими, поделился с ними идеей: «Я вижу на этом месте земное отражение града Небесного. Сделайте так, чтобы и другие люди увидели его здесь».

Русские книжники XVI века считали народ России «новым Израилем»: после того как «ветхий Израиль» утратил благодать, издревле почивавшую на нем, Русь обрела ее, став, таким образом, державой — центром мира, средоточием святости. Москву тогда воспринимали в большей степени как «Второй Иерусалим», а не «Третий Рим». И в художественной мысли той эпохи образ «Второго Иерусалима» закрепился прочно. Русские паломники, совершавшие «хождения» на Святую землю, знали, как выглядит храм Гроба Господня, какими древлехристианскими святынями наполнен Иерусалим, какие места в нем напоминают о пришествии Христа, касавшегося стопами его земли.

Здесь, на нашей земле, не раз сооружали нечто, прямо ассоциирующееся с Иерусалимом — городом древних храмов и святых реликвий. Не случайно в середине XVII века под Москвой вырастет Новый Иерусалим. Эту идею холили и лелеяли в течение долгого времени, она и в предыдущем веке ощущалась как «родная» для интеллектуалов старомосковской цивилизации. Именно она зашифрована в архитектуре Покровского собора, что на Рву. Ее же, соединив с образом «града Небесного», воплотил в облике Спасо-Преображенского собора умудренный книжным словом настоятель Филипп.

Главный храм обители наполнили всем необходимым для богослужения: «Иконами же украси и книгами, яко невесту, ризами же и паволоками драгими, сосудами и подсвещники златоковаными и кадилы». Из Великого Новгорода настоятель пригласил «доброписцев иконных» Гаврилу Старого, да Илью, да Краса. Собор с любовью украсили извне, а потом с такой же любовью украшали внутри.

В соборе, помимо главного престола^[40] во имя Преображения Господня, устроено было еще шесть: Архангела Михаила, преподобных Зосимы и Савватия Соловецких, святого Иоанна Лествичника, святого Феодора Стратилата, Двенадцати апостолов и Семидесяти апостолов. Сам игумен, зная, сколь многое потребно для того, чтобы в каждом из семи престолов собора вести литургию, сделал огромные пожертвования. Он дал в Соловецкую обитель вклад: иконы на 65,5 рубля, Псалтырь, Ирмологий^[41], украшенный золотописью, кое-что из утвари. Вероятно, на покупку икон, книг и прочего пошли доходы от земель, принадлежавших богатому роду Колычевых. Только так можно объяснить исключительно большие суммы вкладов игумена Филиппа.

Имена приделам выбирал настоятель монастыря, и в каждом из них, следовательно, содержится особый замысел Филиппа.

Два «апостольских» придела напоминали инокам о том, что в этих северных пределах, которых дыхание христианства достигло совсем недавно, каждый из монахов, отправляющийся куда-нибудь на Сумь, в Кольские места, на Мурман или даже далее, оказывается в роли одного из первоапостолов, проповедовавших в языческой стихии слово Божие.

О приделе Архангела Михаила современный историк А. Г. Мельник пишет, что ему досталось особо почетное место. Причина проста: «... Архангел Михаил считался небесным покровителем московской царствующей династии... Более того, архангела Михаила особо почитал и сам царь Иван IV. О чем, кроме всего прочего, свидетельствуют следующие слова его первого послания к князю Курбскому: «Как архангел Михаил был предстателем Моисея, Иисуса Навина и всего Израиля, так же в благочестие новой благодати первому христианскому царю Константину незримо был предстателем архангел Михаил, водивший полки его и одолевавший его врагов, с тех пор и поныне он помогает всем благочестивым царям. Вот кто наши предстатели: Михаил, Гавриил и другие бесплотные силы...» Недаром архангел Михаил был изображен на «Великом стяге» 1560 г. Ивана Грозного. А в 1564 г., т. е. за два года до окончания строительства соловецкого Преображенского собора, при

кремлевском Благовещенском соборе по заказу царя наряду с другими приделами был устроен придел архангела Михаила... Итак, можно не сомневаться, что посвящение рассматриваемого придела именно архангелу Михаилу прямо или опосредованно связано с личностью царя». Кроме того, архангел Михаил — защитник Церкви, вождь святого воинства ангелов, стоящих на страже Божьего закона. В 50-х годах XVI века Россия вела большие войны с иноверцами-магометанами, католиками и протестантами. Русские армии, отправлявшиеся на Казань и Астрахань, в Ливонию и на Карельский перешеек, чувствовали над собой плеск ангельских крыл — полки небесные с архангелом Михаилом во главе летели над полками православной армии, шедшей воевать за веру. Отсюда и особое его почитание в коренной Руси.

К государю и его семье игумен Филипп и вся братия относились с подобающим почтением. Поэтому еще два придела в соборе связаны с именами царских родственников. Святые Иоанн Лествичник и Феодор Стратилат — небесные покровители сыновей Ивана IV, царевичей Ивана и Федора. К середине XVI столетия в Соловецком монастыре не сложилось особого культа архангела Михаила, святых Иоанна и Федора. Совершенно ясно: появление приделов, освященных подобным образом, высветляет духовную связь между Соловками и Москвой, между смиренной обителью и царским престолом. Быть может, от самого Ивана IV исходило желание назвать соборные приделы именно так. Но с той же вероятностью инициатива могла принадлежать соловецкому игумену, благодарному царю за щедрое пожертвование на строительство собора.

К тому же для Филиппа имена святых Иоанна и Федора много значили и помимо напоминания о благополучии монаршей семьи. Имя Федор, явно связанное со святым Феодором Стратилатом, одним из покровителей воинства — «служилых людей по отечеству», часто встречается в его роду. Основателя семейства, вельможу по прозвищу Колыч, звали Федором; это имя носил в миру и сам Филипп. Оказывая почести правящему дому Рюриковичей, возможно, Филипп оказывал их и собственному семейству. Что же касается Иоанна Лествичника, то он был одним из любимых святых русского монашества, на его духовный труд «Лествица» ссылались величайшие светильники нашей иноческой среды. Знал «Лествицу», несомненно, и соловецкий настоятель. В небольшой монастырской библиотеке тогда хранилось два ее экземпляра.

Придел во имя преподобных Зосимы и Савватия, — напротив, свидетельство давно сложившегося, глубоко укорененного на Соловках культа основателей монастыря. Не вспомни о них игумен Филипп — это

было бы странно. Их гробницы, появившиеся задолго до придела, уже играли роль истинных святынь. Братия богато их украсила.

Тот же А. Г. Мельник отмечает: «По значимости местоположения между тремя, условно говоря, «царскими» приделами и тремя, столь же условно выражаясь, «монастырскими» был установлен определенный «паритет», идея которого, видимо, принадлежала Филиппу Колычеву».

Летом 1566 года английские мореплаватели Томас Соутэм и Джон Спарк побывали на Соловках. Игумена Филиппа они уже не застали: он отбыл в Москву — ставиться на митрополию. Посетив монастырь, англичане, по их собственным словам, «...переехали в отличный каменный монастырский дом в 5 милях к юго-западу от обители»^[9]. Стало быть, помимо построек времен Филиппа, известных по Житию и деловым документам, был еще некий дом, вызвавший восхищение иноземных моряков.

К юго-западу от основных строений обители находится... море. И маленькая группа Заяцких островов.

На Большом Заяцком острове в XVI столетии появилась сложенная из валунов, прочно скрепленных строительным раствором, «людская» — иными словами, гостиница, с отдельно стоящей «поварней» (кухней). Там же был колодец, устройство которого приписывается распоряжению игумена Филиппа. «Людская» стояла близ удобной и глубокой гавани, возведенной из таких же валунов; ныне она обмелела и пригодна разве что для лодок, однако современный причал располагается рядом с ней. По велению Филиппа мореходы, заходившие в эту гавань, обязаны были укреплять ее, добавляя валуны к старой кладке. На большом кресте, поставленном поблизости, иноки вырезали надпись: «А кого Бог принесет в сие становище всякого православного христианина, и вы бы Спаса ради и причистыя Богородица и преподобных отец великих чюдотворцов Зосимы и Саватия, и своего ради спасения и для покоя келейнаго, сиречь полаты, в становищи сем тружались Бога ради по силе своей, камение носили бы на заднюю сторону становища на угол от моря. Для того, чтобы волнами морскими не располоскало. А камение бы носили из внутрь становища от креста большего, на котором сия память написана. А кто будет ленив и не носит, ино его Бог простит. А кто будет больши тружатися, больши ему спасения».

Побывав на Соловках в августе 2008 года, автор этих строк имел возможность подробно обсудить местные морские обычаи и условия мореплавания с большим знатоком старинного «хождения по водам». Из

разговора с ним было вынесено вот какое убеждение: монастырская гавань в бухте Благополучия, а также более древнее пристанище мореходов на севере Большого Соловецкого острова, в Сосновой губе, не соответствовали тем грандиозным строительным планам, за осуществление которых взялся игумен Филипп. Множество мелей, запутанный фарватер, недостаточная глубина превращали выгрузку материалов, прибывавших с материка постоянным потоком, в рискованное дело. Белое море никогда не баловало моряков. Так, в июле 1561 года 15 лодий, на которых с Двины везли известь на строительство собора, были разбиты штормом и погибли. Причаливать к Большому Заяцкому острову, где располагались валунная гавань и «людская», намного удобнее. По всей видимости, здесь разгружались крупные корабли, а стало быть, их ждали склады, содержимое коих понемногу перевозилось на Большой Соловецкий остров. Но даже если складских помещений тут при Филиппе и не соорудили, то по крайней мере была оборудована стоянка, где могли укрыться от непогоды прибывшие к Соловкам суда. У Заяцких островов они ждали благоприятного случая, чтобы безопасно зайти в бухту Благополучия.

Весьма вероятно, Филипп озаботился устройством Заяцкой гавани прежде, чем закончилось строительство Успенского храма. Не исключено, что это произошло даже раньше, чем началось возведение церкви. В любом случае, к 1566 году Заяцкая гавань уже была оборудована.

Говоря современным языком, настоятель монастыря обеспечивал инфраструктуру для больших строительных затей.

Другим важным ее элементом стали протяженные дороги, проложенные при Филиппе на Большом Соловецком острове. Современные дороги во многом следуют именно той конфигурации, которую задал беспокойный настоятель еще в середине XVI столетия. Во всяком случае, это справедливо в отношении старейшей соловецкой дороги, тянущейся от монастыря к Савватиеву и Сосновой губе.

Впрочем, Заяцкая гавань и дороги на Большом Соловецком острове — лишь верхушка айсберга. Филипп мечтал добиться двух больших перемен в жизни иноческой общины: во-первых, поставить каменные храмы на месте деревянных; во-вторых, обеспечить монахов всем необходимым, прежде всего достаточным количеством пропитания. Но эти два не столь уж значительных — по внешней видимости — достижения повлекли за собой настоящую лавину иных преобразований.

Хозяйство Соловецкого монастыря еще в середине 1540-х годов было микроскопическим. Оно даже братию не могло толком прокормить, не говоря о более серьезных задачах. Филиппу пришлось создавать

совершенно новое хозяйство, можно сказать, принципиально новую экономику. Тут за чем ни потянись — ничего нет в наличии, все надо везти с Большой земли, да еще и приглашать оттуда работников. Поэтому на один шаг в большом строительстве Филиппу приходилось делать пять шагов по обеспечению строительных работ, да и монастырской жизни в целом.

Требовалось доставлять с материка металлические изделия (собственный заводик обитель не могла себе позволить), стекло для окон, известь для строительного раствора, рабочие артели, а также продукты, необходимые для прокорма работников.

Вот новая гавань. Вот новые дороги. Вот появляется свой «железный промысел» — видимо, большая кузница^[42]. А вот еще и флот монастырский, увеличившийся многократно. В 1549 году за обителью числилось всего четыре большегрузных судна — лодии. В 1561-м их стало 15! Тогда монастырская флотилия была разбита бурей, но затем постепенно возродилась. К концу 1560-х годов обитель располагала уже семью лодиями.

Для строительства требовался кирпич. Монахи давным-давно наловчились изготавливать его из глины, однако лишь Филипп, благодаря «инженерному решению», сумел поставить кирпичное производство на массовую основу. «...Прежде сего на Бараке глину на кирпич копали людьми, а ныне волом орут (пашут. — Д. В.) одним, что многие люди копали глину и мяли на кирпич людьми, а ныне мнут глину на кирпич коньми ж да и на церковь лошадьми воротят ворота кирпич, и брусья, и известь, и всякой запас, а прежде того на церковь воротили кирпич и камень и всякой запас вороты на телегах...» — сообщает Соловецкий летописец. Появились печи для обжига кирпича и специальные амбары для его хранения.

Когда у человека полно еды, но он ради любви к Христу отказывается от обильной трапезы и держит пост, в его поведении видно благочестие. Когда же пищи у него нет по причине бедности или нерасторопности, он постится не из благочестия, а в силу внешних обстоятельств. Вынужденно ограничивая себя в еде, никто не приобретает никакой духовной заслуги. Так вот, Соловецкий монастырь до игуменства Филиппа голодал *вынужденно*.

А при Филиппе «прибыли шти с маслом, да и разные масляные приспехи, блины и пироги, и оладьи, и крушки рыбные, да и кисель, да и яичница... стали в монастырь возити огурцы и рыжики...». Казалось бы, появился соблазн чревоугодия, который прежде нимало не грозил соловецким инокам. Однако плох тот монах, кому не удалось побороть

столь простого врага, как собственная утроба! Абсолютное большинство братии — те, кого изобилие съестного не превратило в чревоугодников — могло ограничивать себя в еде настолько, насколько того требуют уставные правила и потребности собственного духовного роста. Церковь — не секта, истязание тела пользы душе не приносит. Тот должен постничать с великой строгостью, кому следует бороться с излишней привязанностью к яствам. Но если этой привязанности нет, если она давным-давно преодолена, то пустое изнурение себя голодом ни к чему доброму не приведет. Таким образом, Филипп дал монастырю простое благо, обратив нищету в недостаток.

Георгий Федотов весьма разумно отзывается об этих трудах соловецкого настоятеля: «Св. Филипп не был поклонником неумеренной аскезы. Он улучшил трапезу и одежду монашескую, требуя за то от всех неустанных трудов. Тунеядцев он не терпел и принимал в монастырь только тех, кто, подобно ему, готов был есть хлеб в поте лица»^[10].

Игумен Филипп должен был не просто гарантировать обители прожиточный минимум или даже обеспечить своего рода «зажиточность». Он позаботился о большем. Пока шло строительство, братия стремительно росла: добрая слава общины привлекала все новых охотников принять постриг на суровых северных островах... В 1553 году Соловецкий монастырь объединял в своих стенах 107 иноков, а ко времени, когда Филипп оставил игуменство и отправился в Москву ставиться на митрополию, их было уже около двухсот! Кроме того, монастырю требовалось постоянно обеспечивать пищей, водой, жильем и всем необходимым строительные артели, работавшие на островах. Это означает: население архипелага заметно увеличилось, и обо всех прибывших — навсегда или на несколько месяцев — необходимо было позаботиться.

Помимо величественных храмов пришлось строить гораздо более скромные помещения, но без них великолепные церкви не поднялись бы. В настоятельство Филиппа появились новые жилые избы, чуланы (клетки), кельи. В монастыре добавилось посуды и прочего скарба.

Но главную проблему создавала нехватка самых простых, самых необходимых продуктов питания: хлеба и молока. Требовалось также запастись питьевой водой.

Хлеб на Соловки доставляли с материка, да и на материковый Север его в основном привозили с коренных русских земель. Полночный край Руси благоприятнее для льна, чем для хлеба...

Пока зерно везли на телегах, а особенно на кораблях, оно начинало отсыревать. А уж когда мешки с житом оказывались в монастыре, тут

сырость быстро брала над ними верх. Плесень в обители вездесуща, она в равной мере поражает дерево и камень. Монастырскому хозяйству, и без того державшемуся до Филиппа на честном слове, эта порча доставляла гибельный ущерб.

«Хозяин Соловков» чуть ли не в первую очередь велел соорудить каменное сушило и тем заметно продлил монастырским хлебным запасам срок жизни. В том сушиле настоятель «нарядил» подъемный механизм, ссыпавший рожь в хранилище.

Прежде Филиппова игуменства обитель располагала несколькими небольшими мельницами. На их месте он построил крупные каменные мельницы. Чтобы дать тяжелым мельничным колесам должную силу вращения, настоятель велел углубить большой ров, шедший от Святого озера, лежащего рядом с обителью, к морю, само же Святое озеро расширить и вычистить, устроить там плотину. С помощью особых каналов были соединены между собой 72 (по другим сведениям — 52) озера Большого Соловецкого острова, и вода из них шла к одному Святому озеру, сливаясь оттуда в море. Монастырь получил потребное количество питьевой воды^[43], а мельницы — напор, способный приводить их в движение.

На мельницах Филипп велел поставить особые устройства для просеивания хлеба. Вот что сообщает Соловецкий летописец об этих приспособлениях: «Да до Филиппа игумена подсевали рожь братья многие, а Филипп игумен доспел севальню, десятью решеты один старец сеет, да при Филиппе же доспели решето — само сеет и насыпает, и отруби и муку разводит розно, да и крупу само же сеет, и насыпает и разводит розно крупу и высейки... Да до Филиппа же братья многие носили рожь на гумно веяти, а Филипп нарядил ветр мехами на мельнице веяти рожь...»

По инженерным затеям настоятеля видно, что он имел склонность к техническим усовершенствованиям, притом Филиппу всегда хватало воли довести их до конца. Он искал способы упрощения работы в великом и малом. Выше уже говорилось о грандиозном плане соединения соловецких озер. А наряду с этим, скажем, было установлено хитроумное устройство для доставки кваса из квасопаренной палаты в погреб и разлива его по бочкам.

Впоследствии на Соловках будут говорить о Филиппе: «Мудрый эконо и механик обители своей».

Средневековое церковное хозяйство в России чаще всего оказывалось полигоном для технических и экономических экспериментов. Пример Филиппа, конечно, очень ярок, но он не единственный. Русской церкви

допетровской поры не были свойственны хозяйственный консерватизм, косность. Напротив, на просторе крупного землевладения изощренный ум монахов-книжников находил необычные и эффективные экономические решения.

Важнейшей пищей для соловецких иноков была морская рыба. И дело здесь не только в том, что рыба была всегда рядом, тогда как хлеб могли и не доставить вовремя из далеких мест. Просто монахи, при их строжайших постных правилах, без рыбы обессилели бы, да и принялись отдавать Богу души от голода.

Филипп, во-первых, велел разводить рыбу в Святом озере, где уровень поднялся, притом вода не застаивалась, постоянно обновлялась течением из озер к морю. Во-вторых, он распорядился соорудить две валунные насыпи на побережье, северо-западнее монастыря. Отгородив таким способом узкий морской заливчик, настоятель устроил там рыбные садки. Крупная рыба не могла проскочить между камнями, но ей было чем кормиться в тесном пространстве, поскольку планктон и рыба мелочь попадали в садки с каждым приливом.

С тех пор Филипп избавил себя от необходимости с тревогой отправлять кого-то из братии на рыболовный промысел — тяжелый и рискованный, особенно при сильном ветре и высокой волне.

Наконец, обитель издавна держала скот: коров — в основном ради молока и кож да лошадей — как тягловую силу. Иногда в популярных книжках пишут: мол, игумен Филипп завел скотный двор на острове Большая Муксалма, где впоследствии монастырские стада находились в течение нескольких столетий. Но это не совсем так.

Скотины при Филиппе прибавилось — более чем вдвое. Но коровник, несомненно, был на Муксалме уже в 10-х годах XVI века, а возможно, даже раньше, во второй половине XV столетия. В начале игуменства Филиппа поголовье стада несколько уменьшилось по сравнению с началом столетия — возможно, хозяйственный итог предыдущего игуменства вышел не слишком удачным. Но во второй половине 60-х годов обитель уже располагала 71 лошадью вместо 30 да 60 волами вместо 25 (если сравнивать с данными описи 1549 года)^[44]. Прирост был во всем: в бытовой утвари и одежде, в колоколах и постройках, в иконах и книгах, в богослужебных ризах и солеваренных котлах...

Естественно, кое-что обитель приобретала на свои средства. Но большей частью она получала пожертвования богатых людей. И вторым по значительности «вкладов» благодетелем монастыря — после царя Ивана Васильевича — был сам игумен Филипп. На одни только гидротехнические

работы он пожертвовал в разное время 50 рублей, что было весьма значительной суммой.

Фактически игумен Филипп за 20 лет правления произвел на Соловках экономическую революцию. Для хозяйства обители, для бытового и богослужебного обихода братии и тем более для внешнего вида монастыря он сделал фантастически много.

В игуменство Филиппа под контролем Соловецкого монастыря оказалась колоссальная территория. Государь Иван Васильевич отдал суд и управление всеми делами в ней Филиппу с братией. Местные власти — как светские, так и духовные, подчинявшиеся архиепископу Новгородскому, — утратили право вмешиваться в управление землями, пожалованными обители. Более того, насельники монастырских владений не платили в пользу великого государя большинство податей и не отрабатывали повинностей. Лишь в исключительных случаях, вроде душегубства или «разбоя с поличным», местные чиновники могли судить местных жителей, имели право требовать отчета от иноческой общины и ее игумена. В остальном же судопроизводство возлагалось на Филиппа и соловецких старцев.

Вот цитата из жалованной грамоты Ивана IV, показывающая, сколь много власти получила обитель от государя: «А наши наместницы ноугоротцкие и двинские, и иных городов наместники, и волостели выгоозерские, и наши тиуны, и иных волостей волостели и их тиуны Соловецкого монастыря игумена и старцов, и слуг, и крестьян, и дворников по городом, в которых городех их дворы, и в волостех на приезд, не судят ни в чем, опричь душегубства и розбоя с поличным, и приставов своих на них не дают и не всылают к ним ни по что... А кому будет чего искати на игумене з братьею, ино их сужю яз, царь и государь и великий князь, или наши казначеи (иными словами, местные власти даже не смеют принять иск, выдвинутый против монастыря, — его следует направить в Москву. — Д. В.), а своих людей монастырских, слуг и крестьян, и дворников игумен Соловецкого монастыря з братьею судят их сами во всем; а случитца суд смесной их людем з городцкими людьми или с волостными, и наши наместники ноугоротцкие, и двинские, и иных городов наместники, и волостели выгоозерские, и наши тиуны, и иных волостей волостели и их тиуны судят, а игумен з братьею или их приказчик с ними же судят, а прав будет или виноват монастырской человек, и он в правде и в вине игумену з братьею, а наши наместники... в монастырского человека не вступаютца ни в правого, ни в виноватого; также и архиепископ ноугородцкий игумена, и старцов, и слуг, и крестьян, и

дворников не судит ни во что, ни приставов своих к ним не вселяет ни по что, опричь духовного дела...» Соловецкий монастырь стал административным центром обширных земель, а главой политической власти в нем был не кто иной, как игумен.

Таким образом, Филипп, отыскивая в земельных пожалованиях средства для большого строительства и обеспечения общины, оказался в роли, аналогичной той, что исполняют нынешние губернаторы. И земли, ему подчинявшиеся, по размеру своему равнялись небольшой области современной России.

Это была огромная власть и огромная ответственность. Иной западный герцог или русский князь и мечтать не мог о столь больших владениях! А тут они достались монастырю и его настоятелю.

Впрочем, Филипп, которого с детства готовили не только к войне, но и к делам правления, по роду своему, по прежнему своему предназначению определенно подходил для этой роли.

И он правил жесткой рукой. Краю, оказавшемуся у него в подчинении, Филипп желал блага, хотел дать ему порядок и доброе устройство, но не терпел праздности, пьянства, азартных игр.

Трижды он составлял «уставные грамоты» — как бы сейчас сказали, «нормативные документы» — для населения монастырских владений: в 1548, 1561 и 1564 годах. От имени Филиппа и монастырских властей были назначены «приказчики» с «доводчиками», которые получили право следствия, суда и управления на местах. «Уставными грамотами» определялись их права и обязанности: сколько и за что им платит местное население, какие пошлины и с кого они взимают, какие наказания положены им за злоупотребление властью. Для монастырской администрации, выезжавшей за пределы обители, на Суми и в Великом Новгороде строились и ремонтировались подворья.

По мнению советских историков, изучавших «вотчину» Соловецкой обители, сумма разного рода податей и повинностей, возложенных на жителей области, возросла с тех пор, как они попали под власть монастыря. А. А. Зимин прямо говорит о «росте поборов»^[11]. Даже подростки, еще не знавшие полевой страды или тяжелого солеваренного промысла, должны были впрячься в работу на обитель: «А [если] у которых земских людей [есть] дети или племянники... а поспели промышляти зверя и птицу и рыбу ловити, и ягоды и грибы брати...», то «разруб» общего тягла в сельских общинах рекомендовалось проводить с учетом их трудоспособности. Но ведь и монастырь позаботился о жителях подвластных ему земель, об устройстве скорого суда и эффективной локальной администрации. А это

стоило немало. Одна из уставных грамот, кстати, заканчивалась грозным предупреждением: «[Если] старец наш приказчик или доводчик коего крестьянина или казака избидит чем ни буди или не по сей грамоте что на них возьмут, и им от нас быти в пользе и смирении; и кого чем избидят, нам на них велети доправити вдвое». Иными словами, обидчику придется отдать вдвое больше того, что он взял лишнего с крестьянина, а настоятель приведет его своей властью в «смирение».

Под угрозой огромных штрафов запрещалось покупать хлебное вино у заезжих торговцев или «курить» его самостоятельно. За игру в «зернь» также полагался штраф, но к нему добавлялось изгнание из волости. Филипп, во-первых, не хотел попустительствовать нравственному разложению подвластных ему людей и, во-вторых, не желал видеть их разоренными, ведь обнищание любого мелкого хозяина сказывалось и на экономике обители.

Настоятель ограничил рубку леса. Он велел штрафовать тех, кто примется вырубать рощу на своем поле ради мелких хозяйственных нужд. Штрафы за порубку были, конечно, не столь суровые, как за покупку и «курение» вина или азартные игры, но у нарушителей изымалась все-таки ощутимая сумма — 25 копеек. «Соловецкий хозяин» провел много лет на острове, где строительный лес — большая редкость и великая ценность. Он превосходно понимал, какое это богатство — лесные угодья, находящиеся по соседству с освоенными землями, и сколь просто растратить их на сущие мелочи, ради сиюминутной пользы...

Трудно теперь было Филиппу предаться пустынночеству, погрузиться в долгие молитвы, уйти от хозяйственной суеты. Бремя, которое он на себя взвалил, не отпускало его ни на день, тревожило без конца, постоянно требовало внимания.

Зато и опыт он получил громадный. Когда придет время управлять «хозяйством» во много раз большим, нежели Соловецкое, — всей Русской церковью, — у него достанет сил и умения справляться с делами.

Рассказ о великом строительстве на Соловках, преобразившем обитель до неузнаваемости, мог создать превратное впечатление, будто игумен Филипп не вылезал из хозяйственных дел и больше ни о чем не думал. Это не так. Конечно, львиную долю своего времени ему приходилось отдавать денежным расчетам, найму работников, присмотру за купцами и трудниками, прибывавшими на острова, разговорам с должностными лицами, которые управляли обширной монастырской вотчиной на Беломорье, и т. д. Все это было страшно хлопотно и утомительно, однако у

Филиппа хватало энергии и на дела совершенно иного рода.

Так, например, он много сил отдал, возвышая почитание святых основателей монастыря — преподобных Зосимы и Савватия. Их обоих причислили к лику общерусских святых на большом церковном соборе в 1547 году. К тому времени Филипп уже довольно долго играл в обители ведущую роль. Поэтому трудно сказать, кто предпринял первые усилия, необходимые для канонизации Зосимы и Савватия — предыдущий настоятель, Алексей, или все-таки Филипп.

Но в любом случае именно Филипп довел дело до конца, а помог ему, очевидно, митрополит Макарий — давний благодетель Соловков. Соловецкий игумен немало сил положил, чтобы утвердить особенное почитание святых Зосимы и Савватия. Это было такое же любимое детище «хозяина Соловков», как и его архитектурные проекты.

Именно Филипп учредил придел преподобных Зосимы и Савватия в строившемся Спасо-Преображенском соборе.

Именно Филипп отыскал в обители образ Пресвятой Богородицы Одигитрии^[45], привезенный на Соловки преподобным Савватием^[46].

Именно Филипп разыскал Псалтырь преподобного Зосимы и велел отреставрировать ее. Не исключено, что «ремонт» книги занимался он сам.

Именно Филипп ввел в обычай служить в ризе Зосимы, и после него так поступали другие настоятели Соловецкого монастыря.

Все перечисленные реликвии стали предметом особого почитания.

Именно Филипп дал указание вытесать могильный крест над погребением преподобного Савватия. Из-за сложностей, связанных с чтением надписей на этом кресте, его именовали то «келейным», то «молельным» и, соответственно, ставили Филиппу в заслугу обнаружение креста среди старых вещей — наряду с богородичным образом святого Савватия и Псалтыри святого Зосимы. В августе 2008 года автор этих строк ознакомился с превосходными фотографиями Савватиевского креста, сделанными А. В. Лаушкиным. Внимательное прочтение позволило определить точный смысл надписей. У основания креста сказано: «Крест Савватия чудотворца мо(г)илнои». На обратной стороне вырезано: «Лета 7064 (1555/1556). Взыскание и потружение игумена Филиппа». Чего ж яснее? Никто не искал этот крест, его изготовили по заказу настоятеля, чтобы поставить над мощами преподобного Савватия.

Именно Филипп дал вкладом на украшение гробницы соловецких чудотворцев деисус^[47] из трех икон, образ Святой Троицы, икону Сорока

мучеников — все «старинного высокого художества»; а также украшенную жемчугом панагию с изображениями Святой Троицы и Богоматери Воплощение. Очень дорогой подарок!

Именно Филипп в 1548 году пополнил Житие Зосимы и Савватия собранием новых чудес. Кстати, у него в келейном пользовании находилось несколько книг, в том числе «Житие чудотворцов» в кожаном переплете. Скорее всего, это были Жития именно соловецких чудотворцев.

Наконец, именно Филипп способствовал умножению иконописных образов Зосимы и Савватия Соловецких. Судя по описи монастырского имущества, составленной в 1549 году, тогда, при начале игуменства Филиппа, в обители находилось 14 икон с изображениями этих святых. А по аналогичной описи 1570 года, составленной через четыре года после ухода Филиппа на митрополию, их оказалось уже 22.

Общероссийская канонизация основателей Соловецкого монастыря стала великим событием для северной обители. Ее настоятель стремился сделать так, чтобы его монастырь был достоин памяти преподобных Зосимы и Савватия, но паче того — их новой славы.

Филипп, среди прочих настоятелей, должен был отправиться в Москву в 1551 году, когда там проходил большой церковный собор, устанавливавший общие правила и запреты, касающиеся жизни духовенства. Позднее собор этот станут называть Стоглавым, поскольку текст ответов, данных Церковью на вопросы, заданные ей царем, был разделен в итоговом тексте на сотню глав. Видимо, на обратном пути Филипп зазимовал в Новгороде. 2 декабря он служил вместе с архиепископом Серапионом в храме Спаса на Нередице, когда хоронили высокородного аристократа, князя Курлятева. Будучи в Москве, игумен приобрел красочные книжные заставки в нововизантийском стиле, а также рисованные инициалы, которые затем были наклеены на листы рукописного Евангелия. Работа над Евангелием закончилась в 1551 году, переписывал его соловецкий монах Иоасаф Белобаев. Впоследствии оно осталось в книжном собрании обители.

Соловецкий монастырь был форпостом православия на Беломорье, где незадолго до того абсолютно господствовало язычество, да и в XVI веке крещение местных народов шло медленно и трудно. Обитель не могла не заниматься миссионерством, особенно если учесть, что под контроль соловецкой братии попали обширные территории по берегам Белого моря, переданные монастырю государевыми грамотами. Обитель (а значит, и ее настоятель) обязана была вести к крещению местных язычников — в этом состоял христианский долг ее иноков. Да и самые прозаические

обстоятельства также подвигали на проповедь Христовой веры: ведь иначе местное население могло проявить враждебность к монахам, занятым колонизацией новых земель. По монастырскому преданию, первые иноки — насельники Большого Соловецкого острова — должны были выдержать борьбу с язычниками-карелами. К сожалению, материалов о миссионерской деятельности соловецкой братии в середине XVI века сохранилось совсем немного. Известно, что именно с Соловецкой обителью связаны подвиги миссионера Феодорита Кольского, крестившего лопарей в районе селения Кола. По словам современного историка А. А. Королева, «не вызывает сомнения, что в эти годы соловецкая миссия на Кольском полуострове не сводилась к деятельности одного блаженного Феодорита. Не исключено, что именно соловчане построили Петропавловскую церковь на реке Поной, предназначенную для крещеных лопарей»^[12]. Следует упомянуть и о Никольском монастыре, который возник в Кандалакше в первой половине — середине XVI века, также, вероятно, при участии соловецких монахов (в монастырском храме существовал придел во имя Соловецких чудотворцев). Его насельники занимались обращением лопарей: в 1554 году Иван Грозный пожаловал обители вотчину «для монастырского строения и для лопского крещения». Впоследствии Никольский Кандалакшский монастырь был приписан к Соловецкому, а в XVIII веке упразднен.

Да, при Филиппе Соловецкий монастырь стал жить богаче. У иноков появилась возможность устроить свой быт с относительным комфортом — возможно, с большим, чем того требует монашеская жизнь. Но настоятель не для того выводил обитель из состояния вынужденного нестяжательства, чтобы наполнить кельи богатством. Любой из братии, по его мнению, мог пользоваться таким количеством имущества, какое позволяло ему не отрываться от молитв и служб, от обычного ритма физических и духовных трудов, от монашеского делания. Избыточное накопление вещей у монахов могло привести к тяжким соблазнам. Не следует иноку, оставившему мир ради высокого служения Богу и очищения собственной души, впадать в праздность, как сыр в масле кататься, позволять себе роскошества в одежде. Поэтому Филипп решил ввести «Устав о монастырском платье», регламентировавший, сколько и какой одежды мог иметь соловецкий инок. «Устав» получил силу в 1553 году.

Кстати, из документов, связанных с утверждением «Устава», известно, чем владел сам настоятель.

Вся его одежда перечисляется в нескольких строках. «У Филиппа игумена платия: четыре шубы. Шуба дорожная с сукном песцова, да три бораньих... да одеяло боранье с сукном, да телогрея песцова ветчана с

платом, да телогрея белая, да каптур^[48] белый с сукном, да каптур суконной. Да свои сапоги, да полуголянки... да 4 свитки, да две сермяги, да ряски, монатья да клобук, да монатейка середняя, да малая, да трои рукавицы, да двои ногавицы, да медведно санное, да медведенко малое»^[49]. У игумена был только необходимый скарб, в соответствии с новоучрежденным «Уставом», особенно если учесть, в каких условиях жили (да и живут) соловчане — им приходится не снимать теплые вещи по девять-десять месяцев в году, и одежда быстро снашивается. У настоятеля было не больше имущества, чем у некоторых старцев обители, и чуть больше, чем у основной массы иноков. Между тем Филипп оказался в роли почти самодержавного правителя обширной области на Русском Севере. Он мог бы позволить себе многое.

Но не считал необходимым.

В нем жил все тот же пустынный и аскет, когда-то обходившийся камнем вместо подушки и пасшим овец за прокорм у онежского крестьянина. Корыстолюбие не коснулось Филиппа. Он умел добыть своей обители неисчислимы богатства, однако сам обходился малым.

Современный историк И. А. Лобакова увидела за строками «Устава» те качества характера Филиппа, которые выступают и в его грамотах, и в Житии: терпимость, искреннюю заботу о людях, любовь к ним, готовность войти в положение других. Не случайно в тексте так часто повторяются слова «Кому будет пригоже», «за нужу», «по разсуждению».

Всматриваясь в жизнь святого Филиппа, скоро чувствуешь растущее удивление. Разве могла произойти с человеком, достигшим возраста зрелости, столь разительная, столь невероятная перемена? Порой кажется, что Филипп в игуменах соловецких — совсем другой человек, нежели смиренный инок, полный радостей пустынночества; что тот куда-то исчез, растворился, и его заменила личность деятельная, волевая, энергичная и разворотливая. Тихий, гордость в себе убивший монашек обращается в настоятеля с железным характером, правителя большой области, администратора, которому до всего есть дело^[50].

К объяснению, которое автор этой книги тщится дать изумительному перелому в жизни святого, следует относиться с осторожностью. Это лишь догадки, предположения, тем более высказанные человеком, никогда не знавшим ни звания монашествующего, ни глубоко воцерковленной духовной жизни.

Нет выше загадки, чем преображение людских душ, поворот от одного

образа мыслей и действий к другому. Но тайна души святого — глубже, чем у кого бы то ни было, и еще труднее проникнуть в нее. Поэтому сказанное ниже не должно оцениваться как результат личного опыта или как твердое знание, ибо это всего лишь мнение.

Святость можно воспринимать в качестве средства, с помощью которого Бог разговаривает с людьми. Жизнь всякого человека содержит в себе притчу, рассказанную Богом другим людям, или даже несколько притч, следующих одна за другой. Но судьба святого — на виду. Он есть свет на горе, к которому люди поднимают взгляды. А значит, сказанное через святого видно и понятно многим — тем, кто даст себе труд всмотреться в его жизнь, вдуматься в значение его слов и поступков. Без сомнения, понимание это редко обладает полной ясностью — Промысел Божий не может быть для людского разума прозрачным подобно стеклу. Лишь великие подвижники, вероятно, осознают все пласты смысла, вложенного Высшим Судией в притчи-судьбы. Но самое общее значение доступно любому, кто обладает верой и любовью, ведь дается оно ради научения тому, как спасти душу.

Что же есть притча, содержащаяся в соловецком периоде жизни святого Филиппа?

Книжный человек, недовольный судьбой воина, Филипп услышал зов истины и вступил на путь следования к ней, желая освободиться от оков уныния. Явившись на Соловки, он несколько лет очищал душу, выжигал корни грехов, восприимчивость к соблазнам. Ведь даже тот, кому вера досталась от родителей, укреплена воспитанием и добрым примером окружающих, все-таки не способен сам по себе, без помощи Бога соблюсти ее нерушимость, сохранить душу в полной чистоте. Вот приходит несчастье, боль, чья-то смерть, а то и просто сильный соблазн — и что же? Благочестивейший человек быстро теряет упование на силы небесные, да и просто перестает думать о них. Мысли его наполняются горечью, страхом, пустыми иллюзиями, злобой, корыстью. То, что должно произойти с его душой по окончании земного срока, больше не вызывает никаких чувств и выветривается из размышлений. Интерес, накрепко связанный с земным миром, всё побеждает, всё наполняет собой. Мудрейшие подвижники, и те подвержены этой слабости! И у них вера может разрушиться в мгновение ока, и их души не отгорожены от скверны. Монаху сам быт его, способ жизни дает инструменты для очищения да еще для тренировки духа — всё на том же пути приближения к Богу. Надо только пользоваться ими, не щадя себя.

Филипп очищался и закалял дух. Он приготовил себя для того, чтобы

подойти к источнику истины так близко, как он только мог. И вот в период пустынночества Филипп делает последние несколько шагов к истине, а значит, к Богу. Тогда, возможно, что-то было сказано ему свыше, дано было нечто, навсегда и с великой силой укрепившее его веру: видение божественных энергий или просто такое состояние, когда стяжание Духа Святого делается ощутимым, а присутствие Бога — несомненным. Продвинувшись так далеко в сторону Бога, Филипп уверился в Его существовании навсегда и расстался с малейшим сомнением. Большого дара в земной жизни получить никому не дано. С тех пор соловецкий монах, а потом настоятель шествовал по летам судьбы своей легко. Он точно знал, что Бог есть, и так же точно знал, что Бог — именно тот, в кого он верил. А значит, в дальнейшем ничто не могло отвратить Филиппа от поступков, совершаемых сообразно вере. Он знал, с какой меркой подступаться к сложным и спорным жизненным ситуациям. Ему оставалось лишь следовать правилу: «Делай, что должно, и будь, что будет». Траты времени и жизненной силы на сомнения и колебания не трепали его столь же неотступно, как мучают они большинство людей.

Именно из этого знания, из этой простой решимости мерить аршином веры всех и вся выросли невиданная энергия Филиппа и невиданная твердость в поступках. Следовало исправить хозяйственные дела монастыря — он исправил. Следовало заменить неказистые деревянные церквушки великолепными каменными храмами — заменил. Следовало позаботиться о братии — он обеспечил ей достаток. Всякий раз, выполняя свой долг, Филипп встречал великие препятствия. Всякий раз перед ним возникали задачи, решение которых требовало долгих месяцев и даже лет. Но он двигался к цели, не предаваясь рассуждениям о тяжести и длительности трудов, и в конечном итоге достигал ее.

Итак, думается, «соловецкая притча» в жизни Филиппа — это притча о необыкновенной силе, которую христианин может почерпнуть от крепкой веры.

У Ольги Крестовской, замечательного современного художника, есть картина «Монах», навеянная соловецкими впечатлениями. Одиноким инок плывет на лодке по узкой протоке, отталкиваясь шестом, и деревья смыкают над его головой зеленый свод. Видно: в тиши, в покое, в красоте, монах, совершая умнело молитву, ощущает божественное присутствие и счастлив от этого чувства... Кажется, невозможно лучше передать образ святого Филиппа, точнее рассказать о том, что происходило с ним на Соловках.

Соловецкий монастырь, помимо первой и главной своей функции, играл также роль тюрьмы — или, вернее, чего-то среднего между местом заключения и ссылки. Многие русские обители использовались подобным образом, особенно если речь шла о духовных преступниках, например о еретиках. Соловки не были в этом смысле исключением.

Источники XVI века сообщают о двух именитых соловецких узниках, чье пребывание в обители приходится на игуменство Филиппа.

Первый из них — публицист и прославленный (а лучше сказать, скандально известный) учитель русского монашества старец Артемий. Этот человек являлся одним из главных продолжателей традиции Нила Сорского.

Преподобный Нил Сорский проповедовал скитское жителство монахов. Он призывал к аскетизму, к неустанному молитвенному труду, очищению от «страстей» и мистическому сосредоточению. К «стяжательству», то есть приписыванию к монастырям сел с крестьянами, он относился негативно, а обширную хозяйственную деятельность больших монастырей не любил. Он не противопоставлял одну форму организации монашества другой, просто настаивал на том, что должны быть скитские «островки» высокого иночества, глубоко погруженного в духовную жизнь. Одного лишь общинного жития, с его бесконечными экономическими заботами, для этого недостаточно: оно рассеивает концентрацию на духовном, рождает «страсти», отвлекает от главного в иноческом делании. Кроме того, он считал полезным для монахов весьма значительное материальное самоограничение. Идеал «нестяжания», сформулированный Нилом Сорским, вошел в сердца многих продолжателей его дела; на Руси духовный авторитет сорского подвижника удостоился высокого почитания — как при жизни, так и после смерти.

Старец Артемий также прилежал душой к скитам, к пустынножителству, а в отношении монастырских земель высказывался в духе радикального нестяжательства. Он слыл большим книжником, пылал жаждой миссионерства и мечтал о диспутах с книжниками других вер. Полгода Артемий игуменствовал в Троице-Сергиевой обители, затем оставил этот пост по причинам, прямо противоположным тому, отчего ушел из настоятелей Филипп. Для богатого монастыря, ищущего новых земельных приращений, Артемий был слишком нестяжателен. Но у него оставалось много учеников и еще того более поклонников из интеллектуальной среды. И ученики Артемия шли гораздо дальше своего наставника. Он сам был несколько вольнодумен, снисходительно относился к ересям, видя в них ребяческое невежество, однако с учением Церкви в

противоречия не входил; разве что сомневался в уместности почитания святых мощей. Зато среди его последователей оказались еретики самого отчаянного пошиба, и в их числе знаменитый Феодосий Косой.

«Делом» Артемия занялся церковный собор. Старец, видимо, претерпел клевету от враждебных ему стяжателей-иосифлян — сторонников церковной традиции, основанной в России преподобным Иосифом Волоцким. Их идеалом иноческой жизни являлся крупный киновияльный монастырь, соединявший за одним трапезным столом многих иноков, из которых никто не имел права на личное имущество; однако сам монастырь мог быть весьма богат. Большие земельные владения, в том числе села с крестьянами, обеспечивали экономическую самостоятельность Церкви, ее независимость от государства. Эта линия сама по себе ничего дурного не содержит, напротив, для Церкви она во многом была и остается спасительной. Но порой и в благом деле находятся люди корыстные, лукавые, недобрые... Артемия, чьи речи шли вразрез с этой традицией, обвинили в еретичестве. Источники середины XVI века показывают, что основания под названным обвинением шатки. Потому и участники собора в этом случае не проявили единодушия: звучали высказывания за оправдание старца^[51]. Но всё же в начале 1554 года по соборному решению Артемия лишили сана и отправили на «вечное заточение» в Соловецкий монастырь, где его предписывалось содержать «с великою крепостию и множайшим хранением». Очевидно, главную роль сыграла раздражавшая многих его активная проповедь нестяжательства. Филиппу же велели вести со ссыльным поучительные беседы ради его вразумления.

Неизвестно, что произошло в ближайшие месяцы после осуждения старца. Но в том же году (самое позднее — в 1555-м) он бежал из обители, чтобы поселиться в Литве. Там, на территории иного государства, его взгляды сильно изменились. Оставаясь верным православию, Артемий стал гораздо жестче относиться к ересям, вел открытую полемику с протестантами и сожалел, что прежде прощал еретикам слишком многое.

Как можно было совершить побег с Соловков?

Рассуждая теоретически, ловкий человек был способен уйти из-под присмотра братии, украсть съестные припасы, лодку и весла, в одиночку грести 60 верст до ближайшей земли (район Кеми), а оттуда пешком выбираться в Литву по диким, слабо заселенным землям северной Новгородчины. Какой-то шанс — пусть ничтожный — был. Догреб же преподобный Савватий Соловецкий один-одинешенек до Большой земли, чтобы там принять Святое причастие перед кончиной!

Практически же всё это — пустая болтовня! На деле это невозможно, будь даже старец Артемий могучим гребцом, к тому же способным на протяжении многих дней питаться каким-нибудь украденным пирогом. Пусть даже он не боялся длинного пути по западному побережью Белого моря и обманул бдительность соловецких монахов (наверное, это было не слишком трудно — у них и без того хватало забот, чтобы не следить за каждым шагом узника). Но как он ориентировался в море? Преподобный Савватий хотя и отправился в последнее путешествие, стоя одной ногой в могиле, а все-таки прожил на Соловках долгие годы, знал, куда и как направить лодку. Старец Артемий подобную выучку не проходил, так откуда у него штурманские, а заодно и лоцманские навыки? Выходит, он стащил морскую карту в дополнение к лодке и пирогу, а также подробно расспросил соловецких мореходов, каким маршрутом ему лучше бежать. Еще один вопрос — почему его не догнали? Бежать старец мог, лишь когда море было спокойно, иначе разнесло бы его лодчонку о прибрежные камни или перевернуло волнами. А по безветренной погоде его видели бы с берега на протяжении нескольких часов. Лодка с гребцами, а тем более судно, оснащенное парусом, не оставили бы Артемию ни малейшего шанса скрыться.

Предположим, он спрятался на борту крупного судна, уходившего с Соловков по направлению к Онеге или устью Двины. В таком случае ему требовалось незаметно попасть на корабль, пролежать без движения несколько дней, не имея питья и пищи, да еще спрятавшись от глаз команды под какой-нибудь ветошью, а потом столь же незаметно скрыться в порту при разгрузке. Учитывая относительно небольшие размеры русских судов на Беломорье (спрятаться там негде) и дальность плавания (до Онеги 200 верст, а до двинского устья в полтора раза дальше), подобная гипотеза не выдерживает никакой критики.

Допустим, ссыльный старец уговорил помочь кого-то из людей пришлых: купца, прибывшего с грузом хлеба с материка, или богомольца. Ведь в середине XVI столетия на Соловках постоянно оказывались люди, никак не связанные с постоянным населением архипелага. Могло ли такое быть? Крайне маловероятно. Ведь в ту пору все, кто как-то был связан с монастырем, знали друг друга, каждый человек был на виду. Не требовалось особого расследования, чтобы вычислить виновного в побеге, хватило бы внимательного отношения к «гостям» Соловков. С точки зрения государства и Церкви, подобный добровольный помощник Артемия мог рассматриваться как опасный преступник. И если монастырская община была против побега, значит, сообщнику грозило тяжелейшее наказание.

Иноки моментально определили бы его и сообщили властям — например холмогорскому воеводе. Не говоря уже о разрыве хозяйственных связей с монастырем и приобретении дурной репутации нелояльного человека, которая может сохраниться на всю жизнь, да еще пойдет и в род, и в колено...

Остается предположить, что помощь беглецу оказала сама соловецкая братия. Как видно, старца Артемия перевезли на материк, снабдили провизией да еще, вероятно, дали ему проводника. Без благословения Филиппа такой «побег» был немыслим. Выходит, соловецкий настоятель имел серьезные причины дать свободу узнику, которого должен был беречь как зеницу ока. Такова, по мнению автора этих строк, наиболее вероятная версия.

Советский историк А. А. Зимин пишет: «Возможно... побегу содействовал игумен Соловецкого монастыря Филипп Колычев, близкий к нестяжательскому окружению Сильвестра»^[13]. Фактов, доказывающих близость соловецкого настоятеля к «окружению Сильвестра», нет. Это лишь предположение.

Да и крайне сомнительно нестяжательство Филиппа. Вопрос, был ли Филипп стяжателем-иосифлянином или все-таки нестяжателем, сложный, и прямого ответа на него нет — так же как не было в Московском царстве твердого деления на стяжателей и нестяжателей.

Несколько очень крупных деятелей того и другого «крыла» Русской церкви, «идеологов», как бы сказали в наши времена, и впрямь нетрудно, подвергнув классификации, отнести к первым или вторым. Но таких людей совсем немного. Судьбы большинства архиереев и монастырских настоятелей не дают повода четко определить их в качестве последователей Иосифа Волоцкого или Нила Сорского. Для окончательных выводов на сей счет просто не хватает данных. Более того, нередко очень значительные фигуры из истории нашей Церкви проявляли в своей деятельности поочередно признаки иосифлянства и нестяжательства. Ведь между этими течениями не существовало непроходимой перегородки. Никто не вступал в «партию» Иосифа Волоцкого и не клялся в верности памяти Нила Сорского. Сами они, расходясь по одним вопросам, оставались солидарны в других. А живой церковный быт давал простор идеалам обоих преподобных на территории одних и тех же областей. Порой одна обитель лелеяла в разное время (а то и одновременно) сторонников иосифлянства и нестяжательства. Лишь позднейший вульгарно-идеологический подход, искусственно разделивший единое тело Церкви на жестоких корыстолюбцев из среды стяжателей и их высокодуховных жертв, создал в

сознании русских образованных людей доселе невиданную и прямо фантастическую границу.

Игумен Филипп отличался любовью к пустынничеству. Его духовный пример впоследствии немало поработал на благо соловецкой традиции скитского жития монахов, весьма развитой на островах. «Хозяин Соловков» не искал материальных льгот для себя. Нет никаких оснований упрекать его в невозддержанности по части пищи, одежды, условий жизни. Напротив, суровые условия послушничества и последующее уединение в пустыни научили Филиппа довольствоваться малым. С другой стороны, он добивался приращения земельных владений монастыря, притом не только получал новые участки от государя, но и *покупал* земли у частных собственников. Обитель пользовалась плодами работы зависимых крестьян, от чего предостерегали нестяжатели. Выходит, соловецкого игумена нельзя твердо отнести ни к иосифлянам, ни к нестяжателям.

Но вернее всего, Филипп действительно помог бежать старцу Артемию.

Почему?

Загадка не столь уж сложна.

Отношение Артемия и Филиппа к церковной собственности в целом и к монастырской в частности различалось коренным образом. С другой стороны, Филипп, проживший долгие годы в условиях вынужденного нестяжательства Соловецкой обители, вряд ли мог видеть в нелюбви к иосифлянству особенное преступление и тем более ересь. На протяжении века братия жила крайне бедно — и что же в том еретического? Сам он, как уже говорилось, умел сочетать во владениях монастыря идеалы монашеской жизни, принадлежащие последователям как Иосифа Волоцкого, так и Нила Сорского. На почве любви к пустынничеству и уединению игумен мог найти общий язык со старцем Артемием. Тот и сам любил жить в глуши, искал в скитах, удаленных от людской суеты, условия для духовной концентрации.

Можно представить, как два мудрых книжника, два светоча монашества — один падший, другой же лишь начинающий восхождение — вели между собой долгие разговоры, спорили, мирились, отыскивая один в другом потаенную суть личности... И Филипп, крепкий полемист, как покажет будущее, имел возможность развеять «легкое», снисходительное отношение Артемия к ересям. А именно в этом состояла главная болезнь, поразившая дух Артемия.

Впоследствии, уже в русской Литве, он, по словам историка Н. А. Казаковой, «...перешел на позиции защиты православия и обличал другие

вероисповедания, а также ереси». Действительно, перемена ясно читается в посланиях старца. Так не повлиял ли на него соловецкий собеседник — Филипп?

Видя добрые изменения в образе мыслей Артемия, настоятель, возможно, решил взять на себя ответственность перед Богом и своей совестью за очень рискованный поступок. Он оказал доверие старцу, отпустив его. Имел ли он право на такое решение? Формально, разумеется, нет. Что утвердил церковный собор, то одному игумену переделать не под силу. Но как духовный наставник, как пастырь, отвечающий за «словесное стадо», Филипп нес тяжкое бремя; следовательно, у него были нравственные основания поступить в этом вопросе по-своему. Если прозрел соловецкий игумен покаяние в Артемии, то мог проявить к узнику милосердие ради исправления души его.

Естественно, все эти соображения следует оценивать не как твердую историческую реконструкцию, а лишь как гипотезу. Для осторожности в данном случае есть серьезная причина.

Бегству Артемия мог способствовать и не Филипп. Вероятность другого оборота событий невелика, но всё же намного больше, чем у авантюрной версии самостоятельного побега старца.

У Филиппа в собственной обители были противники. Братия соловецкая — во всяком случае, какая-то ее часть — не торопилась соглашаться с грандиозными преобразованиями, проводимыми по воле настоятеля. Прежнее искусственное нестяжательство кем-то ставилось выше нового состояния обители. В нем, надо полагать, искали «золотой век» благочестия... А тут на островах оказался светоч нестяжательского движения, великий книжник, известный всей России. Допустим, в Соловецком монастыре существовала «партия», оппозиционная игумену. Такое происходит, к сожалению, сплошь и рядом, включая и наше время. Так случалось на тех же Соловках намного позднее, например, при Иоанникии, занимавшем настоятельское место в 1895–1917 годах.

В запале противостояния кто-то из авторитетных людей обители оказался способен на рискованный поступок — из сочувствия к духовному лидеру русского нестяжательства и по причине разногласий с собственным игуменом. Вот и появилась у Артемия возможность побега.

Да, такое исключить нельзя. Но тогда перед историками встает призрак настоящей войны внутри обители, что не находит подтверждения в источниках. Все-таки наименьшее число неувязок рождает версия, согласно которой лично игумен Филипп дал Артемию свободу, и она же дает объяснение большому количеству фактов, в противном случае непонятных.

К следующему, 1555 году относится грамота, вероятно, связанная с побегом Артемия. Ее составили 7 августа в Москве по распоряжению митрополита Макария для новгородского архиепископа Пимена. Суть документа изложена в нескольких предложениях. «Прислал еси к нам, — обращается Макарий к владыке Пимену, — обыскной список Соловецкого монастыря игумена Филиппа с старцом того же монастыря Изосимою. И мы того твоего обыскного списка с архиепископом и епископы, и с архимандриты, и игумены соборне слушали. И по тому обыскному списку игумен Филипп прав, а старец Зосима виноват. И ты б того игумена благословил и игуменити в Соловецком монастыре велел по старине, и в монастырь его отпустил. А тому б еси старцу Зосиме и игумену Филиппу в своем согрешении и за свою вину велел добити челом. И впредь бы еси в том Соловецком монастыре тому старцу Зосиме житии не велел, а послал бы еси его в ыной в которой монастырь и велел его дати доброму старцу под начало...»

Что это? Возможно, след выступления радикальной нестяжательской партии в Соловецкой обители. Архимандрит Макарий (Веретенников) в самых осторожных выражениях связал причину конфликта с возведением Успенского храма^[14]. Действительно, именно это строительство сыграло роль отправной точки для колоссальных преобразований в жизни обители, положило конец прежней бедной и закрытой жизни, а значит, вызвало недовольство тех, кто хотел жить по старине. Но, может быть, дело в другом. Не обвинял ли Зосима игумена в организации побега старца Артемия? Ведь финал расследования по времени недалеко отстоит от того момента, когда старец ушел с Соловков. Филиппа доставили в Великий Новгород, временно отобрав у него настоятельские полномочия, на острова отправили группу дознавателей; но в конце концов церковный собор оправдал соловецкого настоятеля.

Второе больше похоже на правду. Если бы Зосима обвинял Филиппа в корыстолюбии, неблагочестивой жизни, материальных злоупотреблениях, даже в содомии, этого было бы все же недостаточно для разбирательства на соборе. Тут, надо полагать, даже слово митрополита не понадобилось бы — хватило бы власти самого Пимена. Но обвинение в содействии человеку, соборно признанному еретиком, — весьма основательная причина для рассмотрения дела на высшем церковном уровне.

Как Филипп избежал ответственности за побег Артемия, выяснить невозможно. Документов на этот счет не сохранилось, исторических преданий тоже, да и Житие святителя молчит. Остается лишь гадать да чаять открытия новых источников.

Если Филипп в самом деле помог старцу Артемию, то этот поступок открывает в его характере рано утвердившуюся самоотверженность, проявлявшуюся в случаях, когда речь заходила об истине, о христианской любви, о спасении души.

Вторым знаменитым соловецким узником Филипповых времен мог быть священник Сильвестр — видный деятель Избранной рады^[52]. Сильвестра знала вся страна. Эта фигура стояла на политическом и культурном небосклоне России намного выше, чем старец Артемий. Одно время он играл роль ближайшего наставника при государе. С его именем связывается появление знаменитого «Домостроя», Жития святой равноапостольной княгини Ольги и крупного исторического сочинения — «Степенной книги». До конца 1550-х годов Иван IV благоволил к Сильвестру, но затем тот угодил в опалу, да и Избранная рада распалась. Князь Курбский, перешедший впоследствии к литовцам, через много лет после заката Избранной рады напишет о судьбе Сильвестра странное известие, по сию пору ставящее историков в тупик. По словам князя, Иван Грозный отправил Сильвестра в Соловецкий монастырь: «...Заточен бывает от него Селивестр-пресвитер, исповедник его, аже на острове, яже на Студеном море, в монастырь Соловецкий, край корельска языка, в лопи дикой лежаш».

Ни малейших следов пребывания Сильвестра на Белом море нет. Последние годы жизни он, однозначно, провел в Кирилло-Белозерском монастыре, куда попала и его библиотека. Сам царь пришел в недоумение от обвинений Курбского. Он никогда не испытывал смущения, отправляя кого-то на казнь или в изгнание, но о прежнем своем фаворите, не пытаясь оправдываться, говорит, что отпустил священника из Москвы безо всякого ущерба, по его собственной воле. Иными словами, никакого изгнания и тем более насильственной отправки в отдаленную обитель не произошло. Почувствовав охлаждение со стороны государя, Сильвестр, видимо, сам почел за благо удалиться от дел.

Объяснить это противоречие можно двумя способами. Скорее всего, Курбский ошибся, запамätовал, по прошествии многих лет, обстоятельства судьбы Сильвестра. Подобные несообразности встречаются в письмах князя к Ивану Грозному, а в принадлежащей его перу «Истории о великом князе Московском» их просто пруд пруди. В ином случае можно предположить, что в судьбе опального священника соприкосновение с Соловецкими островами все же произошло, но имело характер незначительного эпизода. Лишившись власти и влияния на царя, он, вероятно, подыскивал наилучшее место, где мог бы скоротать век.

Посмотрел Соловки, пожил там какое-то время, но в конечном итоге остановил выбор на Кирилло-Белозерской обители. В любом случае пересечение судеб двух великих людей Московской державы не высекло исторической искры. Каждый из них оказался на периферии биографии другого. Рассуждения о каком-то их взаимном влиянии или даже союзничестве не могут приниматься всерьез — для этого просто нет сколько-нибудь значительной информации.

Наступило время поговорить о том, как выглядел Филипп. Прежде в этом не было ни малейшего смысла: нет даже самой ничтожной информации о том, каков был облик святителя в детстве и молодости. Источники, из которых можно почерпнуть сведения о его внешнем виде, вообще крайне скудны.

Это в первую очередь иконы древнего письма. Иконописный жанр средневековой живописи отличается очень высокой степенью условности. Искать в старинных образах «портретное» сходство с оригиналом — дело бессмысленное. Но можно все-таки ожидать самой общей передачи подлинных черт лица, в особенности если канонизацию отделяет от смерти незначительный хронологический промежуток. В отношении Филиппа есть смысл надеяться хотя бы на минимальное отражение его действительного облика.

До наших дней дошло несколько древних икон с изображением Филиппа, относящихся к концу XVI и XVII веку. Из них более всего интересны две: Богоматерь Боголюбская с избранными святыми работы Истома Савина, а также образ самого Филиппа, написанный знаменитым Симоном Ушаковым. Первая икона создавалась в конце XVI — начале XVII столетия, вторая же датируется весной 1653 года. Историк византийской и древнерусской живописи В. Г. Пуцко передает суть обоих изображений в нескольких точных и экспрессивных фразах. О Богоматери Боголюбской: «Фигура святителя, облаченного в крестчатый саккос^[53], плавно изогнута в поклоне, руки молитвенно простерты. Худощавое лицо с тонкими чертами обрамлено короткой темно-русой окладистой бородой. На голове — архиерейская шапка с меховой опушкой, украшенная камнями или крупным жемчугом». Об иконе письма Симона Ушакова: «Изображение святителя Филиппа здесь отличается индивидуальной портретной характеристикой, выделяющей этот образ среди аналогичных икон второй половины XVII в. Выразительно лицо человека, еще не достигшего преклонного возраста, твердого и решительного»^[15]. Остается добавить, что и во втором случае у

святого короткая и окладистая борода. И действительно, ранние иконные изображения святителя Филиппа нередко передают суровое выражение его лица, решительно сдвинутые брови. Такое лицо могло быть у человека с очень твердым характером.

Известны также три ранних покрова на гробницу святителя, относящиеся к 40—50-м годам XVII столетия. Один из них, возможно, был изготовлен на Соловках или в ином месте Русского Севера^[54], другой — в мастерской жены стольника Ивана Дмитриевича Колычева, Марии Борисовны, а третий происходит из мастерской Евдокии Андреевны Стрешневой. Всерьез рассуждать о реальном облике Филиппа на основе того, как изображали святителя мастерицы шитья, было бы по меньшей мере странно. Художественное шитье русского Средневековья даже более условно, чем иконопись — из-за свойств самого материала и техники работы. Но при этом бросается в глаза одна деталь: Филипп везде показан с короткой прямой бородой. Вероятно, при работе над покровами образцы брались из уже сложившейся иконописной традиции.

Кроме того, можно воспользоваться кратким описанием останков Филиппа, принадлежащим перу соловецкого старца Сергия Шелонина. Оно составлено в 1646 году в связи со вскрытием гроба святителя и перенесением его мощей. Конечно, к тому времени прошло без малого восемь десятилетий после кончины святого, но мощи оставались нетленными, являя необыкновенно хорошую сохранность.

По словам Шелонина, Филипп стригся коротко, до самой смерти сохранил все зубы (они не потеряли белизну), имел при жизни «скудную» бороду, причем росла она в основном не от подбородка, а от горла. В гробу борода отросла едва ли не до пояса, но Сергей Шелонин специально подчеркивает ее небольшую прижизненную длину. Для него это важно: короткая борода святителя вошла в соловецкий иконописный подлинник^[55], а он составлялся по воспоминаниям тех обитателей монастыря, кто еще застал Филиппа на игуменстве. «Несоловецкие» иконы святителя, где он изображен с длинной бородой, отвергаются старцем как неправдоподобные.

Слова Шелонина в общем сходятся с иконописной традицией, сложившейся в Соловецкой обители.

Очевидно, святитель был худ — аскетическая жизнь соловецкого иночества к полноте не располагала. Как и большинство «служилых людей по отечеству», он был слегка кривоног из-за долгой и основательной кавалерийской выучки. Упражнения в воинской науке с молодых лет

сделали его тело мускулистым, а соловецкие ветры да непогоды крепко выдубили кожу лица и рук.

Сверх этих наблюдений добавить о реальном облике Филиппа нечего.

Спокойная жизнь Филиппа на Соловках кончилась в июне 1566 года. Из Москвы прибыл государев гонец с известием: царь Иван Васильевич желает видеть соловецкого настоятеля «духовного ради совета» и велит ему немедленно собраться для поездки в Москву. Очевидно, посланник открыл тайную суть монаршего приказа: игумену предстояло подняться к митрополичьему сану.

Это была большая неожиданность для Филиппа. К тому времени он достиг 59-летнего возраста, считавшегося тогда весьма преклонным. В России XVI столетия не многие доживали до таких лет, а из доживших большинство пребывало в дряхлости физической и духовной. Соловецкий игумен думал мирно окончить дни в стенах монастыря. А до наступления последнего срока он планировал поставить еще одну каменную церковь, завершить кое-какие мелкие строительные работы на Большом Заяцком острове да на Святом озере...

Он вжился в Соловки, а Соловки вошли в него. Образ энергичного игумена, остававшегося в то же время благочестивым пустынником, неразрывно соединен с большой эпохой в жизни обители. Это время, с середины 40-х до середины 60-х годов XVI столетия, можно смело называть «филипповским периодом» в исторической судьбе Соловков.

В тоске расставался он с милой сердцу обителью, с печалью провожала его братия.

Филипп еще мог противиться возвышению, к которому двигал его старый настоятель Алексей; но когда сам государь хотел его возвысить, Филипп, желая того или нет, обязан был повиноваться. Делать нечего. Последний раз он отслужил литургию в стенах монастыря, последний раз причастился, последний раз трапезовал с братией и сел на корабль.

Так закончилась одна притча, рассказанная Богом через судьбу святого Филиппа, и началась другая.

Путь его к столице пролегал через Великий Новгород. Тамошние жители, узнав о приближении будущего митрополита, встретили его задолго до того, как Филипп увидел городские стены. Проведя несколько дней в гостях у новгородцев, он выслушивал их слезные просьбы: «Ходатайствуй, блаженне, ко царю о граде и о нас! Заступайся за свое отечество!»^[16] Новгородцы видели в Филиппе земляка, а потому делились с ним опасениями: ходили слухи, будто Иван Васильевич держит гнев на

город. Жди беды!

Филипп встревожился.

Однако в столице его встретили милостиво, осыпали подарками, пригласили к царской трапезе. Сам Иван IV призвал его к себе для беседы и подтвердил свое намерение. Все вроде бы складывалось хорошо, но почему-то холодок поселился в груди соловецкого настоятеля. Он обратился было к государю с просьбой отпустить его назад. Но царь остался непреклонен, а свита его взялась утешать Филиппа да уговаривать, чтобы оставил прекословие.

С тревогой в душе стоял Филипп на пороге митрополичьего служения.

Глава четвертая

МИТРОПОЛИТ МОСКОВСКИЙ И ВСЕЯ РУСИ

На Московской митрополичьей кафедре Филипп пробыл немногим более двух лет. 25 июля 1566 года его поставили в митрополиты, а в начале ноября 1568 года — лишила сана.

Московская царская летопись сохранила краткое известие о том, как Филипп стал главой Русской церкви: «Того же месяца июля в 24 день [1566 года], в среду царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси и сын его царевич Иван с своими богомольцы с архиепископы и епископы и со всем еже освященным собором избрал в дом Пречистыя Богородица^[56] на святыи великий престол великих чудотворец Петра и Ионы на Русскую митрополию после Афанасия митрополита из Соловецкого монастыря игумена Филиппа, и возведоша его того дни на митрополич двор. А июля в 25 день, в четверг, повелением благочестиваго царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Руси самодержца поставлен бысть на святыи великий престол великих чудотворцов Петра и Алексея и Ионы на Русскую митрополию игумен соловецкий Филипп Колычов».

Известно также, что при избрании Филиппа на митрополию присутствовало почти всё высшее русское духовенство.

Вот список участников собора, который привел соловецкого настоятеля на митрополичью кафедру (по старшинству):

Пимен, архиепископ Новгорода Великого и Пскова;
Герман, архиепископ Казани и Свияжска;
Никандр, архиепископ Ростова Великого и Ярославля;
Елевферий, епископ Суздаля и Тарусы;
Филофей, епископ Рязани и Муромы;
Семион, епископ Смоленска и Брянска;
Варлаам, епископ Коломны и Каширы;
Галактион, епископ Сарский и Подонский;
Иоасаф, епископ Перми и Вологды.

Отсутствовали два крупных иерарха: полоцкий архиепископ (с 1563 года, когда русская армия отбила этот город у Великого княжества Литовского, главу Полоцкой епархии ставили в Москве) недавно скончался,

а тверской епископ Акакий, очень старый и больной человек, не рискнул отправиться в дальний путь. Впрочем, об Акакии известно, что он был «...с архиепископы... и епископы на митрополичье избрание единомышлен».

Источники не донесли до нашего времени сведений о том, чтобы кто-нибудь противился возведению Филиппа в митрополиты. Летописное известие надо воспринимать в прямом смысле: сам царь избрал его из многочисленных игуменов, архимандритов и архиереев Русской земли, а Церковь лишь подтвердила выбор государя. В нашей истории бывали случаи, когда кандидатура государева ставленника на митрополичий престол вызвала дискуссии среди церковных иерархов, когда права его оспаривались. Так, например, случилось в XIV веке, при великом князе Дмитрие Ивановиче, прозванном Донским. Его любимец Михаил-Митяй, «новоук» в монашестве, не снискал любви в церковной среде, и его выдвижение вызвало активное противодействие. Но теперь настали совсем другие времена. Церковь не решалась спорить с государем Иваном IV, хотя кое-кто из архиереев и мог представлять себя в митрополичьем кресле...

Это мог быть, например, Пимен — второе лицо в церковной иерархии, или другая значительная фигура — Герман (Полев). Источники сохранили смутные известия о разговорах, которые шли вокруг Германа. В нем видели потенциального митрополита, но он отрицательно относился к опричнине и даже пытался «вразумить» Ивана IV. Опричные советники царя всерьез опасались, что тот подпадет под влияние волевого и энергичного архиерея. Они отговаривали Ивана Васильевича от подобного выбора, пугая его духовной зависимостью от Германа — горшей, чем когда-то от Сильвестра, а тот был наставником суровым, властным... В конечном итоге им удалось закрыть для Германа путь наверх.

Поставлению Филиппа придавалось очень большое значение. На нем присутствовали сам Иван Васильевич, его сыновья Иван и Федор, а также удельный князь Владимир Андреевич Старицкий.

Когда Филиппа призвали в Москву, митрополия «сиротствовала». Но освободилась она не из-за смерти предыдущего главы Русской церкви, а совсем по другой причине, крайне для царя неудобной.

С февраля 1564 года по май 1566-го митрополитом Московским и всея Руси был Афанасий, бывший духовник Ивана IV, возведенный на высшую ступень церковной иерархии — уникальный случай! — из белого духовенства^[57]. Иван Васильевич знал его давно. Этот смелый человек сопровождал царя в том славном походе 1552 года, когда русская армия взяла Казань. Ему, безусловно, оказывалось самое высокое доверие со стороны государя. Да и прежний митрополит, Макарий, был с ним дружен:

они вместе крестили царских детей, вместе «обновляли и починивали» иконы, будучи искусными иконописцами. И вот Афанасий, не спросясь у государя, сходит с митрополичьего двора в Чудов монастырь^[58]. Официальная летопись сообщает, что он оставил митрополию «за немощию велию». Собрался умирать? Совсем нет: ни в этом, ни в следующем году бывший митрополит не окончит земное существование. В июне Афанасий уже не участвовал в большом Земском соборе, созванном для решения вопроса о продолжении Ливонской войны. Отсутствие его подписи под итоговой грамотой неприятно удивило современников. Однако Иван IV никак не проявил своего недовольства Афанасием: его не казнили, не сослали, ему не объявили опалу и даже позволяли впоследствии поновлять иконы в Успенском соборе. Однако появилось осязаемое напряжение между царем и Церковью. Во времена Макария такого быть не могло.

Между тем для охлаждения в отношениях государя и его бывшего духовника имелись веские политические причины. Твердо установлено, что в 1564 году — очевидно, незадолго до учреждения опричнины — митрополит «печаловался» об опальных аристократах, которых царь Иван начал нещадно губить. Собственно «печалование» об осужденных являлось давним правом Церкви. Она не имела возможности отменить казнь: власть государя по средневековому русскому законодательству была неограниченной. Митрополит и прочие иерархи могли только напоминать ему о христианском милосердии и любви. Но если от Макария Иван Васильевич был готов терпеть такие напоминания, то Афанасий, как видно, не обладал в его глазах столь же высоким духовным авторитетом. Или, может быть, конфликт с гордой знатью зашел слишком далеко, и старания митрополита лишь привели царя в крайнее раздражение.

Уехав из Москвы в Александровскую слободу, Иван Грозный отказался от престола и разразился грамотой, в которой обвинял служилую знать, дворян, приказных людей (чиновников) в изменах, разорении казны, пренебрежении службой. Особая укоризна касалась духовенства: «И в чем он, государь, бояр своих и всех приказных людей, также и служилых князей и детей боярских похочет... в их винах понаказати... архиепископы и епископы и архимандриты и игумены, сложася з бояры и з дворяны, и з дьяки, и со всеми приказными людьми, почали по ним же государю царю и великому князю покрывати». Митрополит в этом перечне не назван, но царь явно метил в него. Между тем посадские люди получили иную грамоту, где говорилось, что на них Иван Васильевич гнева не держит. Таким образом, Иван IV провоцировал ситуацию, в которой торгово-

ремесленный люд столицы мог подняться на бунт против верхушки общества.

Русская аристократия и Церковь отправили в Александровскую слободу делегацию — вести переговоры о возвращении государя на царство. Из этих-то переговоров и родилась в январе 1565 года опричнина. Но интересно, что митрополит Афанасий *не поехал* упрашивать Ивана Васильевича о возвращении и прощении. По его указанию в слободу отправились люди пониже рангом. Как видно, владыке не по душе пришлась царская затея — стравить разные части общества. Иван IV потребовал от Церкви не препятствовать казни тех, кого он считал изменниками. Представители духовенства согласились на это условие, но Афанасий все-таки не освятил эту сделку своим присутствием. Вскоре с плахи скатились головы пятерых служилых аристократов, которых государь считал главными виновниками кризиса. По всей видимости, митрополит этих казней не одобрил. Когда царь грубо вмешался в процедуру возведения в сан коломенского епископа, Афанасий стерпел, и у Ивана Васильевича появились основания рассчитывать на абсолютную покорность Церкви. И вдруг митрополит, презрев обещание более не печаловаться об опальных, вступился за боярина Яковлева, впавшего в немилость. Конфликт между главой Церкви и государем принял зримые формы. Не решаясь еще более обострять его, Иван IV «отдал вины», то есть простил боярина.

Афанасий с печалью смотрел на всеобщее озлобление, воцарившееся из-за опричнины. Он предчувствовал грядущие потрясения, однако сделать ничего не мог. Ему не хватило духа восстать против опричных порядков, но оказалось достаточно мужества, чтобы не поддерживать их. Какой выход ему оставался? Положить митрополичий посох. Пройдет совсем немного времени, и вспыхнет первое антиопричное выступление, казни возобновятся, подтвердятся худшие предчувствия Афанасия...

Так или иначе, весной 1566 года Иван IV оказался в непростом положении: опричнина привела к столкновению с главой Церкви. И если оно приняло мягкую форму, то только благодаря смиренному характеру Афанасия. Продолжение конфликта сулило прямую «поруху» царскому имени.

Царь Иван должен был отнестись к выбору нового митрополита с большим тщанием и большой осторожностью. Он находился тогда в зените всевластия; именно от его решения зависело, кто займет митрополичью кафедру.

И государь в конечном итоге возвысил максимально неудобного для

себя человека. Почему?

Почему именно Филиппа?

Поставление его в сан выглядит парадоксальным.

Кто он такой? Игумен обители, стоящей за тридевять земель от столицы, на самом краю державы. Пусть она известна, но все-таки не чета Троице-Сергиеву или, скажем, Кирилло-Белозерскому монастырю. Да и слава Соловков во многом пошла от неусыпной деятельности Филиппа. Столичное духовенство, из которого обычно выходили митрополиты, и думать не думало о Филиппе. Царь его едва знал, а на Соловках он ни разу в жизни не был. Среди церковных иерархов хватало верных исполнителей воли Ивана Грозного, но почему-то он не стал поднимать до высот митрополичьей власти никого из них.

Допустим, Иван Васильевич в ту пору испытывал сильнейшее раздражение против московского духовенства. Оно (во всяком случае, какая-то его часть) противилось царской затее с опричниной. Те же, кто оставался покорен государю, как видно, не вызывали у него уважения.

Если видеть в Иване IV маньяка-психопата с непредсказуемым поведением, то, конечно, нетрудно объяснить его выбор. Вот встал первый русский царь не с той ноги, и захотелось ему Филиппа на митрополию... Но диагноз, поставленный из XXI века «пациенту» XVI столетия, выглядит нелепо.

Иван Грозный «образца» первых лет опричнины выглядит не столь уж непривлекательно. Да, он жесток со служилой знатью, казнил нескольких полководцев и дипломатов с большими заслугами перед отечеством. Да, он создал странное учреждение, расколовшее страну надвое. Да, он подвержен влиянию людей страшных, властолюбивых и мстительных, взятых им в фавориты.

Но Иван Васильевич продолжает оставаться выучеником святого Макария. Митрополит Макарий, один из главных столпов нашей Церкви в XVI веке, великий книжник, больше двадцати лет стоял рядом с царем, был его собеседником. О лучшем духовном наставнике и мечтать нельзя! Могло ли благодатное влияние такого человека быстро расточиться, не оставив никакого следа в душе царя? Сомнительно.

Сердясь на непокорство Афанасия, не любя, может быть, некоторых столичных монастырских настоятелей, невысоко оценивая угодливое служение других духовных особ, Иван Васильевич продолжал испытывать благоговение перед Церковью в целом. Он еще не ударился в кровавое неистовство, еще не учинил чудовищный Слободской орден, не губил архиереев и архимандритов. Нет оснований думать, что в день основания

опричнины всё доброе в душе государя куда-то исчезло и на его место пришло одно только черное беснование. Страсти, раздиравшие государя, еще не все выпростались из его сжатого кулака, не получили пока полной свободы.

Всякое нравственное падение имеет свою историю, и пусть даже цветут его цветы, плодов еще долго может быть не видно...

Натура Ивана IV сохраняла изрядный запас благочестия, и оно не позволяло сделать митрополитом пустого лъстеца. А ум Ивана Васильевича, наличие которого не отрицают, кажется, даже самые непримиримые критики царя, говорил его воле, что во главе Церкви должна стоять значительная фигура. Унижение Церкви означало унижение всей державы, и на него царь пока еще не шел. Но смиренный холоп в митрополичьем кресле и есть великое унижение Церкви. Следовательно, требовался достойный человек праведной жизни, способный к тому же справиться с огромным «хозяйством» и вместе с тем никак не связанный с московскими оппозиционерами.

Филипп по всем признакам казался подходящей кандидатурой.

Современный историк Р. Г. Скрынников высказался на этот счет: «Надо учитывать, что тиранические склонности сочетались в личности Грозного с искренней верой и преданностью православной церкви. Иван IV много лет знал игумена и уважал его за строгую иноческую жизнь и талант строителя. Постоянно манипулируя церковью, превращая ее в орудие политической интриги, царь по-своему заботился о ее величии и красоте. Среди иерархов Филипп мог лучше других позаботиться об укреплении авторитета митрополичьего дома и устройстве его материальных дел. Живя на дальних северных островах, игумен остался в стороне от бурных событий, разыгравшихся в столице после учреждения опричнины, что также говорило в его пользу»^[17]. Сказано достаточно прямолинейно, но в целом точно. Конечно, свидетельств давнего знакомства царя с соловецким игуменом нет. Филипп, как уже говорилось, оказывался в Москве редко. Если царь и помнил его, то смутно. Государеву память явно кто-то «оживил».

Но кто знал Филиппа в среде высших церковных иерархов? Ведь должен был найтись человек, сообщивший царю о том, что в далеком море, на северном острове, вдали от малых и больших городов правит игумен, бесребреник и аскет, отличающийся необыкновенными хозяйственными талантами и не меньшим благочестием. А если некая доверенная персона из светской знати и рассказала государю о Филиппе, то среди архиереев должно было найтись лицо с очень большим авторитетом, которое

подтвердило бы эти слова.

Если бы речь шла о событиях 1563-го или, скажем, 1560 года, тогда естественно было бы остановиться на кандидатуре митрополита Макария — очевидного доброхота Соловецкой обители. Но к середине 1566 года Макарий уже несколько лет как покоился в могиле. Если и давал он рекомендации государю, они успели забыться. «Помню, приезжал какой-то игумен со Студеного моря, с полночных берегов. Сыскать бы его! — Смилуйся, великий государь, не вели казнить, — какой там игуменишка был, про то все запамятовали...»

Как ни странно, радетелем за Филиппа можно считать новгородского архиепископа Пимена. Житие святого Филиппа числит Пимена в стане врагов митрополита, чуть ли не злейшим из них. Но враждовали они не всегда. В 1561 году Пимен дал соловецкому игумену жалованную грамоту о не-взимании дани с приписанной к обители церкви, подтвердив тем самым аналогичные акты, полученные от прежних новгородских владык. В 1566 году именно Пимен мог сказать о Филиппе доброе слово. Соловки располагались на краю церковной области, отданной ему в управление. Кто, как не Пимен, знал о Филиппе и его трудах? Архиепископ, по словам современника, «вел чистую и очень суровую жизнь», кроме того, он был ставленником самого святителя Макария, великого духовного наставника Русской церкви. С практической точки зрения выдвижение «своего» игумена создавало для Пимена благоприятную ситуацию в Московском митрополичьем доме. Наконец, к его слову государь прислушался бы в первую очередь: после отхода Афанасия от дел Пимен по своему положению автоматически занимал пост местоблюстителя, то есть оказывался первым лицом в церковной иерархии. Иван IV тогда еще доверял Пимену: именно архиепископ Новгородский ездил в Александровскую слободу упрашивать государя от имени духовенства о возвращении на покинутый трон. С кем же еще советоваться, как не с ним?

Интересную гипотезу высказал церковный историк митрополит Макарий (Булгаков). Он напомнил читателям о том, что в годы правления Ивана Грозного и, в частности, при игуменстве Филиппа Соловецкий монастырь был осыпан царскими милостями, получил богатые подношения. «Может быть, — пишет Макарий, — Иоанн, оказав Филиппу столько знаков своего царского благоволения, рассчитывал, что Филипп охотно согласится быть в полной его воле и, занимая митрополитскую кафедру, будет постоянно держать его сторону, и ни в чем не станет ему противоречить. Но такой расчет, если только он существовал, скоро оказался неверным». Филиппу ли оказывались государевы милости — или

все-таки Соловецкой обители? Сам ли царь принял решение быть благодетелем Соловков — или же перед ним ходатайствовали в разное время архиепископы Новгородские — Макарий, Пимен? Невозможно дать прямые и точные ответы на эти вопросы, поэтому гипотеза высокопреосвященного Макария таковой и остается.

Ближе прочих к истинному положению вещей выглядит иная версия: возвышение Филиппа связано с родственной протекцией.

Ничего странного и удивительного в этом нет. Напротив, такова была норма жизни. Вся структура власти в Московском царстве пронизывалась родственными связями. Удачный брак стоил выигранного сражения, а продвижение одного представителя семейства открывало новые перспективы всей родне. Карьеру делали не в одиночку, двигались наверх всем родом, поддерживая друг друга. Но... недаром так похоже звучат глагол «опалить» и существительное «опала». Тот, кто взлетел высоко, но опалил крылья в огне государева гнева, тащил родню за собой в пропасть. Родственные узы порой возвышали человека — против всех правил и обычаев — из полного ничтожества до верхних этажей придворной или военной иерархии. Так, например, ничем не примечательный дворянин Никифор Чепчугов вышел в «командармы» (стал первым воеводой Большого полка) благодаря тому, что породнился с всесильными дьяками Щелкаловыми. А какие-то семейства опала топила так, что они на десятилетия уходили в тень... Князья Пожарские, к примеру, несмотря на знатность рода, в XVI веке из-за опал не могли поднять головы.

Так что порадеть своему человечку в эпоху Московского государства было родовой доблестью, воплощением чести и здравого смысла. Подобное поведение, в отличие от наших дней, не вызывало даже намека на общественную укоризну.

В 1560-е годы из огромного и весьма разветвленного рода Колычевых «в приближении» у государя Ивана Васильевича ходили двое. Прежде всего боярин Федор Иванович Колычев-Умной, человек зрелых лет, опытный воевода и крупный дипломат. Во второй половине 60-х годов он был послом в Польше, выполняя, таким образом, важнейшую работу: от ее успеха зависела судьба Ливонской войны^[59]. С боярским чином Федор Иванович перешел и в опричнину. Но «доброхотом» Филиппа мог быть не он, а его младший брат Василий. Он добился положения видного военачальника, получил думный чин окольничего^[60]. Главное же, Василий Иванович Колычев-Умной рано вошел в опричнину: когда именно — неизвестно, но возможно, при ее основании. Его дальнейшая карьера

показывает: все опричные годы царь ему доверял, да и после отмены опричнины не лишил своих милостей.

В ранней опричнине всего несколько родов были допущены к высшему управлению. Опричную Боярскую думу составили представители семейств Плещеевых, Колычевых-Умных, князей Вяземских, а военным управлением занимались те же Плещеевы и князья Телятевские^[61].

Итак, Колычевы-Умные стояли достаточно близко к государю, чтобы подойти к нему с рекомендациями, когда митрополичья кафедра оказалась вакантной. Более того, их, как видно, подталкивал родственный долг. Братьям Федору и Василию полагалось относиться к Филиппу с почтением. У них был общий дед, Иван Андреевич Колычев, по прозвищу Лобан. Бог послал ему обильное потомство — пятерых сыновей. Филипп был отпрыском старшего из них, Степана-Стенстура, а Федор с Василием происходили от младшего, Ивана Умного. Поэтому для них Филипп — старший в роду, человек, о котором стыдно не заботиться.

Они, надо думать, и позаботились. За дальностью Соловков у братьев Колычевых-Умных не оставалось времени, чтобы отправить к Филиппу гонца с вопросом: «Дорогой родич, а сам-то ты желаешь ли оказаться в митрополичьем кресле?» Складывалась «горячая» ситуация. Кто первый сообразит, как ею воспользоваться, тот и окажется в выигрыше. Следовало торопиться, пока у Афанасия не появился иной преемник. Вот братья и расстарались...

Умалает ли хоть в малой степени такой поворот событий чистоту нравственного облика Филиппа? Нет!

Вероятно, к нему сначала пришла царская грамота с повелением отправляться в Москву, на митрополичий двор, а уже в столице родственники рассказали, как удалось им найти удобный момент, когда государь был добр, как расхваливали они благочестие Филиппа, как нашептали Ивану Васильевичу: дескать, наш-то от столичных интриг далек, будет тебе честным слугой.

Слушая восторженный рассказ «племенников», Филипп, быть может, вздыхал и печалился. Он-то собирался довести до ума Преображенский храм, да возвести Никольскую церковь, да приискать себе достойную замену на игуменстве — годы-то уж немалые. А тут — на тебе заботу! И ведь думают, что почтили, возвысили.

Ладно. Что дал Господь, в то и надо впрягаться...

Отойдем подальше от нюансов возвышения Филиппа и посмотрим на картину в целом. Так или иначе, в трудное для Русской церкви время Бог привел на митрополию чистого душой человека, не корыстолюбца и не

честолюбца. Ему уготована была высокая участь, невероятно трудная роль. И для этой роли оказался избран провинциальный игумен из соловецких дебрей... Да как не видеть тут вмешательства Высшей воли? Мнение царя, повлиявшие на него советы Колычевых-Умных, да слова архиепископа Пимена, да смирение Афанасия, да еще множество обстоятельств оказались кирпичиками в строении, возведенном по желанию Бога. И пусть иные кирпичи оказались кривы, а в кладку они легли наряду с другими, прямо и верно.

Житие Филиппа указывает на слова из Священного Писания: «Сердце цареве в руке Божией». Что царь избрал, то прежде ему Бог изволил.

О деятельности Филиппа в роли митрополита Московского до его конфликта с царем известно очень мало. Все-таки огромное количество документов и бумаг, связанных с центральным управлением Московского государства, да и с управлением церковным, погибло в трех колоссальных пожарах. Это, во-первых, огненная катастрофа 1571 года, когда Москву сжег крымский хан Девлет-Гирей, во-вторых, страшное буйство пламени в 1611 году и в-третьих, неопишное бедствие 1626 года — тогда огонь разделил всю жизнь русской столицы на «допожарную» и «послепожарную». В результате о временах последних Рюриковичей известно на порядок меньше, чем о временах первых Романовых. Человеку, который не занимался специально эпохой Московского царства, трудно даже представить себе этот порог: со второй половины 20-х годов XVII века история России строго задокументирована; ее течение можно в подробностях проследить по государственным и церковным бумагам делового назначения. Прежде того сохранились ошметки...

Житие говорит о делах митрополита много пышных слов, но слова эти общие. Есть лишь одна конкретная подробность: глава Русской церкви склонялся к образу действий митрополита Макария, великого своего предшественника: «Благий сей, подражая прежеупомянутого благолюбиваго Макария митрополита усердно следовал по стопам его... И в те времена было во царствующем граде Москве и во всех местах благочестие великое. И славили вседержителя Бога и Пречистую Богородицу, даровавших такого изящного пастыря. С этим соединялась духовная любовь православного государя царя со своим богомольцем и отцом, так что приятно было видеть это»^{18}. Пример святого Макария — благой из благих! Этот мудрый человек занимал митрополичью кафедру более двадцати лет, и все важнейшие дела Церкви получили явственный отпечаток его личности. Филипп знал Макария, а Макарий когда-то

оправдал Филиппа в расследовании о бегстве старца Артемия. Достоинства правления Макария были очевидны. Став его духовным преемником, новый митрополит сделал выбор, лучше которого и измыслить невозможно. Всё остальное в сообщении Жития — очередное упражнение благочестивого ума.

Но кое-что о двух годах правления митрополита Филиппа историкам все-таки известно.

Сразу после возведения в сан он совершил первое деяние в роли митрополита — поставил на вакантную кафедру полоцкого архиепископа прежнего суздальского владыку Афанасия, к тому времени оставившего кафедру и пребывавшего на покое в Кирилло-Белозерском монастыре. Полоцк в ту пору играл роль передового пункта русской обороны, он стоял на самой границе с неприятелем; кроме того, в этом городе с православным духовенством за влияние на паству издавна соперничали католики (прежде всего Бернардинский орден) и протестанты весьма радикального толка. Отсутствие православного владыки в Полоцке являлось рискованным и с вероисповедной, и с политической точки зрения. Филиппу следовало поторопиться с назначением архиепископа. 11 августа 1566 года город получил нового владыку. Полоцк тогда бедствовал от морового поветрия, священники «вымерли», так что некому было совершать погребальные обряды. Пришлось Афанасию вызвать священнослужителей из других городов^[62].

В декабре 1566 года Филипп вместе с новопоставленным архиепископом Полоцким освящал недавно построенный Входаиерусалимский придел в кремлевском храме Благовещения. Поскольку эта церковь играла роль домового храма московских государей, на освящении был Иван IV с двумя царевичами.

В 1567 году митрополит получил от удельного князя В. А. Старицкого «несудимую грамоту» на все митрополичьи владения в окрестностях Дмитрова, Боровска, Звенигорода, Романова и Стародуба Рязановского. Как «игумен всея Руси» Филипп обрел тогда солидное подспорье своему колоссальному «хозяйству».

1567 год оказался трагическим для Русской церкви не по политическим, а по самым естественным причинам. Тогда умерло сразу несколько высших иерархов, и состав Освященного собора резко обновился. Филиппу приходилось отыскивать достойных людей и ставить их, одного за другим, на освобождавшиеся кафедры.

19 января 1567 года митрополит созвал церковный собор, куда пришел и сам царь. Требовалось решить судьбу двух больших церковных областей.

Еще осенью скончался ростовский архиепископ Никандр, а незадолго до собора умер тверской владыка Акакий, дряхлый старик, правивший церковными делами области так долго, что предыдущего епископа не помнил уже никто. На вакантное место в Ростове Филипп поставил Корнилия. Тут уже была тонкая церковная «политика». Корнилий когда-то игуменствовал во второстепенном Колоцком монастыре, а затем занимал очень ответственную должность казначея на митрополичьем дворе. В XVII веке казначеев патриаршего дома^[63] старались не задерживать в должности больше года — во избежание соблазна. Казначей контролировал колоссальные богатства и, что еще важнее, домовый архив, где хранились грамоты на все земельные владения кафедры. Филипп, «крепкий хозяйственник», очевидно, пригляделся к состоянию митрополичьей казны и остался доволен. Он превосходно разбирался в таких вещах. Дельный человек, хорошо проявивший себя на экономическом поприще, стоял в его глазах высоко. И митрополит выдвинул Корнилия в архиереи. Для него это была фантастическая карьера — подняться из провинциальных настоятелей до положения четвертого человека в церковной иерархии Руси! На сиротствующую после смерти Акакия тверскую кафедру Филипп определил Варсонофия, архимандрита невеликой обители — Спасо-Преображенского монастыря в Казани. Пройдет два года, и Филипп, лишенный сана, отправится доживать последние месяцы именно на Тверскую землю. Быть может, Варсонофий сам предложил это, поскольку был рад принять прежнего благодетеля под присмотр и позаботиться о нем, насколько возможно.

В том же 1567 году скончались два владыки: суздальский Елевферий и смоленский Симеон. На их места Филипп поставил Пафнутия и Феофила. (Первому из них предстояло сыграть важную роль в судьбе митрополита. В трудный час он не забыл благодетелей Филиппа.) Летом епископ Пермской и Вологодский Иоасаф оставил кафедру, почувствовав, что старческая немощь не позволяет ему заниматься делами. Пришлось подыскивать замену и ему... В конце 1567-го или начале 1568 года митрополит поставил на место епископа Сарского и Подонского Галактиона владыку Германа.

Таким образом, Филиппу пришлось постоянно решать «кадровые проблемы». Он не имел опыта в таких вопросах, но помимо него заниматься ими было просто некому.

Во второй половине 1566 года в Москву приехали посланники от иерусалимского патриарха. Филипп, человек провинциальной Церкви, ранее не прикасавшийся к делам, давно известным в Москве, смог увидеть,

сколь бедственно положение его единоверцев под властью турок. С православного Востока на Русь регулярно приезжали за милостыней. Нищее, бесправное греческое и славянское духовенство страдало от жестокого угнетения. Жизнь и смерть архиереев зависели от воли турецкого султана. Вот и сейчас три греческих старца с Афона — Константин, Макарий и Пахомий — вместе с архимандритом Аникеем явились просить бескорыстной помощи у богатых северных соседей. Иван IV одарил их огромной по тем временам суммой в 300 рублей серебром и переправил в декабре на земли Литовской Руси через *русский* Полоцк. А там, в приграничных местах, как раз шли масштабные строительные работы, воздвигались новые крепости...

Несколько месяцев спустя Иван Васильевич отправил константинопольскому патриарху Митрофану и афонским монахам «бологодать от своея казны» с купцами Афанасием Глядовым и Иваном Катковым. Государь просил благочестивых иноков молиться о спасении душ двух дорогих ему людей, оказавшихся в загробном мире, — брата Юрия и первой жены Анастасии Захарьиной-Юрьевой. Быть может, эту мысль подал ему именно Филипп. И Анастасия, и Юрий умерли давно (соответственно в 1560 и 1564 годах); с тех пор минули годы, но лишь при Филиппе Ивана IV посетила идея о их особом поминовении у древних православных святынь.

До поры митрополит поддерживал Ивана Васильевича во многих делах, не исключая большой политики. В царствование Грозного многие кампании русской армии облекались в форму настоящих крестовых походов. Выходу войск из Москвы предшествовали молебны, духовенство совершало большой крестный ход, архиереи благословляли государя и отправляли наставительные послания в полки. На востоке и юге России противостояли старинные противники христианства — магометане. На западе выстраивались давние враги православия — католики. К ним добавился протестантизм, получивший невероятное распространение в русских землях Великого княжества Литовского, да и в Ливонии. Протуберанцы протестантских проповедей достигали России. Тут они становились источником радикальнейших ересей. Поэтому у нас все разновидности протестантизма не мудрствуя лукаво называли «Люторовой ересью» или «Люторовой прелестью». Осенью 1567 года Иван IV готовился совершить еще один поход в Ливонию. Филипп тогда рассылал «богомольные грамоты». До наших дней дошла одна из них, адресованная монахам Кирилло-Белозерской обители. В ней митрополит призывает молиться за царя. Он обрушивается словом на врагов, совершавших «злой

совет... на святую и благочестивую христианскую веру греческого закона». Особенно достается «Люторовой прелести». По словам Филиппа, «боговенчанный царь» оскорбился и опечалился, узнав о неистовой деятельности протестантов, а затем по его, митрополита, благословению пошел на своих недругов войной за веру и за царство. Таким образом, Филипп возлагает на православное воинство священную, очистительную миссию.

Еще митрополит Макарий придавал походам Ивана Грозного вид войны за веру. Филипп стоял на том же. И странно было бы ждать иного от главы Русской церкви.

Итак, до конца 1567 года отношения между царем и митрополитом — мирные, «симфонические»^[64]. Признаков сколько-нибудь серьезного конфликта нет, напротив, видно доброе согласие светской и церковной властей.

Однако почву для конфликта подготовило дело, никак с опричниной не связанное.

Глава величайшей православной церкви наделен обязанностью смотреть за состоянием нравственности русского общества, в первую очередь его высших слоев. Весной 1567 года Иван IV начал переговоры, шедшие вразрез с добрыми христианскими чувствами его подданных. Это было нечто невиданное и мерзкое.

Вот уже несколько лет (с 1561 года) он состоял во втором браке — с крещеной кабардинской княжной Марией (Кученей) Темрюковной. Доброе здоровье супруги не позволяло предполагать скорой ее кончины. (Умрет она только в конце 1569 года, да и то, по некоторым свидетельствам, не своей смертью.) Ничто не говорило о ее желании принять монашеский постриг. Она не давала оснований и для упреков в бесплодии: еще в 1563 году у нее родился царевич Василий.

Так вот, великий православный государь Иван Васильевич начал свататься к замужней женщине при живой жене, притом не имея никаких законных оснований для развода. Его сватовство имело вид дипломатического проекта.

В феврале 1567 года в Александровскую слободу приехали послы шведского короля Эрика XIV. Государя Ивана Васильевича тогда не было на месте. Не было его и в Москве. Он отправился «в объезд на Вологду досмотрите градского основания на Вологде и всякого своего царского на Вологде строения, а в Кирилов монастырь ездил молиться». В столицу Иван IV вернулся только к концу июня. Но дело показалось ему столь

важным, что он на время прервал свой «объезд» и принял шведов еще в феврале. Представители северного соседа явились к нему с предложением военного союза. Этот союз предполагалось скрепить династическим браком русского царя и Екатерины Ягеллонки. Она приходилась сестрой польскому королю и была замужем за братом шведского короля Юханом, герцогом Финляндским... который, кстати, как и Мария Темрюковна, не собирался на тот свет. Если бы этот альянс удался, Иван Васильевич обретал возможность в случае смерти брата супруги претендовать на польский престол. Иван Грозный так стремился скорее заполучить в жены Екатерину Ягеллонку, что даже пошел на серьезные дипломатические уступки шведам. Король Эрик не отличался психическим здоровьем, его знать смотрела на такой брак как на действие, «противное Богу и закону». Однако в августе 1567 года в Стокгольм прибыло русское посольство, главной целью которого было добыть царю новую супругу. Московские дипломаты всерьез занялись решением этой задачи, никто из них не думал отступать, когда переговоры затянулись. Посольство пробыло в Швеции более года, пока, наконец, дело не разрешилось самым радикальным образом. Юхан Финляндский поднял мятеж, в сентябре 1568 года взял Стокгольм, отобрал у брата престол, а русских посольских людей заточил в тюрьму.

Конечно же новый шведский король обошелся с ними незаконно. С другой стороны, остается только радоваться, что сватовство к Екатерине Ягеллонке завершилось полным провалом. Ведь какой был бы позор для всей страны, для всего русского православия, если бы царь, презрев христианские обычаи, расторгнул брак с законной чадородной женой, заставил шведов разорвать еще один законный христианский брак, взял за себя враждебную России чужеземку, не испытывая ни капли любви, блюдя один политический расчет. Или, может быть, Мария Темрюковна, отяжелевшая от родов, опостылела ему и царь искал политический предлог, чтобы найти новую женщину для своего ложа? Как бы то ни было, в обоих случаях история с Екатериной Ягеллонкой выглядит худо. Бес подsunул большой соблазн и уцепил самого государя.

У нас нет сведений о том, когда митрополит Филипп узнал о ведении переговоров с Эриком XIV; но то, что рано или поздно ему стало о них известно, не вызывает сомнений. Его двоюродный брат, упоминавшийся Василий Иванович Колычев-Умной, был среди прочих посольских людей, отправленных Иваном IV в Швецию.

В источниках нет ни строчки о том, что митрополит Филипп как-то воспротивился «шведскому проекту». Однако, зная характер его, зная

строгую монашескую школу, зная бесстрашие, с которым глава Русской церкви позже стоял за истину, можно предполагать и его гнев, и попытки разрушить планы царя.

Официальная царская летопись обрывается как раз августом 1567 года. Посольство Ивана Васильевича в то время только-только добралось до пределов Шведского королевства. Возможно, первое обличительное слово Филипп произнес именно тогда, то есть задолго до начала конфликта с Иваном IV из-за опричнины, но в последние заготовки для составления летописи эта информация не успела войти. Таким образом, серьезное охлаждение могло начаться в середине 1567-го.

Вероятно, выказав неодобрение нечестивого сватовства, Филипп отложил окончательный разрыв до приезда Екатерины Ягеллонки в Россию. Ведь пока дипломаты занимались переговорами, развод с Марией Темрюковной и новый брак царя оставались лишь в планах; совершался малый грех, а до большого дело еще не дошло. Когда же неудачливые послы вернулись из узилища, Филипп уже не был митрополитом...

В любом случае «дело Екатерины Ягеллонки» не могло не повлиять на отношения между государем и митрополитом.

Филипп не забывал оставленный им Соловецкий монастырь. В конце 1566-го или в 1567 году он вызвал оттуда иноков с мощами Зосимы и Савватия да «со святыми водами». Приехавшим монахам во главе со старцем Спиридоном митрополит устроил встречу с государем. Они же, в свою очередь, порадовали его добрыми известиями: на Соловках достроили Преображенский храм, освятили его еще в августе, спустя несколько недель после того, как Филипп стал главой Церкви. Душа митрополита возликовала: давняя его затея счастливо завершилась к благу любимой обители! В сообщении соловецких монахов Филипп мог увидеть доброе предзнаменование для собственного служения.

Соловки остались в его сердце. Он посылал туда грамоты, в которых видно ностальгическое чувство. Без тихих озер, без прибрежных валунов, поросших мхом, без линии горизонта, до которой рукой подать, ему тоскливо. Печаль толкается в самую душу, мысли улетают к полночным пределам Московской державы и возвращаются, напоенные криками чаек. Холодно Филиппу в теплой Москве, тепло ему было на холодных Соловках... Туда бы уйти, на покой, на жизнь уединенную, да хоть бы и не в пустынь, но к спокойным домовитым заботам. Здесь другие заботы, больше в них горечи, суеты... Ох, тяжело. Но ничего не поделаешь. Бог его привел на митрополичий двор, Бог и рассудит, как ему быть. Надо лишь слушать Его, видеть знаки Его воли да покоряться.

К власти митрополичьей Филипп не стремился и не желал ее нисколько. Он откровенно писал на Соловки: «Меня принудили...» А Житие Филиппа донесло фразу, сказанную им царю Ивану незадолго до возведения на митрополию: «Отпусти меня, Господа ради, отпусти! Понеж лодии мале бремя велико вруčiti не твердо есть (ведь ненадежное дело — вручать малой лодочке великий груз. — Д. В.)».

Известны четыре грамоты митрополита Филиппа, написанные им для иноков Соловецкого монастыря и сохранившиеся в библиотеке обители. Первая из них была отправлена сразу после его поставления в сан. С нею вместе Филипп послал прежней своей братии перца, гвоздики да шафрана «в уху». В северной обители, куда многие съестные припасы доставлялись по морю и где порой не хватало самого необходимого, специи были роскошью, которую монахи не могли себе позволить. Поэтому для них посылка Филиппа была очень дорогим подарком. К инокам, старым своим знакомым, митрополит обращается с необыкновенной лаской и смирением. Он даже просит прощения — неведомо, за какие грехи! — и сам дает его всем соловчанам: «Я вас благословляю, чтобы жили в любви яже о Христе и пеклись о бессмертных своих душах, и закон монастырский хранили... Да Бога ради простите меня грешного во всем, старец Иона, и священники, и вся... братия от мала до велика, и христиане все от мала до велика. Перед всеми вами я виноват без рассуждения. А всех вас Бог простит»^[19]. Митрополит также обещал соловецким монахам послушаться их совета, определяя игумена себе на замену.

В самом скором времени за первым письмом отправилось второе. С ним снова поехали на Соловки подарки — уже не просто дорогие, а драгоценные: икона Спаса с серебряной ризой вокруг головы, печатный Часовник^[65] в переплете (вещь недешевая, особенно в провинции), серебряный крест «делан сканью с камнем, а в нем многие мощи святых». Когда Филипп ехал в Москву, он останавливался в Великом Новгороде. Там он получил от соловецкого постриженника старца Исаака этот крест да еще складень, вырезанный из камня и обложенный серебром, от некоего Семена Ермиловича Трусова (также послан на Соловки). Новый митрополит был по характеру своему и монашеской выучке бессребреником, 100 рублей, взятые на дорожные расходы из монастырской казны, он возвращает обители.

11 августа 1566 года Филипп написал старцу Исааку, заправлявшему на подворье Соловецкого монастыря в Великом Новгороде. В третьей грамоте митрополита была весть о большом богатстве. Новгородец Тучко

Цветной на определенных условиях уступал обители свой двор «с палатою и садом». Филипп сообщает: он «побьет челом» великому государю, чтобы тот согласился закрепить этот двор за монастырем.

Связь между Филиппом и соловецкой братией не оборвалась и впоследствии.

Последнее письмо митрополита отправилось к далеким северным островам 30 января 1568 года. В ту пору Филипп переживал тяжелые дни. Ссора с царем набирала обороты, обличительные слова уже были произнесены. Милые маленькие заботы обители, стоящей посреди соленой купели Белого моря, дают последнее убежище его душе, измученной большими заботами Русской церкви. Филиппу приходится трудно, его отношения с Иваном IV к тому времени крепко испорчены. Но простым инокам, старым своим товарищам, он ни словом не дает понять о конфликте. Как и в первых грамотах, митрополит просит братию молиться за царя и его семью.

Казалось бы, после кровавого кошмара, который Филипп увидел тогда, рука не поднимется написать привычные слова. Да, если это рука обычного человека. А Филипп давно научился избегать смятения чувств. Конечно, человек с царским венцом на голове может быть хорош или плох. Но государева власть имеет священный характер, и митрополит чтит ее, даже видя грехи ее носителя.

В дни испытаний владыка сохранил спокойствие духа. Он обращается к соловецким инокам с трогательной лаской: «Как вас Бог милует, все ли в спасении здравствуете? А яз Филипп Божию милостию, и государевым царским здравием, и вашими молитвами телесно жив...» Не кроется ли здесь между строк особый смысл: митрополит «телесно жив», но душа его испытывает страдания?

«...Да спаси Бог вам на рыбе, прислали естя ко мне дватцать рыб просольных, да девять свежих непоротых, а рыба просольная и свежая мелка, и средней мало, да двенатцать вялых, да полбочки сельдей, да прудовых сельдей кадочка ведра на полтора. На сем вам не спаси Бог, навели естя на меня скорбь великую. Яз вам приказывал с игуменом с Паисеею и с старцы, и грамоты посылал, чтоб ко мне не присылали ничего поминков, ни рыбы, и вы меня не слушаете, навели естя на меня скорбь великую на Москве и в монастыре... и не постави вам Господи в грех того», — конечно, гнев Филиппа притворный. Он велел монахам не утруждать себя, не возить ему никаких гостинцев, не дарить ничего. Располагая всеми богатствами митрополичьей казны, Филипп ни в чем не нуждался, особенно если учесть, что он привык к скудости монашеского

житья на выселках державы. Но ему было очень приятно, что соловецкая братия не забыла его, всё пыталась доставить в Москву «поминки». Вот и выходит — то «спаси Бог», то «не спаси Бог». Наверное, когда Филипп составлял это письмо, перед ним лежала грамота из монастыря. И там говорилось нечто наподобие: «Челом бьем тебе, владыка рыбою. Послали тебе того-то столько-то, а того-то столько-то, не обессудь, мелочи много, а средней мало, что поймали рыбаки, то и поймали. Поминай нас в своих молитвах»... И он, приученный учитывать каждую полушку в хозяйстве обители, слово в слово повторяет братии ее письмо, удостоверяя мимоходом: вот что ко мне от вас дошло, верно ли?

«...Да послал есми к вам с Махилевым с Степанком два блюда серебряных великих... а стали мне близко тритцати Рублев, да ладанницу серебряну ж велику, да чару велику с рукоятми медяну лужену, вода святить, и вы б ко мне то отписали: довезл ли вас те сосуды, или не довезл, и вы б у него взяли, а ко мне бы естя о том известно учинили», — и тут митрополит по привычке, зная, как из потерянных мелких денег вырастают великие расходы, просит подтвердить, дошел ли его подарок до Соловков. Доверяет посланцам, но все-таки проверяет — от греха подальше. Мысли у него не о том, мысли его — с царем и его грехами; но рука привычно выводит: «А ко мне бы естя о том известно учинили...»

«...Да послал есми к вам денег десять рублев с слугою с Селюгою на пруд что за дворцом, и вы б его вычистили наготово, ино пруд будет великой, похвальной, а покинута его ино от Бога будет грех, а от людей сором, а жаль прежних трудов и убытков, а уже готов, и плотина сделана, только вычистить... А делати приказал старцу Мисаилу, да слуге Селю-ге, те вам его сделают наготово. И монастырю будет похвала, а рыбу станете сажати, ино рыба держитца, и приплоду в нем чаяти». Из того «пруда» вышло великолепное Святое озеро, отрада паломников, прибывающих на Соловки. Филипп, не о красоте и благолепии заботясь, а о хозяйстве, налаженном его трудами, хочет каждую затею, начатую в годы его соловецкого игуменства, довести до конца.

«...Да как поехал я к Москве, ино у меня осталось в монастыре три трубы верченых, да столб... а вести было их в Заяцкие воды... И вы б Бога ради то сделали. А приказал есми делати Селюги ж, и как Бог помилует, сделает. И вы б его Бога ради и нас ради пожаловали, и нам бы естя о том известно учинили, как ваша любовь к нам, а не пожалуете не станете делати, игумен Паисея и братья, и яз приказал Мисаилу и Селюге людей наймовати и хлебом кормити своим. А не пожалуете и не дадите и так делати, и вы б ко мне известно ж учинили». Упомянутые «Заяцкие воды»

— малые острова архипелага, где надо довершить мелкие строительные работы в монастырской гавани. Сколько времени прошло, а Филипп всё помнит: и тут гвоздик вбить, и там столбик поставить... Он — митрополит, высшая духовная власть в стране — мог бы приказать, но знает: там, в полуночных краях, среди волн морских, как братия решит, так и будет. Хоть три раза прикажи, а дело не сделается. И Филипп говорит с соловецкими монахами пусть и со строжинкой, а всё же ласково, обращая к ним душевную просьбу. Не суровостью берет, добротой.

«...Да что Герасим издержал денег на проезд до Москвы, едучи с рыбою, и яз ему и те деньги дал, тритцать алтын без трех, а на Москве ели и пили у меня, и до проезду». Филипп не хочет нанести даже самый маленький ущерб обители. Знает: на Соловках лишнему взяться неоткуда.

«...Да послал еси к вам на стол братии и с квасом, и слугам, и детем восемь рублей, с слугами с Герасимом, да с Селюгою. Да послали есми к вам братии три рубля милостыни, на двести братьев по полуалтыну, да детем на триста человек полтора рубля, по деньге. И ты б, Паисея, Бога ради стол велел на братию поставить и на слуги, и на дети с квасом, да за столом бы еси помянул братии, чтоб молили Бога за благоверного царя и государя, великого князя Ивана Васильевича всея Руси, и за благоверную царицу великую княгиню Марию, и за богодарованные чада, царевича Ивана и царевича Федора, и за христолюбивое воинство, и за все православное крестьянство, и меня б грешного во святых молитвах своих поминали. А яз вас благословляю и много челом бью... Бога ради живите любовно». Последние слова — правда всей жизни Филиппа. В них скрыта главная суть его истории, печальной и величественной.

Как будто Высший Судия встал рядом с человеком и вдохнул ему в уста эти несколько слов: «Бога ради живите любовно».

Глава пятая

ПРОТИВ ОПРИЧНИНЫ

Что сохранилось от Филиппа в памяти потомков? Почему он остался в истории? Мирное его архиерейское служение не известно никому, кроме специалистов по истории Церкви, точно так же как жизнь и деяния десятков других митрополитов, правивших русским духовенством. Не встречи с восточными иерархами, не письма в Соловецкий монастырь и не поставления в сан епископов создали в памяти потомков образ Филиппа как великого человека. Вся его жизнь с ее монашескими трудами и хозяйственными заботами оказалась приготовлением к подвигу, совершенному на склоне лет.

Вот она, роль, тихими десятилетиями ведущая человека к кульминации сюжета, дающая ему возможность в каждой сцене научиться чему-то важному для «главного полдня», а потом обрушивающая на него обстоятельства, в которых он может проявить себя достойным своего предназначения или же «провалиться».

Люди помнят тех немногих, кто сумел сыграть свою роль, как следовало. Помнят и учатся у них.

Господь любит всех нас; но те, кто достиг душевного совершенства и поступками явил его в земной жизни, может быть, угодны Ему более кого бы то ни было.

Филипп, аскет и хозяйственник, пас на Соловках малое стадо духовное. В Москве его наставничество приняло непривычную форму, возведя прежнего игумена на высоту пастыря всея Руси. Всю душу митрополит вложил в свое пастырство, достигнув в нем состояния совершенной любви. Для этого он должен был победить страх перед телесными муками, унижениями и насильственной смертью. И Филипп научился любить свою паству так, что все эти угрозы перестали тревожить его. В словах и действиях митрополита проявился и заиграл с изначальной силой образ Божий, вложенный в каждого человека, но у большинства дремлющий, искаженный. В суете столичной жизни Филипп достиг столь высокой степени обожения, что фигура его будто омывает современников сиянием духовной чистоты. От него словно исходит свет, перед которым пестрая гуща старомосковской цивилизации застыла в изумлении, радости и трепете.

Главные события его жизни связаны с выступлением против опричнины. Переходя к ним, прежде стоит взглянуть в суть опричных порядков.

Опричнину оценивали по-разному. Многие считали и считают ее дикой выходкой кровавого маньяка, занявшего русский престол. Но психическими сдвигами правителей можно объяснить что угодно, где угодно и когда угодно. Невелика цена таким объяснениям — слишком уж они произвольны. Кто-то видит в опричнине очередное проявление «исконно присущего» русскому народу сочетания холопства с деспотизмом. Подобные взгляды бесконечно далеки и от науки, и от здравого смысла. С противоположной стороны слышится бесконечная апология «истинно великого» государя, «очистившего» Русь от скверны ересей, предательства, безбожия и т. п. Ну что же, очистить от блудного соблазна можно и путем кастрации. Только откуда в таком случае брать детей? На научной почве возникли более здравые версии. В соответствии с одной из них, Иван IV проводил политику разрушения крупного княжеского землевладения. В соответствии с другой — рушил последние оплоты удельной раздробленности, укрепил централизацию державы. В соответствии с третьей на строительство сего причудливого учреждения первого русского царя подвигла Ливонская война.

Чтобы понять смысл опричнины, надо обратиться к истокам Московского царства.

Во времена прадеда Ивана Грозного, великого князя Московского Василия II Темного, страна представляла собой крошечное политическое раздробленности. Московское княжество являлось одним из многочисленных независимых русских государств. Не самым большим. Не самым многолюдным. Не самым богатым. Но венец Москвы был украшен двумя драгоценными жемчужинами. Во-первых, к титулу московского князя намертво прирос титул великого князя Владимирского, дававший право на формальное старшинство над всей Северо-Восточной Русью. Во-вторых, именно в Москве сидел глава Русской церкви. А Церковь сохранила единство, тысячами нитей пронизывавшее русские земли и скреплявшее их. Церковное единство Руси было силой, удерживавшей ее от полного распада. И центр этой сети находился в Москве, постепенно, десятилетие за десятилетием, присоединявшей к себе другие города и области. Москва была прославлена ролью собирательницы земель. Но до поры Московское княжество представляло собой сравнительно небольшую лесную страну на задворках Европы. В середине XV века оно жестоко

страдало от татар, медленно проходило полосу кровопролитных внутренних войн и еще довольно редко строило каменные храмы. В междуречье Оки и Волги покоилось ожерелье деревянных городов, из всех богатств мира блиставших разве что монашеским благочестием.

Сын Василия II, Иван III Великий, на месте лоскутного одеяла земель и княжеств создал огромную единую державу. Примерно три десятилетия понадобилось ему на то, чтобы создать ядро государственной территории России. Он присоединил к Москве Великий Новгород, Тверь, Ярославль, Северскую Русь^[66], Вязьму, Дорогобуж, Торопец и огромные районы на севере. Он же окончательно уничтожил ордынское иго, отбросив татар на Угре в 1480 году. Он же позаботился о создании единого для всей страны свода законов — Судебника 1497 года.

В начале 70-х годов XV века России еще не было, а через три десятилетия она уже существовала. Произошло поистине взрывное рождение великой державы!

Позднее, при сыне Ивана III, Василии III, к землям России были присоединены Псков, Смоленск и Рязань.

Но великие достижения породили и великие проблемы. Никто из князей Московских прежде не управлял столь значительным государством. Род московских Рюриковичей не располагал подобным опытом, приходилось многое делать по наитию. К тому же страна постоянно жила под угрозой нового татарского нападения. Преемники Ивана Великого могли утратить недавно обретенную свободу: не раз Московское государство оказывалось на грани катастрофы, когда очередной потомок Батия устремлялся на наши земли из Крыма. Татарское море охватывало Россию с юга и востока, великая дуга приграничья постоянно полыхала огнем. Лишь напряжение всех сил русской цивилизации позволяло ей удержаться от нового падения в пропасть.

Кто играл роль верных слуг московских государей, их воевод и администраторов, на колоссальном пространстве подвластных Москве областей?

Во-первых, старинные боярские роды, не первое столетие служившие Московскому княжескому дому, а бывало, и возвращавшие ему потерянный престол.

Во-вторых, князья и бояре земель, присоединенных к Москве. Они, конечно, были не совсем «своими». Они, разумеется, помнили об утраченной независимости, мечтая вернуть ее хотя бы отчасти. И они по знатности своей могли соперничать с московскими Рюриковичами и их боярством.

Но прежде всего русская знать, из каких бы областей она ни происходила, объединялась общей верой, этнической принадлежностью и умением править. Последний фактор очень важен, однако нечасто учитывается историками. Многочисленные русские князья и бояре, утратившие власть над своими областями и сосредоточившиеся в Москве, имели наследственную «профессиональную специализацию»: их учили воевать, судить и управлять людьми — из поколения в поколение, из рода в род. Они с детства получали соответствующие навыки и занимались только этим. Средневековый «управленец» по своим навыкам стоит неизмеримо выше современного, поскольку готовился властвовать с рождения, а не со скамьи вуза. Русская знать XV–XVII веков была горделива, своевольна, властолюбива, но в делах «войны и совета» она была очень хороша. К тому же замены ей не предвиделось. Откуда бы ее взять? Служилые люди попроще, как выяснилось, могли лишь изредка, в виде исключения порождать в своей среде вождей крупного калибра.

Поэтому московские государи вступали со своей служилой аристократией в сложные отношения борьбы и сотрудничества. Существовать без нее они не могли, но в то же время старались ограничить ее контроль над механизмами высшего управления. Аристократическая же стихия стремилась захлестнуть всевластие государя, утопить его в пучинах своих привилегий.

Военно-служилый класс получил от московских государей новую «работу»: воевать в составе общерусской армии и выполнять служебные поручения в составе общерусского административного аппарата. Представитель рода тверских князей мог быть назначен воеводой в Ладугу, отправлен судьей в московский приказ или послан описывать земли под Нижний Новгород. А бывший рязанский боярин ехал на воеводство в Тверь...

Но всё контролировалось из центра державы очень узким (десяток или менее) кругом людей во главе с государем. В Москве существовал обычай, не позволявший быстро допускать знатных людей из недавно присоединенных земель в этот круг, то есть к рычагам высшей власти. Московский государственный котел долгое время «переваривал» целые семейства, приучая молодые поколения к тому, что они уже подданные Москвы. Тех, кто перешел на службу великому князю Московскому, крайне редко допускали в Боярскую думу. Вот их сыновей или внуков — другое дело.

Поистине мудрый образ действий! Иван Великий тщательно придерживался его. Сын его, в отличие от отца, был правителем средних

способностей, не блистал политической гениальностью. Но именно на его плечи легла основная тяжесть административного «устройства» России: отец его умер, едва принявшись за это долгое, невероятно сложное дело. Так или иначе, при Василии III политическое влияние пришлых «княжат» возросло, некоторые из них были введены в Боярскую думу.

В 1533 году Василий III скончался, а через пять лет сошла в могилу его супруга, великая княгиня Елена Глинская. Перед громадой служилой знати оказался восьмилетний мальчик, будущий Иван Грозный.

Первые годы его правления были отмечены жесточайшей борьбой придворных группировок. Стремясь обладать высшей властью, величайшие роды Московского государства создавали «коалиции», крушили друг друга, добивались смерти, ссылки или тюремного заключения поверженных. Государь-мальчик, государь-юноша играл роль символа власти, но реально не располагал ею ни в малой мере. В сущности, князья и бояре боролись за контроль над местом, которое он занимал.

К тому времени, когда он подрос, служилая аристократия убедилась в том, что бесконечное противостояние стоит дорого и порождает нестабильность. В 1547 году великий московский мятеж стал орудием в руках одной придворной «партии», уничтожавшей руками бешеной толпы представителей другой «партии». Раскачивать лодку дальше многим показалось рискованным.

В результате началось всеобщее «перемирие». В конце 1540-х— 1550-х годах власть оказалась более или менее равномерно поделена между разными группами, претендовавшими на свой кусок. Чтобы никто не чувствовал себя обиженным, в Боярскую думу допустили десятки новых людей. Семнадцатилетнего великого князя возвели в ранг арбитра в сложной игре, которая велась между разными «партиями». Величайший защитник Ивана Васильевича и мудрец, помогавший ему на жизненном пути, митрополит Макарий, посоветовал ему совершить два деяния, разом укрепивших государя на троне. Во-первых, жениться на представительнице одного из могущественнейших боярских родов — Анастасии Захарьиной-Юрьевой. Брак, заключенный в 1547 году, демонстрировал: мальчик вырос, вошел в возраст совершеннолетия и может претендовать на какую-то толику *реальной* власти. Кроме того, Захарьины-Юрьевы, обладавшие значительной силой и влиянием, теперь оказались в роли союзников молодого государя. Во-вторых, в том же году Иван Васильевич первым из всех московских Рюриковичей венчался на царство. Это подняло его высоко над массой знати. Родовитых Рюриковичей и Гедиминовичей в Москве жило множество, но царь возвышался над ними неоспоримо. Он

был один, и новый титул делал его преемником священной власти византийских императоров.

Исчезло ли «боярское правление» в Московском государстве? Нет. Царя подпустили поближе к власти, но всей ее полнотою он еще долго не обладал. Военными и посольскими делами, административными реформами занимались — его именем — всё те же княжата, то же боярство.

Возникает Избранная рада — своего рода совещательный или, точнее, «согласительный» орган. Ее роль состояла в том, чтобы согласовывать позиции разных аристократических группировок и самого Ивана IV^[67]. Этот способ организации государственного строя довольно долго давал благие плоды. В стране проводились важные управленческие преобразования. В 1550 году родился новый, усовершенствованный свод законов — второй известный нам Судебник. Появились стрелецкие войска, впервые давшие России боеспособную пехоту. Была реформирована система местного управления — ликвидирована власть наместников и введены выборные должности земских старост. В 1552 году пала Казань — старый враг, то и дело устраивавший набеги на русские земли. Несколько лет спустя Москве покорилась и Астрахань. Иными словами, Московское царство жило относительно благополучно, мощь его увеличивалась, а внутренняя смута прекратилась.

Но это благополучие не могло существовать вечно. Ведь «вопрос о власти», о ее разделении между государем и служилой знатью, еще не решился окончательно. Предстояла новая борьба.

Иван IV отнюдь не считал свое положение прочным. Он — священная персона, сам Господь вручил ему великую власть. В то же время его пребывание на престоле обуславливалось консолидацией нескольких аристократических группировок. Его одолевали мысли: какая может быть милость к людям, которые противятся полновластью помазанника Божьего? Как могут они жить в достатке, влиять на государственные дела, диктовать свою волю на поле брани? Да разве они не изменники, если у них на уме своеволие?

В 1553 году Иван Васильевич тяжело заболел и уже не чаял поправиться. Он велел приводить служилых аристократов к присяге своему сыну, малолетнему царевичу Ивану. Кто-то присягнул быстро и без лишних слов, кто-то не торопился целовать крест на верность царскому наследнику, а кого-то прельстила возможность большой политической игры. Не поставить ли в государи другого человека? Нужен ли на престоле младенец, когда есть претенденты повзрослее — например, удельный князь Владимир Андреевич Старицкий, происходивший из того же Московского

княжеского дома? Однако Иван IV восстал с ложа болезни, и «боярский мятеж» закончился: проблема преемника отпала сама собой. Но своеволие знати запомнилось царю. Вот, значит, какова правда: пока у каждого свой кусок, пока все согласны друг с другом, княжата блюдут верность престолу — но только внешне. Даже в таких делах, как престолонаследие, положиться на их преданность нельзя.

В конце 1550-х годов между Иваном Васильевичем и представителями служилой знати в Избранной раде вспыхнул серьезный конфликт. Он начался из-за спора о приоритетах внешней политики. Кто-то считал важнейшим направлением южное: прежде всего надо обезопасить себя от вторжений крымцев, и сюда требуется бросить все главные ресурсы. А кто-то, напротив, видел больше перспектив в войне за богатые земли прибалтийских немцев. Относительная слабость Ливонского ордена и мелких государств, вроде Рижского архиепископства, открывала возможность обогатить Россию новым поместным фондом. А это было тем более важно, что в центре русских земель ощущался острый «земельный голод». Иван IV решительно поддержал сторонников второго направления. В 1558 году началась Ливонская война. Первое время русские войска одерживали победу за победой. Но затем свой интерес к «ливонскому наследию» объявили шведы, датчане, литовцы и поляки. Война требовала все больше ресурсов. Лидеры Избранной рады высказывались против нее: одни только заботы да расходы.

В конце 1550-х — начале 1560-х годов царь постепенно прибирал к рукам власть, отнимая ее у служилой аристократии. Взрослея, он всё меньше хотел делить ее с кем-либо, всё меньше терпел остатки собственного неполновластия. Иван Васильевич стал со знатью крутенок. По его приказу в разные годы было казнено несколько видных аристократов. На кого-то обрушились опалы, ссылки, заключение. Другие стремились бежать за литовский рубеж, и кое-кому попытки бегства удавались.

Государь твердо решил довести до победного конца тяжелую борьбу за Ливонию. После нескольких лет боевых действий Россия получила там очень значительные территории, но служилая знать смотрела на Ливонскую войну как на рискованное и разорительное дело. Богатейшие вотчинники не испытывали никакой заинтересованности в ней. Завоевания были щедро оплачены русской кровью. Возможно, наступил момент, когда и впрямь следовало остановиться.

Подошел 1564 год. Митрополит Макарий и первая жена Ивана IV, Анастасия, отошли в иной мир. А ведь именно они смягчали душу

государя. На фронте наступил кризис: страшное поражение постигло русскую армию, наступавшую в районе Орши. К неприятелю бежит князь Андрей Курбский — крупный воевода, знакомый с военными планами царя и состоянием вооруженных сил России. Под Рязанью едва удастся сдержать натиск крымских татар. Снова начались нелады со знатнейшими родами.

Что же получается? С точки зрения Ивана Васильевича, — тупик. В армии, во всех городах и крепостях, в приказах и в Боярской думе заправляет высшая знать — всего несколько десятков семейств. Царь стоит во главе громадной державы, но от реальной власти его отрезает мощный заслон аристократических родов. Формально владея всем, государь, по сути, очень ограничен в действиях. Назначить более верных и послушных вместо более гордых и самостоятельных? Это значило затронуть интересы массы людей, поскольку знать пронизана родственными связями во всех направлениях; нарушить устоявшиеся обычаи, восстановить против себя тех, кто будет опасаться смещения с высоких постов. Казнить наиболее несговорчивых? Но служилая аристократия и так недовольна бессудными расправами царя, а Церковь, в лице митрополита Афанасия, ходатайствует о смягчении их участи...

Допустим, особое положение высшей княжеской знати оправданно, пока она справляется с государственными делами: удачно воюет и администрирует. И вдруг она побита на поле боя, дала слабинку да еще замарала себя предательством. Как тут поступить? Ведь других военных и политических ресурсов, кроме тех, которые поставлены под контроль аристократической верхушки, у царя нет.

Тогда-то и возникает идея опричнины, иными словами — области, где власть государя будет безраздельной, где он сможет возвышать и смещать кого угодно и когда угодно без ограничений. А самое главное, где он сформирует новую армию — верную, храбрую, хорошо управляемую, с которой он выиграет войну.

Эту идею поднесли ожесточившемуся государю выходцы из среды старинного московского боярства, оттесненного титулованной знатью на второй план и жаждавшего реванша. У опричнины очень глубокие корни. Когда-то, при Иване III, старомосковское боярство считалось главной опорой государя. Ему и честь шла соответствующая, и в управлении страной оно играло первые роли — разумеется, после самого великого князя. А при Василии III и особенно в молодые годы Ивана IV многие старинные роды оказались отодвинуты и от чести, и от власти под напором более богатых и знатных «княжат». Ближайшая родня государя, Захарьины-Юрьевы, говорила ему об этом, да еще князья Черкасские — родственники

второй жены Ивана Васильевича, кабардинки Марии Темрюковны, чужаки для русских «княжат». Наконец, московское боярство выдвинуло из своих недр фигуру, способную оказать необходимое влияние на государя: решающие слова нашел, надо полагать, видный полководец боярин Алексей Данилович Басманов-Плещеев.

Автор этих строк видит в опричнине неудавшуюся военно-административную реформу. Она была вызвана общей сложностью военного управления в Московском государстве и, в частности, «спазмом» неудач на Ливонском театре военных действий. Опричнина представляла собой набор чрезвычайных мер, предназначенных для того, чтобы упростить военное управление, сделать его полностью и безоговорочно подконтрольным государю, а также обеспечить успешное продолжение войны. В частности, важной целью было создание крепкого «офицерского корпуса», независимого от самовластной и амбициозной верхушки служилой аристократии. Туда-то и рекрутировались представители старомосковского боярства. Борьба с «изменами», как иллюзорными, так и реальными, была изначально второстепенным направлением действий. Лишь с момента сведения митрополита Филиппа с кафедры и начала Федоровского «дела» (о нем см. ниже) она разрослась, приобретя гипертрофированные масштабы. Отменена же опричнина была, поскольку она не повысила, как задумывалось, боеспособность вооруженных сил России, а, напротив, снизила. Она привела к катастрофическим последствиям, в частности к сожжению Москвы татарами в 1571 году. Известный писатель Леонид Кудрявцев метко высказался по этому поводу: «Эксперты всегда ворчат. Царь решил обойтись без экспертов, и получилось то, что всегда в таких случаях получается...»

Был ли иной путь, более плодотворный и менее болезненный? Думается, да. Вернее всего, правы те, кто полагает его в медленном, терпеливом реформировании вооруженных сил, в постепенном подключении широких кругов дворянства к делам правления, в духовном просвещении... Реформу сгубил радикализм. Ее делали топором, когда следовало бы работать долотом и наждаком. Напор, насилие, давление, разрушение, казни и... ничего не получилось. Власть, а с нею и вся страна, оказалась у разбитого корыта. Да, чрезвычайщина способна строить; но то, что ею построено, быстро разваливается.

Правда, чтобы провести реформу так, как нужно, требовался новый Иван Великий, создатель Московской державы. А второго такого гения Господь нашим предкам не даровал.

Введение опричнины датируется январем 1565 года. Ближайшая

предыстория указа о ее учреждении такова: в декабре 1564 года Иван Васильевич покинул Москву и отправился в поход к Троице, но на этот раз поведение государя со свитой слабо напоминало обычные царские выезды на богомолье в монашеские обители. Царь прилюдно сложил с себя монаршее облачение, венец и посох, сообщив, что уверен в ненависти духовных и светских вельмож к своей семье, а также в их желании «передать русское государство чужеземному господству», и поэтому расстается с тронem. Иван Васильевич долго ходил по храмам и монастырям, а затем основательно собрался в дорогу. Царский поезд был нагружен казной, драгоценностями, множеством икон и, возможно, иных святынь^[68]. Расставаясь с высшим духовенством и «думными» людьми, государь благословил их всех. Вместе с Иваном Васильевичем уезжали его жена Мария Темрюковна и два сына. Избранные самим царем приказные люди, дворяне, а также представители старомосковских боярских родов в полном боевом снаряжении и с заводными конями сопровождали его вместе с семьями. Среди них были Алексей Данилович Басманов, Михаил Львович Салтыков, Иван Яковлевич Чеботов, князь Афанасий Иванович Вяземский. Некоторых, в том числе Салтыкова и Чеботова, государь, обобрав, отправил назад, видимо, не вполне уверенный в их преданности. С ними он отправил письмо митрополиту Афанасию и «чинам», где сообщал, что «...передает... свое царство, но может прийти время, когда он снова потребует и возьмет его».

До тех пор все шло как великолепная театральная постановка. По всей видимости, Иван Васильевич ожидал достаточно быстрой реакции публики, то есть митрополита и «думных» людей. Играл он вдохновенно, но его не остановили ни в Москве, ни по дороге к Троице. Ему требовалось навязать верхам общества жесткие условия грядущей реформы, но, вероятно, государь не предполагал, что игра затянется, и собирался решить поставленные задачи «малой кровью». А митрополит с «чинами», между тем, не торопились звать царя назад. Должно быть, у них появились свои планы. Тогда государь, миновав Троицу, добирается до Александровской слободы и там затевает новый спектакль. В первых числах января 1565 года он отправляет с Константином Дмитриевичем Поливановым (в будущем видным опричным воеводой) новое письмо в Москву. Царское послание полно гневных обвинений: старый государев двор занимался казнокрадством и разворовыванием земельных владений, а главную свою работу перестал исполнять должным образом. «Бояре и воеводы... от службы учили удалятися и за православных крестьян кровопролитие против безсермен и против латын и немец стояти не похотели». Когда же

государь изъявил желание «понаказати» виновных, «...архиепископы и епископы и архимандриты и игумены, сложася з бояры и з дворяны и з дьяки и со всеми приказными людьми, почали по них... царю и великому князю покрывати». Не видя выхода из этой ситуации, царь «...оставил свое государство и поехал, где веселится, иде же его, государя, Бог наставит». Столичный посад получил от Ивана IV письмо совершенно иного содержания. На посадских людей, говорилось там, «гневу... и опалы некоторые нет». Это была откровенная угроза Церкви и служилой аристократии взбунтовать против них посад, повторив ужасы мятежа, случившегося в 1547 году. Видимо, она оказалась действенной (к тому же посад проявил активность — «биша челом» митрополиту о возвращении Ивана Васильевича на царство). В итоге из Москвы в Александровскую слободу поехала огромная «делегация», состоящая из архиереев, «думных» людей, дворян и приказных. В ее составе были посланцы митрополита Афанасия архиепископ Новгородский и Псковский Пимен, чудовский архимандрит Левкий, а также виднейшие аристократы князя Иван Дмитриевич Бельский и Иван Федорович Мстиславский. После долгих уговоров и «молений... со слезами о все народе крестиянском» делегация добилась от государя обещания вернуться на царство. Но, как уже говорилось, при этом Иван Васильевич выторговал себе право разбираться с государственными делами, «как ему государю годно», невозбранно казнить изменников, возлагать на них опалы и конфисковывать их имущество. Иными словами, он добился того, чего желал: на любые действия получил «карт-бланш» от Церкви, до сих пор отмаливавшей тех, кто должен был подвергнуться казням, и от служилой аристократии, до тех пор сохранявшей значительную независимость по отношению к государевой воле^[20]. Весь этот спектакль в политическом театре одного актера того стоил!

События конца 1564-го — начала 1565 года представляют собой важнейший рубеж в биографии государя. До того он смирялся с ограничениями, которые накладывала на него трудная, но благодатная роль православного царя, главного столпа Традиции в державе. Эта роль тяжела для кого угодно, однако большинство монархов Московского государства с честью несли ее бремя от восшествия на престол до самой смерти. А вот Иван IV громады этого груза не выдержал и пожелал скинуть его. Предопричное лицедейство и есть акт ритуального отказа от традиционной роли, от «правильной прописки» в рамках русской цивилизации. Оно свидетельствует и о нетвердой нравственности Ивана Васильевича, и о его странной религиозности, сильной лишь внешними своими проявлениями.

Лифляндские немцы Иоганн Таубе и Элерт Крузе, служившие в опричнине, оставили свидетельство о ее начале. Они отметили одну любопытную деталь: Иван IV прибыл в Москву из Троицы «...с таким извращенным и быстрым изменением своего прежнего облика, что многие не могли узнать его. Большое изменение, между прочим, внесло то, что у него не сохранилось совершенно волос на голове и в бороде — их сожрала и уничтожила его злоба и тиранская душа». На этот нюанс многие исследователи обращали внимание, делая далекоидущие выводы. Дескать, Иван Грозный не был уверен в успехе своего предприятия; дескать, очень волновался, был то ли на грани помешательства, то ли уже за гранью; дескать, это был драматичный момент в биографии монарха. Правда же состоит в том, что однозначно истолковать эту информацию невозможно. Если это не выдумка Таубе и Крузе, если царь *действительно* лишился бороды и волос, то их исчезновение может быть в равной степени как свидетельством сильных эмоций, так и следом сражений со вшами или элементом «постановки», с помощью которого Иван Васильевич хотел продемонстрировать «публике»: «В моей судьбе кое-что произошло, а теперь и вам следует ожидать прихода новой жизни».

Если посмотреть на «постановку» с точки зрения политических идеалов русской цивилизации, события 1565 года выглядят безобразно. Аристократия проявила необыкновенную жадность и небывалое неуважение к Церкви в 30-х и 40-х годах XVI столетия, когда государь был юн: она ссаживала митрополитов, лихорадочно набивала мощну за счет казны... В первой половине 1560-х годов она проявила также военную слабость и недостаток энергии в решении насущно важных задач. По сути, зная принялась эгоистично раскачивать древо русской государственности. Государь не нашел ничего лучшего, как разыграть политический балаган, добиваясь всенародного разрешения казнить направо и налево, перекраивать военно-административную сферу, как ему заблагорассудится, поскольку лучших способов выхода из тяжелой ситуации он найти не смог. Церковь, исполняя вечную свою роль милосердной матери для русского общества, печаловалась за тех, кому грозила смерть, но стоило святому Макарию покинуть ее, отступилась от своего исконного права. Видимо, Россия слишком долго жила благополучной жизнью, пользовалась милостью Божьей. Духовная твердость покинула русское общество. Кажется, оно обленилось и в нравственном, и в религиозном смысле.

Для постройки Опричного дворца — главной политической резиденции государева «удела» — было снесено множество зданий напротив Кремля. Московский Опричный дворец располагался в том месте,

где сегодня соединяются улицы Воздвиженка и Моховая; его положение точно определил дореволюционный историк И. Е. Забелин. Квадратное в плане пространство, отданное под постройку, было окружено высокой стеной с тремя воротами. На сажень она состояла из тесаного камня и еще на две сажени — из кирпича. Рядом с дворцом располагались, по всей видимости, казармы опричной стражи (в не очень точном переводе одного иностранного известия, «особый лагерь»). Общая численность московского опричного отряда, охранявшего царя, составляла около пятисот человек. Северные ворота играли роль «парадных». По свидетельству еще одного немца-опричника, Генриха Штадена, они были окованы железными полосами и покрыты оловом. Запирал их засов, закрепленный на двух мощных бревнах, глубоко врытых в землю. Украшением ворот служили два «резных разрисованных льва» (вместо глаз у них были вставлены зеркала), а также черный двуглавый орел с распростертыми крыльями, обращенный «в сторону земщины». На шпилях трех главных палат также красовались орлы, повернутые к земщине. Опричный дворец был обеспечен всем необходимым, значительную часть его территории занимали хозяйственные постройки: поварни, погреба, хлебни и мыльни; «над погребами были сверху надстроены большие сараи с каменными подпорами из досок, прозрачно прорезанных в виде листвы». Поскольку строительство производилось на сыром месте, двор пришлось засыпать песком «...на локоть в вышину. Даже церковь поставили на сваях. Главная палата стояла напротив восточных ворот, в нее можно было войти по двум лестницам (крылечкам)». Перед лестницами высился помост, «подобный четырехугольному столу; на него всходил великий князь, чтобы сесть на коня или слезть с него. Эти лестницы поддерживались двумя столбами, на них покоились крыша и стропила. Столбы и свод украшены были резьбой под листву. Переход шел кругом всех покоев и до стен. Этим переходом великий князь мог пройти сверху от покоев по стенам в церковь, которая стояла на восток перед двором, вне ограды»^[21].

Московский Опричный дворец погиб в 1571 году, когда крымский хан Девлет-Гирей спалил Москву. Но помимо него в разное время воздвигались иные царские резиденции: в Старице, Вологде, Новгороде. В Александровской слободе стали строить Опричный дворец, по всей видимости, одновременно с московским или ненамного позже. Туда Иван Васильевич переехал из Москвы не ранее второй половины 1568 года и не позднее марта 1569-го. В московском дворце Иван IV провел относительно немного времени. Зато Александровская слобода, а позднее Старица на долгие годы становились настоящими «дублерами» русской столицы. Часть

опричных сооружений XVI века сохранилась до наших дней.

К этому периоду относятся известия о странном мистическом ордене, основанном царем из опричной «гвардии». Немцы-опричники Таубе и Крузе, впоследствии ставшие изменниками, сообщают: «Опричники (или избранные) должны во время езды иметь известное и заметное отличие, именно следующее: собачьи головы на шее у лошади и метлу на кнутовище. Это обозначает, что они сперва кусают, как собаки, а затем выметают всё лишнее из страны»^[22]. Это описание подтверждается русскими источниками, до наших дней дошло даже изображение конного опричника с метлой и собачьей головой. Опричники должны были носить грубые и бедные верхние одежды наподобие монашеских, зато под ними скрывалось одеяние из шитого золотом сукна на собольем или куньем меху.

Иван IV образовал из опричного ополчения нечто вроде религиозного братства. В него вошло около пятисот человек, по словам тех же Таубе и Крузе, «...молодых людей, большей частью очень низкого происхождения, смелых, дерзких, бесчестных и бездушных парней». Историки и публицисты следующих поколений оценивали опричное братство очень по-разному. Основным источником по его истории является послание Таубе и Крузе польскому гетману Яну Ходкевичу. Это памятник противоречивый и далеко не столь достоверный, как, например, записки их современников — англичан Ричарда Ченслора, Энтони Дженкинсона, венецианца Марко Фоскарино, немца Альберта Шлихтинга. Однако ничего лучшего в распоряжении исследователей нет^[69].

Итак, Таубе и Крузе пишут: «Этот орден предназначался для совершения особенных злодеяний. Из последующего видно, каковы были причины и основание этого братства. Прежде всего, монастырь или место, где это братство было основано, был не в каком ином месте, как в Александровской слободе, где большая часть опричников, за исключением тех, которые были посланцами или несли судейскую службу в Москве, имели свое местопребывание. Сам он был игуменом, князь Афанасий Вяземский — келарем, Малюта Скуратов — пономарем; и они вместе с другими распределяли службы монастырской жизни. В колокола звонил он сам вместе со своими сыновьями и пономарем. Рано утром... должны были все братья быть в церкви; все не явившиеся, за исключением тех, кто не явился вследствие телесной слабости, не щадятся, всё равно, высокого ли они или низкого состояния, и приговариваются к 8 дням епитимьи. В этом собрании поет он сам со своими братьями и подчиненными попами с четырех до семи. Когда пробивает восемь часов, идет он снова в церковь, и

каждый должен тотчас появиться. Там он снова занимается пением, пока не пробьет десять. К этому времени уже бывает готова трапеза, и все братья садятся за стол. Он же, как игумен, сам остается стоять, пока те едят. Каждый брат должен приносить кружки, сосуды и блюда к столу, и каждому подается еда и питье, очень дорогое и состоящее из вина и меда, и что не может съесть и выпить, он должен унести в сосудах и блюдах и раздать нищим, и, как большей частью случалось, это приносилось домой. Когда трапеза закончена, идет сам игумен ко столу. После того, как он кончает еду, редко пропускает он день, чтобы не пойти в застенки, в котором постоянно находятся много сот людей; их заставляет он в своем присутствии пытаться или даже мучить до смерти безо всякой причины, вид чего вызывает в нем, согласно его природе, особенную радость и веселость. И есть свидетельство, что никогда не выглядит он более веселым и не беседует более весело, чем тогда, когда он присутствует при мучениях и пытках до восьми часов. И после этого каждый из братьев должен явиться в столовую, или трапезную, как они называют, на вечернюю молитву... После этого идет он ко сну в спальню, где находятся три приставленных к нему слепых старика; как только он ложится в постель, они начинают рассказывать ему старинные истории, сказки и фантазии, одну за другой. Такие речи, согласно его природе или постоянному упражнению, вызывают его ко сну, длящемуся не позже чем до 12 часов ночи. Затем появляется он тотчас же в колокольне и в церкви со всеми своими братьями, где остается до трех часов, и так поступает он ежедневно по будням и праздникам. Что касается до светских дел, смертоубийств и прочих тиранств и вообще всего его управления, то отдает он приказания в церкви. Для совершения всех этих злодейств он не пользуется ни палачами, ни их слугами, а только святыми братьями. Всё, что приходило ему в голову, одного убить, другого сжечь, приказывает он в церкви; и те, кого он приказывает казнить, должны прибыть как можно скорее, и он дает письменное приказание, в котором указывается, каким образом они должны быть растерзаны и казнены; этому приказанию никто не противится, но все, наоборот, считают за счастье милость, святое и благое дело выполнить его... Все братья и он прежде всего должны носить длинные черные монашеские посохи с острыми наконечниками... а также длинные ножи под верхней одеждой, длиною в один локоть...»^[23]

Некоторые факты, упомянутые бывшими опричниками, подтверждаются иными источниками, например обширным известием об опричных годах в Пискаревском летописце. Само существование опричного братства — явление кратковременное. Оно не могло появиться

ранее окончательного переезда Ивана IV в Слободу (вторая половина 1568 года) и вряд ли пережило период, когда казни обрушились на само опричное руководство (первые месяцы 1571 года), в том числе ушел из жизни «келарь» — князь Афанасий Иванович Вяземский. Его кончине предшествовали долгие избиения (правёж), в ходе которых князь должен был расстаться по частям со всем имуществом. В дальнейшем, кстати, на протяжении нескольких лет (до 1575 года) не было и массовых казней, а то, что описывают Таубе и Крузе, относится ко времени масштабного террора. Всего, таким образом, не набирается и трех лет существования опричного братства. Но это наиболее расширительное толкование. На самом деле вся история странного Слободского ордена (так удобнее всего называть эту организацию) насчитывает, быть может, несколько месяцев, а то и недель. Ведь Иван Васильевич провел значительную часть того периода в разъездах. Он подолгу бывал в Москве, занимался разгромом вотчин И. П. Федорова, несколько месяцев провел в походе на Новгород и другие северные области, принимал опричный военный смотр в Старице, выезжал на юг «по крымским вестям». Что же остается? Твердо можно говорить о нескольких месяцах в середине 1569 года (до Новгородского похода), а также о промежутке от марта — апреля 1570 года до середины мая 1571-го (с перерывами). По всей видимости, именно тогда, в 1570–1571 годах, и существовал Слободской орден.

Р. Г. Скрынников сделал остроумное и, по всей видимости, справедливое замечание о времени начала опричного ордена: «Пока [митрополит] Филипп сохранял пост главы Церкви, он не потерпел бы, чтобы опричные палачи разыгрывали кощунственный спектакль. Когда Филипп покинул митрополию, руки у Грозного оказались развязанными»^[24]. А Филипп был свергнут с кафедры осенью 1568 года.

Другой современный историк, А. А. Булычев, исследовал символические функции одежды опричников, а также атрибутов, которые им были вручены, — метлы и собачьей головы. Он считает, что прообразом государева слуги, экипированного подобным образом, стал «светлый ангел-мучитель древнерусских апокрифов и, отчасти, духовных стихов, обитающий в преисподней». Единственной задачей такого существа было безжалостное физическое наказание грешников. «В этом контексте вполне удобно рассматривать собачью голову как мистического двойника страшного адского пса, а метлу — как священный оберег и мощное магическое оружие для борьбы с бесами и неправедными, преступными людьми. Причем функциональная тождественность Божьего ангела-мучителя и его антипода, inferнального демона-«пекельника», сообщала

семантике опричного воина соблазнительную двойственность, почти стиравшую чрезвычайно зыбкую границу между светом и тьмой, добром и злом». Не зря Иван Васильевич так почитал «грозного воеводу Небесного воинства» — сурового архангела Михаила.

По мнению Булычева, царь Иван IV «предстает перед нами человеком изощренного ума, воплотившим свои поистине обширные познания как «высокой» книжной, так и традиционной культуры в чудовищной пенальной системе, в основу которой был положен принцип умерщвления не только плоти, но, главное, души преступника. Тщательно продуманная символика «обрядов» казни «государевых ослушников» вынуждает усомниться в достоверности рассказов о расправе Ивана IV над своими жертвами в состоянии *спонтанных* приступов ярости, вызванных расстроенной психикой московского венценосца. Напротив, массовые репрессии в России второй половины XVI столетия явились страшным «плодом» цинически расчетливой, холодной политической воли помазанника Божия, перепутавшего христианскую идею неограниченной земными институтами власти самодержавного монарха с правом на вседозволенность, усвоенную себе языческими правителями античного Рима»^[25].

В наши дни некоторые публицисты видят в Слободском ордене высшую форму религиозного служения, нечто концентрированно русское и в то же время концентрированно христианское. Другие сравнивают его с рыцарскими и монашескими орденами Европы. Но такое христианство — на грани сатанизма! Кое-кто из историков видит в Слободском ордене одно из многочисленных тайных (эзотерических) обществ, которыми кишела тогда Европа. Не монастырская братия, но пародия на нее; не юродство, но охальничество; не прямое исповедание веры, а вычурная царская прихоть. Надо полагать, при Филиппе Слободской орден и впрямь был невозможен. Вряд ли потерпел бы человек строгой иноческой жизни подобное псевдомонашество.

Довольно сказано о корнях опричнины. Пришло время поговорить об образе действий опричников.

Важно помнить: политика ранней опричнины (1565–1567) не знала Слободского ордена и обходилась без масштабных репрессий, ставших нормой позднее.

До 1565 года Иван IV делил власть над страной с влиятельными родами высшей аристократии. Ему весьма затруднительно было задействовать какой-либо экономический, политический или военный ресурс, если они оказывали сплоченное сопротивление. Но вот из состава

единой державы выделился «государев удел», где царь мог полновластно распоряжаться всем и всеми. Иными словами, у него появились ресурсы для *оперативного использования*, прежде всего опричное землевладение, которым обеспечивались служилые люди из опричного боевого корпуса. Масштабный террор в картину военно-политической реформы не вписывался — он попросту не был нужен^[70]. Наиболее неугодных людей царь подверг смертной казни в первые же месяцы опричнины, но их насчитывалось немного — всего пятеро. В их числе, правда, оказался весьма популярный военачальник, герой Казани, князь Александр Борисович Горбатый-Шуйский. Зато вскоре был освобожден из заключения князь М. И. Воротынский, тоже отличившийся при «казанском взятии», а в 1562 году прощтрафившийся на ратном поле. Царь принял курс лавирования по отношению к служилой знати, он пока не шел на трагическое обострение конфликта с ней. Иван Васильевич показывал: кого-то казню, а кого-то, не менее достойного, жалую...

Именно такова причина, по которой год с лишним между государем и митрополитом не было вражды из-за опричных дел. Всё это время большая кровь не лилась, великая жестокость еще не вышла на историческую сцену. А значит, дух любви оставался в русском обществе.

Между тем недовольство опричниной постепенно росло. Высшая княжеская знать возмущалась тем, что ее оттеснили от важнейших государственных дел, да и продвижением на военных постах более худородных семейств. На роды Басмановых-Плещеевых, Вяземских, Телятевских, Черкасских, оказавшихся на вершине опричной пирамиды, смотрели с завистью: как же так? почему они выше всех?! Это, конечно, не рвань подзаборная, но найдутся люди и познатнее! Не только знать, но все дворянство в целом было задето земельной политикой опричнины. Чтобы добыть большие земельные владения в местах, удобных для раздачи офицерам опричного корпуса, Иван IV принялся сгонять их прежних хозяев. Великое множество дворян — как богатых, так и совершенно незаметных по своему имущественному уровню — отправилось в «казанскую ссылку». Там их держали в отвратительных условиях до тех пор, пока новые хозяева, опричные слуги царя, не освоились в их усадьбах. Затем подавляющее большинство ссыльных вернулось в центральные районы России, получив земельные «дачи» взамен старых владений. Как правило, те поместья, что им доставались, оказывались намного хуже отобранных.

Немецкий наемник Генрих Штаден, оставивший записки о «Московии», знает про ранний период опричнины совсем немного. Но от

первых лет опричного режима он сохранил знаменитое указание Ивана IV, отправленное в органы судопроизводства: «Судите праведно, наши виноваты не были бы!»^[26] Это отражает обстановку, действительно сложившуюся во второй половине 1560-х годов. Опричники имели по сравнению с земскими служилыми людьми огромное преимущество во всякого рода расследованиях и тяжбах. Они были почти неприкосновенны и, по всей видимости, активно пользовались этим. Для них открывались пути к невиданному обогащению.

В Москве происходили антиопричные выступления. Одно из них попадает на 1566 год, самое начало митрополичьего правления Филиппа. Другое относится к 1568 году; правда, не все историки согласны с тем, что оно действительно имело место. Но уж первый конфликт точно произошел прямо перед глазами главы Русской церкви.

И произвел на него неизгладимое впечатление...

За месяц до поставления Филиппа в митрополиты, 28 июня 1566 года, в Москве начались заседания большого Земского собора. Собравшиеся должны были ответить на вопрос: следует ли Московскому царству продолжить кровопролитную и разорительную войну за Ливонию или же надо договориться о мире с главнейшим врагом, Польско-Литовским государством, и отказаться от новых территориальных приобретений? Сохранение *status quo*, то есть закрепление за Москвой и Вильно всех территорий, занятых русскими и литовскими войсками, давало России возможность как минимум заключить длительное перемирие с литовцами^[71], получив желанную передышку. А возможно, удалось бы добиться и «вечного мира». С другой стороны, продолжение войны давало перспективу захватить всю Ливонию. В Москве тогда считали, что сил для этого достанет: литовцы находились не в лучшем положении. Впрочем, литовские послы предложили куда менее выгодные для России условия перемирия; того, что устраивало русскую сторону, еще нужно было добиться в ходе переговоров.

В столице тогда собрались, помимо членов Боярской думы и глав крупнейших ведомств, многие церковные иерархи, дворяне, «приказные люди», богатейшие московские и смоленские купцы. 2 июля собор принял итоговый документ — «приговорную грамоту». Общий смысл ее виден в нескольких фразах: за ливонские города «...государю стояти крепко, а мы, холопы его, для его государева дела готовы». Так ответствовали дворяне. Купцы высказались за продолжение войны столь же однозначно: «Не стоим

не токмо за свои животы (имущество. — Д. В.), мы и головы свои кладем за государя везде, чтобы государева рука везде была высока». Иван IV хотел продолжения войны, и он получил от собора желанное подтверждение: страна готова воевать. Казалось бы, его планы исполняются наилучшим образом.

Однако вскоре по окончании собора его участники выступили против опричнины. Перед государем легла коллективная челобитная, где говорилось: «Не достоин сему быти». Видимо, служилая аристократия и дворянство собрали сильную группу: челобитчиков сошлось около трехсот человек. И всё это — «служилые люди по отечеству», то есть вооруженные, опытные в военных делах бойцы.

Царь пришел в ярость, велел схватить зачинщиков и казнить их. Трое лидеров антиопричной оппозиции лишились голов: князь В. Ф. Рыбин-Пронский, И. М. Карамышев и К. С. Бундов. Возможно, вместе с ними предали смерти и других «активистов» из числа челобитчиков, но тут свидетельства источников менее надежны. Кое-кто из ближайших сторонников казненной троицы отведал палок, остальных держали под замком несколько дней, а потом отпустили.

Дворянско-аристократическое выступление за отмену опричных порядков состоялось в июле 1566 года. Тогда же и Филипп взошел на митрополию. Он прибыл в столицу между 2 и 20 июля и на соборных заседаниях не присутствовал. А 20-го возник документ, явно связанный с действиями противников опричнины, — «приговор» об избрании Филиппа митрополитом. Он рассказывает, среди прочего, о том, что игумен соловецкий потребовал у царя отменить опричнину. Более того, Филипп, оказывается, грозил даже отвергнуть решение архиереев, избирающих его на митрополию, если царь не уступит ему. Он сказал в лицо Ивану Грозному: «А не оставит царь и великий князь опришнины, и ему в митрополитех быти не возможно; а хотя его и поставят в митрополиты, и ему за тем митрополию оставить».

Трудно не сопоставить два события одного ряда: участники Земского собора и претендент на митрополичью кафедру выступают с одинаковым требованием. Очевидно, разговор Филиппа с царем и подача коллективной челобитной недалеко отстояли друг от друга по времени. То ли настоятель островной обители решил поддержать челобитчиков; то ли они, узнав о словах Филиппа, исполнились решимости добиться своего. Скорее всего, верно первое предположение. Прибыв издалека, Филипп знал об опричнине и особенно о том, что происходило в Москве, немногое. Единодушное выступление множества дворян должно было привлечь его

внимание. Оказавшись в окружении высшего духовенства, Филипп должен был сразу же получить от него информацию о неладах между митрополитом Афанасием и царем, а значит, и об их причине. Мотив столкновения между государем и главой Церкви звучал в унисон с коллективной челобитной. Как видно, Филипп близко к сердцу принял дело Афанасия, как касающееся всей Церкви. А потом он счел необходимым вступить за челобитчиков. Быть может, именно ему обязаны жизнью и свободой те, кого сначала арестовали, а потом выпустили.

В этот момент царь увидел: серьезная проблема постепенно перерастает в неразрешимую. Сколько человек готовы и дальше выступать против опричнины? В соединении с духовным авторитетом Церкви антиопричная оппозиция становилась серьезной силой.

Каждый год командование вооруженных сил России составляло воеводские или, иначе, разрядные списки. В них вносились имена военачальников, отправляемых в действующие войска, гарнизоны городов или на охрану пограничных рубежей. Осенью 1565 года на страницах разрядных списков появились первые упоминания командиров «из опричнины»: родился опричный боевой корпус, и его сразу же использовали в оборонительной операции против крымцев. Но на протяжении 1566 года опричные воеводы не попали ни в один разрядный список. Весь корпус нужен был Ивану Васильевичу в Москве. На всякий случай. Во избежание... 300 дворян-челобитчиков — это много, это опасно. Их удалось нейтрализовать, вероятно, с помощью опричных боевых отрядов: одной охранной гвардии тут было маловато. Но вдруг три сотни оппозиционеров — это только начало, верхушка айсберга? Вдруг те, кто не стал выступать открыто, копят силы и строят большой *настоящий* заговор? Открытая ссора с Церковью в подобных обстоятельствах была рискованной.

Царь осерчал на Филиппа. Однако за соловецкого игумена вступился весь Освященный собор во главе с тремя архиепископами: Новгородским Пименом, Казанским Германом и Ростовским Никандром. Современный историк В. А. Колобков метко высказался по этому поводу: «Игумен Соловецкого монастыря в своем требовании высказал общее желание церковного руководства. Неудивительно, что Освященный собор оказал ему безусловную поддержку».

Тогда Иван IV «пожаловал» Филиппа, «гнев свой отложил».

Если взглянуть на ситуацию, сложившуюся в июле 1566 года, то дух захватывает от необыкновенного мужества Филиппа. Кто он такой? У себя на Соловках Филипп был хозяином архипелага, верховным распорядителем

во всех делах. Но сюда, в Москву, он явился как игумен не столь уж крупной обители у дальнего предела царства. Тут он был никто. Ему пообещали место главы Церкви, а он вместо покорной благодарности принялся ставить условия. Мог ли Иван IV воспротивиться поставлению Филиппа в митрополиты по-настоящему, всерьез? Мог. Но Филипп не стремился к высшей духовной власти и не опасался лишиться ее. Мог ли царь, не удержав гнева, сослать его в дальнюю обитель? Мог. Да только игумен соловецкий прожил в такой обители десятилетия и считал подобную жизнь лучшим из того, к чему мог стремиться монах. А мог ли государь казнить его за неповиновение — заодно с тремя лидерами антиопричной оппозиции? Мог. Недалеко то время, когда многие настоятели русских монастырей лишатся жизни по его приказу. Но для Филиппа жизнь души оказалась важнее жизни тела. Туда, в посмертье, он хотел бы уйти чистым — через год ли, через десять лет или завтра на рассвете. А значит, царь мог яриться на него сколько угодно, не имея, однако, инструментов для приведения строптивого игумена к покорности.

Отменять опричнину Иван IV не собирался. Она еще не проявила себя *на деле*. Опричный боевой корпус не участвовал ни в одном большом сражении. Мощный военно-политический ресурс, полученный государем, пока не привел ни к какому результату, кроме недовольства в обществе. Рано — казалось Ивану Васильевичу, — рано отменять. Опричные соколы еще вознесут царские знамена на стены ливонских городов, еще заплачут крымские вдовы, узнав о смерти мужей от русских острых сабель...

И государь пошел на компромисс. Он вернул Церкви право совета, иными словами, печалования об опальных, отпустил арестованных оппозиционеров, но закрыл для будущего митрополита сферу дел, связанных с опричниной. Филиппу было четко сказано: не стоит ждать отставки опричнины. Вот формулировка соглашения, вошедшая в «приговор»: «А по поставлены! бы, несмотря на то, что царь и великий князь опричнины не оставил и в домовый обиход^[72] митрополиту вступаться не велел, игумен Филипп митропольи не оставил бы, а советовал бы с царем и великим князем, как прежние митрополиты советовали с отцем его великим князем Васильем и з дедом его великим князем Иваном»^[27].

Что здесь существенно? «Приговор» (см. Приложения к данной книге) запрещал Филиппу возвращаться к обсуждению темы опричнины. Значит, когда он опять примется увещевать царя и просить его покончить с опричными порядками, условия соглашения будут нарушены... если только

сам царь раньше не нарушит их. Зато теперь Филипп не мог воспользоваться тем же выходом, что и Афанасий, — покинуть митрополичью кафедру. Прежде в случае несогласия с государем глава Русской церкви мог «положить посох». Такое случалось и до Афанасия, и после него. Подобные поступки совершались нечасто, но и не являлись чем-то небывалым. Только Филипп начинал митрополичье правление в условиях, когда возможность дать «задний ход» была у него отнята. Зато он вернул нормальное, «симфоническое» положение вещей во взаимоотношениях Церкви и государства.

«Симфония» предполагает соработничество светской и духовной властей. Каждая из них ничем не ограничена в сфере своей ответственности. Церковь властвует над областью духовного и нравственного, властвует в религиозных делах. Светская власть блюдет дела правления, создает во внутренней и внешней политике прочную чашу для вина веры. Если Отцы Церкви впадают в пороки и ереси, если они ставят стяжательство выше духовного долга, если их действия прямо подрывают государственный интерес, но не совершаются при этом на благо веры, светская власть может и должна одернуть архиереев. В то же время Церковь смотрит за тем, чтобы высшие чины государства не запятнали себя безнравственными деяниями и преступлениями против веры, смягчает их нрав, призывая отвратиться от жестокости, вернуться к духу любви, милосердия, доброты. Если правительственные силы, или даже сам государь, ведут народ по пути нарушения Божьих заповедей, вероотступничества, еретичества, духовенство может обличить их, а в самом крайнем случае призвать паству к неповиновению. Православная держава должна управляться полновластным государем, но государь не может быть отступником.

Таким образом, право «совета» с царем и «печалования» о тех, на кого он разгневался, составляет естественную принадлежность главы Церкви. При Афанасии указ о введении опричнины поставил его под сомнение. Но Филипп вновь утвердил эту норму.

Конечно, разговор идет об идеальной «симфонии». В реальности «симфонические» отношения светских и духовных властей нередко нарушались и на Руси, и в Византии, и в других православных державах. Однако сохранение самого идеала вело к тому, что государи и архиереи знали, где они преступают невидимую черту, а общество видело, что совершается нечто неуместное и следует повернуть обратно. Так в уголовном праве содержатся статьи законов, а в жизни есть их регулярное нарушение преступниками. Но все-таки норма из века в век торжествует

над преступлением. «Симфония», даже поруганная, восстает из руин.

«Симфония» — это здоровье в теле православной страны; болезни рушат ее, а способность общественного организма сопротивляться хворям — восстанавливает. Таков естественный порядок вещей.

В день поставления на митрополию Филипп обратился к царю и царевичу Ивану с поучительным словом. Из него видно со всей отчетливостью, почему Филипп с самого начала, с первых дней появления в Москве, проявлял по отношению к царю такую суровость и требовательность. Он и государю хотел внушить мысль, насколько внимателен Бог ко всему, что делает человек, а следовательно, до какой степени зависит судьба царя от того, будет ли он «доброчестен», благочестив.

Житие сохранило пересказ этой речи, обращенной к Ивану Васильевичу^[73]: «Сколь великим благом сподобил тебя Бог, столь же большим ты должен ему воздать. Отдай долг благохваления, приняв долг, как дар... Благохваления же Он просит от нас не в виде благих бесед, но в виде приношения благих дел. Высота земного царствования делает тебя несопоставимым с людьми, так будь же кроток с подвластными тебе ради власти, которая еще выше. Отверзай уши для тех, кто страждет в нищете, тогда и Бог услышит твои прошения. Каковы мы бываем с нашими клеветами, таков будет и нам Владыка. Как бодрствует всегда кормчий, так и царский мно-гоочитый ум, — держись же твердо правил доброго закона, крепко иссушай потоки беззакония, да корабль всемирной жизни не погрязнет волнами неправды. Принимай тех, кто хочет совершить благое, а не тех, кто всегда творит ласкание. Ведь одни ищут пользы дела, а другие смотрят, как бы угодить власть имущим. Больше всей славы царствия украшает царя венец доброчестия. Честно ваше царствие вправду, если воинственным показывает власть, а покорным дает человеколюбие. Чужих оно силой оружия побеждает, от своих же невооруженной любовью побеждается. Грех — не возбранять согрешающим, ведь тогда те, кто живет законно, присоединяются к живущим беззаконно. Осуждается от Бога тот, кто оказался вместе со злыми. Если же хочешь правильно действовать и с теми, и с другими, то чтить добротворящих и запрещай злотворящим. За православную веру стой твердо и непоколебимо, гнилые еретические учения удобно отрясая. Мудрости, которую подобает держать твердо, научили нас апостолы и божественные отцы. В этой истинной мудрости пребывая, руководи теми, кто поставлен под тобою»^[28].

В поучительном слове Филиппа слышны отголоски споров об

опричнине. Чего требует митрополит от царя? «Иссушать потоки беззакония» — в этом можно увидеть намеки на недобрую ситуацию, возникшую из судебной льготы для опричников, пользовавшихся ею для обогащения. Не подпадать под влияние ласкателей, угождающих власть имущим (очевидно, имеются в виду опричные советники Ивана IV). Стоять твердо за православную веру и гнать ереси — что же, тут у митрополита не было никаких разноречий с царем. Наконец, наказывая согрешающих, проявлять человеколюбие к покорным, чтить добротворящих. Здесь, пожалуй, содержится суть всего высказывания. Филипп дает понять это, заговорив о «венце добродетели», украшающем царя более чего бы то ни было. Митрополит говорит Ивану Васильевичу: каждый человек, попавший в поле зрения государя, достоин того, чтобы с оценкой его деяний не спешили. Кто он — «живущий беззаконно» или «добротворящий»? Нужна любовь, чтобы дойти до истины. Одной «грозы» тут мало, и честен царь, если он «побеждается любовью» к своим подданным, когда они не оказались «со злыми».

В сущности, это очень мягкое увещевание, очень добрый совет. Филипп ничем не уязвил страстей государевых.

Житие сообщает о том, что «благочестивый царь», приняв от святителя «такое благоутешительное поучение», повиновался митрополиту «с правостию душевною». Собственно, выше уже говорилось: как минимум год между государем и патриархом были мир и согласие. Первые тучи начали сгущаться из-за «дела Екатерины Ягеллонки». Но и эти обстоятельства еще не привели к новому конфликту.

Разрыву способствовал запах большой крови. Его можно было явственно обонять с конца 1567-го — начала 1568 года. А появился он в связи с так называемым «делом Федорова».

Боярин Иван Петрович Федоров-Челяднин принадлежал к числу знатнейших людей в среде старомосковского боярства. К тому же он считался одним из самых богатых землевладельцев Московского царства. До начала 1560-х годов Федоров пользовался доверием Ивана IV. Он участвовал в делах правления на самом высоком уровне, воеводствовал в крупнейших городах России, возглавлял Конюшенный приказ^[74]. А конюший (глава приказа) по старинному обычаю играл первенствующую роль при утверждении государя, если предыдущий скончался, не оставив наследников. Таким образом, Иван Петрович был весьма важной персоной в политической элите России. С Филиппом Колычевым его связывало родство, правда, очень отдаленное.

В 1562 году Федоров-Челяднин совершил серьезную оплошность — из числа тех, которые не забываются: будучи на воеводстве в Юрьеве-Ливонском^[75], самочинно заключил перемирие с литовцами. Этот поступок можно квалифицировать, самое мягкое, как превышение должностных полномочий. Но, видимо, дело было не в гордыне и не в горячности воеводы. Иван Петрович привык к тому, что служилая знать многое может решать сама, без царя, — так было в 1530—1550-х годах. Он и не мыслил, что может быть иначе. По мнению боярина, его воеводского звания вполне хватало для того, чтобы вести самостоятельные переговоры и даже приостанавливать боевые действия. Но времена изменились. Царь одернул его резким посланием и отменил перемирие. Боярину было четко сказано: списываться с неприятельскими властями без ведома государя нельзя! Надо полагать, своеволие Ивана Петровича надолго закрепилось в памяти царя.

Однако нельзя сказать, чтобы Федоров-Челяднин претерпел какое-то понижение по службе. Он оставался на высоких должностях, по-прежнему выполнял ответственные поручения. Так, в 1567 году его назначили воеводой в Полоцк, что никак нельзя приравнять к почетной ссылке. К этому городу Иван IV относился как к драгоценнейшей жемчужине в венце русских завоеваний. Богатый Полоцк занимал стратегически важное положение на театре военных действий. К тому же в старину он был столицей самостоятельного княжества, и над ним витал ореол столичного центра. Литовцы предпринимали все возможные усилия, чтобы вернуть его — не вооруженной рукой, так с помощью дипломатов, — но тщетно. Раз Иван Петрович оказался в Полоцке главным начальником, значит, ему продолжали доверять. Но именно там начались его злоключения, завершившиеся страшной смертью.

Осенью 1567 года Иван IV, собрав главные силы русской армии, отправился в новый поход против литовцев. Он планировал нанести решающий удар польско-литовским войскам. На сердце у него было неспокойно. Вот уже несколько месяцев царь управлял державой из опричной резиденции на Арбате. Он видел и чувствовал: хотя выступление антиопричной оппозиции удалось подавить, глухое недовольство опричными порядками продолжает будоражить умы. Возобновились разговоры о возможности «сменить» монарха, благо князь Владимир Андреевич Старицкий, потомок старинных московских государей по прямой линии, был жив и здоров. Иностранные источники сообщают о том, что русская знать заключила соглашение (*contract*) с поляками против своего государя. Трудно судить, сложился ли на самом деле аристократический заговор. Однако дипломатические документы того

времени донесли до нас сведения, позволяющие утвердительно говорить о каких-то переговорах с неприятелем.

Незадолго до начала похода, летом 1567 года, поляки предлагали князьям И. Д. Бельскому, И. Ф. Мстиславскому, М. И. Воротынскому и боярину И. П. Федорову перейти на их сторону. Причем в некоторых случаях речь шла об отторжении русских земель и совместных боевых действиях против Ивана IV. Что это было — масштабный военно-политический проект или характерная для того времени игра с фальшивыми письмами? Поляки поставили на беспроегрышную карту: либо удастся очернить перед Иваном IV лучших его воевод (а все четверо по странному «совпадению» имели тактический или организационный талант), либо кто-то из них (хотя бы один!) согласится с предложенными условиями и сыграет роль суперагента в стане московского государя. Царь, в распоряжение которого попали эти послания, игру противника раскусил и в измену «столпов царства» не поверил — во всяком случае, пока. От имени адресатов Иван IV отправляет ответные письма, осыпая врага колкими насмешками. Например, послание псевдо-Федорова королю Сигизмунду II Августу содержало слова: «...Я уже человек немолодой и недолго проживу, предав государя своего и учинив лихо над собственной душой. Ходить вместе с твоими войсками в походы я не смогу, а в спальню твою с курвами ходить — ноги не служат, да и скоморошеством потешать не учен. Так что мне в твоём государском хотении?»

Но у царя оставался повод для беспокойства. Все ли письма были перехвачены? Все ли русские адресаты возжелали проявить лояльность к своему государю?^[76] Ведь отношения между ним и служилой аристократией оставляли желать лучшего! Несколько княжеских и боярских родов «обязаны» были Ивану Васильевичу казнью своих представителей (Шуйские, Пронские, Горенские, Кубенские, Трубецкие, Воронцовы, возможно, Хилковы и Палецкие). Да и те же четыре военачальника, которым были направлены послания поляков — не возникло ли у них желания, явно «сдав» переписку, втайне подготовить переворот?^[77]

В августе 1567 года царь тайно встречался с представителем английской короны Энтони Дженкинсоном. Иван Васильевич интересовался щекотливым вопросом: может ли он в случае «беды», то есть заговора или мятежа, рассчитывать на политическое убежище в Англии?

Той же осенью 1567 года польско-литовская армия во главе с королем

сосредоточилась в Южной Белоруссии для нанесения контрудара по наступающим русским полкам, но пока бездействовала. Откуда у поляков появились сведения о готовящемся наступлении в Ливонию? Не было ли у них надежды использовать замешательство в лагере противника, которое должно было возникнуть в результате чаемого переворота, и разбить русскую ударную группировку? Или отбить Полоцк, в котором как раз сидел первым воеводой Иван Петрович Федоров? Поневоле Иван IV должен был беспокоиться и судьбой наступательной операции, и своей собственной.

И тут он получает известия, вроде бы свидетельствующие о большой аристократической интриге. Записки иностранцев сообщают: князь Владимир Андреевич Старицкий предоставил царю список из тридцати знатных людей, склонявшихся к заговору^[78], и, возможно, другие бумаги, способные скомпрометировать их как изменников. В тот момент русские войска собрались в районе Ршанского яма и должны были отправиться под Ригу. Но в середине ноября царь отменяет поход и распускает ударную армию. Ему становится известно о сосредоточении вражеских войск намного южнее — при желании поляки могли ударить в тыл его наступающей армии и даже отрезать ее от Москвы. Он видит перед собой список людей, если и не вступивших в заговор, то находившихся на полпути к этому. Он знает о выжидательной тактике противника, так и не предпринявшего никаких наступательных действий. Он отменяет поход и получает известие, что армия Сигизмунда II Августа тоже отходит. Это подтверждает худшие опасения государя: поляки отказались от военного столкновения, как только выгодная ситуация «рассосалась». Поведение противника ясно показало: у него был повод для подобного рода действий; значит, некое лицо (или лица) снабдили поляков сведениями о планах русского командования. Был ли это заговор или просто среди военного руководства появился иуда, сказать невозможно. Но только никто *не собирает армию ради бездействия...*

История «заговора» досконально изучена несколькими поколениями историков. Подняты все возможные источники, проанализирована каждая строка. Тем не менее приходится сделать вывод: мы не знаем, существовал ли заговор в действительности. Некоторые свидетельства прямо говорят о его наличии, другие столь же прямо его отрицают. Поляки явно предпринимали усилия с целью найти сторонников в русском лагере или хотя бы нанести России ущерб, бросив тень подозрения на крупных военачальников. Насколько первое их намерение увенчалось успехом, судить трудно. Что же касается второго, то тут они в конечном итоге

преуспели. Одно можно сказать совершенно точно: у Ивана IV появились сильнейшие основания подозревать собственную служилую знать в измене. Он получил какие-то компрометирующие документы во время большого похода, и странные маневры неприятельской армии навели его на мысли о худшем.

Зная эмоциональный характер Ивана Грозного, следовало ожидать настоящей бури. Она вскоре и разразилась. Расследование обстоятельств дела поставило в центр его боярина Федорова-Челяднина. На него уже обрушивалась опала в 1540-х годах, но затем высокое положение Ивана Петровича было восстановлено. Вероятно, он надеялся, что ничего худшего с ним уже не произойдет. Однако для царя сильным аргументом против боярина послужило воспоминание о своевольном поступке, который Федоров-Челяднин позволил себе в 1562 году.

Он был вызван с воеводства в Москву и принужден выплатить громадный штраф. Разоренного боярина сослали в Коломну. Но затем его арестовали и вернули в столицу. В итоге жизнь Федорова-Челяднина закончилась трагически. Однажды боярина отвели к Ивану IV в палаты. Там по велению государя Иван Петрович должен был облачиться в царские одежды и сесть в тронное кресло. Царь, глумясь, встал перед ним на колени и спросил, доволен ли он, заняв государево место, получив все, о чем мечтал. А затем воскликнул: «Наслаждайся владычеством, которого жаждал!» После этого Иван Грозный собственноручно зарезал боярина, а тело его велел протащить с позором по Москве и бросить в навозную яму. С семьей Федорова-Челяднина также расправились, жену то ли убили, то ли насильно постригли в монахини.

Но вот интересная деталь: когда Иван Грозный прервал поход и вернулся в Москву — шел к исходу ноябрь 1567 года, — тогда и началось следствие о заговоре знати. Однако Федоров-Челяднин расстался с жизнью лишь осенью 1568-го, то есть примерно через год. Митрополит Филипп к тому времени уже оказался на церковном «суде», а затем лишился сана. Таким образом, его конфликт с царем из-за опричнины начался не с казни боярина.

Нет, не с казни. С «расследования».

Оно длилось на протяжении многих месяцев и сопровождалось сценами, от которых кровь стынет в жилах. Московским государям и раньше приходилось проявлять крайнюю суровость. При Василии II Темном знать подвергалась казням, при Иване III Великом пылали костры, на которых жгли еретиков. Однако массовые репрессии 1568 года сравнить просто не с чем. Ничего подобного прежде не случалось.

Что такое казнь одного вельможи? Либо заслуженное наказание, павшее на голову изменника, либо «судебная ошибка» царя. Горькая, жуткая, но объяснимая, если вспомнить все обстоятельства осени 1567 года. К тому же, обезглавливая аристократа, царь не нарушал никаких законов.

А вот ужасы «расследования» не лезут ни в какие ворота.

Пусть говорят бесстрастные строки источников. Они поведают больше, чем самые громкие вопли и самый горький плач.

Итак, вот отрывки из синодика^[79], куда включены имена казненных в опале при Иване IV. Приводятся списки людей, принявших смерть по делу о «земском заговоре» или, иначе, «делу Федорова»:

«Ивановы люди Петрова Федорова: Смирной Кирьянов, дьяк Семен Антонов, татарин Янтуган Бахмет, Иван Лукин, Богдан Трофимов, Михаил Цыбневский, Труха Ефремов, Ортем седельник — в коломенских селах Григорий Ловчиков^[80] отдал (прикончил. — Д. В.).

Отделано Ивановых людей 20 человек.

В Губине Углу Малюта Скуратов с товарищи отдал 30 и 9 человек.

Михаил Мазил, Левонтий Григорьевых, Брех Кафтырев, Никита Левашев.

В Матвеещеве отделано 84 человека, да у трех человек по руке отсечено.

Григорий Кафтырев, Алексей Левашев, Севрин Баскаков, Федор Казаринов, инок Никита Казаринов, Андрей Баскаков муромец, Смирной Тетерин, Василий Тетерин, Иван Селиванов, Григорий, Иев, Василий, Михаил Тетерины, да детей их 5 человек, Осиф Тетерин, князь Данила Сицкой, Андрей Батанов, Иван Поярков-Квашнин, Никита и Семен Сабуровы, Семен Бочин.

Хозяин Тютин з женою, да 5 детей, да брат Хозяина, Иван Колычов, Иван, сын его, Иван Трусов, Никита Трофимов, Иван Ишуков-Бухарин, князь Владимир Курлятев, князь Федор Сисеев, Григорий Сидоров, Андрей Шеин, сын его Григорий и брат Алексей.

В Ивановском Большом отделано 17 человек, да у 14 человек по руке отсечено.

В Ивановском Меньшом отделано 13 человек с Исаковскою женою Заборовского и с человеком, да у семи человек по руке отделано.

В городище Чермневе отделано 3 человека.

Тевриз, да племянник его Яков.

В Сулаве (возможно, в Сулове или Судиславле. — Д. В.) отделано 2

человека.

В Бежецком Верху отделано Ивановых людей 65 человек, да у 12 по руке отделано.

Андрей да Григорий Дятловы, Семен Олябьев, Федор Образцов, Иван Меншик, Иван Ларионов, князь Семен Засекин-Батышев, Иван Юрьевич Засекин-Смелый, Петр Шерефединов, Ищуков племянник Павел, Елизар Шушерин, Федор Данилович Услюмов, Дмитрий и Юрий Дементьевы, Василий Захаров з женою, да 3 сына, Василий Федчищев, Иван Большой Пелепелицын, Иван Меньшой Пелепелицын, Григорий Перепечин, Андрей Бухарин.

Отделано 369 человек всего июля по 6-е число...»^{29}

На этом список не заканчивается. Там еще очень много имен. По одному только делу о «земском заговоре»...

Вот что сообщают записки Генриха Штадена: «Челяднин был вызван на Москву; в Москве он был убит и брошен у речки Неглинной в навозную яму. А великий князь вместе со своими опричниками поехал и пожег по всей стране все вотчины, принадлежавшие упомянутому Ивану Петровичу. Села вместе с церквями и всем, что в них было, с иконами и церковными украшениями — были спалены. Женщин и девушек раздевали донага и в таком виде заставляли ловить по полю кур»^{30}.

Вот известие о «расследовании» Ивана Грозного от других немцев-опричников — Иоганна Таубе и Элерта Крузе: «[Иван Васильевич] рыскал в течение шести недель кругом Москвы по имениям благородных бояр и князей. Он сжигал и убивал всё, что имело жизнь и могло гореть: скот, собак и кошек, лишал рыб воды в прудах. Всё, что дышало, должно было умереть и перестать существовать. Бедный ни в чем не повинный деревенский люд, детишки на груди у матери и даже во чреве были задушены. Женщины, девушки и служанки были выведены нагими в присутствии множества людей и должны были бегать взад и вперед и ловить кур. Всё это для любострастного зрелища, и когда это было выполнено, приказал он застрелить их из лука. После того как он достаточно имел для себя жен указанных бояр и князей, передал он их на несколько дней своим пищальникам, а затем они были посажены в телеги и ночью отвезены в Москву, где каждая сохранившая жизнь была оставлена перед ее домом. Но многие из них покончили с собой или умерли от сердечного горя во время этой постыдной поездки»^{31}.

А вот свидетельство немецкого дворянина Альберта Шлихтинга, оказавшегося в русском плену и служившего при царском медике: Иван IV,

«...сев на коня, почти год объезжал с толпой убийц его (И. П. Федорова-Челяднина. — Д. В.) поместья, деревни и крепости, производя повсюду истребление, опустошение и убийства»^[32].

Где тут суд? Где настоящее расследование дела? Младшие командиры опричнины вершили расправу, не обладая никакими судебными полномочиями. «Дикая охота» металась по деревням и селам, без разбора сносил головы правому и виноватому, жгла, убивала, насиловала. Лес рубят — щепки летят? Хороши же щепочки, когда вместе со взрослыми под нож идут дети! Уничтожали тех, кто теоретически мог оказаться в помощниках у главных лиц заговора (если он был). Казнив одного, принимались за всю семью: «измену» выжигали родовыми гнездами.

Чаще всего по поводу зверств грозненской эпохи слышишь такое возражение: да неужто наша русская жестокость страшнее европейского кровавого варварства, проявившегося в невиданных масштабах в эпоху Религиозных войн? Четыре сотни трупов по одному «делу» за полгода... и что? А сколько полегло народу в Варфоломеевскую ночь?! Куда нам до них, куда благочестивому грозному царю до европейских тиранов того времени! Само время делало государственную жестокость нормой! Аргумент этот — гнил по своей сути. Во-первых, если кто-то в Европе был еще большим зверем, чем наш государь, то это не повод для оправдания великой крови, пролившейся на Русской земле. Сравнивая с худшими из тех, кто правил Европой, и себя запишешь в худшие... Во-вторых, нормой все-таки оставались Господни заповеди, и любой христианин обязан соблюдать их — в любой век, в любой стране, при любых обстоятельствах. XVI и XVII столетия принесли колоссальное количество преступлений против Заповедей. Немало их произошло в России, а еще того более — в Европе. Ни в коем случае нельзя оправдывать их какой-то специфической атмосферой того времени. Верующему надо бы вглядываться в ту кровь, те страсти, ту жестокость и беспощадность, чтобы учиться, каким не следует быть христианину. А неверующему полезно увидеть, как лучшие из христиан противостояли разверзавшейся пропасти.

В декабре 1567 года состоялся собор, в котором принял участие сам Иван Васильевич, вернувшийся из неудавшегося похода. Вал репрессий уже обозначился и постепенно нарастал. Настроение царя изменилось. Если раньше он мог пойти на компромисс, то теперь страстно желал уничтожить всех, кого считал врагами. Опричнина с 1565 года существовала в полуспящем положении. Ее военные силы участвовали в боях очень ограниченно. Карательные действия на протяжении почти трех

лет бывали редки. Административный аппарат рос неспешно, управление опричными землями получило, по сравнению с земщиной, упрощенный вид. Старомосковское общество надеялось — и, должно быть, не столь уж безосновательно, — что государь все-таки отменит опричнину. Надо полагать, у него самого были колебания на этот счет.

Но все изменилось. Опричнина вступала в новую стадию, гораздо более жесткую.

И у Ивана Васильевича теперь было что сказать Церкви. Потому и пришлось созывать архиереев в столицу.

В Житии Филиппа этот собор назван «советом об опричнине». Начиная рассказ о нем, автор печалится: «Как наше естество тяжкосердно и нерадиво!» Сатана, рыкая, зрит благое управление Филиппа и вооружается против него, желая навести на митрополита «смертоносные скорби». Вражьи наветы достигают не только простых людей, но и тех, кто сидит в «царевой советной палате». Тогда происходит великая беда: «Вельможи между собой принимают ненависть за любовь, гордыню за смирение и распаляются друг против друга как змии, злыми своими гнусными умышлениями, и соплетаются всякая злая вещь — так, что и писать-то неудобно... И самого благочестивого царя возмутив, они сами на себя воздвигли гнев и ярость его. И от тех злых советов верных своих слуг, известных сродников и приятелей он приходит в ужас и на своих же бояр неукротимо гневается. И ради таковых злых соблазнов сотворяет совет и собирает весь священный собор во царствующий град Москву»^[33].

Помимо Филиппа на соборе присутствуют еще девять главнейших архиереев, а также настоятели монастырей и государевы думные чины. Происходит не Архиерейский собор и не Земский, а скорее Поместный^[81], хотя и сокращенного вида.

Царь просит у собора благословения на то, чтобы «...царство разделите и свой царский двор учините во Александрове слободе». Собственно, царство и без того уже было разделено в 1565 году, когда учреждалась опричнина. Речь идет об углублении опричных порядков.

Во-первых, центр управления переносился с опричного двора, стоявшего в центре Москвы, рядом с Кремлем, на территорию Александровской слободы. А до нее из столицы два дня пути, как тогда считали. Иными словами, у России появился второй столичный центр. Государь и раньше бывал в слободе, там велось обширное строительство как минимум с 1566 года. Однако теперь она из второстепенной резиденции становилась главной. Позднее, на протяжении нескольких лет

Иван IV жил в слободе, а в Москве лишь бывал. В дипломатической переписке стали говорить, что царь «государство свое правит на Москве и в Слободе». Очевидно, Иваном IV двигало желание обезопасить себя от народного выступления или заговора знати.

Во-вторых, начались массовые репрессии. Как тут Церкви печаловаться об опальных, если опричные отряды в провинции резали под гребенку всех, кто попадался им в имения Федорова-Челяднина и близких к нему людей? Обычно от опалы до казни проходило какое-то время, а тут лишь после казни узнавали: вот, опальный был человек... Царю явно понадобилась полная воля в жизни и смерти подданных — настолько полная, чтобы Церковь молчала или одобряла пролитую его слугами кровь. Чтобы Церковь не вмешивалась.

В-третьих, разрастался опричный административный аппарат, отбирая у земского многие функции управления на местах, которые тот первоначально сохранил. Историк В. А. Колобков убедительно доказал, что с рубежа 1567–1568 годов опричные власти максимально обособлялись от земских^{34}.

Вот о чем объявил Иван Васильевич иерархам на соборе. И вот на что он потребовал благословения.

Итак, сам царь «разделял» свое царство.

В. А. Колобков оценил результат этих действий Ивана IV: «Происходившие на глазах современников резкие перемены, связанные с фактическим разделением аппарата государственной власти, вышли далеко за рамки «внешних» проявлений того раздела, который существовал с момента учреждения опричнины. Создавая впечатление о расколе страны на два враждебных лагеря, они отразили коренные изменения в структуре государственного управления»^{35}.

Пройдут десятилетия, а огненная черта, проложенная по русским землям опричным разделом, всё еще будет сохраняться в сознании людей. Даже после ужасов великой Смуты начала XVII века память об опричных годах не исчезнет. Мудрый историописатель XVII столетия дьяк Иван Тимофеев отзовется о деяниях Ивана Васильевича с печалью: «От замысла, исполненного чрезмерной ярости на своих рабов, он сделался таким, что возненавидел все города земли своей и в гнев своем разделил единый народ на две половины, сделав как бы двоеверным, — одних приближая, а других отстраняя, оттолкнув их как чужих... всю землю своей державы он, как секирою, рассек на две половины... А многих вельмож своего царства, расположенных к нему, перебил, а других изгнал от себя в страны иной

веры и вместо них возлюбил приезжающих к нему из окрестных стран, осыпав их большими милостями; некоторых из них он посвятил в свои тайные мысли; другие полюбились ему знанием врачебного искусства и тем, что ложно обещали принести ему здоровье, используя свои знания, — а они, говоря правду, принесли душе его вред, а телу большее нездоровье, а вместе с этим внушили ему и ненависть к своим людям. Вот чему мы много удивимся: и людям со средним умом можно бы понять, что не следует вовеки доверять своим врагам, — а он, настолько мудрый, был побежден не чем иным, как только слабостью своей совести, так что своею волею вложил свою голову в уста аспиды... Он произвел в своей земле великий раскол, так что все в своих мыслях недоумевало о происходящем; думаю, что он и Бога самого премилостивого ярость против себя разжег этим разделением, как бы прообразуя теперешнее во всей земле разногласие, с того времени начавшееся и сейчас происходящее; он тогда сам без благословения наложил руку на нее (землю. — Д. В.), и она и доныне, колеблемая грехом, остается неутвержденной, и нет ныне из людей ни единого, могущего ее утвердить, — по слову Христа: «Всякое царство, разделившееся в самом себе, не может устоять».

В русских летописях рассказ о временах опричнины сопровождается самыми нелестными словами: «Попущением Божиим за грехи наши възъярися царь... на все православное христианство по злых людей совету... учинил опришнину — разделение земли и градом. И была в людях ненависть на царя от всех людей». Еще: «И изволил сам государь смотрети и расправлял немилостиво, так яро, и сказать невозможно: что скажут ему ушники, и им паче всех верил и суд безчеловечно производил». Еще: «А все слушал царь ушников... а народ свой губил без милости напрасно и много крови проливал без Бога». Другой мыслитель XVII столетия, современник Ивана Тимофеева, высказался еще резче: «Иван Васильевич... исполнился гнева и ярости, нача подвластных своих сущих рабов зле и немилосердно гонити и кровь их пролияти и царство свое, порученное ему от Бога, раздели на две части... и заповеда своей части оную часть насилovati и смерти предавати и дома их грабити. И воевод, данных ему от Бога, без вины убивати повеле, не устращися же и святительского чина, оных убивая, оных заточению предавая...»

Таким образом, люди Московского государства видели в поступках государя безбожное жестокосердие и нарушение истин, содержащихся в Священном Писании. Особенно болезненно воспринимались действия «известных сродников». В середине 1560-х годов ближайшей родней государя (по второй жене) стали кабардинцы, князя Черкасские. Многие

видели в них главных виновников воздвижения опричнины. Черкасские только что приняли крещение, а уже принялись вводить в обиход православной державы обычаи Северного Кавказа, своей родины. Их стали рассматривать как опасных чужаков...

Итак, на декабрьском соборе 1567 года Иван Васильевич потребовал у Церкви благословения своих действий. И первым лицом, которое обязано было ответить ему, оказался в ту пору митрополит.

Как мог Филипп благословить страшную вражду, посеянную царем, его немилосердное отношение к своему народу? Иван Васильевич топтал евангельский дух любви, не слушая никого. Какое мог ему дать Филипп благословение? Он, выученик строгих монахов, знал: худшие мысли, горчайшие соблазны приходят к человеку через страсти, если он не способен обуздать их. Царь — артист на троне, умнейший книжник, опытный политик — к сожалению, время от времени отпускал вожжи собственных страстей. И тогда они его несли куда ни попадя: в кровь, в злобу, в безбожие.

Как видно, в конце 1567 года преобладающими чувствами в душе Ивана IV были страх и ярость. Ужас перед заговорщиками, которые теперь мерещились ему повсюду, понятен. Но гнев, наверное, сильнее отразился на его натуре. Архимандрит Тихон (Шевкунов) однажды высказался об Иване Грозном: на него слишком сильное впечатление произвело собственное помазание на царство. И верно, характер нервный и впечатлительный, сильный в эмоциях и глубоко воспринимавший символы — глубже, чем саму жизнь, — Иван Грозный мог впасть в обольщение, сказав себе: разве могут благоденствовать, разве могут жить люди, противящиеся воли помазанника Божия? Таким образом, он оторвал самого себя от прочих христиан и самому себе нарисовал иные пределы; в этих пределах для «грозы» хватало простора, а для любви уже не оставалось места. Царь возвышен над всеми подданными — но он такой же христианин. Государь обладает величайшей, никаким законом не ограниченной властью, и лишь отступничество от веры, осознанный выбор того пути, на котором нарушаются Божьи заповеди, мог в русско-византийской традиции дать народу право на неповиновение. Но самодержец точно так же подвержен всем соблазнам и отвечает перед Богом за те же грехи, что и последний нищий в его царстве. Филипп видел: на Ивана Васильевича нашло тяжелое помрачение. В таком состоянии его нельзя благословлять ни на что. В таком состоянии царь может лишь сокрушать Заповеди, увлекая за собой верных слуг и находя советчиков среди злейших из них.

Вся иноческая выучка Филиппа восставала против царских «новшеств». Тысячи дней, проведенных им на благословенных Соловках, тамошняя таинственная красота, духовное братство монахов, близость Бога к очарованным островам говорили митрополиту: «Нельзя тебе становиться на эту сторону! Тут тьма, тут падение. Сколько даров ты получил от Бога! Теперь послужи Ему крепко. Настал час».

Как больно ему было, наверное, становиться против государя! Обычный порядок вещей нарушился. Царь и митрополит, которым следует хранить прочное единство, принуждены были разойтись. Царь отыскал себе скверну — митрополит не последовал за ним.

Итак, узнав о намерениях Ивана IV, Филипп посовещался с епископами, и они договорились «против такого начинания стояти крепче». Но один из архиереев, страдая славолубием, сообщил царю об их «общем совете». Возможно, это был епископ Филофей Рязанский; однако прямого подтверждения этому предположению нет. А когда пришло время держаться заодно, многие «отпали» от своего прежнего намерения. На соборе некоторые иерархи «страха ради глаголати не смеяху», в то время как другие молчали, «желающе славы мира сего». Никто не решился подступить к царю с речами, которые шли бы вразрез с его настроением. Тогда один Филипп высказался за всех.

Вот его слова в некотором сокращении: «О, царь! От наших отцов мы унаследовали обычай чтить царя и более всего почитать в нем благоразумие. Престань от такого неугодного начинания!.. Встань крепко на камне веры... Подражай добродетелям, ими же и отец твой царь и великий князь Василий возвысился, благочестием сияя, смирением и любовью. Просветась лучом Божественного Духа, желанием добродетелей! Назидай правой твоей вере деяния благие и жития честность... Люби всех единоплеменных тебе как самого себя...»^[36] Филипп напомнил Ивану Васильевичу о том, что Заповеди требуют любить ближнего, и о том, что еще апостол Павел говорил: «Любовь долготерпит, не радуется о неправде», — и добавил: «Вера... совершается любовью».

Пастырское наставление было мягким. Глава Церкви не обличал государя, ни в чем не обвинял его и не метал громы, но лишь тихо возводил любовь на высокий пьедестал. Он просил царя отказаться от «неугодного начинания», поскольку в этом начинании не усмотрел любви.

Казалось бы, соглашение, заключенное между царем и Филиппом в июле 1566 года, нарушено. Митрополит «вступился» в опричнину. Но ведь и царь, обещавший «советовать» с главой Церкви, начал казни, не слушая его. Выходит, Иван Васильевич первым перестал принимать в расчет

договоренности, зафиксированные в «приговоре» 1566 года. Тем самым он снял печать с уст Филиппа.

Грозные слова приберег Филипп для собравшихся архиереев. Им пришлось выслушать гораздо более неприятные вещи, чем царю. Митрополит укорял их: «О том ли мы договаривались, чтобы молчать? Чего боитесь, если хотите сказать правду? Ваше молчание влагает царскую душу в грех, ваши собственные души — в горшую погибель, а православие обрекает на скорбь и на смущение! К чему вам тленная слава? Никакой сан мира сего не избавит вас от вечных мук, если вы переступите через заповедь Христову. Нам следует иметь истинное тщание — духовно печься о бессмертной душе благочестивого царя и о смирении всего православного христианства. На что вы смотрите? На то, как молчит весь царский синклит? Его молчать обязывают купли житейские и вожделения тленного мира. Нас же Господь от всего тленного освободил. Сами знаете: мы поставлены на то, чтобы блюсти истину. Тем, кто хочет венчаться небесным венцом, надо душу свою положить за порученное стадо Христово. Знаете же: если же об истине умолчите, то в Судный день спросят с вас за всех, кто был вам поручен Духом Святым. Умолчавшим об истине не будет нашего смиренного благословения, и от славы своей изринуты будете. Сокрушит Господь глаголющих неправду!»^[37]

Архиереи смутились. Однако затем между ними начался разговор о том, что царя не следует гневить и надобно творить его волю, не рассуждая о «благости» его дел. Так говорил Пимен, архиепископ Новгородский. Не отставали от него епископы Пафнутий Суздальский и Филофей Рязанский. Но в роли худшего врага митрополита выступил царский духовник Евстафий, благовещенский протопоп. Житие доносит отголоски затяжного конфликта. Оказывается, Евстафий был «в запрещении», которое «по правилу» наложил на него Филипп. Будучи ближайшим к государю человеком из всего духовенства, он тайно и явно возносил хулу на Филиппа. Быть может, запрет на вмешательство в «домовый обиход» Ивана Васильевича, вошедший в «приговор» об избрании Филиппа на митрополию, касался именно его, Евстафия. Вероятно, Филипп, видя дурное влияние этого человека на государя, желал его убрать от царской особы, а Иван IV не позволил митрополиту решать, кто достоин быть его духовником. Так или иначе, на соборе протопоп выступил как активный противник Филиппа.

Открыто поддержал Филиппа только Герман, архиепископ Казанский. Но если бы даже Филипп остался в полном одиночестве, то не отступил бы.

Иван Васильевич, видя такое двоемыслие среди высших иерархов Церкви, отнюдь не склонился к милосердию. Напротив, ярость его только усилилась. Автор Жития дал происходящему емкую формулировку: «И был царь гневен на святого».

Не получив благословения, Иван IV все же провел запланированные реформы в управленческом аппарате опричнины. От жестоких массовых репрессий царь также не отказался, они продолжались на протяжении всего 1568 года.

«Разделение царства» произошло.

Но благодаря твердости митрополита Филиппа Церковь вышла из сложной ситуации, не замаравшись опричным действием. А значит, в русском народе сохранилась духовная крепость. Соблазны мирского возвышения, поколебав ее, все же не разрушили.

И царь, и митрополит продолжали стоять на своем. Следовательно, конфликт их мог только углубляться.

Иван Грозный отправился в Александровскую слободу — обживать ее всерьез, делать из нее реальный административный центр.

Прошло «довольно времени» с тех пор, как закончился декабрьский собор 1567 года. Иван Васильевич явился из Александровской слободы в Москву в окружении опричного воинства. Государь с опричниками зашел в Успенский собор, где служил тогда митрополит Филипп. Некоторые вошли с обнаженным оружием в руках. Митрополит, видя такое «свирепство» и нимало не убоявшись его, произнес проповедь, где звучали прямые укоризны в адрес царя — в отличие от прежних мягких увещаний.

Молва о походах царя с опричными отрядами по имениям Федорова-Челяднина и о блудных «подвигах», как видно, открыла Филиппу немало печального. Он сказал, что государь естеством подобен человеку, а «властью сана» — Богу, поскольку выше той власти на земле ничего нет. Как и всякому смертному, не следует ему «возноситься». Филипп обратился к Ивану Васильевичу с просьбой отставить «многодетное... к миру негодование напрасное». Иными словами, он выразил сомнение в том, что среди земцев действительно существует какой-то заговор; но если даже он и существует, зря царь переносит свое «негодование» с небольшого количества его участников на русский православный «мир». Далее прозвучали горькие, но правдивые слова: «Воистину тот сможет называть себя властелином, кто владеет собой и не подвержен рабству со стороны нелепой похоти. Имея в помощниках непобедимого самодержца — благоверный ум, он побеждает всеомительную похоть оружием

целомудрия! Не бывало того ни у нас при твоих предках, ни у других народов, чтобы благочестивый царь возмущал собственную державу!»^[38]

Такой отповеди Иван Васильевич не ожидал. Между ним и отважным митрополитом произошел диалог, полный трагизма. Государь рокотал, будто девятый вал, налетающий на скалу:

— Что тебе, чернецу, за дело до наших царских советов? Или ты не знаешь, что меня мои же хотят поглотить?

Митрополит, которого обозвали «чернецом», спокойно отстаивает достоинство собственного сана:

— Я для Христа чернец. А для тебя, благочестивого царя, по твоему царскому изволению, а более того — по заповеди Христовой, отец и учитель. И мы вместе с тобой должны иметь попечение о православии — как Божьи слуги.

Царь едва удерживает себя от впадения в неистовство. Его артистическая натура не терпит, когда кто-то публично выступает с укорами. Иван Васильевич воспринимает их так, как может оперная «прима» воспринять неодобрительные слова критика, поднявшегося на сцену после бенефисного спектакля. Сжав зубы, он цедит:

— Единственный раз говорю тебе, владыка, умолкни об этом. А меня благослови по моему изволению.

Но Филипп вновь отказывает государю в благословении — при всей свите:

— Ни-ни. Никак не могу благословить тебя на такое. Мы, государь, тебе не изменники. Но суд сотвори праведен и истинен, а клеветников сыщи и обличи. Тех, кто советует тебе несправедное, оторви от себя, как гнилой уд, и людей своих устрой в соединении.

Иван Грозный теряет над собой контроль, кричит:

— Филипп! Не прекословь державе нашей! Да не постигнет тебя мой гнев, или сан оставь!

Филипп отвечает в непоколебимом покое, но с прохладой в голосе:

— Благочестивый царь! Я получил свою власть, не прося об этом. Я не отправлял к тебе ходатаев ради нее и никому не давал за нее mzды. Зачем ты лишил меня пустыни и отцов, если решил нарушать каноны? Делай, что хочешь. Мне же, столкнувшись с испытанием, не подобает ослабевать^[39].

Житие заключает сцену в Успенском соборе словами: «Царь же ушел к себе в палаты в великом размышлении, на святого гневен».

Трагедия массовых репрессий продолжилась, население жестоко страдало от опричного суда «не по правде».

Нет возможности точно сказать, какого числа и даже в каком месяце произошло бурное объяснение главы духовной власти с главою власти светской. Его можно датировать лишь приблизительно: от середины января до первой половины марта 1568 года. Скорее всего, случилось оно все же в январе. Царь тогда приезжал из Александровской слободы в Москву, чтобы провести «государево сидение о всяком земском указе», иначе говоря, еще один собор. Состав его участников неизвестен, невозможно даже со всей определенностью сказать, был ли там Филипп. По всей видимости, Иван IV, решившись усилить опричнину без церковного благословения, объявил о нововведениях боярам земской думы, детально обсудил с ними новый административный режим, а потом закрепил итоги «сидения» в грамотах. Таким образом, у митрополита появился повод вновь прилюдно заявить о своем отношении к опричным порядкам.

Опричная свита государя не могла оставить без последствий слова Филиппа. Ее вожаки ходили к царю «воздвигать ков» против митрополита. Особенно старались двое: Малюта Скуратов и Василий Грязной. У обоих для этого был прямой корыстный интерес.

Кто вошел в состав опричных верхов? В основном старомосковская знать из боярских родов — Плещеевы, Колычевы-Умные да еще люди попроще, но тоже из «родословных» семейств — Нащокины, Волынские. К ним царь присоединил несколько второстепенных княжеских семей (Вяземские, Телятевские), лишенных возможности тягаться с «великими людьми» вроде Шуйских, Мстиславских, Бельских и т. п. Конечно, большинству названных родов опричина принесла возвышение. Но и без нее их представители были не последними людьми в Московском государстве: многие ходили в воеводах, некоторые заседали в Боярской думе, кое-кто выполнял дипломатические поручения. Одним словом, сгинь опричина в одночасье — они, понеся потери в чинах, не пропали бы. Другое дело — несколько людей крайне незначительных, бедных, незнатных, ничем не прославивших себя на поле боя и в административной службе. Этих Иван IV взял «от гноища». На протяжении всего опричного периода они, кстати, не показали особенных талантов ни на войне, ни в делах мирного правления. По большей части такие люди возвысились в роли верных «исполнителей», в первую очередь карателей. Иван Васильевич, ценя услуги подобных выдвинутцев, берег их от унижения в местнических спорах со знатью, но никогда не равнял с нею. В его глазах это были превосходные псы — скорые, хваткие, зубастые. Но пусть и хороша собака, не сажать же ее за один стол с людьми! Малюта Скуратов до опричины был никто — выходец из бедных провинциальных

вотчинников, звенигородцев. Василий Грязной — птица того же полета, только корни его уходят в Ростовскую землю. Его родня служила у архиепископов Ростовских, что считалось в военно-служилой среде невеликой честью. Сам он был «мало не в охотниках с собаками» у князей Пекинских. Обращаясь в послании к Василию Грязному, хваставшемуся в плену у крымских татар своим положением приближенного к царю, Иван IV резонно замечает: «А что сказываешься великий человек — ино... по грехом моим учинилось (и нам того как утаити?), что отца нашего и наши князья и бояре нам учили изменяти, и мы вас, страдников, приближали, хотячи от вас службы и правды»^[40].

Каково пришлось бы Грязным, Скуратовым и иже с ними, если бы Иван Грозный послушался митрополита Филиппа и решил отменить опричнину? Да рухнула бы у них вся карьера, пришлось бы вернуться в ничтожество, в бедность. У большинства худородных опричников судьба так и сложилась после 1572 года, когда царь, через несколько лет после кончины Филиппа, все-таки вынужден был сделать это. Бывшие воеводы опустились до уровня армейских «голов». Земли, полученные за службу в опричном боевом корпусе, пришлось отдать прежним владельцам. Доходы резко сократились. Разумеется, в 1567–1568 годах, когда все эти молодые выскочки были на подъеме, слова Филиппа воспринимались ими как кость в горле. Они постарались сделать все, чтобы очернить митрополита в глазах царя и отвести от Ивана Васильевича любые мысли о расформировании опричного двора с опричным войском.

Немцы-опричники Таубе и Крузе в то время стояли близко к Ивану IV. Они знали многое, и их свидетельства в частностях подтверждают достоверность Жития. Так, например, никто не может ручаться за точность житийного изложения речей Филиппа, однако их общий смысл совпадает с пересказом Таубе и Крузе. Те же немцы донесли до нашего времени одну важную деталь. Оказывается, митрополит Филипп далеко не сразу вступил с Иваном Васильевичем в публичные споры. Дело здесь отнюдь не в его колебаниях, сомнениях или недостатке воли. В нужные моменты Филипп проявлял такую твердость, что дай бог ее каждому, на кого наваливаются трудные обстоятельства. Новый Завет передает слова апостола Павла о том, как следует обличать единоверца, упорствующего в заблуждениях. Там ясно сказано: на первый раз следует ограничиться тайным увещанием, с глазу на глаз, и только потом, если оно не принесло успеха, позволительно прилюдное обличение. Глава Русской церкви, разумеется, не мог не знать этого правила. Поэтому сначала он обратился к царю Ивану без свидетелей. Таубе и Крузе уверенно говорят, что душевные свойства Филиппа

заставили его «уговаривать сперва тайно и наедине великого князя не совершать таких тиранств».

Неизвестно, когда происходили тайные «уговоры» — возможно, еще до того, как Иван Васильевич вернулся в Москву из неудавшегося похода. В таком случае Филипп сам ездил к нему. А может быть, он пытался урезонить царя уже в Москве, незадолго до декабрьского собора 1567 года, но никак не позже самого собора: с декабря отличие позиций государя и патриарха относительно опричнины стало достоянием публичных разговоров. На протяжении первых месяцев 1568 года конфликт нарастает, постепенно принимая все более острую форму. Тут уж не до бесед наедине...

Эта деталь показывает, насколько верен был Филипп древним церковным правилам, исходившим еще от апостолов. Митрополит видел в жизни раннехристианских общин чистоту, в речениях апостолов — абсолютную истину. Он следовал этому идеалу так же естественно, как дышал.

Начав с увещательных слов, Филипп не увидел отклика в душе Ивана Васильевича. Поэтому с каждым разом он выступал со всё более жесткими обличениями. Царь и без того едва терпел твердый характер митрополита, а Филипп не видел оснований смягчаться. Ведь массовые казни продолжались, худшие проявления опричнины цвели пышным цветом, а великих военных побед, одержанных ее бойцами, не случилось — по крайней мере при жизни митрополита.

Спор, непонимание, упрямство Ивана IV привели к *открытой вражде*. По словам одного летописца, «учал митрополит Филипп с государем на Москве враждовать об опришнине». Назревало решающее столкновение.

Оно произошло то ли в конце зимы, то ли весной 1568 года. Филипп вел тогда богослужение в Успенском соборе Кремля. Обстоятельства нового столкновения в какой-то степени напоминают случившееся в прошлый раз, когда Филипп отказался дать царю благословение. Некоторые современные историки даже считают, что автор Жития просто разделил одно событие, выдал его за два. Однако оснований для такого вывода немного. Разница между двумя конфликтами очевидна.

Первый спор в Успенском соборе начался с появления государя, окруженного опричным воинством, не постеснявшимся прийти в храм с обнаженными клинками. Во втором случае Житие не сообщает об оружии. Царь прибыл в «черных ризах», как и все сопровождавшие его лица — от простых воинов до знатных вельмож^[82]. Да и смысл речей Филиппа

совершенно другой, гораздо более непримиримый к поступкам Ивана Васильевича.

Приближенные Ивана IV, подойдя к митрополиту, объявили ему: «Владыко! Благочестивый царь Иван Васильевич, придя к твоей святости, требует благословен быть от тебе». Казалось бы, Филипп оказался в неудобном положении: от него опять требуют благословения, хотя поступки человека, пришедшего за ним, стали только горше. Однако митрополит не таков, чтобы видеть в этом неудобство. Напротив, он рад случаю вновь показать свое отношение к опричнине. Глава Церкви высказывается, ничуть не сдерживая резкости: «Умилосердуйся, светлейший многохвальный государь, вели своим подручникам перестать делать их дело, оставить нас, повинных сирот! Ведь писано: «Царева правда — в суде!» Почто... неправедные дела творишь? Сколько уже страдают православные христиане! Мы, царь, приносим жертву Господу чисту и бескровну — за тебя, государя, Бога молим, а за алтарем неповинная кровь льется христианская и напрасно умирают. Если не велишь, государь, перестать лить кровь и наносить обиды, взыщет с рук твоих Господь... Ведь все это происходит от твоего царственного разделения! Не о тех я скорблю, чья кровь проливается неповинно и кто уходит из жизни как мученики, — их венчает Христос, Бог наш венцами нетленными, — но имею попечение о твоей единородной и нетленной душе. Если просишь прощения грехов, то прощай и к тебе согрешающим, ибо прощению дается прощение!...»^[41] Сказано было, видно, гораздо больше, и автор Жития лишь в самых общих словах передает содержание обличительной речи; но и по ним ясно, насколько серьезные обвинения выставил царю митрополит.

Царь, как и прежде, не внял словам Филиппа. Ярость опять захлестнула его. Нашелся человек, не побоявшийся при огромном скоплении народа позорить его! Обвинять в неправедности! Называть казненных изменников мучениками! Быть может, они и слыхом не слыхивали о замыслах своих господ, мужей, отцов; но раз стояли рядом с ними — значит, осквернены. Так пусть же кровь и смерть очистят их! Пусть даже памяти их не останется, пусть все будет выжжено! Отчего человек, которому Бог судил быть нравственным наставником царя, не понимает таких простых вещей? Отчего он против? Отчего смеет он восставать?!

Иван Васильевич восклицает:

— Неужели хочешь переменить то, что делается моей волей, Филипп?! Лучше бы тебе быть моим единомышленником!

И слышит в ответ:

— Если так поступлю, то тщетной будет наша вера и тщетна проповедь апостольская. И все же нам будут божественные предания, принятые нами от святых отцов! Всё, в чем христианское учение видит добродетель, всё, что предусмотрел для людей Владыка Небесный, даровав нам ради нашего спасения, следует нам соблюдать непорочно. А ныне сами рассыплем — так не достигнем того!

Государь изумлен:

— Филипп! Ты что же, твердо решил противиться моей власти?!

— Благой царь, — отвечает с достоинством Филипп, — твоим повелениям я не повинуюсь, и не соглашусь я с недобрым их смыслом, хотя бы и пришлось мне принять от тебя тьму страданий... За истину благочестия подвизаюсь. Если и сана меня лишишь или предашь лютым мучениям, то и тогда не смирюсь.

Ярость затуманивает разум Ивана Васильевича. Он бранится, угрожает митрополиту страшными муками. Однако напугать Филиппа царь не может: у соловецкого монаха слишком мало в этой жизни такого, за что он цеплялся бы, что ценил бы. Его сокровища — выше земных благ, выше суеты, выше тщеславия.

Одно лишь беспокоит митрополита: он пастырь, ему жаль паству, которой и далее предстоит страдать. Он не боится душу положить за «словесное стадо», любя его. И перестает Филипп обличать властителя; теперь он лишь молит его, как главного из духовных сыновей своих: перемениться, оставить свирепость, отказаться от несправедливых дел.

Но его упованию не суждено сбыться. Царь не слышит его, царь видит в нем мятежника, царь покидает церковь, оставив мысли о митрополичьем благословении...

Новый спор царя и митрополита наводит на печальные мысли. Вот два человека, чью волю ни на йоту не поколебало жестокое столкновение. Один из них, Филипп, не может ничего изменить: он следует путем, на который поставил его Бог. Он лишь может на этой дороге быть лучше или хуже, слабее или сильнее, тверже или мягче. Но суть его позиции в любом случае должна остаться неизменной. Ему нельзя сделать ни шагу в сторону. А вот царю это вполне позволительно. В его воле побороть и ужас перед заговорщиками, и гнев, kloчущий в сердце. Иван Васильевич мог бы тогда смягчить режим опричных репрессий, прервать бесконечную череду убийств. Что произошло бы? Из 369 человек, которые легли в гроб до 6 июля 1568 года, осталось бы в живых 100, 200 или 250. А за ними не отправились бы на вечный покой еще десятки и сотни жертв, казненных по

тому же делу позднее: бабы, холопы, слуги убитых аристократов, их детишки. Перевернулась бы земля Русская от такого милосердия? Восстала бы над нею гидра бунта? Неясно даже, за всеми ли их господами числится вина, был ли заговор. Но душа царя достигла той стадии помрачения, когда любые слова о покаянии, об «изменении ума» воспринимались как препятствие на пути, а любое возражение вызывало неистовое бешенство.

Стихия гнева темна. Многие и много говорят о каком-то «праведном гневе». Наверное, он существует. Только вот беда: отдавшись стихии гнева, человек перестает владеть собой. И если вначале он, быть может, следовал правильным маршрутом, то потом сильные течения, подхватившие его в пучине, несут куда придется, без толка и смысла. Бездна ярости — место, способное лишить ясного ума кого угодно: хоть царя, хоть нищего, хоть праведника, хоть неподкупного судью... А вместе с умом повреждается и образ Божий, заключенный в каждом из нас. Гнев потому безобразен, что образ Отца Небесного растворяется в его едкой субстанции, а вместо него застывает гримаса чудовища, порождения преисподней.

Вот, думается, главный смысл, показанный людям свыше через притчу об опричнине и благочестивом государе, павшем низко. Сам Богом данный царь, как и всякий другой человек, оказался подвержен страстям, которые не смог удержать в узде. Страх породил ярость. Ярость породила жестокость. Жестокость убила любовь, смирение, милосердие. Был добрый христианин, а вышел ходячий индекс тяжких грехов. И весь народ видит, как опускается он во тьму.

Государь — на виду: и для современников, и для далеких потомков.

Хороший урок. Дорогой, но ценный.

Очень трудно определить дату большой ссоры Ивана Васильевича и Филиппа. На этом стоит остановиться подробнее, поскольку от датировки столкновения многое зависит в соотнесении других событий, принадлежащих биографии святителя.

Итак, одна редакция Жития сообщает: «В день недельный (воскресный. — Д. В.) святитель Филипп службу божественную совершал во святыице, изрядно предстоя алтарю *по чину Захарии пророка...*» В другом варианте находим все то же самое до последних слов: «...*по чину Захарии и Аарона...*»

В православном календаре у каждого христианского святого (в том числе у библейских пророков и праотцев) есть день (или дни) поминовения, когда во имя его читается акафист^[83], особая молитва или хотя бы имя его произносится во время богослужения. В старину нередко вместо слов: «такого-то числа» — говорили: «На память такого-то святого».

Возможно, конфликт между царем и митрополитом произошел «на память» Захарии и Аарона. Остается определить, кого именно имел в виду автор Жития. В те времена память персон с именем «Захария», попавших в святцы, отмечалась в разные дни.

Во-первых, поминовение Захарии, одного из «малых пророков», относится к 8 февраля. Во-вторых, Захарию Праведного, священника Иерусалимского храма и отца Иоанна Предтечи, поминают 5 сентября, и он также считается пророком, хотя и не входит в число «больших» и «малых» пророков, чьи книги попали в Ветхий Завет. В-третьих, целых два Захарии, но не пророки, поминаются 24 марта: Захария-постник Печерский да древний затворник Захария Отверстый. Есть еще Захария, патриарх Иерусалима на рубеже VI–VII веков (поминается 21 февраля), но он на Руси был мало известен да к тому же не являлся пророком, поэтому его можно сразу исключить.

Память библейского праотца Аарона приходится на 20 июля.

В. А. Колобков выбрал из списка оставшихся персон Захарию-затворника, память которого приходится на 24 марта^[42]. С первого взгляда видны резоны этого решения: летом 1568 года в Новодевичьем монастыре произошло последнее столкновение Филиппа и царя Ивана Васильевича, оно имеет четкую датировку. Во второй половине ноября 1567 года Иван IV вернулся из неудавшегося похода, и вскоре начался собор, дата которого (начало декабря 1567 года) также хорошо обоснована. Новгородская вторая («Архивская») летопись приурочивает начало вражды царя и митрополита к 22 марта. Допустим, летописец допустил незначительную ошибку в двое суток, и 24 марта наилучшим образом подходит как дата большого конфликта. Но резоны эти рассыпаются при ближайшем рассмотрении. Прежде всего ни Захария-постник, ни Захария-затворник не были пророками. Кроме того, память Аарона никак не связана с 24 марта. Следовательно, утверждение, что эта дата и есть искомая, хотя и не отвергается полностью, но ставится под сомнение.

Еще меньше подходит память Захарии-пророка, отца Иоанна Предтечи, поскольку падает на сентябрь, то есть отмечается позже событий, которые Житие ставит ранее второго обличения Филиппа в Успенском соборе.

Остается Захария — «малый» пророк. 8 февраля вполне укладывается в хронологию действий Филиппа, поднявшегося против опричнины. Допустим, в декабре прошел собор, где Филипп выступил против нее. В январе он впервые осудил Ивана Васильевича в Успенском соборе. Тогда в феврале могла состояться новая попытка царя получить митрополичье

благословение, опять завершившаяся неудачей. Захария — видная фигура в православном вероучении, ибо он предсказал приход Иисуса. Для начитанного книжника событие, случившееся в день его почитания, исполнено особого смысла. Нет никакого «чина службы» Захарии-пророка. Однако в Книге Захарии, вошедшей в Ветхий Завет, есть намек на то, как понимать эти слова. Захарии было видение Иисуса в образе иерея, стоящего перед ангелом Господним: «И показал он мне Иисуса, великого иерея, стоящего пред Ангелом Господним, и Сатану, стоящего по правую руку его, чтобы противодействовать ему» (Зах. 3:1). И далее в пророчестве вновь говорится об Иисусе как о царе-священнике: «Он создаст храм Господень и примет славу, и воссядет и будет владычествовать на престоле Своем; будет и священником на престоле Своем, и совет мира будет между тем и другим» (Зах. 5:13). Между тем читатель застаёт Филиппа как раз в момент священнослужения в главном храме Русской земли. Что же касается Сатаны, препятствующего Иисусу, то тут не было намека на Ивана IV. В данном случае автор Жития имел в виду совершенно другое: на протяжении всего пребывания Филиппа в митрополичьем сане Сатана, недовольный тем, что «было во царствующем граде Москве и во всех местах благочестие великое», бродит рядом и «рыкает», разыскивая способ нарушить согласие в людях, мир и покой. Этот мотив проходит через значительную часть Жития и, как видно, в косвенной форме относится и к данному отрывку. Таким образом, автор проводит сложное, предназначенное для знатоков Священного Писания сравнение пастырской жертвы священнослужителя Филиппа и жертвы Иисуса, священника «на престоле Своем».

Итак, 8 февраля — более вероятная дата второй обличительной речи митрополита Филиппа в Успенском соборе. Но тут есть важный контраргумент: в этот день не отмечается память праотца Аарона.

Есть ли хотя бы один день, когда одновременно поминают Аарона и Захарию? Да, есть. В декабре, перед Рождеством Христовым, празднуются недели Святых Праотцев и Святых Отцов. И вот тогда-то два этих имени встречаются вместе. Но в обоих случаях список поминающихся имен огромен, Аарон и Захария теряются в нем. Не видно причины, по которой автор средневекового агиографического сочинения мог бы выделить их из общего перечня.

Таким образом, вариант, при котором все три выступления Филиппа — на соборе и дважды в Успенском храме — укладываются в декабрь и, следовательно, конфликт между царем и митрополитом развивается с необыкновенной стремительностью, не имеет под собой серьезных

оснований.

Но может быть и другое толкование: автор Жития имел в виду не поминовение святого, а сравнение с его ролью в Священной истории. В этом случае имена «Захария» и «Аарон», стоящие рядом, обретают совершенно иной смысл. Захария-пророк, отец Иоанна Предтечи, священствовал в Иерусалимском храме, и в христианской традиции он почитается как своего рода «идеальный», праведный священник. Точно так же и праотец Аарон нес обязанности священствующего, причем родоначальника священства. Тогда отрывок из Жития надо понимать как прямое сравнение: Филипп священствует в храме так же, как делали это в старину Аарон и Захария. Но почему для сравнения выбраны именно они? Ведь среди священствующих библейской эпохи есть и более крупные, более значимые для культуры русского Средневековья фигуры, особенно если сопоставлять с Захарией Праведным. Остается впечатление какого-то случайного, надуманного сопоставления. Можно, конечно, увидеть в этих двух именах, помещенных на одну строку, символ уходящей ветхозаветной эпохи: как уже говорилось, Аарон стоял при истоках священства, а Захария служил незадолго до пришествия Христа. Но в этом месте Жития нет никакого намека на связь с библейским периодом. Совершенно иначе дело выглядит, если предположить, что в изначальном, древнейшем варианте Жития был упомянут только один Захария, а именно «малый» пророк. Лишь потом к нему добавили Аарона, как видно, усмотрев вместо указания на конкретный день, 8 февраля, и сложной аналогии между священствующим Филиппом и священствующим Иисусом более простую аналогию: между Филиппом и Захарией, отцом Иоанна Предтечи. Удивившись выбору не столь уж значительной личности, составитель новой редакции Жития добавил «для ясности» более известную персону, а именно Аарона.

Остается повторить: вероятнее всего, вторая обличительная речь в Успенском соборе была произнесена Филиппом 8 февраля 1568 года.

А как же свидетельство Новгородской второй летописи, однозначно относящее начало «вражды» между царем и митрополитом из-за опричных дел к 22 марта 1568 года? Возможна, конечно, ошибка — события февраля перенесены на март. Такая неточность — довольно незначительная по тем временам. Однако есть и другое объяснение: слово «враждовать» в летописном тексте могло относиться не к обличительным выступлениям Филиппа, а к другому событию.

Убедившись в непримиримо твердом настрое Филиппа против

опричнины, Иван IV принялся строить планы, как убрать строптивца с митрополичьего двора. По Москве поползли слухи, порочащие главу Церкви. Однако народ не очень-то прислушивался к клеветникам. По словам Жития, люди не только не отступали от святителя, а, напротив, «прилеплялись» к нему.

Тогда Иван Васильевич отыскал среди высших иерархов Русской церкви двух людей, которые согласились помочь ему в изгнании Филиппа с митрополии. Для этого следовало прежде всего «собрать материал», дискредитирующий первоиерарха. При его благочестии подобная задача оказалась совсем не простой.

Итак, на первый план выступает архиепископ Новгородский Пимен. Ему предстояло сыграть неприглядную роль. Что подтолкнуло его к действиям, о которых Церковь вспоминает с печалью? Возможно, тщеславное желание заменить Филиппа на кафедре или страх перед свирепым нравом царя, не щадившим последнее время ни правых, ни виноватых. А может быть, исподволь выраставшая в архиерейской среде привычка повиноваться боговенчанному государю, не рассуждая и ни в чем не прекословя... В характере Пимена видят дурное, порочное начало. Но только ли в этом дело? Перед архиереями стоял выбор: следовать пастырскому долгу — или покоряться долгу подданных, над которыми поставлен помазанник Божий. Объяснив для себя действия Филиппа как непозволительный мятеж, кое-кто из них пошел по более удобному, более безопасному пути. Вероятно, не столько хищные устремления следует видеть в Пимене, сколько слабость воли, нежелание до конца стоять в истине. Повиноваться православному государю — естественно для православного иерарха. Почти всегда. Но порой возникают обстоятельства, когда естественное оборачивается противоестественным. Немногим хватает духовной твердости увидеть и признать это.

Молоденький певчий Успенского собора, красавчик, устранись тяжких угроз, выступил против Филиппа с чудовищным обвинением: якобы митрополит позвал его к себе среди ночи для беседы о добродетелях, а в результате отрок «пострадал», по его словам, от Филиппа, видел от него противное и «неполезное». В сущности, речь шла о содомии. В чем худшем могли обвинить митрополита после того, как он вступил в духовный поединок с силами, помрачившими царскую душу?!

Услышав такое, вознегодовали епископы на своего митрополита: «Как можешь ты царя утверждать в вере, если сам творишь неистовое?» Особенно старался, угождая Ивану Васильевичу, Пимен. Для кого-то, наверное, обвинения отрока прозвучали как гром среди ясного неба. Их

чувства были искренними. Некоторые же архиереи (в том числе архиепископ Новгородский) и рады были поддержать наветы, желая мира с царем и готовясь убрать с митрополии человека, мешавшего его установлению. Филипп, наблюдая за суетливыми трепыханиями Пимена, холодно пророчествовал ему: «Тщишься похитить чужой престол, но вскоре из своего извержен будешь!» Так и произойдет — пророчество исполнится...

«Иконом» Успенского собора Харлампий^[84], зная, что Филиппа стремятся оклеветать, допросил отрока со всей строгостью. Тот со слезами признался: «Меня принудили...»

Епископы, любившие Филиппа, оставили сомнение и негодование. А у тех, кто поддерживал позицию Пимена, исчез повод нападать на митрополита. Но и те и другие понимали: дело идет к лишению сана.

Филиппа упрашивали простить певчего. И он отнесся к проступку молодого человека с необыкновенной мягкостью. Обращаясь к несчастному отроку, Филипп сказал: «Пусть будет к тебе милостив Христос, любезный, пусть дарует Он тебе прощение. А ты прости тем, кто научил тебя такому». Не гневаясь на архиереев, глава Церкви молвил им горькие слова: «Знаете ли, возлюбленные, чего ради хотят меня извергнуть и подталкивают к этому царя? Я не простер к ним словес лестных, не ласкал их и не облакал в брачные ризы... Но если об истине умолчу, да не останусь в епископском чине!»^[43]

Совершенно ясно: митрополит понимал, что гнев и недоумение высшего духовенства стали результатом интриги, за которой стоят все те же опричные советники Ивана Васильевича. Архиереи были избраны ими на роль орудия для свержения Филиппа. Некоторые епископы не видели сути происходившего, их использовали «втемную». Другие же, как Пимен, вступили на этот путь сознательно. Филипп не собирался идти в угодники опричнины; более того, митрополит требовал извергнуть его из сана *только в том случае, если он обратится в «ласкателя» опричных порядков.*

Царь был недоволен и рассержен: первая попытка сбросить Филиппа с митрополии не удалась, напротив, добрая репутация первоиерарха укрепилась. Теперь, где бы ни встречались они с Филиппом, государь обращал к нему «немирные» слова.

Очевидно, попытка очернить Филиппа сопровождалась созывом какого-то церковного собрания, куда съехались русские архиереи. Цель его не была тайной за семью печатями для современников. И новгородский летописец мог именно к нему приурочить начало «вражды».

Другим архиереем, которого пытались использовать против Филиппа, стал суздальский владыка Пафнутий. На декабрьском соборе 1567 года он выступил как противник митрополита. Теперь в нем увидели еще одну фигуру для игры против главы Церкви.

На Соловки отправилась «следственная» комиссия, куда вошли, помимо Пафнутия, архимандрит московского Спасо-Андроникова монастыря Феодосий, опричный дьяк Дмитрий Михайлович Пивов, а также князь Василий Иванович Темкин-Ростовский, возглавивший крупный воинский отряд. Официальной целью комиссии было «испытать... каково было прежнее житие митрополита». Что же касается истинной подоплеки, то она видна по действиям должностных лиц: выбить из соловецких насельников показания, которые можно было бы использовать против Филиппа. Поводом для отправки комиссии, очевидно, стало разбирательство, связанное с бедным певчим. Его использовали в духе: «А вдруг что-то было? Так давайте проверим основательно».

Князь В. И. Темкин располагал людским ресурсом, неадекватно большим для обыкновенной проверки «прежнего жития» игуменского. С ним отправились, в частности, десять дворян. Это показывает размах следственных мероприятий. Такого нашествия столичных чинов Соловецкий архипелаг не знал никогда. Подверглись аресту настоятель Паисий и десяток старцев. Соловецких иноков направили в столицу, рассчитывая опереться на их показания, когда начнется судилище над Филиппом.

Темкин и его люди оставили по себе дурную славу на Соловках. Здесь долго поминали недобрым словом радикальные методы «следователей». Кое-кого из монахов принуждали к лжесвидетельству «ласканием» и «мздоимством». Другим обещали «сановные почести». Третьих откровенно запугивали. Князь Василий Иванович и архимандрит Феодосий без устали искали следы какой-либо вины Филиппа. Очевидно, к монахам, не желавшим помогать им в этих поисках, применялись «особые» меры. Следователи нанесли соловецким старцам «многие раны», требуя «напрасно на святого неподобная глаголати». Но неожиданно для себя они встретили упорное сопротивление: старцы готовы были терпеть мучения за любимого настоятеля. Иноки отвечали на вопросы «следователей» одними и теми же словами о «непорочном житии» Филиппа на Соловках. Вместо «компромата» князю Темкину со товарищи доставались совершенно иные свидетельства: им приходилось слушать про то, как Филипп, исполнившись мыслей о Боге, пекся «о святом месте и о братском спасении».

Соловецкая обитель оказалась «крепким орешком». В самой комиссии

начались разногласия.

Владыка Пафнутий своим духовным званием покрывал творившееся беззаконие. Присутствуя при допросах, он даже не слушал, когда о Филиппе рассказывали «истину», отзывались о прежнем игумене хорошо. Однако епископ Суздальский все-таки не заслуживает худого слова. Очевидно, увиденное и услышанное на Соловках изменило его отношение к Филиппу. Во всяком случае, совести Пафнутия претило участие в сомнительном и темном деле. Формально именно он возглавлял комиссию, хотя, надо полагать, главным действующим лицом был князь Темкин. Итоговый документ расследования мог обрести действительную силу только после того, как на бумагу ляжет подпись (или, как тогда говорили, «рукоприкладство») Пафнутия. Но суздальский владыка пребывал в сомнениях. Возможно, в Москве он был настроен на скорейшее умиротворение между Церковью и царем и даже приготовился принести в жертву одного первоиерарха ради блага всей Церкви. Возможно, он не удовлетворился объяснениями по «делу» певчего из Успенского собора. Но тут, на Соловках, владыка увидел, с какой преданностью относятся люди к Филиппу, и прозрел. Епископ Пафнутий *отказался подписать* отчет комиссии о «расследовании» на Соловках.

Соловецкий летописец сообщает, что следствие велось «на весну» 1568 года. Скорее всего, комиссия приплыла на острова не ранее мая. Навигация у Соловков редко открывается прежде начала мая. Есть, конечно, старинный поморский способ передвижения: лодку затаскивают на льдину и затем двигают по ледяной поверхности до новой полосы открытой воды. Но вряд ли подобным, весьма тяжелым и рискованным образом на архипелаг могли транспортировать целый отряд во главе с архиереем и крупным вельможей. В таком случае комиссия вернулась в столицу примерно в июне — июле. Точнее сказать не представляется возможным.

Церковный суд над митрополитом Филиппом показал: добытые трудами следователей материалы оказались некачественными. Как видно, качественного «компромата» просто не могло быть. Однако царь счел собранные показания и доставленных свидетелей надежным основанием для начала суда.

Возможно, Иван Васильевич колебался. Надо полагать, он не хуже Пафнутия Суздальского понял, чего стоят бумажки, привезенные князем Темкиным. Царь знал цену таким слугам. Он не торопился дать «делу» ход, возможно, еще надеясь на примирение с Филиппом, на его покорность. Ни в июне, ни в июле Филиппа не тронули.

Но митрополит не собирался смягчать свою позицию. Возобновление спора между ним и государем было делом времени. Очередной конфликт переполнил чашу терпения Ивана IV. Государь хотя и не видел правды в «обыскных речах» соловецких насельников, а все-таки слишком хотел избавиться от Филиппа, чтобы положить бумаги под сукно.

Гром грянул 28 июля 1568 года — «на память» святых Прохора, Никанора, Тимона и Пармена.

По старинному обычаю царь и митрополит приходили в этот день на торжество в Новодевичий монастырь, стоявший тогда за чертой Москвы. Главный храм обители, Смоленский собор, имел придел в честь названных святых. Иван Васильевич прибыл со свитой и боярами в тот момент, когда Филипп обходил крестным ходом обитель. Дойдя до Святых ворот, митрополит приготовился к чтению Евангелия. Однако тут он заметил царских слуг, стоявших в головных уборах — тафьях^[85]. Это все равно что сегодня войти в церковь, когда совершается богослужение, в тюбетейке, кипе или с пластиковыми рожками и багровой мигалкой.

Двадцати лет не прошло с тех пор, как по воле молодого Ивана IV состоялся так называемый Стоглавый собор — собрание архиереев и монастырских властей, принявшее важнейшие решения касательно церковной жизни. Среди ста глав принятых на соборе правил содержится 39-я глава — «О та-фиях безбожного Махмета». Там ношение в церкви этих восточных головных уборов строго-настрого запрещалось. Вот полный текст главы: «Тако же бы отныне впредь вси православные цари и князи, и боляре, и прочий вельможи, и все православные христиане приходили б ко святым Божиим церквам ко всякому божественному пению без тафей и без шапок и стояли бы на молитве со страхом и трепетом откровенною главою по божественному апостолу. *А тафей бы отнюдь на главы в церкви не клали и поправаны бы были до конца, занеже чуже есть православным таковая носити.* То предание проклятого и безбожного Махмета. О таковых бо священные правила возбраняют и не повелевают православным поганских обычаев вводить. В коейждо убо стране закон и отчина, а не приходят друг к другу, но своего обычая кийждо закон держат. Мы же православнии закон истинный от Бога приимше, разных стран беззакония восприимше и осквернихомся ими. А сего ради казни всякие от Бога на нас прихотят за таковые преступления».

Яснее не скажешь. После этого появление в тафьях лиц, сопровождающих православного государя, во время торжественного богослужения, которое ведет сам митрополит, выглядело не лучше

свадебных песен на похоронах.

Изумившись, Филипп обратился к государю с укором:

— Совершается божественное славословие, читается Божье слово. И слушать его подобает с непокрытой головой — во имя утверждения христианского закона. Отчего же вон те, — он показал на виновников, — почитают агарянский закон и стоят с покрытыми головами? Ведь все мы одной веры.

Царь изумился не меньше:

— Да кто?

— Твои думные люди^[44].

Иван Васильевич повернулся, отыскивая взглядом нарушителей порядка. Однако те уже сорвали с голов тафьи и спрятали их. Никто из присутствующих не посмел на них указать, поскольку они считались царскими любимцами.

Сцена становилась неловкой и для государя, и для Филиппа. Иван Васильевич озираясь, свита застыла в полном молчании, все боялись лишний раз открыть рот. Но вот послышались недобрые шепотки: «Великий государь! Вранье! Да он позорит тебя!»^[86]

Иван IV вновь спрашивает митрополита, нет ли ошибки, но тот уверен в своей правоте. Именно тогда государь полностью потерял доверие к Филиппу и окончательно решил извергнуть его из сана, чтобы он «не возмущал народ». Если и были в душе Ивана Васильевича сомнения, колебания, то теперь он видит в поведении Филиппа всего лишь бессмысленное упрямство.

Худшее совершилось.

Этот эпизод по-разному комментируется историками. Некоторые видят в нем простое продолжение конфликта из-за опричнины. Другие полагают, что царь специально провоцировал первоиерарха на новое обличение, желая создать у собравшихся людей впечатление неуместной суровости митрополита. Неуместной, а значит, оскорбительной по отношению к царскому сану.

Но, быть может, Иван IV не искал никакой ссоры, интригу же затеяли другие люди. Вероятно, в игру вступили те самые Скуратовы и грязные, поднявшиеся из грязи в князи, а потому готовые загрызть любого, кто смел возвышать голос против опричнины. Возможность примирения Ивана Васильевича и Филиппа таила для них прямую угрозу. Следовательно, именно они являлись главной заинтересованной стороной в новом скандале да и главными действующими лицами, включившими механизм

столкновения.

Можно даже определить, кто именно участвовал в странном действе, разыгравшемся у Святых ворот Новодевичьего монастыря. Автор Жития считал их царскими фаворитами. Значит, это крупные, известные фигуры. Митрополит Филипп назвал виновников людьми «царския державы и советныя палаты». Это значит, что они обладали думными чинами в опричнине или входили в состав опричного государева двора. Последних было очень много, тут не определишь, кого мог иметь в виду Филипп. Что же касается первых, то, скорее всего, речь шла о думных дворянах из опричнины. Более высокие чины — окольничих и бояр — достались служилым аристократам, им такая игра была ни к чему. А вот думные дворяне набирались из людей попроще, победнее. Им, как уже говорилось, отмена опричнины отлилась бы серьезными потерями по службе. Летом 1568 года в думных дворянах числились или могли числиться с очень большой долей вероятности опричные «выдвиженцы» Петр Зайцев, Василий Грязной, Иван Черемисинов. Кроме того, в провокационной затее мог принимать участие князь Афанасий Вяземский, небогатый человек из захудалого рода, получивший в опричное время высокую должность оружничего на государевом дворе. Еще один вероятный участник этой сцены — Василий Зюзин, фигура невысокого социального статуса, доросшая в опричнине до дворового чина, сравнимого с чином окольничего. Ну и, конечно, сам пономарь Слободского ордена Малюта Скуратов. Если даже кто-то из действующих лиц назван тут ошибочно, то, во всяком случае, очерчен их круг. Скорее всего, именно эта среда деятельно плела интриги против митрополита Филиппа и именно из ее недр выросла провокация 28 июля 1568 года.

Отзвучали укоризненные слова митрополита. Полыхнули будущей кровью слова государя. Иван Васильевич с опричной свитой покинул монастырь. Но путь его от обители к Опричному двору лежал через многотысячные толпы, собравшиеся для крестного хода, возглавленного митрополитом. Московский посад, узнав о смелых речах Филиппа, встал на его сторону. Люди волновались, в воздухе запахло грозой.

То, что произошло дальше, блестящий специалист по истории Московского царства В. И. Корецкий^[45] реконструировал буквально по крупицам, собрав сведения из малых летописных памятников^[87]. Распаленное многолюдство не отставало от царской свиты. Наконец, на Арбате Ивана Васильевича окружили со всех сторон, а охрану его оттеснили. Царствующая особа в народных глазах была священна. Не то

что убить ее или ударить, а даже выступить с угрозой выглядело как великий грех. Но народ был в своем праве — жаловаться государю на «тесноту» жизни, на злоупотребления его подчиненных. И посадские низы подали Ивану Грозному коллективную челобитную с общей просьбой: отменить опричнину! Повторялась история 1566 года, только сейчас выступили не 300 дворян, а тысячи московских простолюдинов.

Царь увидел, как на лице человеческой громады, напряженном, усталом, раздосадованном, проступает гневное выражение, знакомое ему по событиям двадцатилетней давности. Тогда, в 1547-м, случился великий бунт, поднялась вся Москва, толпы хватали и убивали аристократов прямо на улицах. Вся сила правительства не была способна утишить «мятеж»; в ту пору страх вошел в душу молодого государя, а плоть наполнилась трепетом... Что, если бунташная стихия вновь поднимет столицу?

Иван IV спешно выехал из Москвы в Александровскую слободу. Пусть народ успокоится... потом, потом мы с ним разберемся.

Государю еще предстояло явить самую темень своей души, искупаться в крови от макушки до пят; еще ждало его опьянение от новгородских казней, впереди были страшный, отрезвляющий разгром столицы, учиненный татарами, и, через много лет, поражение в его главной войне — Ливонской. А затем — больше ничего, пустота, за порогом которой оставалось только каяться, насколько хватало истерзанной души, насколько разум помнил о смысле слова «покаяние»... Перед царем простиралась длинная дорога, и закат в холоде и опустошенности еще не виден был у самого горизонта.

А вот Филипп уже совершил в своей судьбе все главное, о чем будут помнить многие поколения потомков. Ему оставалось совсем немного: сначала унижения и позор, потом телесные страдания, чуть погодя — ссылка и заключение в провинциальном монастыре, а в самом конце — ужасная смерть. Все это уместится в полтора года жизни. А после того как над его бездыханным телом опустится занавес судьбы, во тьме начнет медленно разгораться огонь посмертной славы... Но в любом случае то, что следовало ему совершить в земной жизни ради «духовного стада» русской паствы, ради Церкви и собственной веры, к концу июля 1568 года митрополит Филипп уже совершил. Высшая точка его жизненного пути была достигнута; начался отрезок, идущий под гору.

Через 20, 100, 200, 400 лет немногие вспомнят о монашеских подвигах Филиппа. Соловчане, да и просто знатоки старинной монастырской жизни

вымолвят доброе слово о превосходно поставленном хозяйстве, которое северный игумен обеспечил своей обители. Паломники с восхищением отзовутся о чудесных белых церквах, поставленных под его присмотром на краю Русского царства. Но все это, по большому счету, частности, удел восторга и любования очень немногих.

А миллионы знают его восстание против опричнины, его обличения, воздвигнутые против грозного царя, его мужество и духовную твердость. Именно об антиопричном выступлении митрополита напишут в учебниках и монографиях, именно оно предстанет на страницах романов и киноэкране. Им будут восхищаться, его будут осуждать. Словом, из него потомки смогут извлечь урок. Притча Господа, рассказанная через Филиппа, видна в поступках святого по отношению к государю.

Другое дело, что можно смотреть и не видеть, видеть и не замечать, а заметив, отвернуться. Главная история в жизни митрополита подвергалась разным интерпретациям. Лучшие историки, интеллектуалы высокой пробы, немало сделали для того, чтобы эта притча не была понята потомками. Ах как много тут сделано для того, чтобы простое и ясное превратилось в сложное и мутное — разумеется, из лучших побуждений, ради поиска научной истины.

Ранние историописатели Российской империи, касавшиеся судьбы святителя, еще сохраняли ясность взгляда. Для их читателей вопрос о том, почему Филипп решился восстать против опричнины, оставался прозрачным. Мотив самоубийственно рискованного поведения Филиппа подавался тогда в двух словах, как нечто само собой разумеющееся. Так, Н. М. Карамзин видел в поступках митрополита естественное выражение его христианской добродетели; за эту добродетель он и был убит. Карамзин пишет: «Добрые вельможи приходили к Филиппу, рыдали, указывали ему на окровавленные стогны: он утешал горестных именем Отца Небесного; дал им слово не щадить своей жизни для спасения людей и сдержал оное». Иными словами, великий пастырь спасал овец из стада своего от мучений и гибели. Вот он, главнейший, или, может быть, единственный, мотив действий святителя, по Карамзину.

Митрополит Макарий (Булгаков) в классическом труде «История Русской церкви» дал самое простое объяснение действиям Филиппа, схожее со словами Карамзина: «Многие со слезами прибегали к митрополиту и умоляли его заступиться за них пред государем. И добрый пастырь, утешая несчастных словами веры, не мог оставаться безответным на вопли и стоны своих духовных чад. Он помнил, что отказался от мысли просить уничтожения опричнины, но что сохранил за собою право

«советовать» государю и, следовательно, ходатайствовать, по крайней мере, о том, чтобы он обуздывал своих опричников, наблюдал правду и милость по отношению к своим подданным и, карая злодеев, не позволял проливать неповинной крови. Одушевленный такими мыслями, святитель отправился к Иоанну...» Ему вторит другой известный церковный историк, А. В. Карташев: «Гонимые искали заступничества у митрополита, и он решил обратиться к царю с пастырским увещанием».

Чем дальше развивалась историческая наука в России, тем меньше в ней оставалось цельности мирозерцания. Та естественная полнота ощущения жизни, видение главных побуждений в поступках и речах людей, понимание мистических механизмов,двигающих судьбой целых народов, характерные для времен незамутненной христианской традиции, во многом умалились. Рафинированная наука занялась поисками экономических, политических и социальных мотивов в поведении личностей, да и не только личностей, но и крупных общественных групп. В результате чем сложнее становились трактовки, тем меньше оставалось ясности. Прежний естественный синтез распадался на десятки составляющих, которые никак не выстраивались для нового синтеза... Изоощренность методов исследования сочеталась с наивной прямолинейностью сугубо материалистического подхода к человеческой природе.

Советская эпоха пошла в этом отношении еще дальше и достигла логического тупика.

Знаменитый, можно сказать, классический историк советского времени А. А. Зимин, ссылаясь на Ленина, обвинял митрополита Филиппа в сопротивлении «централизаторской политике правительства Ивана IV». Церковь якобы всегда стремится к «господствующему положению». Следовательно, по логике Зимина, одобренной премудростями Ильича, «церковники», пытаясь осуществить «программу клерикализма», выступали «против попыток Ивана Грозного покончить с пережитками феодальной раздробленности». Оказывается, боярское происхождение митрополита — ужасная беда! Тут классовый подход заставлял по-настоящему талантливого исследователя, каким был Зимин, прямолинейно мотивировать поступки святителя воздействием на него социальной среды. «...Кровавая поступь опричнины, — пишет Зимин, — отталкивала своенравного Филиппа не только как главу Русской церкви, но и как одного из тех Колычевых, которые уже давно были известны своими простарицкими и новгородскими симпатиями». Правда, Александру Александровичу не удалось представить убедительных доказательств этих

самых «симпатий», но в теории все выходило стройно. Уничтожение митрополита означало, по Зимину, победу исторического прогресса. Вот цитата, превосходно показывающая основной пафос его позиции: «Подавив открытое сопротивление церкви правительственным мероприятиям, Ивану IV удалось достигнуть крупного успеха в централизаторской политике». Эстетически это просто великолепно: заменить слова «массовые убийства» на «правительственные мероприятия»^[46]. Вероятно, рождения подобного эвфемизма требовали глубоко научные причины или, скажем, прихотливые изгибы академической этики...

Известный современный историк Р. Г. Скрынников также видит суть выступления Филиппа в его социально-политических пристрастиях. Вроде бы митрополит благоволил к семейству князей Старицких, а к этим своим родственникам царь относился с особым подозрением, ибо считал, что кого-то из старших их представителей знать, стакнувшись, может возвести на престол, убрав при этом его самого и прямых наследников. Кроме того, «...выступив против опричнины, Филипп Колычев выразил настроения всей земщины, в особенности же влиятельного старомосковского боярства, занимавшего ко времени опричнины доминирующее положение в Боярской думе и приказном управлении»^[47]. Как же так: ближайшая родня митрополита Филиппа, происходившая из самого что ни на есть «старомосковского боярства», стояла у руля управления опричниной, а он, выступая, как утверждает Скрынников, с социально близких ей позиций, оказался в стане земщины?! Мало того, гонитель Филиппа, боярин Алексей Басманов-Плещеев, бывший по большому счету «отцом опричнины», самым выдающимся, самым видным ее деятелем на раннем этапе, да еще посадивший на ключевые посты свою родню, происходил вместе с нею из того же «старомосковского боярства», но ему почему-то пришлось бороться с Филиппом, который, как говорит Скрынников, защищал подобных Басманову аристократов. Откуда такая нестыковка?

Другой превосходный современный специалист по истории Московского царства, Б. Н. Флоря, пишет: «Иногда в научной литературе спор царя и митрополита характеризуется как спор между государством и церковью из-за власти, вызванный попытками светской власти подчинить себе церковь. Ничто, однако, не подтверждает такого толкования. К тому времени, когда вспыхнул этот конфликт, царь не предпринимал никаких действий, которые хоть как-то затрагивали права церкви или ее имущество. Напротив, ряд почитаемых обителей именно в годы опричнины получил такие щедрые жалованные грамоты, которых они не имели в годы реформ

50-х годов XVI века. В выступлении митрополита о правах церкви не говорилось. Дело было в другом. Обличая царя, митрополит не только следовал своим христианским убеждениям, но и выполнял важную роль гаранта традиционного общественного порядка, которая в представлениях русского общества была тесно связана с особой верховного пастыря. Можно было бы говорить и о попытке осуществления митрополитом его традиционного права «печаловаться» за опальных, но с существенной оговоркой: традиционно глава церкви ходатайствовал о прощении провинившимся их поступков, а митрополит Филипп добивался справедливости для невинных»^[48]. Это высказывание звучит гораздо более мягко и взвешенно, в нем, слава богу, не видно следов «классового подхода», зато упоминаются «христианские убеждения». Но думал ли митрополит Филипп, что он выполняет роль «гаранта традиционного общественного порядка», то есть живого бастиона против опричной «революционности» царя? Вряд ли. Можно ли сказать, что он «вписался» в подобное амплуа неосознанно? Только в той степени, в которой «традиционный общественный порядок» диктовался «христианскими убеждениями» всего старомосковского общества...

Может быть, самую мудрую книгу о митрополите Филиппе написал в эмиграции христианский историк и публицист Г. П. Федотов. Его монографией «Святой Филипп митрополит Московский» восторгались люди из самых разных слоев русского зарубежья, да и в России после 1991 года она получила невероятную популярность. Книга написана в литературном отношении легко, талантливо, автор ее показал превосходное знание реалий Московского царства. Однако в федотовском образе митрополита Филиппа мудрость слилась воедино с тонким лукавством. «Богословие культуры» и «христианский взгляд на историю», присущие Георгию Петровичу, представляют собой образец левого крыла в православном богословии XX века. Недаром сам Н. А. Бердяев защищал ученого от упреков в избыточной левизне. Социалистические идеи в мировоззрении Федотова были прочно увязаны с христианскими ценностями — столь прочно, что воздвижение определенного типа социализма в обществе он считал важнейшей целью для современного христианства. Федотов и в революции находил немало благого...

Вне зависимости от того, ставил ли Георгий Петрович себе такую задачу или нет, митрополит Филипп оказался в роли проводника собственных общественных идей историка. При всем благоговении перед этой фигурой, при всем такте и глубоком уме Федотов, однако, с изрядной произвольностью наполнил духовный идеал святого содержанием, взятым

из 20-х годов XX века.

Ярко и верно сказано у Георгия Петровича о том, что святой митрополит восстанавливал добрые традиции «симфонических» отношений между Церковью и государством, был консерватором в лучшем понимании этого слова. И, разумеется, в его действиях не видно политики, тем более такой политики, которая отражала бы осознанное желание сохранить удельную старину.

«Св. Филипп сделал то, чему учили св. Иосиф (Волоцкий. — Д. В.) и Макарий. Именно он выразил в жертве своей жизни идею православной теократии. Он не был ни новатором, ниспровергающим традицию самодержавия, ни отсталым поклонником удельно-боярской старины, хотя личные нравственные связи с ней, быть может, воспитали его чуткость и независимость. Он погиб не за умирающий быт, но за живую идею — Христовой правды, которой держалось все русское теократическое царство. Оно жестоко попирало на практике эту идею, но не могло отказаться от нее, не отрекаясь от себя. Столетие, в которое жил св. Филипп, непрестанно расшатывало эту идею, всё более удаляясь от идеала заданной «симфонии» мира и Церкви», — пишет Федотов.

Здесь в фокусе внимания оказывается странная «новина» — понятие «Христовой правды», в чем-то, оказывается, отличной от «Христовой веры». Это понятие проходит у историка рефреном с первых страниц монографии. Так, в частности, он говорит: «В годы кровавой революции, произведенной верховной властью, митрополит Филипп восстал против тирана и заплатил жизнью за безбоязненное исповедание правды. *Святой Филипп стал мучеником — не за веру Христову, защитником которой мнил себя и царь Иван Васильевич, но за Христову правду, оскорбляемую царем* (курсив мой. — Д. В.), Он был почти одинок в своем протесте среди современных ему иерархов, одинок и на фоне целых веков. Но его голос спас молчание многих; его подвига достаточно, чтобы выявить для нас новую черту в лице православия. Церковь, канонизировавшая святого, взяла на себя его подвиг, столь редкий — быть может, даже единственный — вплоть до грозных событий наших дней. Подвиг митрополита Филиппа дает настоящий смысл и служению его сопастырей на московской кафедре Успения Богородицы: св. Алексия и св. Гермогена. Один святитель отдал труд всей жизни на укрепление государства Московского, другой самую жизнь в борьбе с этим самым государством в лице царя, показав, что и оно должно подчиниться высшему началу жизни. В свете подвига Филиппова мы понимаем, что не московскому великодержавию служили русские святые, а тому Христову свету, который светился в царстве, — и лишь до

тех пор, пока этот свет светился»^{49}.

Примерно то же самое сказано в другом месте: «В словах св. Филиппа, переданных его житием, нет особого учения о праве священства на светскую власть. Но если говорить не о власти, а о влиянии, или о власти слова меча духовного, то самый подвиг Филиппа свидетельствует о нераздельности для него царства правды: в государстве, как и в церкви, осуществляется та же правда Христова, и на страже ее поставлен он, епископ, который не смеет «молчать об истине»... Так во всех основных пунктах оригинальные идеи Грозного (относительно роли царской власти. — Д. В.) осуждены св. Филиппом как грех, как неправда, как теократическая ересь... Точка зрения Филиппа была не столь «оригинальна», как мысль царя» (историк выводит идеи царя, идущие вразрез с русской церковной традицией, из его посланий. — Д. В.)... она представляла собой добрую традицию русской церкви»^{50}.

Г. П. Федотов прямо противопоставил «правду» и «веру», зацепившись за то, что защитником последней «мнил» себя и сам государь. Что же это за «правда» и как ее трактовать? Для историка «Христова правда» очень близко стояща к позднему, принадлежащему XX веку понятию «социальная справедливость». В этом-то вся суть его позиции. И в этом-то — всё лукавство Георгия Петровича. За митрополита, «помогая» или, если угодно, «подправляя» его, историк произносит слово «ересь», обращая его к «тирану», олицетворявшему худшие стороны «московского великодержавия». Георгий Петрович не любит самодержавную монархию, а старомосковский вариант государственного строя и вовсе не вызывает у него симпатий, поскольку дает слишком мало простора для личности, для ее самовыражения, самораскрытия. Для Федотова Московское царство — эпоха величайшей несвободы, время державной несправедливости, возведенной в ранг нормы, а царь Иван IV еще и увеличивал степень этой несвободы. В то же время царь показан своего рода «революционером». Да, в этом есть резон: Иван IV вводил доселе невиданное; но трудно отделаться от впечатления, что историк слишком прямо взывает к общественной истории России начала XX века. И это, конечно, шаг за пределы уважительного отношения к святому Филиппу. Русское самодержавие начала XX века, рухнувшее в 1917 году, для Федотова являлось очевидным наследником грозненской опричнины и, во всяком случае, старомосковского государственного уклада XVI–XVII веков. А революция... что ж, она бывает несправедливой. По Федотову, революции могут нести в себе работу и добрых, и сатанинских начал. Вот революция,

свидетелем которой был сам Георгий Петрович, — оправдала ли она его надежды? Ни в коем случае, иначе он не эмигрировал бы в середине 1920-х годов. С его точки зрения, одна форма деспотизма исчезла, а на смену ей пришла... другая форма деспотизма. Христианство должно бы противостоять и первой, и второй, поскольку его обязанность — отстаивать ту самую «Христову правду», до которой додумался сам Георгий Петрович.

По Федотову, святой Филипп, митрополит Московский, оказывается чуть ли не предтечей умеренного социал-демократического движения XX столетия. Федотов произвел в отношении главы Русской церкви странную модернизацию, поместив его в рамки понятий, получивших популярность через три с половиной столетия после его кончины.

Очень важны для понимания книги Федотова слова, которыми он завершает основную часть работы — ту, где рассказывается о земных деяниях владыки. Георгий Петрович, похоже, сам пускается в обличительную риторику: «Смерть мученика могла бы быть искупительной жертвой, спасающей родину, если бы родина приняла ее, участвовала бы в ней. Этого не случилось. И кровь св. Филиппа переполнила до краев уже полную чашу грехов русской земли. Ее падение сделалось духовно и морально неотвратимо. Каковы бы ни были социальные причины катастрофы, но не может жить общество, повседневно убивающее идею своей жизни. Православное царство без правды есть труп, от которого отлетела душа. «Где труп, там соберутся орлы»^[51].

Монография Г. П. Федотова вышла в 1928 году. Как могли современники расшифровать фразы историка об «искупительной жертве» и обществе, которое не пожелало в ней участвовать? Тут напрашиваются два толкования, близких русскому зарубежью 1920-х годов. Во-первых, большинству читателей должна была прийти на ум та же аналогия с недавней русской революцией. Георгий Петрович, говоря о «падении» Русской земли, чаша грехов которой переполнилась, имел в виду не только Смуту XVII столетия, поставив ее в прямую связь с опричными делами Ивана Грозного. Он ясно понимал, как именно его истолкуют. Федотов был человек не простой, у него имелся опыт в публичных делах. Он знал: в смуте дальней его современники и соотечественники непременно увидят ответ смуты другой, ближней. И скажут себе: да, выходит, столь деспотичной, столь греховной в своем социально-несправедливом устройстве была Российская империя при последних Романовых, что из этого царства, по внешней видимости православного, исчезла «правда»; стало быть, оно и должно было превратиться в труп. Так как Московское царство в *той* смуте отнюдь не погибло, стало быть, речь идет об *этой*

смуте. Но была ли альтернатива? Ах, если бы общество и прежде всего Русская церковь поднялись против тиранического самодержавия, если бы жертва Филиппа не осталась одинокой, если бы редкие голоса, призывавшие к свободе и справедливости, обернулись властным зовом всеобщего мнения, тогда бы Россия исправилась раньше, не погрязла бы в грехах и, наверное, вышла бы из тяжелого кризиса обновленной, свободной, спасенной... а не вконец погибшей. Вновь слышится в раскатах громовой эпохи Ивана IV столь чужой для нее размеренный тенор профессорской социал-демократии. Да, царь Иван Васильевич совершил много худого, как, впрочем, и хорошего было немало в его правление; да, на него нашло ужасное помрачение души; да святитель Филипп ценой самоотверженной жертвы сохранил в нашей Церкви дух христианства; да, трагедия их столкновения вынесла наружу темень, прятавшуюся в глубинах русской жизни. Но что это за призывы к родине — поучаствовать в жертве праведника? Каким образом? Свергнуть самодержавие на 350 лет раньше? Порезать всех опричников и установить некое подобие Парижской коммуны в Москве? Скопом пойти на Кремль и потребовать у царя признания «свободы личности» и «прав человека» в европейских формулировках, которых не было еще в помине и которые по сию пору подходят для русской жизни не больше, чем шутовской колпак для монаха? Чем общество XVI века убивало «идею своей жизни»? Как ни вглядывайся в слова Георгия Петровича, а всё вылезают из них горькие интеллигентские сожаления об утраченных надеждах февраля 1917-го...

Второе толкование также вызывает скептическое отношение. Ведь книга писалась в 1928 году, когда Русская православная церковь переживала тяжелейшие времена. В советской России она была доведена государственными органами до предсмертного состояния и раскола агрессивным обновленчеством. В 1927 году появилось «Послание к пастырям и пастве», или «Декларация» митрополита Сергия, местоблюстителя патриаршего престола. Этот документ отразил страшную судорогу, сотрясавшую церковное тело. 20-е и 30-е годы XX столетия — вообще худший период в тысячелетней истории русского духовенства. Оно готовилось исчезнуть. Владыка Сергей и Синод взяли на себя черную, сотрясающую дух работу: они призвали к лояльности по отношению к советской власти. За это их осудило множество православных иерархов за границей, а между Русской православной церковью и Русской зарубежной православной церковью возник непримиримый раскол, преодоленный лишь совсем недавно. Не приняли позицию лояльности и многие русские церковные деятели, остававшиеся на родине. А уж об отклике

православной общественности русского зарубежья и говорить нечего: он был резко негативным. Но положение Русской православной церкви несколько облегчилось. Она не пропала окончательно, хотя дело шло именно к этому. Таким образом, несколько архиереев, спасая «пастырей и паству», что называется, «души положили» за них. До сих пор некоторые считают их «еретиками». Но их деяние избавило от мучений и смерти очень многих. Церкви есть за что испытывать благодарность по отношению к митрополиту Сергию и Синоду тех лет.

А теперь вспомним призыв Федотова к искупительной жертве. Значение этих слов страшно: новомученики Церкви, убитые большевиками на протяжении Гражданской войны и 1920-х годов, — жертва. Остальному духовенству следовало бы «принять участие» в ней — иными словами, не объявлять о лояльности, а погибнуть за веру. А было ли у человека, находившегося вдали от лагерей, тюрем и расстрельных команд, моральное право судить наше духовенство, жившее в неизмеримо более опасных условиях?

Между тем у Г. П. Федотова нашлись духовные преемники и продолжатели. Н. В. Первушин пишет в статье о святом Филиппе, опубликованной в эмигрантском «Вестнике русского христианского движения»: «Какой глава российской церкви открыто, последовательно до конца своего служения разоблачал насилие над русским народом, призывал светскую власть прекратить жестокости и преследования, зная, что это неминуемо приведет к его смертной муке? Именно заступничество митрополита за русских людей, убиваемых и терзаемых по приказу Ивана IV, открытое осуждение с амвона Успенского собора бесчеловечных поступков царя против его же подданных делает св. Филиппа особым святым и ставит его на особое место в синодике жертв русского духовенства»^[52]. Справедливости ради надо сказать: Первушин выразил эту мысль гораздо мягче и осторожнее, чем Федотов.

Некоторые историки и публицисты связывали выступление митрополита Филиппа против Ивана IV с теми репрессиями, которые обрушились на его собственную родню. Князь Андрей Курбский, сбежавший от Ивана Грозного и перешедший на службу к польско-литовским государям, обвинял царя в погублении рода Колычевых: «Потом уничтожил он семейство Колычевых, также просвещенных и выдающихся... людей... А уничтожил он их по той причине, что очень рассвирепел на их дядю, архиепископа Филиппа, обличавшего его в преступных беззакониях». Далее князь-перебежчик пишет: «Этих Колычевых в роду несколько десятков (другой перевод — «около десяти».

— Д. В.) было: были среди них мужи храбрые и выдающиеся, иные из них были удостоены думного чина, а другие ходили в воеводах. И вырублены они всем родом»^[53]. По свидетельству Курбского, однажды Иван IV, объезжая с карательным отрядом владения И. П. Федорова, взорвал арестованных на нескольких бочках с порохом. Среди них был Иван Борисович Хлызнев-Колычев, чудом уцелевший во время взрыва. Один из опричников, увидев, что он остался невредим, отрубил ему саблей голову. Ее отправили в «подарок» митрополиту Филиппу.

Так не сыграл ли Филипп роль заступника за родичей, приняв «позу» утешителя о прекращении гонений на невинных?

Этот вопрос непрост. Прежде всего, Курбский пишет о репрессиях, обрушившихся на Колычевых *в результате* поступков митрополита, а не наоборот. Пишет он во многом неточно. Так, Филиппу принесли голову другого родственника, о чем будет рассказано ниже. Упомянутого же дворянина казнили осенью 1568 года, а к тому времени митрополит уже находился под судом. Кроме того, семейство Колычевых отнюдь не было уничтожено в опричнину. О казнях Колычевых в 1560-е годы вообще известно довольно мало. Двое сановитых опричников из ветви Колычевых-Умных не попали под расследование в связи с делом Федорова-Челяднина и сохранили свое положение. Один из них, как уже говорилось выше, испытал на себе гнев государя: его вместе со свитой ограбили до нитки и чуть ли не голым отправили по морозу из Александровской слободы в Москву. Прискорбный случай. Однако кровь опального не пролилась и думного чина он не лишился. К тому же непонятно, то ли Филипп решил защищать его, то ли сам опричник пострадал из-за обличений митрополита.

В синодиках, содержащих списки репрессированных при опричнине, есть несколько имен представителей рода Колычевых. И. Б. Хлызнев-Колычев (дядя настоящего изменника — Богдана Хлызнева-Колычева) погиб вместе со своим сыном Иваном, а несколько позже казни подвергся некий Василий Колычев^[88]. Полагают, что синодики отразили далеко не все имена убитых Колычевых, но это всего лишь гипотеза. Точно известно о связи с «делом» Федорова только Ивана Борисовича Хлызнева-Колычева с сыном, а также об их казни *в начале* «расследования», когда Филипп только еще размышлял над решением выступить против массовых казней. Но ветвь Хлызневых-Колычевых весьма далеко отстояла от ветви Лобановых-Колычевых, к которой принадлежал Филипп. Их общий прародитель жил в первой половине XV века и был отделен от И. Б. Хлызнева-Колычева и

Филиппа четырьмя поколениями. Ни один из источников XVI столетия не сообщает нам о том, что митрополитом руководило родственное чувство.

Остается удовлетвориться следующим выводом: нельзя исключить влияния, оказанного на Филиппа скорбью о замученных родичах, пусть и отдаленных; однако даже для современников оно не было явным и, очевидно, не играло преобладающей роли в решении митрополита обличить царя.

Истинные мотивы выступления Филиппа против царя видны в высказываниях его современников. До наших дней дошли мнения иностранцев, служивших тогда московскому государю, наших старых знакомых Таубе, Крузе и Генриха Штадена.

Первая парочка — ловкие дельцы, не лишенные, впрочем, высокого пафоса, — писала о митрополите Филиппе: «...проживший свою жизнь честно и в Божьем страхе, с юных лет не испытывавший никакой нужды и недостатка ни в чем, но отказавшийся от света и удалившийся в монастырь на острове Соловки, на океане, чтобы закончить свою жизнь в Божьем страхе, и вызванный оттуда по воле великого князя и части духовенства для занятия митрополичьей кафедры. И хвала и честь ему перед всеми за то, что он, бесстрашная, храбрая душа, во всем держал сторону справедливости, не жалея собственной жизни. Эти его душевные свойства побудили его уговаривать сперва тайно и наедине великого князя не совершать таких тиранств. Когда великий князь услышал это, пришел он в дьявольское бешенство, потому что, думал он, население и бояре побудили митрополита к этому увещанию, и он решил удвоить свои тиранства в сравнении с тем, что делал прежде. И хотя митрополит заметил, что его благочестивые увещания действовали более пагубно и вредно, чем с успехом, остался он при прежнем решении, не переставая указывать ему, великому князю, на его злодейства...»^{54}.

Допустим, у Таубе и Крузе, чья карьера в Москве окончилась крайне неприятно (они вступили в тайные сношения со шведами и вынуждены были бежать от царского гнева), были прямые и явные причины ненавидеть Ивана IV, а значит, восхвалять его противников.

Но вот голос другого иностранца, циничного наемника и афериста Генриха Штадена. Для этого душегуба, насильника и стяжателя не было ничего святого. Он не испытывал личной неприязни к русскому государю, хотя и добрых чувств к нему тоже не питал. Скорее Штаден относился к Ивану Васильевичу как к главарю шайки, который на какое-то время обеспечил своим верным слугам роскошную жизнь, но потом положение изменилось по причинам, которые не очень-то зависели от воли «атамана».

Тем удивительнее, что даже такому ландскнехту, освобожденному духом великих европейских войн от естественного страха перед большой кровью, митрополит Филипп казался «лучом света в темном царстве». Судя по словам Штадена, очень нехарактерным для его варварской натуры, душевная чистота митрополита поразила немца: «...великий князь... приказывал приводить к нему бояр одного за другим и убивал их так, как ему вздумается — одного так, другого иначе. Митрополит Филипп не мог долее молчать ввиду этого. Он добром увещевал великого князя жить и править подобно своим предкам. И благодаря этим речам добрый митрополит попал в опалу»^[55].

Итак, Таубе и Крузе говорят: Филипп выступил с обличениями, поскольку таковы оказались его «душевные свойства». «Страх Божий» в сочетании с бесстрашием заставил его, рискуя жизнью, встать на сторону «справедливости». Федотов исходил из противоположного посыла: тяга к справедливости заставила митрополита проявить бесстрашие, облекшееся в одеяния веры. Штаден просто пишет о том, что глава Русской церкви был добр, а потому не мог спокойно смотреть на жестокое пролитие крови. Никаких политических или же кровнородственных мотивов в его поведении названные иностранцы не видят. Плохо информированными людьми их не назовешь: стояли по службе высоко и знали многое.

Очевидно, мнение современников митрополита Филиппа, соображения Н. М. Карамзина и церковных историков ближе к истине, чем выводы академических ученых советского времени и отчасти современных исследователей. Сам Филипп в речах своих, переданных составителем Жития, пересказанных Таубе и Крузе, ясно говорит о том, почему он обязан был стать обличителем государя.

Он выступил против пролития крови невинных людей, добрых христиан, и сделал это «по приказанию Божьему» — так пишут Таубе и Крузе.

Филипп призывал царя: «Люби всех единоплеменных тебе как самого себя». Митрополит напоминал Ивану Васильевичу о том, что Заповеди требуют любить ближнего, и о том, что еще апостол Павел говорил: «Любовь долготерпит, не радуется о неправде». В самом начале своих обличений, когда они еще не достигли предельной жесткости и больше напоминали увещевания, глава Русской церкви сказал главное, о чем пекся в ту пору: «Вера... совершается любовью». Позднее он опять обращался к этому аргументу — о любви, дарующей прощение. «Если просишь прощения грехов, то прощай и к тебе согрешающим, ибо прощению дается

прощение!» — говорил он Ивану IV.

О чем это? О самой сердцевине христианского вероучения. Митрополит погружен был в стихию любви, поскольку являлся глубоко верующим человеком. Христианство дарует множество путей к Богу и спасению души. Душа человеческая, возгоревшаяся для шествия по таким путям, может получить первую искру от строки Священного Писания, от слов проповеди или Жития святого. Эта маленькая искорка живет в человеке, становясь ядром, вокруг которого строится преобразование его души. Поэтому столь много в христианстве разнообразных типов личной религиозности: христианство велико, много в нем животворных источников; кто-то приник к одному, кто-то — к другому...

Среди множества канонических правил, монашеских поучений, молитв и богослужебных установлений, которые знакомы были Филиппу как православному иерарху, высвечивается та самая искорка, то изначальное ядро, из которого произошло его благочестие, а потом и его святость: проповедь Иисуса Христа.

В Евангелии от Матфея сказано, что Господь на лукавый вопрос фарисея-законника: «Учитель! Какая наибольшая заповедь в законе?» — отвечал (сохранены синтаксис и пунктуация Нового Завета): ««возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим»: Сия есть первая и наибольшая заповедь; Вторая же подобная ей: «возлюби ближнего твоего, как самого себя»; На сих двух заповедях утверждается закон и пророки» (Мф. 22:34–40).

Вера и любовь. «Вера совершается любовью»... Ничего нет выше, правильнее этого. И вот он — главный мотив всех действий Филиппа, всех его увещаний и обличений: любовь к Богу. А значит, и любовь к ближним. Святитель был воином любви. Ее духом он подпоясался на битву. Ей он был верен, как рыцарь бывает верен прекрасной даме. Ее он почитал за истину. А потому и говорил смело остальным русским архиереям: «Сами знаете: мы поставлены на то, чтобы блюсти истину. Тем, кто хочет венчаться небесным венцом, надо душу свою положить за порученное стадо Христово». А когда Иван IV во главе опричной свиты требовал от него «стать единомышленником», то слышал в ответ: «Если так поступлю, то тщетной будет наша вера и тщетна проповедь апостольская. И все же нам будут божественные предания, принятые нами от святых отцов! Всё, в чем христианское учение видит добродетель, всё, что предусмотрел для людей Владыка Небесный, даровав нам ради нашего спасения, следует нам соблюдать непорочно. А ныне сами рассыплем — так не достигнем того!» Владыка Небесный «предусмотрел» для людей веру и любовь, на них

строится всё христианское вероучение. А нет их — и всё рассыпается, ни в чем нет смысла. И Филипп не стал единомышленником Ивана IV, поскольку не видел в его действиях ни на золотник евангельского духа любви.

Что сказано людям Богом через митрополита Филиппа? Автор этих строк не берет на себя смелость трактовать замысел Божий. Написанное далее — всего лишь предположение о смысле урока, преподанного свыше.

Людям надлежит проводить жизнь в вере и любви. Но прямой, ясной, беспечальной дорогой судьбы могут похвастаться считанные единицы. Человеку попускаются соблазны, он постоянно подвергается искушениям. Обратившись к Богу, он способен преодолеть все выпавшие на его долю испытания. Отвернувшись от Бога, надеясь на собственные силы, уповая на собственную исключительность, он лишь глубже погрузит себя в пучину соблазнов и замазает свою душу.

Государь Иван IV был глубоко верующим человеком, к тому же не простецом, но книжником, глубоко вошедшим в воды церковного учения. Так сложилось, что на середине жизни он лишился замечательного духовного наставника — митрополита Макария. А вскоре после этого военная и политическая ситуация взяла его на «болевой прием». Продержавшись какое-то время, царь все-таки поддался своим страстям: гневу, страху, унынию. А поддавшись им, отринул ту самую евангельскую любовь, без которой не стоит вера, без которой она бессмысленна. Он возжелал «исправить царство» с помощью «грозы», проливая кровь, устрояя подданных смертями виновных и невинных. Ему хотелось привести души подданных к смирению, добросердечию и покорности. Но поступая так, царь лишь омрачил собственную душу. А с омраченной душой он все дальше и дальше шел по пути жестокости, похоти, попрания Божьих заповедей. Опричнина, по его мысли, должна была стать инструментом исправления царства, но сыграла роль секиры, разрубившей его на две половины. Пользы в ней оказалось немного, ущерб же оказался велик. Россия — тот исторический театр, в котором воля Божья видна яснее, чем где бы то ни было. И видно: то государственное учреждение, которое противоположно духу любви, добра не совершит. То, что появилось от повреждения души, от необузданности страстей, непрочно.

Митрополит Филипп был не менее верующим человеком, нежели Иван Васильевич. На протяжении нескольких десятилетий он вел иноческую жизнь. Тут были свои испытания — аскетического, пустынноческого свойства. Но гораздо большим испытанием стала врученная ему, вместо тихих монашеских трудов, власть: нежеланное игуменство, а затем и того

менее чаянный митрополичий сан. Эта власть требовала от Филиппа сознавать ответственность перед Богом сначала за сотню иноков соловецких, а потом и за всю поместную православную общину во главе с государем. Когда Иван Васильевич обрушил на Московское царство массовые репрессии, для Филиппа настало время нового, самого большого и самого важного испытания за всю его жизнь. Он должен был соответствовать своему пастырскому званию. А это приводило его, во-первых, к выступлению против помазанника Божия, что само по себе страшно для православного человека, и, во-вторых, к очень большому риску. Митрополит Филипп рисковал не только утратить сан — этого он боялся меньше всего; над ним нависла еще и угроза смерти, как его собственной, так и близких людей, усугублявшаяся опасностью телесных страданий.

Выходит, святитель оказался примерно в таком же положении, что и царь. Иван IV мог опасаться заговора, грозившего ему как минимум лишением престола, а возможно, и гибелью вместе с семьей и наследниками. Царь в конечном итоге поддался страху и гневу, а они завели его очень далеко от торной дороги правления. Митрополит же *страху не поддался*. Филипп, при всем благочестии, являлся, как и все, грешным человеком, одним из множества христиан, а значит, был подвержен тем же печалям и искушениям. Обычный человек боится материальных лишений, пыток и смерти, не ищет себе позора, унижения, лишения высокого статуса. Филипп, который прошел иноческую школу Соловков, вряд ли стал бы горевать, сложив митрополичий сан. Да и унижения со стороны опричных слуг царя он считал бы скорее не горем, а прекрасной возможностью пострадать за Христа и стяжать Дух Святой. Но кровь, мучения, смерть, издевательства над родней и духовно близкими людьми... Этого ли финала своей жизни искал Филипп? Могла ли душа его не содрогаться от недобрых предчувствий? Мог ли он, оставшись наедине с собой, бестрепетно размышлять о ближайшем будущем? Наверное, худо было ему, горько и страшно. Но правда также и в том, что митрополит не дал себе убояться такого будущего. Он посмотрел в лицо всем этим страхам и твердо решил, если придется, испить чашу мучений до дна, но твердо стоять в истине. Он не испытывал гнева и уныния. Он просто делал свое дело — спасал, как мог, «стадце» детей духовных, вверенное ему от Бога. Филипп устоял перед собственными страстями и не отошел ни на шаг ни от веры, ни от любви.

Вот и притча: надобно противостоять своим страстям, не поддаваться им. Надо верить и любить, даже если страсти твои уведут тебя совсем в

другую сторону. Надо иметь силу отвечать жизни «нет», когда она хочет оторвать тебя от истины. Иными словами, *следует сопротивляться собственной слабости*. Двое возглавляли русский народ, двое подверглись испытанию, один из них устоял, а другой оказался слаб и потому пал.

Глава шестая

СУД

У каждого в жизни есть выбор: исполнить свой долг или отказаться от него. И если отказ, как правило, ничего не стоит, то за следование долгу неизменно приходится платить. Кому-то — большими трудами, усталостью, здоровьем или, как сейчас говорят, «упущенной выгодой»; кому-то — жизнью. Награда за честное исполнение долга чаще всего носит нравственный характер. Верующий человек знает: на него с небес глядит Высший Судия, и Его благой суд сам по себе основание, чтобы не отступаться от того, что назначено свыше.

Но далеки эти награды, да и слишком мало в них материального: «ни съесть, ни выпить, ни поцеловать». А вот расплата всегда ощутима, всегда находит земное и самое очевидное выражение.

Так и сложилось в судьбе Филиппа. Как пастырь, он не убоился, исполнил свой долг до конца. Но теперь ему предстояло выпить горькую чашу, ибо наступило время платить.

Вскоре после столкновения с царем и его опричной свитой в Новодевичьем монастыре митрополит переехал из своей кремлевской резиденции в московскую обитель Николы Старого. Относительно того, где находился этот монастырь, есть несколько версий. Вероятнее всего, в Житии говорится об известной Никольской обители в Китай-городе, недалеко от Богоявленского и Заиконоспасского монастырей. Ее также иногда называли «Никольской за Иконным рядом» и «Никольской за Ветошным рядом». Если Филипп нашел приют именно там, то его сошествие с митрополии обрело масштаб международного скандала: в монастыре жили греки, в том числе, по всей вероятности, афонские инок. Согласно второй, более сомнительной версии это был «Никола Старый» в Замоскворечье на Болоте. Наконец, некоторые исследователи считают, что так называли Николо-Перервинский монастырь, стоявший тогда на большом отдалении от стен столицы. Но это предположение наименее вероятно: в ту пору названная обитель, скорее всего, была очень невелика и не подходила для пребывания митрополита, хотя бы и сошедшего с митрополичьего двора.

Он удалился от зла. Он не хотел быть рядом с царем даже

территориально. Сам факт переезда вновь показал москвичам «нелюбие» между главами светской и духовной власти в Московском государстве. Что это значит?

Если прежде конфликт между Иваном Васильевичем и Филиппом был достоянием относительно узкого круга лиц — пусть по столице и ходили недобрые слухи, пусть вспоминали очевидцы прилюдно сделанные Филиппом обличения, — но до открытого разрыва дело не доходило. Кто прежде был осведомлен о работе следственной комиссии на Соловках? Кто знал, до какого накала дошли противоречия между двумя величайшими людьми страны? Теперь — узнали. Митрополит показал: примирения с опричниной он не желает, пастырского благословения на нее не дает и не даст впредь, обличать ее не перестанет. Показал всей столице.

Ответная кара стала делом времени.

Иван IV разбирает бумаги, составленные следственной комиссией князя Темкина-Ростовского, прикидывает, каких свидетелей стоит вызвать на суд, как их использовать. Он имеет возможность просто убить митрополита, но в этом случае царство, и так расщепленное опричной трещиной, может просто развалиться. Чего ждать от подданных, когда слетит голова самого митрополита? Не обернется ли его гибель ужасающим мятежом? Не восстанет ли земщина?

Неправильно было бы изображать Ивана Васильевича лишь бездушным кровопийцей. Да, последние месяцы многое переменили к худшему в его натуре. Большая кровь вошла ему в привычку. Филипп вызывал в нем бешенство. Но почтительное отношение если не к самому митрополиту, то хотя бы к его сану, к сакральному статусу главы Церкви должно было остаться. Как в любом православном человеке, в Иване IV жила боязнь пойти против Божьей воли; он должен был опасаться последствий поступка, который собирался совершить.

Царь медлил.

Он размышлял, взвешивал... По всей видимости, натура артиста, стремящегося всякий свой поступок «поставить», как ставят театральное действие, позвала его к иному решению. Не убить, нет — рискованно, некрасиво. Гораздо лучше — опозорить. Унизить, раздавить. И сделать всё это в виде спектакля с большим количеством актеров, статистов и зрителей. Иван Васильевич попробовал себя в нем на режиссерской стезе...

Епископа да судит епископ — таковы церковные правила. Но наша Церковь давно потеряла ту необыкновенную самостоятельность, которой она пользовалась в XIV и XV столетиях.

С X века, от основания своего, Русская церковь подчинялась патриарху Константинопольскому. Византийцы ставили на Русь митрополитов; а если отыскивался местный кандидат на митрополичью кафедру, то ему следовало отправиться в Константинополь, чтобы пройти там утверждение. В условиях политической раздробленности Руси, особенно тяжелой при ордынском иге XIII–XV веков, это положение, как ни странно, даже имело для страны определенную пользу. На множество больших и малых княжеств, а также вечевых республик приходилась одна общая церковная организация. И у этой организации был единый центр, вынесенный за пределы Руси, раздираемой междоусобными войнами. Таким образом, Церковь, во-первых, стала одним из главных факторов объединения Руси, скрепой для пестрого крошева маленьких независимых государств. Во-вторых, она обладала значительной независимостью по отношению к любому русскому князю — тверскому, суздальско-нижегородскому или московскому. Залогом успешной политики московских князей стало их умение устанавливать с Церковью добрые отношения.

В конце XIV века и особенно в XV столетии такое положение стало тягостным. Царьградские власти, слабея, теряя земли, ведя бесконечные тяжелые войны с турками, пытались использовать Русь в своих политических целях, и главенство над Русской церковью было для этого превосходным рычагом.

В то же время Русь поднималась с колен, у нас появились крупные политические лидеры, которые стремились объединить страну и свергнуть ненавистную власть ордынцев. Василевсы пытались получить военную помощь против турок от западноевропейских стран, а в уплату обещали заключить церковную унию с католическим Римом. Русь этого не приняла. Зачем было русским изменять православной вере ради благополучия маленького государства на Балканском полуострове? Произошел разрыв. В 1448 году владыка Рязанский Иона был поставлен на митрополию собором русских архиереев. Русская церковь обрела автокефалию^[89]. Константинопольским церковным властям пришлось с этим смириться. В 1453 году столица Византийской империи пала под натиском турок, последний император погиб. Бедствия, которые вслед за этим пришлось претерпеть греческому духовенству, заставляли его смотреть на Русь как на источник поддержки, в том числе и материальной. Поэтому церковная независимость Русской земли стала неоспоримой данностью. Блага, происходившие от обретенной самостоятельности, очевидны.

Но одними благами дело не ограничилось.

Страна проходила через полосу стремительной централизации. В

правление Ивана III, всего за несколько десятилетий, из множества отдельных политических образований Руси выросла единая Россия. И благоденствие Русской церкви теперь всецело зависело от того, в каких отношениях находится она с московским государем. Главе Церкви теперь негде было «пережидать» политические сложности, возникавшие в Москве. Так поступил, например, митрополит Герасим, ждавший в середине 30-х годов XV века окончания большой московской смуты, сидя в Смоленске. А ссора с великим князем могла стоить главе Церкви сана. И такое бывало еще при Иване III.

Светская власть принялась всерьез и основательно влиять на сферу компетенции, которая прежде считалась сугубо церковной. Московские государи всеми силами старались ограничить имущественный рост Церкви. В судах, в правах на обладание землею, в канонических установлениях и нравственных обычаях великие князья не останавливались перед вмешательством в дела Церкви. Иногда подобное вмешательство вело к лиху, иногда к благу. Важнее другое. Избрание и смещение митрополитов Московских в XVI веке уже не контролировалось исключительно собором православных архиереев. Светская власть и здесь играла роль первой скрипки. Главу Русской церкви выбирал государь, и уж потом волю государеву подтверждали архиереи. А когда государь оказывался слишком молод, слаб или же мало способен к делам правления, за него этот вопрос решала сильнейшая придворная «партия». Митрополита могли поставить в сан и извергнуть из него по решению нескольких бояр, чье влияние первенствовало в Думе. В детские годы будущий царь Иван IV наблюдал, как высокомерные аристократы издевались над Церковью, сводя неугодных митрополитов с кафедры, позоря их, ни во что не ставя их духовный авторитет. Ему было у кого поучиться...

В середине XVI века отношения «симфонии» во многом восстановились благодаря гибкому уму митрополита Макария. Но в 1560-х годах они вновь неоправданно далеко сместились в пользу светской власти. Царь не церемонился с Церковью, оставляя за ней лишь призрак былой независимости.

Вот и осенью 1568 года Филиппа судил не церковный суд, а светская «боярская комиссия» во главе с самим Иваном IV. Никто не сомневался в том, что царь сумеет навязать Церкви решение этого суда. Опричные бояре рассматривали документы, собранные Темкиным-Ростовским, выслушивали свидетелей, выжимали показания из соловецкого настоятеля Паисия, привезенного в столицу... А что же владыка Филипп? Где он был в

это время? На заседания боярской комиссии его не звали. Он знал: тучи над его головой сгущаются, скоро грянет гром. Но время активного действия прошло. Теперь он выполнял свою повседневную работу да служил по праздникам архиерейские службы — этого ему пока не запрещали.

Разбирательство шло долго. Житие Филиппа говорит: митрополита оклеветали. Против него были пущены в ход «лжесвидетели и ложные многосмутные свитки». Митрополита обвиняли в «порочной жизни». Возможно также, его обширная хозяйственная деятельность в бытность игуменом на Соловках использовалась для обвинения его в корыстных устремлениях. Всякий человек, отвечающий за большое хозяйство, может быть обвинен в чем-то подобном — просто в силу того, что ему приходилось ворочать крупными суммами и распоряжаться дорогим имуществом. В этом смысле беспорочным сможет прослыть лишь совершенно бездеятельный человек. У прочих же обязательно найдется хоть какой-то фактик, который можно в случае необходимости «пришить к делу».

В начале ноября гром грянул.

Это произошло, по разным источникам, то ли 4-го, то ли 8 ноября^[90].

Митрополит Филипп служил в Успенском соборе, когда под церковные своды ворвалась воинская команда во главе с великим опричным боярином Алексеем Даниловичем Плещеевым-Басмановым. Он сыграл роль главного распорядителя в царской постановке.

Царь нашел весьма высокопоставленного исполнителя своей воли. Боярин Басманов происходил из огромного, разветвленного семейства Плещеевых, служившего Московскому княжескому дому как минимум с начала XIV века и имевшего в XV–XVI столетиях первостепенное значение при дворе. Плещеевых нередко назначали на воеводские и наместнические должности, некоторые добились думных чинов, хотя карьерное продвижение затруднилось близостью семейства к двору удельного князя Юрия Дмитровского. При Иване IV большой вес набрала ветвь Басмановых, происходящая от Данилы Андреевича Басмана Плещеева. Его сын Алексей Данилович был удачливым полководцем: в 1552 году он храбро дрался под Казанью, в 1558-м взял Нарву, а в 1564-м отстоял Рязань, оказавшуюся под ударом крымцев. Иными словами, это был человек немалых государственных достоинств, талантливый военачальник. Еще в 1556 году Алексею Даниловичу пожаловали боярский чин, расти выше ему было некуда. В 1560-х годах он, видимо, находился в большом доверии у государя. Само учреждение опричнины связывается в источниках с его именем, и в опричной элите он первое время являлся чуть ли не самым

влиятельным человеком. С другой стороны, в воеводах он больше не бывал — по всей видимости, из-за преклонного возраста или болезни (увечья?). Именно этим объясняется тот факт, что сам Алексей Данилович никогда не возглавлял опричный военный корпус, несмотря на выдающиеся способности и большой опыт военачальника. Но в сохранении опричных порядков Алексей Данилович был *кровно* заинтересован. Именно так! Его вел зов крови. Ведь боярину удалось привести на высокие воеводские посты и придворные (дворовые, как тогда говорили) должности добрый десяток родственников. Его сын оказался главным царским фаворитом. Если бы Иван IV отменил опричнину, все они (кроме самого боярина Басманова) рисковали лишиться статуса. Таким образом, Алексей Данилович попал в трагическое положение. Борясь, быть может, с голосом веры, он избавлял родню от угрозы, исходившей от митрополита-обличителя. Тяжело, наверное, приходилось этому человеку идти против совести, защищая семью... Совесть-то у него была, и он отнюдь не являлся бездушным палачом. Узнав о намерениях царя разгромить северные русские земли, он попытался облегчить участь новгородцев и, по всей видимости, предупредил их о запланированном походе. В нем проснулось милосердие, и, возможно, пробудил его благой пример Филиппа, которому прежде боярин был послан, чтобы мучить его. В 1570 году Алексея Даниловича казнили, заподозрив в измене по «новгородскому делу». Его карьера рухнула в одночасье, потащив за собой в пропасть судьбы многочисленных родственников: некоторых казнили вместе с ним, другие потеряли в чинах. Царедворец пошел против Божьих заповедей, боясь за положение родни, — и скатилась голова вельможи, а вслед за тем свершилось то, чего он так опасался. Современники рассказывали печальную историю: один сын боярина, Петр, погиб вместе с главой семьи, а другой, Федор — тот самый фаворит Ивана Грозного — будто бы зарезал отца, желая сохранить собственную жизнь. Если это действительно так, то выходит, что родная кровь лихо отплатила боярину за заботу.

Алексей Данилович объявил Филиппу волю царя: «Ты недостойн святительского сана!» Из-за его спины вышли приказные люди и принялись зачитывать показания лжесвидетелей. Филипп смиренно смотрел на своих гонителей, не говоря ни слова в свое оправдание и не пытаясь с ними спорить.

Как только смолкли голоса глашатаев, Басманов подал своим людям знак, и те бросились на Филиппа, сорвали с него архиерейское облачение со знаками сана. Митрополит оставался спокоен. Его позорили, пытались выставить в жалком свете, но вышло иначе. Ни словом, ни жестом не выдал

он страха или удивления. Стоя в разорванных одеждах, митрополит отворотился от опричников и недрогнувшим голосом промолвил, обращаясь к священнослужителям: «О, чада! Скорблю, расставаясь с вами, но радуюсь, что послужил Церкви. Церковь наша овдовеет, и будут в ней пастыри как презренные наемники»... Подскочившие опричники не дали ему попрощаться. Они напялили на митрополита рваную монашескую рясу, сшитую из лоскутов. Затем Филиппа вытолкали из храма, нанося удары метлами, и посадили на воз. Пока его вывозили из Кремля, охрана изощрялась в брани. Опальному архиерею грозили страшными наказаниями.

А он... лишь улыбался в ответ.

Наконец, Филипп произнес: «Чего Бог не позволит, того человек не совершит, ибо Он нам помогает. Нам думать не о мимотекущем, а о лучшем и вечном, а Бог наши тцания повернет к делу...» Что было тогда «мимотекущим» для злобного эскорта? Выслужиться перед начальством, не боясь Высшего Судии, — отлупить старика в лоскутной рясе.

Несмотря на окрики и тычки опричников, за возом с Филиппом шла толпа людей. Они молчали, опасаясь, как бы самим не оказаться в застенке. Толпа двигалась, боясь вымолвить слово, у некоторых текли слезы. Митрополит осенял их крестным знамением, призывал молиться Вседержителю и принимать все скорби с радостью.

Кремлевские стены остались за спиной. Филиппа везли мимо Никольского крестца, за Ветошный ряд. Там, в сердце Китай-города, стоял Богоявленский монастырь. Он славился древностью (был основан в 1296 году первым московским князем Даниилом Александровичем), а в будущем прославился еще больше как крупный центр духовного просвещения. Однако, как пишет биограф митрополита Филиппа В. А. Колобков, «Иван IV едва ли руководствовался подобными соображениями. В отличие от большинства монашеских объединений Богоявлений монастырь был особножитийным. Лишенные обычного повседневного общения, монахи жили в нем независимо друг от друга. Для царя, стремившегося любой ценой изолировать низложенного митрополита, именно такой монастырь казался самым надежным местом заключения»^{56}.

У самых ворот митрополит сказал негромко, так, что слышали немногие: «Пастырь добрый душу свою полагает за овец»...

Этой обители суждено было стать временным пристанищем Филиппа. Тут его содержали худо: царь гневался на архиерея — кто бы осмелился помочь ему?

Вскоре Филиппа отвезли на митрополичий двор. «Почетной охраной»

служили ему все те же опричники, бывшие его метлами и бранившие. Но вот настал момент встречи с государем. Царственный режиссер еще не завершил свою постановку. За арестом врага последовал антракт, теперь начиналось второе действие.

Совсем обойтись без церковного суда в таком деле было неудобно. Поэтому на митрополичьем дворе собрались русские архиереи, которым Иван Васильевич велел провести новое судилище. Вновь приказные люди извлекли из мешочков столбцы «розыскной» комиссии, вновь слышались обвинения, записанные со слов лжесвидетелей. Оказались тут и соловецкие иноки; но что они говорили, стойко ли держались или все-таки дали вымученные показания против прежнего настоятеля, понять невозможно. Похоже, страдая душой, монахи цедили по словечку. Немногословен был главный «свидетель обвинения» — новый соловецкий игумен Паисий. Царь остался недоволен, Филипп же бесстрашно напомнил о примере Иуды.

Дело, состряпанное на основе клеветы, трещало по швам. Филипп не только отрицал свою вину, но и продолжал перед всем церковным собором обличать царя за его опричное «неистовство». По свидетельству современников-иноземцев, митрополит сказал: «Я жил в святом месте, в христианской общине Соловецкого монастыря, честно, праведно, справедливо. Не стоит упрекать меня в пороках». Житие добавляет: «А если и бывал чего-то недостоин, то поступал так не ради суетных дел». Обращаясь к самому Ивану Васильевичу, митрополит требовал оставить опричнину — «неудобное начинание». Он призывал царя держаться благих обычаев прежних государей. Он говорил: «И твоего высокого сана не пощадит смерть, вонзит в тебя ядовитые зубы. Помня о ее немилосердном пришествии, государь, копи на небе сокровища — плоды добродетелей. Всё, что собрал на земле, здесь же и оставишь, наг отвечать будешь о своей жизни».

Неожиданная твердость Филиппа произвела на соборе настоящее смятение. Иван IV пришел в ярость и велел опричникам увести его. «Представление» пошло совсем не так, как планировалось. Сопровождавшие Филиппа охранники размышляли вслух: «К чему он противится государю? Не прикончить ли его прямо здесь, прямо сейчас?! Один такой выискался, обличитель!»

Святителя вернули в Богоявленский монастырь, посадили в «злосмрадную хлевину», забив ноги в колодки. На шею узнику повесили тяжкие вериги, руки стянули железными оковами. Целую неделю его морили голодом. Более того, в темницу запустили медведя — но зверь не

тронул митрополита. За стенами монастырской темницы москвичи ловили каждое слово, просачивавшееся из узилища. Мрачные слухи немедленно преобразовывались в еще более страшные мифы. Город был уверен, что Филиппа мучают ужасной пыткой, надавливая на череп железной шапкой. Люди сокрушались сердцами: митрополит, знавший богатство и комфорт, имевший всё, чего душа пожелает, являвшийся одним из главных людей царства, *ради них, ради паствы* сейчас страдал от зверства тюремщиков и жестокосердия самого великого государя. Доброта и злодейство выступили на сцену в евангельской прозрачности. Все понимали: в сердце великого города не просто мучают одного старика — совершается преступление, эпическое по своему значению. И в то же время этот старик держится, стоит на своем, ни в чем не уступает мучителям. Ради чего? Ради упрямства и гордыни? Нет, его терпение — столь же великий символ, как и злоба тех, кто его истязал, только с другим знаком. Ради веры, любви к «стаду детей духовных» и милосердия митрополит выносил мучения. Если он уступит, сохранится ли душа в храмине огромного государства — или останется одно бряцающее металлом величие? Скольких славных побед добилась Московская держава на ратном поле! Кичившиеся богатством города склонялись перед ней, повелители народов приносили присягу русскому царю. Повсюду воздвигались новые крепости и монастыри. Хищный кочевник разбивался о стену русских полков... А вынь из русского дома, раскинувшегося от Белого моря до Дикого поля, душу, и рухнет тогда вся великая слава и сила, и полки побросают оружие. У всякой цивилизации есть главная ценность, ради которой люди воюют, работают, на которую, как на несокрушимую твердыню, опирается весь строй общества. У Руси такой ценностью была христианская вера по православному обряду, вера в Святую Троицу, Бога-Слово, Бога-Любовь, Бога-Истину. Сокрушение этой веры означало бы одно: людям оставалось жить только ради собственного прибытка. А такое существование способно духовно опустошить любое, даже самое крепкое прибежище.

И вот посреди столицы вера уязвлялась. Глава Церкви должен был принять муки и унижения, как вор или еретик. От одной его стойкости зависело теперь, будет ли из России извлечен ее духовный стержень, любовь и вера, упадет ли в цене преданность этому идеалу — или он воссияет ярче прежнего.

Каково было тогда немолодому человеку? Что он чувствовал? Скорбел ли о своей несчастливой судьбе? Вспоминал ли яства с митрополичьего стола, дорогие одежды, великую власть свою?

Митрополит Филипп с юных лет знал: всё в этой жизни имеет

конечный предел. Ничто земное не вечно. Человек предстанет на суд Божий наг душой и телом, когда настанет час отвечать перед Ним за порогом смерти. Чем больше в его душе любви к яствам, одеждам, прочим утехам или к мирской славе, к власти, тем труднее ей будет пройти по воздушной лестнице от земли к небу. Такие привязанности лишь отяжелят душу, потянут ее книзу. Легкости может добавить любовь к Богу, а значит, и к людям, ведь в них живы образ и подобие Его. Так страдал ли Филипп в своем узилище? От голода и оков — несомненно. Зато душа его радовалась, от всех мучений становясь легче. Для души каждый золотник железа, висевшего на митрополите, стал великим приобретением.

Житие Филиппа сообщает: вскоре после того, как митрополита заточили, все оковы сами собой спали с его тела. В связи с этим автор Жития вспоминает псалом: «Очи Господни обращены на праведников, и уши Его — к воплю их... Много скорбей у праведного, и от всех их избавит его Господь».

Когда царю доложили о таком чуде, он, изумленный, убоялся предавать митрополита новым мукам. В Богоявленской обители Филипп жил всего неделю, затем его увезли в монастырь Николы Старого, избавив от одинокого пребывания, тяжких колодок и вериг. Дабы лишить Церковь малейших надежд вернуть Филиппа на митрополичью кафедру, царь способствовал скорому избранию его преемника — Кирилла, настоятеля Троице-Сергиева монастыря. 11 ноября 1568 года Кирилла поставили в сан.

Но вскоре Иван Васильевич перевел случившееся с Филиппом на понятный для себя язык гневных обвинений: «Чары он сотворил, неприятель мой и изменник!» Теперь государь жаждал спалить «неприятеля» за чародейство.

Однако, по свидетельству источников, вместо того чтобы предать Филиппа «огненной казни», его стали... лучше кормить. Возможно, поводом для смягчения участи Филиппа явилась позиция высшего духовенства. «Смятение», начавшееся на церковном суде после смелых слов митрополита, означало споры между иерархами. Как видно, кто-то из них, не желая соучаствовать в терзаниях главы Церкви, противопоставил свое мнение воле Ивана IV. Царь желал смерти непокорному Филиппу, а Церковь сопротивлялась столь жестокому вердикту, пытаясь защитить пастыря.

Потомки будут клеймить «безгласие» и «покорность» архиереев, отдавших своего главу на расправу. Церковный историк А. В. Карташев даже назовет собор, на котором происходил суд, позорнейшим. Но источники XVI столетия не дают оснований говорить о пассивности

высшего духовенства.

Ныне чрезвычайно трудно восстановить точную картину происходившего. Можно лишь, опираясь на косвенные свидетельства, строить предположения: кто выступил на стороне Филиппа? кто изъявил готовность отдать его голову царю? Житие называет главными врагами митрополита в церковной среде двух персон. Это архиепископ Новгородский Пимен и владыка Рязанский и Муромский Филофей.

О позиции Филофея почти ничего не известно. Возможно, он выступил на суде как добрый знакомец тех же Басмановых. Ведь Алексей Данилович и его сын Федор за четыре года до того сидели вместе с владыкой в Рязани, отбиваясь от татар в очень рискованной ситуации, могли бы и погибнуть вместе. Воеводы и архиерей ободряющими словами поднимали боевой дух горстки защитников. Рязань в конечном счете выстояла. Тогда они и могли сблизиться. В 1568 году, вероятно, Филофей «норовил» главным людям опричнины, потому и оказался среди недругов Филиппа.

Пимен — фигура более сложная. В нем видят изверга, подлеца, карьериста, но почва под этими обвинениями тонка и непрочна. Пимен был выходцем из славного Кирилло-Белозерского монастыря, духовным писателем, борцом с еретиками, строителем храмов. Случалось так, что владыка Новгородский «печаловался», то есть вступался перед Иваном Грозным за опальных. В быту Пимена отличала монашеская суровость. До церковного суда осени 1568 года он порой выступал как сторонник митрополита Филиппа, в других случаях — как его противник. Ему уже приходилось играть роль «обвинителя». Сейчас он возглавил судилище, поскольку занимал в русской церковной иерархии второе место после митрополичьего. В случае смерти Филиппа архиепископ Новгородский оказывался главным претендентом на место главы Русской церкви. Казалось бы, ему прямая выгода... Да и Житие Филиппа указывает на Пимена как на очевидного врага митрополита.

Но был ли он в действительности покорным орудием в руках Ивана Васильевича? Трудно сказать наверняка. Ведь, во-первых, Филиппа не казнили, хотя роль главного судьи исполнял именно Пимен. Во-вторых, архиепископ так и не стал митрополитом. В-третьих, когда царь отправится походом на Великий Новгород (это случится в 1569 году), опричная разыскная машина превратит Пимена в центральную фигуру «новгородского изменного дела», чуть ли не в главного заговорщика. В будущем его ждет не награда за верную службу, а тяжелые испытания и скорая смерть. Был бы новгородский владыка у государя в любимцах —

наверное, иные следовали бы ему награды. Выходит, на суде Пимен в худшем случае не решился окончательно избавить Филиппа от царских обвинений. Он не «умыл руки», а, быть может, несколько смягчил участь своего неприятеля. Но все-таки судил и осудил его.

Очевидно, более мягкую позицию в отношении Филиппа занял епископ Суздальский Пафнутий. Ведь он уже отказался когда-то поставить свою подпись под выводами следственной комиссии, работавшей на Соловках, и, следовательно, не желал Филиппу зла. А может быть, просто не хотел способствовать торжеству лжи. В этой драме у каждого актера важная роль, за каждым следит с небес один Зритель, о Его присутствии знают все. Надобно обладать слабостью веры и недостатком любви, чтобы разочаровать Его. Пафнутий сопротивлялся. Очевидно, он не желал *такого* разочарования.

Наконец, прямым и твердым сторонником опального митрополита мог быть Герман (Полев), архиепископ Казанский и Свияжский. Он прославился как деятельный миссионер на землях, недавно присоединенных к Московскому государству. Когда-то, в 1566 году, после отхода от дел митрополита Афанасия, владыку Германа считали лучшей кандидатурой на пост главы Русской церкви. Но тогда царь по совету опричных вельмож не дал ему хода. Как видно, было в речах Германа нечто противное опричнине. Историк А. А. Зимин считал, что архиепископ Казанский дожил до суда над Филиппом и был убит опричниками^[57], — возможно, из-за горячего выступления в пользу Филиппа. Или его сочли крайне нежелательным претендентом на «вдовствующую митрополию»? Но другие исследователи полагают, что Герман умер за несколько месяцев до начала суда.

Роль прочих архиереев, принявших участие в суде, невозможно сейчас реконструировать даже приблизительно.

Однако факт остается фактом: опальный митрополит не только избежал смерти в 1568 году, но вышел из судебных диспутов непобежденным и покинул стены узилища.

Государь, по всей видимости, считал, что «строптивый» митрополит наказан слишком мягко. Опричники схватили приближенных Филиппа — старца и трех дворян, служивших Московскому митрополичьему дому: Леонтия Русинова, Никиту Опухтина, Федора Рясина, Семена Мануйлова. Их отправили в тюрьму, затем вытащили оттуда и принялись водить по улицам столицы, нанося удары булавами. Вскоре последний из старцев рухнул наземь в лужу крови. Им пришлось претерпеть боль, поругание и позорную смерть, но имена страдальцев остались незапятнанными.

Расправа над ними ничуть не поколебала Филиппа.

Тогда Иван Васильевич велел отрубить голову его троюродному брату Михаилу Ивановичу Хромому-Колычеву и отнести ее Филиппу, отдыхавшему от темницы в Никольской обители. Возможно, митрополиту намекали: еще можно раскаяться в неповиновении, благословить опричные зверства и заслужить прощение царя. А то ведь родственников у Филиппа много... Судя по косвенным данным, Иван IV отобрал тогда ряд земельных владений, принадлежавших семейству Колычевых.

Надавить на старика не получилось.

Когда Филиппу принесли голову, он поклонился гонцу с окровавленным подарком до земли, благословил его и поцеловал волосы мертвого брата. Не проронив ни слезинки, он лишь попросил передать Ивану Васильевичу: «Блаженны те, кого избрал и к себе принял Господь. Память о них сохранится из рода в род».

Теперь царь знал: можно перебить всех родственников и добрых друзей Филиппа, оросить кровью половину Москвы, положить под топор сотни верных служилых людей, которые так нужны на поле боя, прикончить десятки священников, но всё будет напрасно — Филиппа ему не сокрушить.

Для государя пришло время смирения. Его победили. Униженный старик противостоял царю и не уступил. Его можно было и дальше пугать, морить голодом, калечить, пускать под топор самых дорогих для него людей, но добиться покорности и благословения всё равно не удалось бы. Новое мучительство вело к позору царского имени. Москва чувствовала это, и даже опричники не настаивали на продолжении борьбы с опальным архиереем.

Неправедный суд был посрамлен. И в этом было высокое значение событий, происходивших осенью 1568 года в Москве.

Закончился Филипповский пост^[91], миновали рождественские праздники. Наступил январь. Митрополита ждала ссылка: его отправили в тверской Отроч монастырь. Это был своего рода почет, хотя и странный с сегодняшней точки зрения. Отроч монастырь возник в XIII веке у впадения Тверцы в Волгу. Во времена независимости Твери он отличался богатством и считался наиболее чтимой обителью во всем княжестве. Но и при власти Москвы монастырь не потерял высокого статуса: правили им архимандриты, а не игумены. Здесь за полтора десятилетия до Филиппа томился особо важный узник — опальный Максим Грек^[92]. Святителю досталась тюрьма весьма высокого уровня.

Есть у «дела» митрополита Филиппа шлейф, на который мало кто обращает внимание: судьба главного следователя, готовившего обвинительный материал для суда.

У князя Василия Ивановича Темкина-Ростовского имелись основания для того, чтобы преданно служить Ивану IV и всячески ему угождать. В 1567 году государь велел выкупить князя из плена. Пришлось обменять его на одного из крупнейших военно-политических деятелей Великого княжества Литовского — Станислава Довойну, оказавшегося пленником русского царя в 1563 году, после взятия Полоцка. В «приплату» к особе Василия Ивановича московская казна получила десять тысяч угорских золотых. По всей видимости, самого князя обе стороны ценили не слишком высоко. Будучи знатным человеком, Рюриковичем, Темкин все-таки попал после освобождения в опричнину, хотя Иван Грозный неохотно принимал туда высшую титулованную знать. Что ж, Василию Ивановичу пришлось крепко «отрабатывать» и Довойну, и пребывание в привилегированном сообществе опричников. Он сделался не только верным — какой грех в верности государю? — но и услужливым. «Дело» против Филиппа князь сколачивал не за страх, а за совесть. И царь высоко оценил его «заслуги»: в конце 1568 года или в самом начале 1569-го, то есть как раз после осуждения Филиппа, Темкину даровали чин боярина в опричной думе. Позднее ему поручили другое расследование, прочно связанное с предыдущим. Василию Ивановичу пришлось «поработать» против главного судьи Филиппа — новгородского владыки Пимена. А когда старое руководство опричнины подверглось казням, царь стал доверять князю Темкину высокие назначения в опричном боевом корпусе. Доказывая преданность государю, тот лично участвовал в публичных казнях. В 1570 году фортуна как будто улыбалась ему... а уже в 1571-м отвернулась — Василия Ивановича казнили. Полководец из него вышел не ахти. Отражая нападение на Москву крымского хана Девлет-Гирея, в мае 1571 года он возглавлял опричный отряд. Эту боевую группу поставили оборонять район по реке Неглинке, где располагался Опричный двор. Но спасти столицу не удалось: татары подожгли ее. Армия, сражаясь, большей частью погибла в огне, Опричный двор обратился в головешки. Василию Ивановичу в числе прочих опричных командиров сняли голову за поражение. Таким образом, он получил всё, к чему стремился: возвысился, топя других, дважды фальсифицировал «дела» против архиереев, служил палачом, жил богато, пользовался славой и влиянием. Умер, провалив большое дело.

Что осталось от князя Василия Ивановича Темкина-Ростовского через

четыре с половиной столетия после его смерти? Ничего, кроме большого позора.

Каждый получает то, чего заслуживает. И не всегда расплата ждет в ином мире. Кое-что становится понятным задолго до Страшного суда, иногда современникам, во всяком случае — потомкам. Порой пример больших грешников служит для воспитания людей столь же неотразимо, сколь и пример больших праведников.

Глава седьмая

СМЕРТЬ ПАСТЫРЯ

Один из самых загадочных эпизодов в судьбе митрополита Филиппа — конец его земного существования. Источники на этот счет скудны, а в деталях еще и противоречат друг другу. Поэтому общепринятой целостной картины событий, совершившихся на закате его жизни, просто не существует. Есть лишь несколько версий, по-разному трактующих ничтожный объем информации. Ниже все они будут приведены, а составляющие их основу аргументы получают оценку: что более правдоподобно, а что — менее. Поступить иначе — выдать один из вариантов не только за бесспорный, но хотя бы за «основной» — было бы неправильно, недобросовестно. А значит, придется разбирать все.

В сущности, перед современным историком стоит детективная задача. В XVI веке произошло убийство. По причинам политического свойства дознание произведено не было. Потомки называли разных лиц, виновных в злодеянии, — суд по сию пору не завершен. Исторические источники донесли до наших дней «свидетельские показания». Остается вновь основательно перечитать их, отыскивая душегуба... или душегубов.

Для того чтобы сделать расследование прозрачным, прежде выводов историков читателю будут предъявлены все те «свидетельские показания», на основе которых создавались и создаются исторические реконструкции последнего дня в жизни Филиппа. Тут каждая подробность драгоценна.

Главный источник, повествующий о кончине Пастыря (так уместно называть Филиппа, переставшего быть митрополитом), — его Житие. Оно сообщает: Иван IV отправился с опричниками на Великий Новгород, и в то время, когда совершался этот поход, прервалась нить земного бытия Филиппа.

Обычно поход называют «новгородским», но это не совсем так. Иван Васильевич вышел с войском для карательной работы против многих северных областей, принадлежавших земщине. Помимо Новгорода с областью ограблениям и убийствам жителей тогда подверглись еще Клин, Торжок и Тверь, а под конец пострадал, хотя и не столь жестоко, Псков. Тысячи людей пали, монастыри и приходские храмы во множестве были обобраны, города и села претерпели разорение. В исторической литературе есть несколько версий по поводу того, зачем государю понадобилось с

невиданной жестокостью расправляться с собственной землей. Некоторые считают, что причиной всему было подозрение в измене, павшее на новгородцев. Но почему тогда жертвами царского гнева стали другие города? Досталось горя всему северо-западу Московского государства! В существовании новгородского заговора большинство историков сомневаются. Некоторые полагают, что главной причиной карательной экспедиции стали финансовые затруднения опричнины: нехватку средств покрыли за счет грабежа. Но во время новгородского разгрома огромные массы имущества подверглись уничтожению как оскверненные, нечистые. Какие уж тут интересы фиска! Более вероятна версия, в соответствии с которой царь подавлял сопротивление опричным порядкам, вспыхнувшее на территории земщины. Есть данные об отдельных убийствах опричников в связи с делом Федорова и даже о стычках целых отрядов. Разгром северных русских городов стал самым ужасным злодеянием опричных времен. Поход начался в ноябре или декабре 1569 года — опричное войско двинулось по зимнему первопутку. К концу февраля 1570 года опричники уже проделали большую часть своего разрушительного пути и грабили Псков. Там был убит, среди прочих, архимандрит Псково-Печерского монастыря Корнилий, впоследствии канонизированный Русской православной церковью. Количество документально подтвержденных жертв только в Новгороде составило около 2,5 тысячи человек! Общие потери, понесенные Северной Русью, не поддаются исчислению.

Ни до, ни после этого похода массовые опричные репрессии не имели такого размаха. События тех месяцев представляют собой нечто из ряда вон выходящее не только в истории опричнины, но и в судьбе Московского царства за весь XVI век!

На середине похода, примерно в 20-х числах декабря 1569 года, опричное войско добралось до Твери и нанесло жестокий урон городу. Именно тогда в Отроч монастырь и был отряжен Григорий Лукьянович Скуратов-Бельский по прозвищу Малюта, один из главных вождей опричнины.

Житие сообщает о чудесном предвидении Филиппа: за три дня до приезда Малюты он уже знал о предстоящей встрече и промолвил: «Се уже совершения моего подвига время наста». На недоуменные вопросы ближних людей он сказал: «Отшествие мое близ». Готовясь к уходу от земных тревог, Филипп причастился. Ему оставалось только ждать и укреплять свой дух, чувствуя, как усиливается холодное дыхание смерти.

Явился Малюта; «властолюбивый раб» с лукавством «умильне припадая ко блаженному, глаголаше: «Дай, владыко, благословение царю —

идти в Новгород Великий». На это опричник сейчас же получил ответ: «К чему ты искушаешь меня и лестию хочешь добыть Дар Божий (благословение)?» О каком соблазне и о какой лести идет здесь речь? Возможно, Филипп знал: войско идет на Новгород, чтобы покарать «изменников», среди которых главная роль отводилась архиепископу Пимену — главному его недоброжелателю. Таким образом, Малюта соблазнял его мщением врагу. Но, возможно, автор Жития имел в виду совсем другое. Кто таков инок Филипп, заточенный в провинциальном монастыре? Бывший митрополит, бывший архиерей, а ныне простой монашествующий старичок. И вдруг к этому старичку является один из влиятельнейших людей царства с нижайшей просьбой благословить царское деяние! Великая честь, прямое и очевидное признание высочайшего духовного авторитета Филиппа! Слабое сердце, горько сокрушаясь о лишении мирской славы, потере влияния на великие дела, могло бы дрогнуть от такой почести. Но только не сердце Пастыря.

И вместо благословения Филипп начал читать молитву, готовясь к скорой гибели: «Владыко, Господи Вседержителю! Прими с миром дух мой и пошли аггела мирна от пресвятая славы своя, наставляюща мя усердна ко Трисолнечному Ти Божеству! Да не возбранен ми будет восход от начальника тьме со отступными его силами! И не посрами мене пред аггелы Твоими, и лику избранных мя причти, яко благословен еси во веки! Аминь!»

Как знать, что за судьба ожидала прежнего владыку, будь он более сговорчив. Как минимум сохранил бы жизнь. А там, быть может, и вновь возвысился бы.

Но Филипп — подлинный монах, то есть человек, для мира умерший, а потому его соблазнам неподвластный. Поэтому он и не дает благословения, а произносит обличительную фразу, именую самого царя «начальником тьмы» и отступниками — его опричное войнство. Но и это еще не всё. Фраза «прими с миром дух мой» означает знание страшного обстоятельства: в случае отказа благословить царя его ожидает смерть. Следовательно, по мнению Филиппа (или в соответствии с тем, что было открыто ему свыше за три дня до приезда Малюты), страшный посланник изготовился к убийству. Можно ли из этого сделать вывод, что Филипп был уверен в причастности не только опричника, но и самого государя Ивана Васильевича к предстоящему убийству? Это утверждение имеет большую долю вероятности. Но все-таки текст слишком лапидарен, для того чтобы сделать из него безоговорочный вывод.

Услышав слова молитвы, Малюта «заят праведного уста подглавием»,

то есть задушил его подушкой. Убийство совершилось 23 декабря 1569 года.

За что опричный вожак погубил старика? Может быть, расвирепев на него из-за обличительных слов о «начальнике тьмы» и «отступниках»? Не исключено. Однако слова эти произносились не прилюдно, а в келье, и всему действу не могло быть много свидетелей — разве что случайные и сами того не желающие. Скуратов — палач опытный, на его душе к тому времени накопилось столько грехов преступления через заповедь «не убий», что к пресечению чужой жизни он должен был относиться не более трепетно, чем к сворачиванию шеи курице... А от чужого прекословия он, напротив, давно уже отвык. Так что «убийство в состоянии аффекта» — не столь уж невероятный приговор по «делу» Малюты. Да и само Житие говорит: Малюта свершил свое «хотение», а не повеление Ивана IV.

Но человек, сделавший карьеру при государевом дворе, а значит, привычный к хождению по холодному лабиринту интриг, вряд ли мог обладать подобной эмоциональностью.

Более вероятно другое объяснение. Если даже от кратких слов Жития веет подозрением о злой воле самого царя, какой же страх должен был испытать тот, кто мог случайно услышать моление Филиппа! И Малюта, дабы исключить такую случайность, прежде заткнул рот своей жертве, а уж потом прикончил ее. Какова бы ни была его миссия, слухи о преступлении, совершенном по воле государя, означали бы ее полный провал.

Закончив дело, опричник вышел из кельи и отправился к настоятелю, взяв с собой караульного пристава. С фальшивым возмущением он «обличал» растерянных людей: «Как же вы допустили такую небрежность! В келье было настолько жарко, что Филипп умер от этого зноя и угара!» Те стояли, опустив головы, в молчании и трепете.

По распоряжению Малюты срочно выкопали «ров глубокий», где и упокоилось тело Филиппа. Погребение его было сделано за алтарем храма Успения Пречистой Богородицы.

После спешных похорон Филиппа Малюта вернулся к опричному войску и продолжил с ним поход.

Житие осторожно отводит подозрение, которое могло сложиться у читателя в отношении царя. В частности, там говорится: узнав о том, что падение Филиппа было predetermined «лукавством» нескольких церковных иерархов, царь разгневался на них и покарал. Многие отправились в ссылку, где умерли или тяжело заболели либо же обезумели (тут царское наказание смешивается с Господним). Игумен Соловецкого монастыря Паисий оказался в заточении на Валааме, рязанский епископ

Филофей лишился сана, а главный противник Филиппа, новгородский архиепископ Пимен, был сослан в венёвскую Никольскую обитель. Досталось и караульному приставу, оскорблявшему Филиппа в стенах Отроча монастыря, — Стефану Кобылину-Мокшееву. Его постригли и отправили в Спасо-Каменный монастырь на Кубенском озере, а затем перевели на Соловки. Там же, на холодном Беломорье, оказался в конечном счете и владыка Филофей.

Этот вариант Жития был составлен в начале 1590-х годов, скорее всего, в Соловецком монастыре. Но есть еще один, более поздний, возникший в XVII веке, не ранее 1605 года. Он дает несколько иную картину событий.

«Во злых советах зол воин, свиреп мучитель» Малюта Скуратов слышал от бывшего митрополита не молитву, а иные слова: «Глаголи истину! Твори *повеленное тебе* (курсив мой. — Д. В.)! Преже бо трех дни пришествия твоего яви ми Господь скончание мое». В этой версии Малюта зарезал Филиппа: пролилась «горсть крови», — что, впрочем, не противоречит и первому варианту, поскольку вонзить в старика нож опричник мог сразу после того, как закрыл ему уста подушкой. Слова же «повеленное тебе» четко указывают на Ивана Васильевича: он убил Филиппа руками Малюты. Ибо не нашлось бы в опричной армии никого другого, имевшего власть отправить Малюту с таким «повелением».

Но и здесь еще нет полной уверенности в том, что Иван IV отдал Малюте прямой приказ об убийстве. Второй, более поздний вариант Жития имеет отчетливые следы литературной отделки. Как знать, не добавлены ли новые подробности агиографом произвольно?

Для историка важно то обстоятельство, что подробности всей истории, связанной с убийством Филиппа, попали в Житие от «случайного свидетеля», оставшегося в живых! Им был некий старец Симеон... он же бывший пристав Кобылин. Хотя ранний вариант Жития и сообщает о его наказании, но в действительности Кобылин еще несколько лет исправно служил и получал высокий оклад. В чернецах он оказался после того, как попал под подозрение в заговоре, не раньше 1573–1574 годов! Для установления истины о смерти Филиппа биографические данные Кобылина дают немного; зато достоверность Жития, составленного через два с лишним десятилетия после кончины святителя, ими полностью подтверждается. Ведь Кобылин был тогда в Отроче монастыре! Быть может, он сторожил келью Филиппа в момент его беседы с Малютой. Драгоценное свидетельство очевидца сохранило такие подробности, о которых больше никто не знал — разумеется, помимо Малюты, имевшего

веские причины держать язык за зубами.

Хорошо было бы проверить житийный рассказ по летописям. Но, увы, их составители будто воды в рот набрали по поводу кончины Филиппа! Официальная летопись, которая велась в Москве при царском дворе и, возможно, была продолжена в опричной резиденции — Александровской слободе, заканчивается 1567 годом. Летописи локальные не несут никакой дополнительной информации. Можно было бы долго рассуждать о «боязни» летописцев говорить на такие темы, но... даже оппозиционные по духу летописные памятники того времени (каковой была, например, одна из Псковских летописей) хотя и содержат резко критические суждения о деяниях царя Ивана Васильевича, ничего не добавляют к картине гибели Филиппа. По всей видимости, причина их молчания заключается не в страхе летописцев. Просто внимание всей страны в горькие месяцы конца 1569-го — начала 1570 года было сфокусировано на кровавом походе царя против земщины. В массовых казнях, в ограблении городов и монастырей потонула тихая смерть одного человека, хотя и был он прежде митрополитом Московским и всея Руси...

Лишь в очень поздних новгородских летописях встречается краткая запись, мрачно сообщающая о приказе царя: «Того же лета, идучи в Тверь, задушити повелел старого митрополита Филиппа Московского и всея России чудотворца Колычева во обители в Отроческом монастыре во Твери, и положен бысть в том монастыре». Ценность этого сообщения невелика: оно возникло без малого через полтора века после драмы в Отроче монастыре, в ту пору, когда всей России уже было известно содержание Жития. А значит, летописец мог лишь по-своему подать взятую оттуда информацию.

Зато иностранцы оставили немало известий о кончине Филиппа. Немец-опричник Генрих Штаден сообщает, что «...добрый митрополит попал в опалу и до самой смерти должен был сидеть в железных, очень тяжелых цепях»^[58]. Никакими другими источниками свидетельство о «железных цепях» не подтверждается и выглядит не слишком правдоподобным. Штаден не был в обители, ставшей последним пристанищем Филиппа, и самого узника не видел.

Другие опричники-иноземцы, Иоганн Таубе и Элерт Крузе, рассказывают о событиях в тверском Отроче монастыре гораздо подробнее. По их словам, извергнутого из сана архиерея «...послали в монастырь в Тверь, где он прожил со дня святого Михаила до февраля следующего года (неверная дата. — Д. В.)». Когда начался большой поход на города Северной Руси, оба опричника участвовали в нем. По их словам, перед

разгромом Твери Иван IV отправил главного «боярина или палача» Малюту Скуратова в Отроч монастырь, велел ему удавить Филиппа веревкой и бросить бездыханное тело в Волгу^[59]. Сами они не сопровождали Малюту, а потому пользовались, по всей видимости, слухами и сплетнями. Отсюда — сказочная деталь о сбрасывании трупов в воду: впоследствии мощи Филиппа были обретены на территории обители... Таубе и Крузе знали об отправке Малюты к старику и о последующей гибели Филиппа. Они сопоставили первое событие со вторым и, по всей вероятности, домыслили всё остальное.

К тому же Таубе и Крузе бежали из России в 1571 году. Свой рассказ они поместили в «Послание», адресованное гетману Яну Ходкевичу и появившееся лишь в 1572 году. Таким образом, они писали по памяти спустя три года, как минуло событие, в ту пору не способное заинтересовать двух пошлых авантюристов и корыстолюбцев, коими были Таубе и Крузе.

Секретарь голштинского посольства Адам Олеарий оставил любопытное свидетельство: «...[митрополит Филипп] жил в Москве при тиране Иване Васильевиче, и так как он часто высказывал тирану правду за его возмутительное, жестокое управление и не христианскую, даже не человеческую жизнь, то он сделался несносен царю, впал в немилость у него и был сослан в один из отдаленных монастырей. Затем, когда и оттуда он иногда писаниями не переставал увещевать тирана и остротою своего пера растравлял старые раны, то разгневанный тиран послал в монастырь одного из слуг своих с приказанием удавить Филиппа веревкой. Колычев, готовый на смерть, добровольно покорился воле царя, но просил только убийцу, чтоб он не душил его веревкой, а лишил его жизни ножом, что тот и исполнил, вонзя ему нож под сердце и в живот...» Это сообщение было бы исключительно ценным источником, поскольку оно содержит уникальную информацию о каких-то посланиях Филиппа, коими он тревожил царя, сидя в тверском Отроче монастыре. Но, во-первых, никаких посланий святителя за 1569 год не сохранилось. И во-вторых, Олеарий посетил Россию в середине XVII века, его сведения относятся к временам правления Михаила Федоровича и Алексея Михайловича. Это настолько поздно, что нет смысла обсуждать степень их достоверности — с тем же основанием можно гадать на кофейной гуще.

Кое-какие подробности приводит князь-диссидент Андрей Курбский. Вот отрывок из его «Истории о великом князе Московском», посвященной Ивану Грозному: «Рассказывают, что заточил мучитель (царь Иван Васильевич. — Д. В.) епископа (так Курбский именуется Филиппа. — Д. В.) в

один монастырь под названием Отрочий, находящийся в Тверской земле, и там пробыл он чуть не целый год, как утверждают некоторые, а царь якобы посылал к нему и благословения просил, чтобы тот простил его, а также о возвращении на кафедру. Но тот, как мы слышали, отвечал ему: «Если, дескать, обещаешь покаяться в своих грехах и удалить от себя этот дьявольский полк, собранный тобою на гибель христианам, то есть опричников, иль так называемых кромышников, я благословлю, дескать, тебя и прощу и на кафедру свою, послушавшись тебя, вернусь. Если же нет, да будешь ты проклят в этом веке и в будущем вместе со своими хищными опричниками и со всеми единомышленниками твоими по злу!» И одни рассказывают, что по повелению царя был он задушен в том монастыре свирепым и бесчеловечным опричником, а другие передают, что был он сожжен на горящих углях в одной из любимых крепостей царя, называемой Слободой, что наполнена христианской кровью. Так или иначе, но, во всяком случае, был он увенчан священномученическим венцом от Христа, которого он возлюбил смолоду и за которого претерпел страдания».

Но Курбский был за пределами Московского государства с 1564 года. Следовательно, он также в основном пользовался слухами, чего и не скрывает. Порой князь сам начинает сетовать, что не знает доподлинно, как сложилась судьба того или иного заметного человека. Отсюда, из слухов и домыслов, появляется в его рассказе абсолютно фантастическая версия о царском предложении Филиппу — вернуться в митрополиты Московские. Куда было возвращаться?! В сан к тому времени был поставлен другой человек: как уже говорилось, новым митрополитом стал Кирилл, троице-сергиевский архимандрит. И не менее фантастична подробность о сожжении Филиппа в Александровской слободе. Эта сказочная деталь, ни на малую толику не правдоподобная, позволяет, однако, лучше разобраться в настроениях русского общества и состоянии умов в тот момент, когда погиб Филипп.

Рассказ о его сожжении слишком сильно напоминает известие из старинных летописей об иной страшной трагедии. В 30-х годах XV столетия всю Восточную Европу всколыхнула кровавая гражданская война в Великом княжестве Литовском. На несколько лет в восточных областях Литовской Руси возникло особое Великое княжество Русское. Государь этой призрачной державы, великий князь Свидригайло Ольгердович, вроде бы покровительствовал православной церкви, но когда обнаружил, что митрополит Герасим готовит против него заговор, то не постеснялся в 1435 году заживо сжечь его в Витебске. Расправа над Герасимом заставила ужаснуться сторонников Свидригайло. Многие из них отошли от его

знамени, и в 1436 году дело «великого князя Русского» потерпело окончательное поражение.

Явное погубление первоиерарха Русской православной церкви было делом настолько невиданным, до такой степени поразившим современников, что известие о нем попало во множество летописей. Впоследствии, в годы правления Ивана Грозного, эта история, извлеченная из глубин прошлого, сыграла роль роковой ассоциации с кончиной опального Филиппа... Ее привел злейший враг первого русского царя, и уже одно это ясно говорит, насколько нежеланна была для Ивана IV связь между именем его и смертью Филиппа.

Деталь, достойная того, чтобы ее запомнить: явное убийство человека, который уже не является главой Русской церкви, но еще недавно был им, считалось для светской власти крайне предосудительным действием. Перед казнью настоятелей крупных монастырей (в том числе святого Корнилия Псково-Печерского) или, скажем, протопопов Иван Васильевич не останавливался. Бывало, страдали от его гнева и архиереи — так, опальный новгородский архиепископ Леонид был зашит в медвежью шкуру и травлен собаками, а затем его уморили голодом. Но чем кончилось бы открытое умерщвление митрополита, даже низложенного, можно было только догадываться. Не исключалось, видимо, и массовое выступление против царя.

Исходя из этого, можно с большей или меньшей вероятностью решить вопрос о том, какая из версий кончины Филиппа является более правдоподобной.

Все разнообразие интерпретаций трагедии, произошедшей в тверском Отроче монастыре, можно свести к трем основным вариантам событий.

В соответствии с *первым* из них царь и великий князь Иван Васильевич никогда не помышлял об умерщвлении Филиппа. Главу Церкви ложно осудили и ввергли в заточение клеветники из числа неправедных церковных иерархов. Малюта Скуратов был отправлен к нему от государя за благословением во время большого опричного похода. Прибыв на место, он увидел в келье бездыханное тело незадолго до того убитого Филиппа. Изменники, одним из которых был пристав Кобылин, уже сделали свое черное дело... Митрополит мог открыть монарху правду об измене, свившей гнездо в ближайшем окружении Ивана Васильевича, а потому насильственная смерть его была предрешена. Мал юте осталось лишь попенять монастырским властям за нерадение, похоронить бывшего митрополита и доложить царю о смерти достойнейшего человека. Царь, расследовав это дело в подробностях, излил чашу праведного гнева на тех,

кто подставил Филиппа под удар церковного суда, то есть на иерархов-«клеветников». Этой версии придерживаются современные сторонники канонизации Ивана IV.

Версия *вторая* по смыслу прямо противоположна предыдущей. В соответствии с ней Иван Грозный велел прикончить Филиппа и специально для того послал верного палача Малюту. Было ли благословение опричному воинству условием, при соблюдении которого Пастырь мог сохранить жизнь, Бог весть. Не исключается и такой вариант, при котором старика непременно убили бы, даже добившись от него благословения.

Версию *третью* можно назвать промежуточной. Следуя ей, надо признать, что царь не отдавал приказа убить Филиппа и не хотел ему сделать ничего дурного, хотя о возвращении на митрополичью кафедру речь также не могла идти. Отправка Малюты была скорее попыткой примирения. Но своевольный опричник, то ли в ярости, то ли опасаясь какого-то дурного исхода своей миссии, то ли, может быть, испытывая к Филиппу личную неприязнь (было за что!), убил его по собственной инициативе. Государю же он доложил нелепицу о «зное келейном» и угаре... Таким образом, вина в насильственной смерти человека, когда-то возглавлявшего Церковь, лежит исключительно на свирепом «кромешнике». Царь тут ни при чем.

Для начала займемся первой версией.

Автор Жития пишет о «праведном гневе» государя, узнавшего о том, что Филиппа оболгали недружественные церковные иерархи; тогда и на них обрушились царские кары. Этот фрагмент вроде бы позволяет отвести от Ивана Васильевича подозрение в убийстве Филиппа. Но для этого прежде следует проверить его содержание.

Как уже говорилось, рязанский епископ Филофей лишился сана, а главный противник Филиппа, новгородский архиепископ Пимен, был сослан в венёвскую обитель. (Венёв был тогда не только сущим захолустьем, но еще и одним из опорных пунктов русской армии в краю, которому постоянно угрожало вторжение крымских татар.) Свидетельства Жития верны: это произошло в 1570 году. Более того, бывший казначей рязанского владыки Исаак Сумин тогда же подвергся казни. Пимен же, страшно опозоренный, прожил в провинциальном монастыре около года и скончался в сентябре 1571-го.

Однако в этой истории есть нестыковки. Ученик Филиппа, игумен Паисий, был не только насильно отправлен в Москву, но затем арестован там с десятью соловецкими старцами *после* церковного суда, но *до* смерти бывшего митрополита. Все они были разосланы по отдаленным обителям,

а самого Паисия лишили сана. Был ли он врагом своему учителю? Удалось ли следственной комиссии, работавшей на Соловках прежде церковного суда над ним, добыть у Паисия и братии свидетельства преступлений Филиппа? Сам митрополит благословил речь Паисия, произнесенную во время суда. Таким образом, нет отчетливых свидетельств предательства Паисия. Вероятнее всего, гнев царя обрушился на соловецкого игумена не за то, что он оболгал Филиппа, а за то, что не дал требуемых показаний. Он не вступал в сговор с опричниками. Следовательно, в сознании составителя Жития, писавшего свой текст через много лет после суда и убиения Пастыря, соединились события, имевшие разную почву.

Напротив, член этой следственной комиссии, бывший настоятель московского Спасо-Андроникова монастыря Феодосий Вятка стал в конце 1569 года архимандритом богатейшей Троице-Сергиевой обители, откуда убрали арестованного опричниками и сведенного в Хутынский монастырь настоятеля Памву. Вот уж против кого, казалось бы, «праведный гнев» должен был разлиться рекой, а вместо этого произошло его повышение в церковной иерархии.

Возвратимся к судьбе новгородского архиепископа Пимена: его судили по обвинению в измене, а не в ложных судебных действиях против митрополита Филиппа. И тот факт, что опричный разгром Великого Новгорода произошел сразу после его смерти, опять-таки дал агиографу почву для художественного осмысления реальности. Автор Жития никак не мог быть приближенным Ивана IV, а потому судил о мотивах поступков государя исходя из собственного разума. Гибель Филиппа и ссылка Пимена оказались в его сознании соединены логикой отмщения за несправедные деяния последнего, в то время как источники сообщают нам всего лишь о хронологической последовательности этих двух событий.

Почему лишился сана Филофей, случайна ли смерть в 1569 году суздальского епископа Пафнутия, отказавшегося подписать заключение комиссии, и по каким причинам подверглись репрессиям другие крупные иерархи Русской церкви в 1569–1570 годах (например, был казнен настоятель нижегородского Вознесенского монастыря Митрофан), мы не знаем. Надо признаться честно: историческая наука не имеет данных, с помощью которых можно четко привязать судьбу этих людей к завершению «дела Филиппа» или «новгородскому изменному делу». Мы можем лишь строить предположения. Тот же Филофей, если он действительно ходил в друзьях у могущественных Басмановых, поплатился за связь с ними, когда главных представителей влиятельного клана казнили. Владыка Суздальский и Муромский утратил архиепископский сан как раз в 1570

году. Нельзя также исключить и того, что скорая кончина Пафнутия оказалась результатом его непримиримой позиции по «делу» Филиппа.

Но всё это гипотезы. Что же касается твердых фактов, приведенных выше, то они опровергают мнение агиографа о «праведном гневе» царя, наказавшего участников церковного суда над Филиппом.

Некоторые детали истории о смерти Филиппа говорят против первой версии. Странно то, что приезд Малюты чудесным образом совпал со смертью Филиппа. Что ж, выходит, никто в монастыре не знал о его кончине и только явление высокого гостя раскрыло всем глаза? Или же Филипп умер тютелька в тютельку за полчаса до приезда Малюты? Или в монастыре были столь злокозненно-хитрые мастера политической интриги, что они постарались удавить бывшего митрополита как раз к приезду опричника, дабы «подставить» его, а через него скомпрометировать и самого царя? Откуда в таком случае они узнали, что в монастырь отправлен Малюта? Почему Малюта организовал похороны на скорую руку, если не был виноват в гибели Филиппа и скрывать ему было нечего? Нет ответов.

Наконец, отсутствуют данные, свидетельствующие о том, что пристав Кобылин в декабре 1569 года был замешан в каком-то «изменном деле». Со слов скорбящего о давних грехах Кобылина в Житии записано, что пристав вел себя по отношению к охраняемой персоне оскорбительно и жестоко. Но это еще не измена, а обыкновенная низость. После кончины Филиппа он четыре или пять лет благополучно служил в составе государева двора и получал солидный по тому времени оклад — 17 рублей. В середине 1570-х (точная дата неизвестна) был казнен брат С. Кобылина-Мокшеева, Богдан Кобылин, а также некоторые другие члены этого рода. Источники не сообщают, когда, где и за какие преступления их лишили жизни. Если предположить, что они пострадали из-за царского пристава Стефана, ставшего изменником пятью годами ранее, то как объяснить, что он сам благополучно пережил опалу на Кобылиных и казнь родни, постригся в монахи и дожил до старости?

Чего только не подскажет воспламененное полемикой воображение!

Все источники уверенно сообщают об акте убийства, совершенного Малютой, притом в полном согласии между собой, хотя и созданы лицами, независимыми по отношению друг к другу, в разных местах, в разное время и в разных обстоятельствах. А версия об «изменниках», сгубивших Филиппа помимо Малюты, является поздней спекуляцией, опирающейся на вольную фантазию. Ни один текст XVI века ее не подтверждает: люди того времени относились к истории смерти Филиппа как к очевидному душегубству с очевидным «авторством».

Таким образом, на первой версии можно ставить крест — слишком уж много в ней неправдоподобного.

Вторая версия находит больше подтверждений в Житии, да и в других источниках. Но и к ней есть вопросы.

Прежде всего, имени митрополита Филиппа нет ни в одном синодике подданных Ивана IV, замученных в опале^[93]. Можно было бы сделать вывод, что царь не поминает того, кого не приказывал убить. Но в этих синодиках нет многих персон, к гибели которых первый русский царь, судя по другим источникам, был определенно причастен. К тому же если данная версия верна и государь действительно отдал приказ об умерщвлении монастырского узника, то его включение в такой синодик могло рассматриваться как раскрытие одной из величайших государственных тайн. Следовательно, Филиппа могли не вписать туда, опасаясь неприятных последствий, например, массовых волнений.

Этой версии противоречит уверенность составителя ранней редакции Жития в полной невиновности царя. А это равнозначно столь же твердой убежденности главного свидетеля — пристава Кобылина — в отсутствии «лицензии на убийство», выданной Малюте самим государем.

Можно, конечно, предположить, что Кобылин (или же агиограф, записывавший его слова) убоялся изрекать страшную правду о кровопийственном приказе Ивана Васильевича. Но это также будет из области воображения.

В конце концов, у всякого преступления есть мотив. Взявшись обвинять Ивана IV, следует четко объяснить, какой мотив для тайного убийства Филиппа имелся у царя. И тут возникает неприятная коллизия: все причины, по которым мог быть отдан такой приказ, лежат в области иррациональной — то ли умственная хворь, то ли маниакальная злоба. Конечно, существует немало людей, с дистанции в несколько сотен лет объявлявших царственного «пациента» безумцем, буйно помешанным, тупым кровожадным злодеем и т. п. В таком случае, разумеется, можно рассуждать, что царь, смертельно обиженный обличительными словами Филиппа и не удовлетворенный «слишком мягким» результатом церковного суда, в припадке патологической злобы решился истребить святителя или поставить его перед выбором: полное благословение опричнины либо немедленная смерть. Да только подтвердить такие рассуждения фактами невозможно. В настоящем судебном расследовании их не приняли бы в расчет: это не улики и не свидетельские показания, а всего лишь домыслы.

Филипп, лишенный сана и сосланный в невеликую провинциальную

обитель, был уже не страшен Ивану IV. Влияния на дела он лишился. Воротить же назад, сделать незвучавшими его обличения, брошенные публично, никто не мог. Они сделали свое дело — столп христианской истины утвердился. Убийство Филиппа их никоим образом не перечеркивало. И, значит, твердого мотива для его совершения назвать не получается.

Наконец, рассмотрим версию третью.

Был ли у Малюты Скуратова мотив для убийства, если он не получил приказа от царя? Выше уже говорилось: был, и не один.

Похороны, совершённые в спешке, говорят о желании Малюты скрыть следы убийства на теле бывшего митрополита. Если бы у опричника было прямое и ясное распоряжение: «Убей!» — чего бы ему бояться? В. А. Колобков, изучавший обстоятельства гибели Филиппа, пишет о страхе за карьеру, который мог испытывать Малюта, когда разыгрывал перед настоятелем спектакль насчет кончины Филиппа от «зноя» и «угара».

Но ведь несанкционированное убийство Филиппа могло дорого стоить Скуратову. Как опричник, хотя бы и столь высокого ранга, мог решиться на столь дерзкое деяние без указания свыше?

Решился.

Вот и агиограф, составивший раннюю версию Жития, считает так же. По его мнению, преступление свершилось «хотением» Малюты.

И тут открывается самое некрасивое обстоятельство, сопровождавшее смерть Филиппа. Был ли у Малюты хотя бы один шанс убедить царя в полной своей невиновности, в том, что старик просто задохнулся или угорел точнехонько перед сиятельным приездом Малюты? Государь Иван Васильевич всю жизнь провел среди политических интриг, его опыт по этой части превосходил всё, что только мог представить себе опричник Скуратов-Бельский. И если даже сейчас, по прошествии без малого четырех с половиной столетий, утверждение о мирной смерти Филиппа не вызывает ни малейшего доверия, то тогда, по горячим следам, у опытного политика оправдания Малюты не удостоились бы ничего, кроме насмешки. Нельзя же врать столь неправдоподобно! Допустим, Малюта уверил царя в смерти Филиппа от рук каких-то гипотетических изменников. Но если бы это ему удалось, тогда малую тверскую обитель перерыли бы от подвалов до куполов, взяли бы всех подозрительных лиц и отправили на плаху добрую их половину. Но никто не искал изменников в Отроче монастыре.

Следовательно, царь *знал*, что убил Малюта.

И никак не наказал его.

Григорий Лукьянович Скуратов-Бельский по прозвищу Малюта благополучно прожил еще несколько лет и лишился жизни лишь в январе 1573 года, во время штурма ливонской крепости Пайда. Хранитель множества царских тайн, доверенное лицо Ивана Грозного, оказался в странном положении после того, как опричнина была отменена. Держать его — пусть и нужного, полезного человека — «в приближении» становилось неудобным. Малюту отправили драться за «пролом» вместе с другими видными деятелями опричной эпохи. Там смерть отыскала Григория Лукьяновича... как-то очень вовремя. Но последние годы его биографии не омрачились ссылкой или опалой. Малюта процветал. Весной 1572 года в большом русском походе он числится вторым дворовым воеводой. О такой должности он, по хитрости своему, прежде и мечтать не мог. Ее, по устоявшемуся обычаю, занимали родовитые аристократы, самые «сливки» московской служилой знати. Малюте она могла достаться лишь из величайшей милости государевой, в виде редчайшего исключения. После гибели Малюты царь сделал по его душе колоссальный вклад в 150 рублей — больше, чем по душам собственных дочерей. Жена Малюты получила крупную пожизненную пенсию.

За что?

Скуратов погиб честно — в бою, на ратном поле. Но карьеру он сделал отнюдь не в сражениях и уж совсем не как гений-администратор. Он начал подниматься над общим уровнем едва заметного провинциального дворянства во второй половине 1560-х годов. Возвышение его пришлось на «первый раунд» массовых репрессий опричнины — тот, что обрушился на страну в связи с «делом» боярина Федорова. Малюта не выигрывал сражений, не возглавлял посольства, отправляемые для трудной дипломатической работы, он не строил крепости и не отстаивал их от опасного неприятеля. Он был прежде всего карателем. Источники свидетельствуют о смерти великого множества людей разного возраста, пола и общественного положения, либо павших от рук самого Малюты, либо умерщвленных под его руководством бойцами из его отряда. Этот карьерист числился также одним из первых лиц в Слободском ордене, где процветали порядки, далекие от православных устоев. Он был также в числе ближайших советников Ивана Васильевича. Но прежде всего Малюта являлся именно карателем. И смерть Пастыря естественно вписывается в круг его обычных дел: она заняла место еще одного «мероприятия» по основной «специальности» Скуратова.

Одним словом, хорошо жил убийца Филиппа, да и семья его ни в чем не нуждалась. Никакого прижизненного отпущения за эту смерть опричник

не получил. Остается надеяться, что Господь справедливо распорядился его душой на том свете!

Отдавал Иван IV приказ уничтожить Филиппа или не отдавал, доподлинно установить до сих пор не удалось и, возможно, никогда не удастся. Но отношение царя к убийству прежнего митрополита видно по тем благодеяниям, которыми осыпан был душегуб.

Нужно ли здесь еще что-либо комментировать?

Глава восьмая

«СОКРОВИЩЕ НЕКРАДОМОЕ» ПРОСЛАВЛЕНИЕ ФИЛИППА

Биография святого не заканчивается в тот момент, когда приходит последний срок его земной жизни. Через каждого из святых Господь может сказать людям нечто важное, утешить и ободрить их, исцелить от недугов или оказать иную милость. Когда оканчивается время пребывания святого на земле, среди людей, начинается новый, мистический отрезок его жизни. Вывести этот отрезок за рамки биографии не то чтобы неправильно, а просто невозможно. Это означало бы зачеркнуть бездну смыслов, порой самых важных, в его судьбе и как минимум обеднить жизнеописание.

Митрополит Филипп ушел из жизни в одиночестве, бедности и унижении. Но не минуло и столетия, как он вернулся в жизнь России в роли учителя, сияя славой, даруя добрые надежды.

Земное странствие митрополита Филиппа получило продолжение за гробом. Церковь знает немало чудес, совершенных через него Богом. Однако первые годы после смерти святителя его почитание было делом неофициальным и даже опасным. Имя Филиппа оставалось до конца правления Ивана IV опальным. Царь никогда, ни единого раза не говорил об оправдании митрополита, о его правоте. Решение церковного суда не пересматривалось. А опричное окружение Ивана Васильевича, естественно, продолжало считать Филиппа «царевым ослушником». Что же касается Соловецкого монастыря, где столько лет провел Филипп, то его братии предстояли испытания.

Летописец, который вели монахи Соловецкой обители, сообщает о «гневе» государя на монастырь из-за митрополита Филиппа. Сторонники канонизации Ивана Грозного считают, что он, дескать, гневался на соловецкие власти, поскольку те «оболгали» митрополита и обрекли его на суровый приговор церковного суда. Более традиционная (и более достоверная) точка зрения состоит в том, что царь с недоверием относился к месту, где жили ученики и добрые друзья Филиппа, обличавшего жестокости опричнины.

Царь долгое время не давал соловецким монахам избирать настоятеля из своей среды. Десять лет ими правил Варлаам, присланный из Кирилло-Белозерского монастыря. Только в 1581 году на Соловках появился игумен

из местных иноков — Иаков, ученик Филиппа.

Но еще при Варлааме, в конце 70-х годов XVI столетия, Иван Васильевич принялся благодетельствовать Соловецкую обитель, наделяя ее богатой милостыней. Туда шли, кроме того, немалые вклады на помин души персон, умерщвленных по распоряжению монарха. Ав 1581 году царь отправил монахам послание, где среди прочего говорится: «Смея и не смея челом бую, что если Бога прогневил и вас, своих богомольцев, раздражил и все православие смутил своими непотребными делы, и за умножение моего беззакония и... многого согрешения моего Богу попустившу варваров христьянство разоряти...» Историк Церкви В. В. Шапошник считает, что «...все это, по-видимому, может свидетельствовать о раскаянии царя за осуждение митрополита Филиппа»^[60]. Что ж, вывод вроде бы обоснованный.

Но «диалектика души» Ивана Васильевича складывалась и связывалась очень непросто. Определить, о чем он жалел в жизни своей, о чем душа его сокрушалась, — задача для историка непосильная, тут надобно спрашивать совета у прозорливого старца...

Да, государь опасался суда той единственной инстанции, которая имела право выносить ему приговор, — небесной. Первый русский царь знал, как выглядит смерть, когда она стоит на расстоянии вытянутой руки. В 1553 году тяжкая болезнь едва не разлучила тело его и душу. Но... в 1569 году он не думал о скорой кончине, ведь ему не исполнилось и сорока лет! Раскаяние придет к нему намного позднее и примет весьма причудливые формы.

В начале 1580-х царь перешагнул полувековой рубеж. В этом возрасте любой нормальный мужчина того времени — как в России, так и в Европе — начинал подумывать о душе и последней черте в грамоте земного существования. Тогда умирали намного раньше, чем в наши дни. Человек, доживший до шестидесятилетнего возраста, казался глубоким старцем. И, кстати, первый русский царь до шестидесяти лет недотянул...

Итак, Иван IV уже не молод, его здоровье оставляет желать лучшего, а державные дела могут лишь приводить в расстройство. Величайшая война всей жизни государя — та, что велась за Ливонию, — проиграна вчистую. Поражения последних лет действуют на Ивана Васильевича угнетающе. Но самое страшное — смерть постигла старшего сына и наследника, причем, как полагают, царь в припадке гнева собственноручно нанес ему смертельную рану. И дело даже не в том, что наследовать престол теперь должен другой сын — блаженный Федор, неспособный к государственным делам. Страшно было другое: по представлениям того времени человек,

умерший неестественной смертью (а гибель молодого царевича Ивана, несомненно, естественной не являлась), «доживает» за гробом положенный ему срок, превращаясь в опасную нежить. Чем «выкупить» его душу у сил загробных, дабы она не мучилась?

В 1582–1583 годах по крупным обителям России рассылаются списки людей, замученных до смерти в опале. Монахи получают огромные вклады и сопутствующие им распоряжения молиться за души покойников.

Шведский дипломат и писатель Петр Петрей де Ерлезунда через 20 лет объяснит этот шаг следующим образом: от иноков ждали в ответ, чтобы «...они молились, приносили жертву о душе молодого государя и спасли ее из всех преисподних, чтобы злые духи не имели над нею никакой власти, а святые ангелы отнесли ее в рай». Иными словами, в последние годы жизни Иван Грозный не только каялся в совершённых грехах, а прежде всего пытался избавить душу сына от неприятностей на том свете.

Поэтому в монашеские обители отправлялись произвольные списки усопших — то короче, то длиннее, то с одним составом имен, то с совершенно другим, — а выбор формы поминовения царь равнодушно оставлял за самими монахами. Остается странное впечатление: Иван IV просил поминать... *все равно кого, лишь бы много*. А. А. Булычев подводит итог: ««Синодик опальных» оказывался всего лишь своеобразным залогом, при помощи которого монарх надеялся «выкупить» из лап демонов душу погибшего царевича. Изначальная же профанация положенного в его основу официального перечня лиц, уничтоженных в годы правительственного террора, лишала практического смысла любое пополнение его новыми именами после начала кампании по рассылке снятых с него списков (копий. — Д. В.) по монастырям»^[61]. Остается напомнить: в «Синодике опальных» имени митрополита Филиппа нет.

Исходя из всего сказанного, попробуем вновь ответить на вопрос: скорбел ли Иван Васильевич о погубленном пастыре Филиппе? И опять нет на него точного, однозначного ответа.

Еще до 1581 года Иван Васильевич пережил серьезный психологический кризис. В 1572 году царь ожидал нашествия крымских татар и не имел достаточно сил, чтобы наверняка отбить его. Набег мог закончиться разгромом армии, падением державы, его собственной гибелью... Поэтому он с семьей и казной перебрался в Великий Новгород. А на Оке вооруженные силы России собрались для отпора врагу. Ими командовал воевода князь Михаил Иванович Воротынский. Мучимый недобрыми предчувствиями, Иван IV составил «духовную грамоту», то есть завещание. Царь каялся во множестве грехов, поминая среди них и

убийства. Видя Божью кару в поразившем русские земли «мором поветрии», а еще того более в неизбежном нападении татар, Иван Васильевич готовился к худшему. Чаша гнева Господня переполнилась, и теперь этот гнев должен был пролиться на царскую голову. То ли наставала смертная пора для государя, то ли для всего государства. Спасти Ивана IV, по его собственным представлениям, могли лишь глубокое покаяние да милость Божья. Вот он и каялся... Как видно, история с митрополитом Филиппом не казалась ему чем-то особенным — она никак не выделена среди прочих грехов. А само покаянное настроение прервалось добрыми известиями от Воротынского: в августе 1572 года крымцы потерпели поражение и с позором откатились восвояси.

После падения Филиппа Русская церковь испытала от царя еще немало унижений. По его приказу убивали архиереев и монастырских настоятелей, грабили храмы, заставляли иерархов действовать вопреки канонам. Так, последние женитьбы Ивана Грозного противоречат правилам, установленным православной церковью. Сейчас находится немало желающих отрицать сам факт совершения свадебных обрядов *после четвертого и даже третьего брака*, но документы XVI столетия сохранили их «разряды», то есть подробную роспись участников. У историков нет сомнения в том, что они действительно состоялись, можно привести несомненные тому подтверждения. Доброму православному положено вступать в брак не более трех раз. В виде исключения церковные власти разрешили Ивану Васильевичу жениться четырежды... а потом уже и забыли, что четвертый брак был исключением, — приспела пятая свадьба, за ней шестая, родня стремительно сменявших друг друга супруг государя получала высокие чины... Новгородского владыку Леонида, как уже говорилось выше, по воле царя травили собаками. Погубили святого Корнилия, настоятеля Псково-Печерского монастыря. Глав Русской церкви лишили чести быть погребенными в кремлевском Успенском соборе.

В царствование Ивана IV Русская церковь понесла тяжелые потери. Духовный авторитет ее, высоко вознесенный митрополитом Макарием, упал. Но все-таки люди помнили, что среди архиереев есть пастыри, готовые на смерть ради истины^[94]. Их деяниями Церковь вышла из страшных обстоятельств грозненского царствования, не запачкав белоснежных риз.

Душевные движения первого русского царя смутны. О некоторых мотивах его поступков и тем паче о психологических состояниях остается только гадать. Но его современники и поколение тех, кто жил в ближайшие десятилетия после кончины Ивана IV, определенно увидели в смерти

Филиппа притчу, рассказанную Богом. Иначе не родилось бы его Житие, не воздвиглось бы и его почитание как святого в Соловецком монастыре.

В 1584 году Иван Грозный умер. Воцарился его сын, Федор Иванович. Это был богомольный человек, не склонный активно участвовать в делах правления. Шесть лет спустя настоятель Соловецкого монастыря Иаков собрал иноков на совет, чтобы воплотить в жизнь идею, давно беспокоившую умы братии. Два десятилетия старый митрополит лежит в земле; к нему на Соловках обращают молитвы, его чтят, его поминают добрым словом; так отчего же тело его до сих пор находится в случайном месте — там, где Филиппа упокоила смерть? Отчего до сих пор оно не перенесено на блаженные острова, где имя покойного произносят с благоговением? И как приступить к этому делу, чтобы исполнить его с честью для обители?

Для осуществления монастырского замысла как раз представился удобный случай. Государь Федор Иванович лично прибыл с армией к Великому Новгороду, откуда совершил в первые месяцы 1590 года поход против шведов. Поход принес русским полкам целый ряд побед: удалось вернуть несколько крепостей, потерянных при Иване IV. Для соловецких монахов это был наилучший момент, чтобы просить богомольного царя о милости. Скорее всего, именно тогда они получили разрешение вывезти останки митрополита Филиппа из тверского Отроча монастыря. Узнав об их прошении, Федор Иванович «...зело удивися милосердию Божию, како милостивый Господь воспоминает и по смерти раб своих, хранящих заповеди Его». Посовещавшись с боярами, царь отправил грамоту тверскому епископу Захарии. Тот, в свою очередь, пишет в Отроч монастырь повеление: «Показать гроб, где лежат мощи святителя Филиппа».

Наконец, соловецкие старцы во главе со своим игуменом добираются до Отроча монастыря. А там уже сложилось свое почитание Филиппа.

Местные иноки не желали расставаться с мощами Филиппа и даже пытались скрыть то место, где они были закопаны. Однако грамота Федора Ивановича и настойчивость соловецких посланцев сделали свое дело. Место, где был погребен Пастырь, начали раскапывать в присутствии епископа. К тому времени в монастыре оставались люди, помнившие, как хоронили Филиппа. И они предупредили землекопов: придется поработать — гроб заложили глубоко. Каково же было их удивление, когда его крышка отозвалась глухим звуком на удар лопаты, едва вонзившейся в землю!

То, что произошло при вскрытии гроба, Житие представляет как большое чудо, совершившееся при множестве свидетелей. Сначала гроб не

могли поднять, хотя и прикладывали общие усилия нескольких работников. Епископ Захария счел, что для такого случая требуется не сила, а вера. Он коснулся досок, обращаясь к Филиппу с молением о прощении. Тогда гроб сам по себе сдвинулся с места. «И было благоухание по всему городу. Открыв гроб святого, обрели в нем целые и нерушимые мощи. Лицо его сияло, а одежд не коснулось тление».

Епископ первым поцеловал мощи, а вслед за ним потянулись к открытому гробу священники, монахи и местные жители всякого звания. У мощей они просили прощения за грехи, молили Филиппа быть небесным заступником за Тверь.

Лишь когда прощение с митрополитом закончилось, игумен Иаков с братией погрузили гроб на речное судно. Иноки проделали часть дороги по реке, затем переложили мощи на телегу и повезли их через половину России, к Белому морю. Добравшись до побережья, монахи переместили мощи с воза на корабль. Когда по Соловецкому архипелагу прошла весть о возвращении старинного «хозяина» островов, у причалов собралась толпа народу, из монастырских ворот вышли священники с кадилами и монахи со свечами. От пристани до соборной церкви домовину несли на руках под пение молитв.

Когда-то Филипп — еще не митрополит, а соловецкий игумен — занялся строительством большой Спасо-Преображенской церкви. Не чая отъезда в далекую Москву, он, бывало, говаривал: «Здесь-то и поселюсь на веки вечные...» Теперь это было воспринято как пророчество: где святой сам выбрал место своего погребения, там и следует лежать его мощам. 8 августа 1590 года они упокоились у северной стороны Преображенского храма, под папертью придельной церкви Святых Зосимы и Савватия Соловецких. Здесь же, неподалеку, похоронен и наставник Филиппа в монашестве — инок Иона Шамин, умерший 10 января 1568 года. Ученик лег в землю рядом с учителем.

Порой в церковной, краеведческой и популярной литературе о святителе Филиппе встречаются утверждения, будто он собственными руками «ископал» себе могилу, куда и был впоследствии опущен гроб с его мощами. Собственно, нет ничего экстраординарного в том, что монашествующий выкапывает себе могилу или даже сколачивает гроб. Русская церковная старина знает немало подобных поступков. Но в данном случае было совсем другое: несколько фраз из Жития святителя нашли превратное толкование, которое многократно повторено в поздней литературе. Вот точные слова Жития — там, где речь идет о погребении перенесенных мощей: «По совершении же утрения славословия, егда

уготовльи́е место, иде же хотяше почити, целоваше тело святого с подобною честию. Ту же и погребоша, иде же сам уготова». Выше же говорится о Преображенском храме, каковой действительно был «уготован» трудами покойного. В другой версии: «...и погребоша честные его мощи с подобною спочестию у всемилостиваго Спаса на северной стране, идеже сам себе место уготова, егда созидаше сию церковь и глаголаше: «Се покой мой, zde вселюся в век века». Ясно видно: место для погребения святителя определено самим фактом строительства им Преображенского собора и, возможно, высказанным еще при жизни пожеланием быть похороненным у его стен. Зато в другом месте Жития — там, где речь идет о строительстве Спасо-Преображенского собора, — сказано достаточно определенно: «У тое же церкви всемилостивого Спаса под храмом преподобных отец Зосимы и Савватия сам себе ископа гроб своима рукама». Но утверждение о том, что соловецкий игумен собственноручно выкопал себе могилу, следует поставить под сомнение. Как мог Филипп сделать это за три с половиной десятилетия до перенесения мощей на Соловки?! Что осталось бы от могильной ямы?

Иногда историю с перезахоронением мощей Филиппа датируют 1591 годом, но это неверная дата, результат ошибочного прочтения «каменной доски» на паперти соловецкого Преображенского собора. В разных публикациях один и тот же текст имеет две версии, содержащие важное различие. Иногда он читается так: «Лета 7078 (1569) преставися Филипп митрополит во Твери, декабря в 23 день. Лета 7099 (1591) привезены мощи Филипповы в Соловецкий монастырь и погребены августа в 8 день». Зато в других случаях указана иная дата: «...тут и погребен бысть... в лето 7098 (1590) месяца августа в 8 день на память иже во святых отца нашего Емелиана епископа Кизику...» Правильное чтение, как можно догадаться, — второе, так как в Житии четко сказано: перенесение состоялось «в двадцать первое лето по преставлении святого» (то есть прошло двадцать лет и сколько-то месяцев) и в «седьмое лето» (то есть прошло шесть лет и несколько месяцев) царствования государя Федора Ивановича. Как уже говорилось, земной путь святого Филиппа оборвался в декабре 1569 года. А царь Федор Иванович взошел на престол в марте 1584 года. Путем несложных арифметических вычислений в обоих случаях получается 1590 год, и 8 августа — вполне вероятная дата^[95].

Что же касается «разночтений» в надписи на могильной плите, то окончательно поставить точку в этом вопросе удалось после исследования самой «каменной доски». В августе 2008 года автор этих строк видел ее в подклетном помещении Спасо-Преображенского храма на Соловках, над

которым располагается придел преподобных Зосимы и Савватия. Надпись сохранилась превосходно, никаких разночтений быть не может: на ней совершенно определенно указан 7098-й, а не 7099 год.

Уже в 90-х годах XVI века возникла первая служба святителю Филиппу. Написали ее на Соловках, возможно игумен Иаков.

Казалось, тело Филиппа нашло себе последнее земное пристанище.

Но Бог судил иначе.

В конце XVI столетия святитель стал для Твери и Соловецких островов местночтимым святым. Но слава его постепенно росла. Житие Филиппа упоминает три чуда, случившиеся на его могиле^[96]. Молва широко разнесла весть о них. Церковь чтит память Филиппа как благочестивого человека, до конца выполнившего свой пастырский долг. Всякий новый глава русского духовенства вспоминал о Филиппе как о личности, дающей ему наилучший нравственный пример. Ведь обстоятельства политической жизни могли повторить ситуацию, когда старший из архиереев державы должен отдать жизнь за истину...

Постепенно делались шаги к прославлению Филиппа как общероссийского святого.

В 1636 году, при патриархе Иоасафе I, соловецком постриженнике, на Московском печатном дворе вышла очередная Минея — богослужебная книга, содержащая молитвословия святым на каждый день. В этом издании под 23 декабря поставлена служба святому Филиппу. Там среди прочего было сказано: «Подобает царствующему граду Москве Филиппа везде имети, яко некую утварь царскую и сокровище некрадомое». По заказу патриарха была написана и отправлена на Соловки икона с образом святителя Филиппа.

Наконец, в 1646 году, при патриархе Иосифе, произошло второе перенесение мощей митрополита. Причиной послужило крепнувшее почитание его: монашеская братия хотела придать больше пышности месту захоронения святого. Настоятель Илия умолил главу Церкви ходатайствовать перед царем, и юный Алексей Михайлович дал согласие. 30 мая соловецкие иноки разрыли старое погребение, извлекли из гроба мощи и перенесли их в великолепный Спасо-Преображенский собор, постройка которого была начата много десятилетий назад, еще в игуменство Филиппа. Его биограф XIX века епископ Леонид (Краснопевков) добавляет: «При этом случае предполагали переменить одежду на чудотворце; но нашли это излишним: погребальные ризы святителя нисколько не обветшали, хотя пролежали в земле 87 лет. Иеромонах Феодул был отправлен к царю и патриарху с просфорою,

святою водою и образами нового чудотворца». 31 мая рака с мощами была закрыта. У нее пошла волна исцелений...

В монастыре возникло пять (!) произведений, связанных с событиями 1646 года^[97], в том числе большое «Слово на перенесение мощей» крупного духовного писателя старца Сергия Шелонина. На Соловках мечтали об учреждении большого, всей Русской церковью признанного праздника. Однако вышло иначе. Местное празднование установилось в обители, но дальше ее пределов не пошло. Быть может, причиной тому стал небольшой фрагмент «Похвального слова». Сергей Шелонин написал о видении священноинока Леонида, прежде стоявшего игуменом на Вологде, в Вознесенском монастыре. Леониду показаны были мучения государя Ивана Васильевича в загробном мире. В Москве, по всей видимости, ничего хорошего в таких откровениях увидеть не могли. Тень, падавшая на первого русского царя, родственника нового правящего дома Романовых, задевала и тогдашнего государя. Алексей Михайлович, по молодости лет и доброте душевной, мог бы посмотреть на подобную вольность сквозь пальцы. Но родня и сведущие в политических тонкостях вельможи, надо полагать, отсоветовали ему.

Мало кто из нынешних биографов Ивана Грозного вспоминает о видении Леонида. В чьих-то глазах оно выглядит предметом, находящимся за рамками строгой науки, а потому недостойным пера историка. Кто-то поклоняется покойному государю как святому. И так, и этак неудобно... Может, совсем не вспоминать то видение и не думать о том, какая в нем содержится правда, рассказанная Богом?

Но с другой стороны, такие вещи нельзя забывать. Как знать, не было ли тогда произнесено главное слово истины над почившей грозненской эпохой?

Соловецкие монахи оставили краткое описание увиденного ими в тот момент, когда крышка гроба была снята и отставлена в сторону. Эти несколько строк представляют собой единственный словесный портрет внешности Филиппа, составленный, правда, через много десятилетий после его земной кончины. Борода у мертвеца отросла чуть ли не до пояса, но соловецкие старцы твердо помнили: при жизни их настоятель бородой был скуден, и росла она не от подбородка, а от горла^[98].

Но и это перемещение мощей Филиппа не стало последним. Их ждало еще одно далекое путешествие, которому суждено было произойти через шесть лет, в 1652 году.

Величайший шаг в посмертном прославлении Филиппа связан с

другим крупным деятелем Русской церкви — патриархом Никоном, а также с идеей о возвышении «священства» в диалоге с «царством», за которую он радел.

В первой половине 1652 года Никон еще не был главой Русской церкви, занимая новгородскую митрополичью кафедру. Патриархом тогда являлся старый и больной Иосиф. Но Никон имел огромный авторитет и влияние на царя Алексея Михайловича (1645–1676). Архимандрит Тихон (Шевкунов) однажды назвал отношения этих двух людей духовной любовью. Государь-юноша считал его «собинным» другом, держал в чести, прислушивался к советам. Между тем Никон, зрелый человек, умудренный строгой монашеской жизнью, мечтал использовать свое влияние на царя для исправления церковной жизни — как ее внутреннего качества, так и внешних обстоятельств. Он искренне, глубоко заботился о душе подопечного, желал добра и ему, и всему русскому народу. Но Никону приходилось использовать отношения любви как инструмент, без которого никакие преобразования не тронулись бы с места. И любовь, превращенная в своего рода отмычку, однажды отомстила: она иссякла в государевом сердце. Никон мог отчаянно стучаться туда — то с гневом, то со смирением, — а ему не открывали дверь, его больше не желали видеть...

В судьбе Никона и Алексея Михайловича частично повторилась давняя притча, разыгранная на подмостках истории Иваном Грозным и святителем Филиппом. Суть ее осталась прежней, хотя и приняла иные формы.

В начале 50-х годов XVII века Русская церковь оказалась в сложном положении. Ее атаковали изнутри и снаружи. С одной стороны, государство, будучи другом и защитником Церкви, всё же постоянно усиливало контроль за ее деятельностью. Огромные территории, управлявшиеся из Патриаршего дома и раскинувшиеся по всей России, представляли предмет зависти со стороны правительства. Вот бы всю эту земельку да пустить в службу, раздав помещикам! Вот бы перевести в казну часть огромного дохода, получаемого Церковью! При патриархе Филарете, который был отцом государя Михаила Федоровича, светская власть не затрагивала интересов Церкви всерьез. Но после его кончины в 1633 году ситуация изменилась. Государство понемногу урезало имущественные и судебные права Церкви. Для этого было создано особое учреждение — Монастырский приказ, а в Соборное уложение^[99] вошли специальные статьи, ущемлявшие церковную экономику. Правительственный пресс давил всё тяжелее.

С другой стороны, Церковь одолевала пороки самого духовенства:

пьянство, скудость знаний, леность в богослужении, потакание грехам паствы. Патриарх Иосиф, хворый старец, не мог подать благого примера священникам и епископам — его не без основания обвиняли в корыстолюбии. Между тем в середине столетия Церковь имела дело не с монолитным, а с расколотым и потрясенным великой Смутой обществом. Всё, что полвека назад, казалось бы, стояло твердо, прошло через полосу страшного разрушения, а затем восстанавливалось очень долго, да во многом так и не восстановилось. Произошло падение общественной нравственности, доверия к Церкви, благоговения народа перед государем и патриархом. Что ни возьми, всё в обществе шло через язвительный смехок. Мол, знаем цену и тому, и этому, готовы любую благородную на вид вещь попробовать на зуб: глядишь, из-под тонкого слоя серебра вылезет дешевая медяшка... Русская знать глубоко заразилась индивидуализмом, ранее не столь развитым перед лицом общерусской соборности. Европа бомбардировала Россию соблазнами «латинства», «люторства» и «тайной науки», а русское духовное просвещение пребывало на самом низком уровне. Сказать, что Москва не располагала собственной академией, — ничего не сказать! Не существовало даже постоянной «повышенной» школы^[100], а небольшие училища ненадолго возникали и быстро исчезали. Большие библиотеки — царская и патриаршая — сгинули в смутные годы, а то, что уцелело, сгорело во время большого московского пожара 1626 года. Со скудным багажом богословских знаний очень трудно было противостоять опытным западным полемистам, и «за наукой» приходилось обращаться то к малороссам, то к грекам. Причем и к тем, и к другим в Московском государстве относились с изрядной долей подозрения: не принесут ли они со своими знаниями то же самое «латинство» — или даже басурманство — в красивой обертке? Порой эти подозрения оказывались небеспочвенными...

Вместе с тем Московская патриархия жила весьма благополучно по сравнению с православным Востоком, почти полностью находившимся под властью мусульман. Тамошние поместные Церкви страдали от притеснений со стороны иноверцев, бедности, безвластия. Православие знает иерархию патриарших кафедр, установившуюся еще в XVI веке: их было тогда всего пять, и Москва считалась «честью ниже» прочих, находясь на последнем, пятом месте. Первым, или «вселенским», как и сейчас, числился в этой иерархии патриарх Константинопольский. Он не имел никакой власти над прочими патриархами — такого в устоях православия не было и нет. Но формально за Константинополем закрепилось старшинство среди равных. Чем патриарх, занимавший

кафедру в столице главного оплота ислама — Османской империи, мог превосходить патриарха, сидевшего в столице самой крупной независимой православной державы? Немногим. Во-первых, той самой древней «честью». Во-вторых, обилием ученых людей, а также библиотек, оставшихся от старых времен. В богатстве, славе, влиянии, реальной власти и способностях к миссионерству патриарх Московский являлся первейшим. Но грекам удобно было держать его за варвара, владыку «непросвещенной» Церкви. В свою очередь, амбициозные московские иерархи подумывали о том, как бы добиться «повышения статуса» в православном мире, занять в нем место важнейшего духовного центра, перехватить лидерство. Для этого Русская церковь располагала необходимым ресурсом, следовало лишь решить «внутренние» проблемы. Предстояла большая работа, — как раз по плечу молодому и невероятно энергичному иерарху, Никону.

Прежде всего, требовалось поднять авторитет Церкви. А этого можно было достичь, торжественно восславив лучших ее людей, тех, в ком народное сознание видело чистоту и подвижничество. Пользуясь выражением современного православного публициста Егора Холмогорова, подобный ход мыслей можно назвать «агиополитикой». А роль главного «агиополитика» играл в ту пору Никон. Пока он шел по своему пути, не отдавая любовь к государю на растерзание политическим соблазнам, ему многое давалось от Господа.

Во исполнение воли Никона дряхлый патриарх благословил перенести в Московский Кремль мощи святого Филиппа с Соловков и святого Иова (первого патриарха Московского) из Старицкого монастыря Тверской земли. Они должны были окончательно упокоиться в Успенском соборе. Тогда же из Чудова монастыря в Успенский собор были перенесены мощи патриарха Гермогена, воодушевлявшего русских людей на защиту земли и веры в Смутное время.

Новое прославление митрополита Филиппа было излюбленной идеей Никона, его детищем, а потому происходило при деятельном участии митрополита Новгородского. Это дело касалось Никона и по другой причине: в 1636–1639 годах он монашествовал в Анзерском скиту на Соловках. Тогда великое пламя почитания Филиппа коснулось молодого инок и впредь не оставляло его. В 1646 году, когда мощи переносили в Спасо-Преображенский собор, Никон уже занимал архиерейскую кафедру в Великом Новгороде. Ему, как правящему архиерею всей огромной области, куда входили и Соловки, отправили, взяв из гроба, частицу мощей — «з гортани костку». Никон принял ее с благоговением и поцеловал.

Теперь он возглавил «посольство», отправленное за мощами из Москвы в Соловецкую обитель. 11 марта 1652 года перед отъездом «посольства» в Успенском соборе отслужили молебен. «Посольство» включало, помимо духовных особ, также дворян и стрельцов. Их возглавлял боярин князь И. Н. Хованский, представитель высшей знати московской, а в казначеях у него состоял дьяк Гаврила Леонтьев. Таким образом, «посольство» представляло собой не внутрицерковное дело, но соборное действие всей Руси. Светская и церковная власти участвовали в нем как соработники, проявляя признаки столь необходимой «симфонии».

Полутора сотням «посольских людей» предстоял долгий и тяжелый путь. Никон спустился по Двине до молодого Архангельска, добрался до Николо-Корельского монастыря, а затем со всеми монахами, певчими, стрельцами и дворянами пересел на суда. Ночью от сильного ветра на море поднялось волнение. Ветер дул в противоположную сторону, поэтому путешественникам пришлось стать на якорь у мыса Становище, в 80 верстах от Соловков. Однако 16 мая мощные волны выломали якоря, пообрывали якорные канаты, изорвали паруса, долго гнали лодии и выбросили их на берег. Одно судно разбило о камни, и вместе с ним погиб казначей Леонтьев со свитой и сыном Петром, потонула и царская серебряная казна, предназначенная для раздачи соловецкой братии. Сгинула огромная по тем временам сумма — тысяча рублей. Сам Никон чудом уцелел.

Двадцать девятого мая он предпринял новую попытку добраться до Соловецкой обители и тут, наконец, преуспел.

Зная, что соловецким инокам будет тяжело отдавать мощи Филиппа, столь чтимого на островах, Никон запасся царской и патриаршей грамотами. Добравшись до Соловков, он предъявил их монахам как свидетельство воли самого государя Алексея Михайловича и покойного патриарха Иосифа^[101]. В обители воцарилась печаль. Соловки духовно срослись с прежним своим игуменом. Возвеличивание его имени обрадовало иноков, но необходимость отдать мощи вызвала горечь. Но что делать — братии пришлось повиноваться.

В Преображенском соборе Никон отстоял молебен с соловецким настоятелем, иноками и богомольцами из «посольства». Присутствующие обращались к Филиппу, прося его прийти с дальних островов в сердце России — Успенский собор. После этого митрополит Новгородский достал царскую грамоту и принялся читать ее у раки с мощами святого Филиппа. В ней Алексей Михайлович молил давно ушедшего из земной жизни митрополита о прощении грехов своего «прадеда», царя Ивана IV.

Биографы святого Филиппа подчеркивают в основном вероисповедный, покаянный смысл грамоты, но был и другой — чисто политический. Иван Грозный из правящего дома московских Рюриковичей не являлся прадедом Алексея Михайловича — второго государя молодой династии Романовых. Он приходился Алексею Михайловичу отдаленной родней по первой жене, царице Анастасии Романовне Захарьиной-Юрьевой, из рода которой вышли Романовы. При избрании на царство первого Романова, Михаила Федоровича, это родство с Иваном Грозным было важным фактором. Претендентами на трон выступали многие семейства, в том числе и более родовитые, нежели Романовы. Но связь с «царской кровью» через замужество Анастасии легитимизировала их права на престол. Это был шаткий аргумент, и поэтому Михаил Федорович чувствовал себя на троне не очень уютно. Как минимум дважды он мог потерять царство: на излете Смуты, когда польский королевич Владислав оспаривал его права, располагая вооруженной силой, а также в 1630-х годах, во время кризиса, последовавшего за поражениями от того же Владислава под Смоленском. Сын его, Алексей Михайлович, мог быть более уверен в своем положении: он получил царство по наследству от царя, в его лице династия прочно утвердилась на престоле. Но ее история все еще была слишком коротка — менее сорока лет! В Византии некоторые династии и за более краткий срок познавали возвышение и падение... Алексей Михайлович понимал: новая смута может пресечь правление Романовых. А потому он пользовался разными возможностями, чтобы подчеркнуть законность перехода к его роду прав, ранее принадлежавших Рюриковичам. Покаяние перед персоной, обиженной в царствование Ивана IV, принесенное не кем-то, а самим государем, означало для современников, что Романовы готовы сполна расплатиться за своих предшественников. Новая династия брала на себя долги прежней: не только материальные обязательства, но и всю память о ее деяниях в духовном смысле. Следовательно, и обязанности подданных по отношению к государям, происходившим из боярского семейства, ничуть не уменьшились по сравнению с тем, что было во времена устоявшейся царской династии Рюриковичей.

Таким образом, обращение к памяти Филиппа для правящего дома Романовых было не только и даже не столько униженным покаянием, сколько духовным и политическим возвышением.

Разумеется, помимо этого, в грамоте звучала искренняя глубокая вера царя Алексея Михайловича. Его знали как тихого «молитвенника», проявлявшего в делах правления твердую волю, а порой и жестокость. Государь остался в памяти подданных «Тишайшим» именно как богомолец.

По сравнению со своими предками или потомками он не был менее воинственным или менее суровым к бунтовщикам. Но в вопросах веры он шел за Церковью. По словам современного биографа Алексея Михайловича, его внутренний мир «...прежде всего — мир глубоко верующего православного человека. Но сказать так — почти ничего не сказать. Царь был не просто верующим человеком. Он жил и дышал верой. В его набожности не было ни грамма лицемерия. Так, бесхитростно, всем сердцем, должно быть, верили на Руси ее святители и подвижники». Для подданных Алексей Михайлович был полновластным государем, а для Бога — солдатом Его воинства. В грамоте царя виден не только острый ум политического стратега, но и большое личное смирение. Он обращался к Филиппу со словами: «...Ничто так не печалит мою душу, как то, что нет тебя во святой, великой и преименитой соборной апостольской церкви богохранимого царствующего нашего града Москвы^[102]... Молю тебя прийти сюда, чтобы разрешиTM согрешение прадеда нашего царя и великого князя Иоанна, нанесенное тебе нерассудно — завистию и неудержанием ярости... Твое на него негодование и нас превращает в общника злобы его, яко же пишется: терпчины родительские оскомины чадам различные творят... ибо говорили пророки... у того, кто поест терпкого, будут оскомины... Если я и неповинен перед тобой, то гроб прадедний все равно убеждает меня в ином и в скорбь приводит меня... Ради этого преклоняю сан свой царский за него, против тебя согрешившего. Прости его прегрешения своим к нам приходом... Поэтому, освященная глава и честь моего царства, я преклоняюсь перед твоими честными мощами и покоряю тебе всю мою власть, моля о том, чтобы ты пришел и простил напрасные оскорбления, возведенные на тебя. Ведь и он тогда раскаялся о содеянном^[103]. Ради его покаяния и нашего прошения приди к нам, святой владыка... Благодать Божия в твоей пастве молитвами твоими в нашем царстве изобилует, и нет уже ныне в твоей пастве некоторого разделения. А если бы было, то оно не стояло бы доселе из-за разделения. Ныне мы все единомысленно просим и молим тебя, вернись с миром, и мы с любовью тебя примем. О священный глава, святой владыко Филипп, пастырь наш! Молим тебя, не презри нашего грешного моления, приди к нам миром. Царь Алексей желает видеть тебя и поклониться мощам твоим святым»^{62}.

Уже и об опричнине царскими устами говорится, как о чем-то неправильном: тогда, при Иване Васильевиче, было «разделение царства», не соответствующее духу евангельской истины. Теперь же его нет. Именно

в опричных порядках московские книжники видели «разделение царства»; значит, царь считает благом отказ от них.

Монахи, вслушиваясь в слова грамоты, плакали. А Никон, отправляя царю письмо о ходе посольства, утверждал, что почувствовал (как, впрочем, и иные присутствующие) благоухание, исходившее от мощей..

Те дни, когда «посольство» Никона пребывало на Соловках, явились одними из важнейших во всей многовековой истории монастыря. Совершалось небывалое торжество, к тому же освященное присутствием архиерея, который весьма высоко стоял в иерархии Русской церкви. Архиереи очень редко баловали отдаленный архипелаг своим посещением, а тут — митрополит, да еще с личным посланием от государя... Местночтимый святой проходил последнюю стадию на пути к общецерковному признанию. Поэтому иноки из благочестия приняли трехдневный пост и по его окончании отслужили всенощную.

На другой день после литургии митрополит Новгородский опять при общем собрании читал царскую грамоту. Затем он отделил три частицы от мощей святителя и оставил их братии в память и утешение. Возложив на раку с мощами драгоценные покровы, иноки вынесли ее во двор и пошли крестным ходом при звоне колоколов. Казалось, сам Бог подарил инокам прекрасную погоду — ради такого дня! С моря дул легкий ветерок, с ясного неба светило солнце, отражаясь в мелкой ряби Святого озера. Монахи, очистившие душу постом и причастием, шли легким шагом, не чувствуя под собой земли. Под пение псалмов и ободрительные речи Никона чудесные острова прощались с излюбленным святым. Вечером, после крестного хода, посольство с мощами погрузилось на суда и отплыло в обратный путь. Теперь Филипп мог приходить сюда только по воле Божьей, спускаясь с небес для того, чтобы являться монахам в снах и видениях... Бренные же останки его медленно уплывали за горизонт, к тихому плеску Онеги.

По дороге Никон посетил многие города и обители. В Каргополе и Кирилло-Белозерском монастыре мощи выставлялись в соборных храмах, а в Троицком соборе Троице-Сергиева монастыря Никон торжественно отслужил над ними литургию.

Долгий путь от реки Онеги закончился на севере столицы, у Крестовоздвиженской заставы (ныне Рижская площадь)^[104]. Уходил Филипп с Соловков под бойкие звоны монастырских колоколов, и в Москву он явился под их многоголосый гуд. В тот день во всяком храме звонарь старался показать свое искусство. Великий город встречал Филиппа с необыкновенными почестями. Улицы, по которым следовало доставить

мощи в Кремль, с утра наполнились толпами москвичей. Из Успенского собора выступило высшее духовенство в праздничных облачениях, с крестами и хоругвями. Перед крестным ходом несли старинные иконы, возглавлял его митрополит Ростовский Варлаам, а за ним со смирением шел государь Алексей Михайлович в торжественном облачении, с царским венцом на голове.

Процессия медленно двигалась через всю Москву. Когда она встретила с посольской колонной, царь принял благословение от Никона, а затем лично понес мощи Филиппа до Красной площади. Июньский зной превратил город в пышущую жаром печь... Митрополит Варлаам, древний старец, не выдержал зноя и скончался. Его уход из жизни во время столь важного торжества сочли благодатным знамением и понесли его тело за мощами святого Филиппа.

Опальный когда-то митрополит возвращался в Москву в сиянии немеркнущей славы. Здесь его считали новым чудотворцем и проповедником, стоятелем за истину. Прежде гонимый, он сделался владыкой умов и сердец. И кем представлялись теперь его гонители, лжесвидетели на суде и сами судьи?

Угождая москвичам, царь велел ненадолго поставить мощи у Лобного места, перед Кремлевской стеной. Затем их внесли в Кремль. Оставались считанные шаги до главных соборов Московской державы, до тех мест, из которых в 1568 году Филиппа изгнали, где он выступал с последними проповедями, где был судим и опозорен. Его останки вносили в сердце царства, и сердце это наполнялось радостью.

Наконец, гроб с мощами святого Филиппа был доставлен в Успенский собор. Здесь его оставили открытым, дав народу возможность подходить к нему, обращаться к чудотворцу с молитвами, прикасаться к мощам. На протяжении многих дней ко гробу выходил митрополит Никон и стоял там по многу часов, читая молитвы и благословляя посетителей. Больные приходили к мощам, или же их приносили родственники. У гроба Филиппа они искали исцеления, милости небес.

Свидетели вспоминают о многочисленных исцелениях, случившихся тогда при мощах святого: немые начинали говорить, слепые — видеть, глухие — слышать. В церковных источниках зафиксировано 44 случая исцеления у мощей святителя, произошедшие между июлем 1652-го и январем 1653 года — при перенесении их в Москву и в то время, когда они были выставлены для народного поклонения.

Эти события оставляют впечатление торжества истины.

Десять дней поток москвичей, желавших подойти к мощам Филиппа,

не ослабевал. Лишь после того, как толпы паломников иссякли, мощи были положены в серебряную раку и помещены в соборе подле иконостаса.

Алексей Михайлович воспринял всё произошедшее как великую победу Христовой веры, как Божий суд, свершенный его руками и устами. В письме князю Н. И. Одоевскому, рассказывая о встрече мощей Филиппа, государь восклицает: «О блаженные заповеди Христовы! О блаженная истина нелицемерная! О блажен воистину и треблажен тот, кто исполнил заповеди Христовы и за истину от своих пострадал. Не избрать пути лучше того, чтобы веселиться и радоваться во истине и правда и за нее пострадати... А мы, великий государь, ежедневно просим у Создателя, чтобы Господь Бог даровал нам, великому государю, и вам боярам с нами единодушно людей Его... рассудити в правду, всех равно; ибо писано: суд Божий николи крив не живет... и о всех христианских душах поболение мы имеем, и в вере крепким бы и в правде и во истине, словно столпам стояти твердо и за нее страдать до смерти, во веки и на веки»^[63].

В конце июля митрополит Никон, заставивший государя и столичное духовенство коленопреклоненно умолять себя, принял сан патриарха Московского. В его судьбе тогда многое совпало очень удачно.

Что происходило в Московском государстве? С одной стороны, величайшее торжество Церкви. Высшие ее деятели засияли невиданной славой. Лучшее из того, чем располагала Церковь, оказалось на виду у народа. Иерархи, когда-то в трудных обстоятельствах выполнявшие свой долг и возвышавшие русское православие, теперь наполнили народное сознание гордостью и любовью. Митрополит Филипп, почти столетие назад споривший с царем, представил на суд потомков главное, на что Церковь могла опираться, ведя трудный диалог с государством, — твердыню веры.

Пока Церковь отстаивает Христов дух в обществе, она может и даже должна играть роль воспитателя светской власти.

Н. В. Первушин, русский эмигрант, живший в Канаде, писал: «Что касается Филиппа, то он поднял этот спор (между священством и царством. — Д. В.) на сияющую нравственную высоту, ибо святитель защищал от мучителя и тирана его же подданных, которые были и «стадом», пастырем которого был митрополит. Не для митрополичьей власти или гордыни... а из жалости и любви к бесчисленным жертвам жестокого царя восстал против него митрополит»^[64]. Дело даже не в защите подданных, а в защите евангельской любви, милосердия. Вера понуждала Филиппа быть суровым обличителем: Заповеди не пристало нарушать никому, в том числе и

государю. Алексей Михайлович, назвавший себя потомком Ивана IV, признал эту истину и поклонился ей. Он установил с Церковью отношения, в которых многие видят подлинную «симфонию». Слово истины, сказанное Богом через Филиппа, сыграло в этом, надо полагать, очень важную роль.

С другой стороны, «симфония», сложившаяся в царствование Алексея Михайловича, слишком во многом опиралась на великое прошлое и слишком во многом была раздираема настоящим. В конце концов она омрачилась конфликтом государя и Никона, а затем и великим церковным расколом. Тот же Первушин сокрушается: раскол вызвал падение духовного авторитета церковной власти, а в перспективе и полное ее устранение от дел правления в России! Выходит, торжество истины оказалось очень кратковременным и даже подвиг святого Филиппа повлиял на ситуацию слишком незначительно? Вот и Г. П. Федотов говорит с печалью: «Царь Алексей Михайлович был, может быть, единственным, достойным носить священный венец. Тишайший, благочестивейший, почти святой — он поражает нас силой веры, детской чистотой сердца и желанием правды. И что же? Как посмеялась история над его святыми надеждами! Всего несколько лет отделяют ликующие слова его письма от нового грозного «разделения». Снова священство и царство столкнулись в мучительной для обоих борьбе — на этот раз не по вине царя. Еще немного лет, и жестокое разделение прошло по всему телу церкви русской, расколов ее во имя разного понимания той самой «веры и истины», стоять за которые до смерти призывал царь Алексей Михайлович. Снова социальные судороги потрясают народное тело: мятеж Разина, стрелецкие бунты. А за ними уже встает исполинский призрак Императора, который нанес смертельный удар святой Руси, ниспровергнув, казалось, все устои, на которых строилось древнее священное царство. Теократия в России окончилась срывом, вместе с крушением национальной культуры. Пышное цветение культа набрасывало покров святости над неправдой, о которой тысячами голосов кричала русская земля».

Но так ли правы эти мыслители? Раскол, конечно, является одной из величайших трагедий русской жизни, но не лепят ли из него фетиш? Не слишком ли много «порчи» в истории Русской цивилизации валят на раскол XVII столетия?

Никон сделал для Русской церкви немало доброго. Он боролся с пьянством и невежеством духовенства, искоренял леность в богослужении, строил новые храмы и создавал монастыри. Именно ему принадлежала идея возвести прекрасный, величественный Новый Иерусалим в Подмоскovie, сообщив, таким образом, всему православному миру:

столица России претендует на роль Второго Иерусалима — города, в древности наполненного благодатью, угодного Богу. Никон возвел церковный авторитет на небывалую высоту.

Его упрекают в грекофильстве да еще в каком-то особенном произволе по части книжной sprawy. Да, Никон изъясил из канонической и богослужебной практики некоторые обыкновения, устоявшиеся на Руси. Иногда это было исправлением ошибок, но чаще — простой заменой на греческий образец. Постоянные обвинения со стороны греческих иерархов в невежественных «искажениях», присущих русским литургическим книгам, не давали нашей Церкви шансов на повышение статуса в православном мире. Никон решил пойти на уступки. Провинциальным ревнителям благочестия^[105] подобные уступки показались подозрительными и даже преступными. Но к худу ли они вели? Допустим, изменения в Псалтыри и Служебнике, напечатанных в патриаршество Никона и вызвавших острую полемику, усилили гомогенность православного мира. Не на ересь меняли, а на формы, взятые из дружественной православной традиции! Не произошло сокрушения Заповедей, догматов, священноначалия, да и Символ веры остался в неприкосновенности. В будущем рост влияния Русской церкви в православном мире мог бы привести к большей популярности славянских эталонов, славянского монашества, славянской святости. Да во многом так и случилось^[106].

Христианскому вероучению не горячо и не холодно от амбиций одной поместной Церкви, направленных на то, чтобы достигнуть положения, которое утвердила за собой другая поместная Церковь. Стань московский патриарх вселенским, он не обрел бы от этого больше благочестия, а лишь произошло бы утверждение естественно сложившейся ситуации. Ведь и сейчас Москва, как мощнейший в мире центр православия, способна претендовать на вселенский статус, более того, некоторые усилия в этом направлении уже предпринимаются... Может быть, для христианства было бы лучше (меньше соблазна для всех), если бы греки сами предложили Москве первенство, а она, напротив, не торопилась его принимать? С другой стороны, огромное страдание, выпавшее на долю нашей Церкви в XX веке, дало столько имен новых праведников и мучеников! Память их твердого стояния в истине могла бы оказать очистительное воздействие на мировое православие. Так не замыслил ли Господь распространить опыт русской религиозной жизни по всему миру православных людей?

Нет тут ничего однозначного, никаких прямых и очевидных ответов.

Можно подойти к проблеме и с иной стороны. Чем плохо, что на Московский печатный двор пришел в качестве консультанта большой книжник и полиглот Епифаний Славинецкий? Он воспроизводил греческие образцы, но никакого лиха тут нет. Стал ли катастрофой уход оттуда старого и опытного справщика^[107] Ивана Наседки? Вовсе не очевидно. Грамотные специалисты уходят и приходят. Будь на месте грекофила Епифания Славинецкого провинциальный ревнитель Иван Неронов или сам протопоп Аввакум, как знать, не наворотил бы такой консультант настоящих крупных искажений?

В реформаторских усилиях Никона всё чаще видят по преимуществу зло, хотя были они в основном благом. Ненужные отличия в богослужебном быту нашей Церкви от прочих православных церквей пали, братская связь с ними окрепла.

Тогда с какого момента и почему начался великий раскол в нашей Церкви? Что пошло не так?

Дело тут не в сути реформы, а в способах ее проведения.

Притча, рассказанная через жизнь митрополита Филиппа и государя Ивана Васильевича, вывернулась наизнанку. Никон занимал патриаршую кафедру всего шесть лет — с 1652 по 1658 год, в то время как государь правил с 1645 года по 1676-й. Но «грозным» в этой паре был именно Никон. Ему мало было укрепить священство, поднять его значение. Ему мало было возвысить Московский патриарший дом. Ему мало было исправить духовенство. Он желал быть строгим учителем царя и давать ему советы, по принципу христианского послушания равные приказам. И не в духовной сфере, а светской, в том числе и в такой истинно царской вотчине, как дипломатия. Патриарх непозволительно далеко вторгся в область государственных дел. Но духовное наставничество в отношении светского правителя нельзя менять на владычество. Нет в христианском вероучении догмата, из которого следовало бы, что патриарх может дублировать царя, становиться «вторым царем». Не будучи вправе судить, смею лишь задать вопрос: не подкралась ли к патриарху Никону гордыня? Не цапнула ли она его за душу? Не поддался ли он соблазну политических игр?

И этим еще не исчерпывается проблема. Филипп был наполнен верой, любовью, милосердием. Он хранил дух любви, выветрившийся из общества от жестокостей Ивана IV. Он хранил веру, расшатанную странными выходками опричного воинства^[108]. А сколько любви и милосердия уместилось в Никоне? Он похож на мрачных пророков

ветхозаветной истории: Ездру, Неемию. Это был патриарх с «железными руками». А Церковь хотя и жестко иерархическая структура, но всё же не армия. Разве можно подвигать ее на великие перемены одной только дисциплиной и угрозами суровых наказаний, строгостью и жёсточью? Не верится, что благая перемена может родиться из страха перед гауптвахтой или трибуналом. Церковь знает крестные ходы, но не ведает марширующих колонн; Церковь понимает слова «смирение», «послушание», но команды «равняйся!», «смирно!», «шагом марш!» — не для нее. Милосердие, мягкость и человеколюбие, будь они в нужный момент проявлены Никоном, вероятно, замедлили бы движение церковной реформы, но зато избавили бы Церковь от раскола. Цели реформы были бы достигнуты без ужасающих потерь, нанесенных радикализмом ее проведения.

Реформе не хватило любви, вот в чем беда. Узилища, холодные цепи, костры, жестокая ругань на богословских диспутах... Неумолимо тяжкое давление одних и горделивое упрямство других. Где тут любовь? На ее месте — взаимное желание уничтожить друг друга.

С другой стороны, как ни горек раскол, а Церковь не погибла, восстановилась. Не среди старообрядцев просияли величайшие святые императорского периода. Не староверами были Серафим Саровский, Николай Японский, Феофан Затворник, великая княгиня Елизавета Федоровна. Много худого случилось с нашей Церковью в синодальную эру, а еще того пуще — в советские времена. Но ее не одолели. Да и хорошего происходило с нею немало. Тут и старчество, и духовное просвещение, наконец-то пустившее корни на русской почве, тут и нынешнее «второе крещение Руси».

Многие публицисты в безграничной любви к старообрядчеству пускаются в рассуждения: дескать, теплое народное чувство к Церкви пало, иерархами становились равнодушные люди, и в конце концов Петр I, чувствуя церковное нестроение, решил идти по пути насаждения в России западноевропейских вероисповедных форм. Раз свое худо, не поискать ли лучшего на стороне? Тем самым Церкви был нанесен страшный удар, но она сама в этом виновата. А староверы-де сохранили заветное знание, истовость веры, древние культурные устои...

Нет ли во всем этом старой интеллигентской болезни: неприятно поклоняться сильному, не хочется уважать его; но как хорошо поклониться слабому, проигравшему, пусть даже ставшему маргиналией на полях культуры, и как просто даровать ему жезл стояния в истине! А не страшна ли великая гордыня первых лидеров старообрядчества, смевших поливать последними словами архиереев, а себя считавших главными экспертами по

делам веры? Не страшно ли их желание через Никона подчинить себе церковную иерархию, сделать ее своим послушным орудием? Не страшно ли неубывающее пристрастие самых кровавых бунтовщиков к «старой вере»? Не страшны ли «гари», уничтожавшие тысячи людей из-за прихоти очередного высокоумного старца? Как много там истовости! Но как мало любви... Как много твердости, но до чего же мало смирения! И сколь велика доля чудовищной вероисповедной отсебятины.

К староверам были жестоки — не по уму. Они же, со своей стороны, истощали души в упрямстве. Не напрасно старообрядчество распалось на множество «толков» и «согласий», от очень значительных до ничтожных: расколуучители не могли договориться даже друг с другом, ведь их вели по пути бесконечных споров огромная гордыня да ухищрения сухого разума. И сколько поведумано ими запретов, добавок и пояснений к православному вероучению, хотя брались они «за аз единый» стоять до смерти, слова не порушить... Уже какое по счету поколение староверов с нетерпением ждет Страшного суда. Всё бегут в горы да в лесные дебри. А кто-то из них считает, что живет в апокалиптическую эпоху, хотя сроков не дано знать никому. Господь дает нам жить, и любые пророчества о конце света до сих пор оказывались сущей блажью. А где оно, это заветное знание, сохраненное в «старом обряде»? В каком «согласии»? У «бегунов»? У «спа-совцев»? У «федосеевцев»? У «часовенных»? Самые крупные «согласия» староверов нашего времени — и наиболее спокойные. Они гораздо ближе к Русской православной церкви, чем к небольшим старообрядческим общинам радикального толка.

Быть может, в раскол ушла не высшая праведность, а какая-то тяжелая болезнь русской души. Не столь он был богат ревнителями — их и в Русской православной церкви хватает, — сколько начетчиками. Тяжко им согнуть выю перед церковной иерархией, вольнее быть на задворках, зато по своему разумению. Их твердость так привлекательна! Но только взглянешь, в чем она проявляется, ради чего она существует, и сейчас же отвращаешься. Один из величайших ревнителей благочестия середины XVII века, Стефан Вонифатьев, сокрушался сердцем о том страшном раздразе, который происходил в Церкви. Ссорились люди хорошо друг другу знакомые, в прошлом — добрые товарищи. Ссорились непримиримо, ужасно, будто каленым железом выжигали из сердец смирение и милосердие. И Вонифатьев ушел в монастырь, оставшись ревнителем, но не став раскольников. Может быть, именно он в трудной, соблазнительной ситуации оказался мудрее всех: в его сердце осталась любовь и к Никону, и к его противникам...

Так чего же больше в правлении Никона — торжества христианства или же его умаления? Трудно дать однозначный ответ, но всё же доброго было сотворено очень много. А могло бы быть еще больше, да вот беда: возница больших церковных преобразований не умел держать в узде собственные страсти.

Та же притча, но с иным итогом...

Глава девятая

ПАМЯТЬ. СВЯТЫЕ МЕСТА, СВЯЗАННЫЕ С ИМЕНЕМ МИТРОПОЛИТА ФИЛИППА

С середины XVII столетия Филипп — высокочтимый святой всей Русской земли, особенно же любимый духовенством.

В патриаршей ризнице Кремля хранится драгоценный покров с изображением святителя. В 1650 году его дали вкладом в Соловецкий монастырь представители семейства Колычевых. Покров на раку с мощами Филиппа был выполнен по заказу стольника Ивана Дмитриевича Колычева. Митрополит изображен в полном святительском облачении — «крещатом» саккосе, омофоре, с палицей. По сторонам головы святого вышита именующая надпись: «Агиос Филипп митрополит». Отличительной чертой образа на покрове является еще не сложившаяся до конца иконография святителя. Филипп показан в куколе, хотя позднее он изображался в святительской шапочке. В шитье лика также видны отличия от традиционного образа — близко посаженные узкие глаза, темная заостренная борода и длинные усы. Современный исследователь считает, что «...эти подчеркнута индивидуализированные черты, возможно, были продиктованы знаменщику^[109] непосредственно заказчиками покрыва, которых со святителем соединяли родственные узы».

Во множестве появляются иконы и строятся храмы, освященные во имя митрополита Филиппа. Первый храм появился стараниями Никона — в знаменитом валдайском Иверском монастыре на Новгородчине (эта обитель вообще стала любимым детищем патриарха, ее основателя). В 70-х годах XIX столетия вместо древней Филипповской церкви в монастыре была построена новая, сохранившаяся и доньше.

В Петровском храме тверского Отроча монастыря в XVII веке возник придел во имя митрополита Филиппа. А в 1900 году там же, на месте его мучений, была возведена Филипповская часовня^[110].

Осенью 1653 года и в Ярославле также возникла маленькая деревянная церковь во имя святого митрополита.

Таким образом, особое почитание Филиппа широко распространилось по России еще в XVII столетии.

Из прочих храмов, освященных во имя святителя Филиппа, более всех известна большая столичная церковь, выстроенная в Мещанской слободе (1788) М. Ф. Казаковым в стиле «классицизм». Она стоит на месте старинного деревянного храма середины XVII века и каменного — конца столетия^[111]. По преданию, недалеко от этого места в 1652 году москвичи встретили мощи святого Филиппа во время их перенесения из Соловецкого монастыря в Успенский собор Кремля. В 1939 году церковь закрыли, но с начала 1990-х Филипповский храм опять стал действующим. Тут находится икона с частицей мощей святителя. Образ с мощевиком стоит рядом с алтарем и легко доступен для паломников. Здесь же хранится большая икона XIX столетия, к которой прихожане относятся с особым почитанием. На иконе митрополит Филипп изображен во весь рост, в архиерейском одеянии, с жезлом и книгой. Интерьер церкви украшен масляными росписями XIX столетия, представляющими сцены из Жития святителя. Нижний (проходной) этаж колокольни расписан совсем недавно. Большая часть тем этой росписи взята из соловецкого периода жизни Филиппа. Снаружи, справа от входа в колокольню, можно отыскать большое изображение крестного хода москвичей, встречавших гроб с мощами святого в 1652 году.

В советские времена храмовые здания использовали для разных нужд: под архив, под склад и даже под конюшню. Казалось бы, эпоха варварского отношения к Церкви давным-давно завершилась. Но до сих пор обыденность порой сталкивает нас с такими глубинами бесстыдства, что... хоть святых выноси — в буквальном смысле. В современной России хватает людей, для которых Рубль заменил Бога.

К знаменитому зданию Центрального дома литераторов на Большой Никитской улице в Москве примыкает небольшой домовый храм Святого Филиппа. Усадебный дом был возведен в 1802 году князем А. Н. Долгоруким, одноклассная церковь пристроена в 1859 году следующим владельцем дома — бароном Боден-Колычевым. Позднее особняк перешел к Соллогубам. Церковь была опечатана в августе 1921-го. Настенную живопись замазали в 1920-е годы, главку сняли. В советское время здание принадлежало Союзу писателей СССР, а после 1991 года — одному из союзов писателей. На какое-то время храм передали общине Российской православной католической церкви, не признанной Русской православной церковью и «прославившейся» связями с организованной преступностью. Затем общину «самосвятов», обосновавшуюся в Филипповском храме, лишили здания. Казалось, в сердце Москвы появится еще один православный приход — внутри Садового кольца, недалеко от Никитских

Ворот. Но не тут-то было. Храм переоборудовали под... харчевню. Не в советское время, а совсем недавно — уже в «нулевых» годах! И сейчас в центральной части храма можно приобщиться к «животворящему» пивку и откусать плоти барашка. Желающие пообедать могут комфортно устроиться за столиком прямо в апсиде, там очень уютно. Над входом в здание водружена крупная (чтобы никто не перепутал с церковью) вывеска: «Литературное кафе», а интерьер украшен изображениями русских и советских классиков. Кое-кто из них, по всей вероятности, волчком вертится в гробу от такой «почести»... Почему этот храм до сих пор не стал достоянием Церкви? Почему к кощунственному пребыванию кафешки на месте, где раньше велись богослужения и поминалось имя одного из самоотверженных деятелей Русской церкви, относятся спокойно, например, сами писательские власти? Причина одна, простая и понятная: Рубль-то до сих пор в зените, ему помолишься — и наполнит карман.

Смотреть на это кощунство больно^[112].

Была в Москве третья церковь во имя митрополита Филиппа — при Казанском железнодорожном техническом училище. Ее возвели в 1912 году, но до наших дней она не сохранилась.

А на Соловках, где почитание святителя установилось раньше чем где бы то ни было, лишь в 1688 году появилась небольшая церковь Святого Филиппа. Прежде того иноки не имели возможности прославить любимого святого воздвижением храма — монастырь сильно пострадал от осады правительственными войсками, присланными брать обитель штурмом из-за укоренения здесь раскольников духа. От древнейшей Филипповской церкви сейчас ничего уже не осталось. Старинный храм располагался у больничного корпуса, который в конце XVIII столетия перенесли в здание, стоящее напротив Спасо-Преображенского собора. Тут и был возведен новый Филипповский храм (1798–1799). Раньше его украшал высокий восьмигранный барабан с главкой. Но в 1932 году церковь страшно пострадала от пожара и верхняя часть восьмерика разрушилась. С тех пор храм принял крайне необычный вид: крыша оформлена в виде низенькой, приплюснутой беседки, на ней укреплен маленький крест... Зато в 2001 году церковь после большой реставрации была освящена самим патриархом Алексием II, передавшим братии ковчег с мощами святителя Филиппа. Ковчег хранится в алтаре храма. Здесь же, на хорах, стоит икона святителя Филиппа необычного письма. У братии она пользуется особым почитанием. Большую часть года здесь же находятся мощи преподобных Зосимы, Савватия и Германа Соловецких, а также священномученика Петра (Зверева), архиепископа Воронежского.

В самом Спасо-Преображенском храме, у правой части иконостаса, на аналое лежит чтимая икона Филиппа с частицей его мощей.

В 2007 году соловецкие монахи возобновили часовню во имя Рождества Богородицы на том месте, где инок Филипп обрел «Хлебный» образ Богородицы. До революции здесь располагалась церковь, но в наши дни и часовня-то появилась на ее месте лишь благодаря частному пожертвованию. Почитаемый список «Хлебной» иконы хранится ныне в Георгиевской церкви на Соловецком подворье в Москве.

На Большом Соловецком острове есть и другие святые места, связанные с именем Филиппа. Одно из них монастырское предание возводит к 1652 году, к эпизоду с прибытием Никона на Соловки. Забирая мощи Филиппа, Никон поверг всю иноческую братию в глубокую скорбь. На том месте, где рака с мощами святого коснулась соловецкого берега в последний раз, вскоре встал поклонный крест. Позднее его заменили деревянной часовней. А в 1846–1852 годах, к двухсотлетию перенесения мощей, часовня была заново отстроена в камне. Она-то и дошла до наших дней. История Филипповской часовни имела славное продолжение в 1989 году, после долгого запустения советских времен. Именно здесь начались первые богослужения возродившейся на Соловках православной общины.

Наконец, широко известно место, где инок Филипп жил в одиночестве и предавался аскетическим подвигам, — до того, как стал игуменом обители. К западу от монастыря, близ дороги к Сергиевскому скиту на острове Большая Муксалма, в лесу скрыто озерко Игуменское. Недалеко от него открывается место, где прежде стояли здания Филипповской пустыни. Когда-то, при Филиппе, в середине XVI века тут были небольшая деревянная келья да колодец, откуда инок брал воду. В XIX веке над колодцем вырос храм, освященный во имя иконы Божией Матери «Живоносный источник», а рядом появился келейный корпус. Неподалеку с давних времен стояла деревянная Филипповская часовенка. Поодаль — еще одна, на месте кельи святителя, похожая на застекленную беседку. В последней монахи сберегали большой камень, служивший много веков назад «подушкой» иноку Филиппу. Таким образом, в предреволюционные времена Филипповская пустынь включала в себя целый комплекс зданий. Ее называли также Иисусовой — вспоминая о том, как являлся здесь Господь будущему митрополиту. При советском лагерном начальстве сначала закрылась пустынь, а затем это место вконец разорили. По сообщению современных знатоков соловецкой старины, власти разместили здесь подразделения биосада и химическую лабораторию. «В 1928 году сторожем в пустыни работал находившийся в заключении

священномученик Илларион (Троицкий), архиепископ Верейский (умер в 1929). В течение нескольких месяцев владыка имел возможность вести тут уединенную жизнь и даже принимал посетителей... В 1934–1936 годах в Филипповской пустыни содержался другой соловецкий узник — ученый и богослов отец Павел Флоренский (умер в 1937). Молитва не переставала звучать в древней пустыни и в лютые времена гонений на Церковь».

В августе 2008 года, когда автор этой книги посетил Соловки, тут стоял превосходно отреставрированный Церковью келейный корпус, неподалеку от него — колодец и деревянный резной поклонный крест. Каменная «подушка» инока Филиппа хранится сейчас в Филипповской церкви Соловецкого монастыря. Видимо, с XIX века на ней появилось рельефное изображение лика святителя^[113].

О двух больших каменных храмах, возводившихся на Соловках в игуменство Филиппа, а также о других его постройках подробно рассказывалось выше, в третьей главе книги.

Сегодняшние Соловки проникнуты культом святого Филиппа, здесь его земную жизнь знают очень хорошо. От причала в гавани Благополучия ходит по беломорским волнам, раздвигая туманы, туристический кораблик «Святитель Филипп».

Особое почитание святого Филиппа постепенно возрождается в наши дни. Совсем недавно на берегу Казачьей бухты в Севастополе вырос еще один храм во имя его. Маленькую Филипповскую церковку собственноручно построила в деревне Селищи Тверской области семья педагогов Куракиных вместе со своими воспитанниками из приюта для сирот. Наконец, в деревне Мехлесхоз Павлово-Посадского района Московской области новенькая Филипповская часовня появилась в 2003 году.

Воспоминание о духовном подвиге митрополита Филиппа вновь ожило в наши дни, и вновь воспламеняет оно сердца русских людей.

Память кончины святителя Филиппа празднуется Русской православной церковью 9 января по старому стилю, а память о перенесении мощей — 3 июля. 5 октября Филиппа поминают вместе с четырьмя другими всероссийскими святителями — Петром, Ионой и Алексием, митрополитами Московскими, а также Гермогеном, патриархом Московским. 9 августа его память отмечается в соборе соловецких святых, в третье воскресенье по Пятидесятнице — в соборе новгородских святых, в первое воскресенье после 29 июня — в соборе тверских святых, а во второе воскресенье по Пятидесятнице — в соборе Всех Святых, в земле Российской воссиявших.

Его мощи остаются в Успенском соборе Московского Кремля. В настоящее время они находятся в раке у южного входа в храм, перед самым иконостасом. Шатер, выстроенный над ракой, — поздний. Для туристов и богомольцев подход к мощам перегорожен скромной музейной веревочкой. У Филиппа была беспокойная жизнь, а после смерти его останкам пришлось много путешествовать. Теперь у них тихое пристанище. Лишь в редкие дни богослужений, проводимых в Успенском соборе, паломник, если повезет, может прикоснуться губами к раке старинного московского святителя.

Но Филиппа помнят — так, как помнят очень немногих святых в огромном пантеоне Русской православной церкви.

Он был воителем за любовь, и любовью платят ему потомки.

Москва — Соловки, 2007–2008

ПРИЛОЖЕНИЯ

«Приговор» об избрании Филиппа на митрополию^[114]

Лета 7074^[115] июля 20.

Понужал царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси со архиепископы и епископы и со всем собором боголепного Преображенья Господа нашего Иисуса Христа и великих чудотворцов Зосимы и Саватая Соловецких игумена Филиппа на митрополью. И игумен Филипп о том говорил, чтоб царь и великий князь отставил опришнину. А не отставит царь и великий князь опришнины, и ему в митрополитех быти невозможно. А хоши его и поставят в митрополиты, и ему за тем митрополья оставите; и соединил бы воедино, как прежде того было. И царю и великому князю со архиепископы и епископы в том было слово, и архиепископы и епископы царю и великому князю били челом о его царском гневу. И царь и великий князь гнев свой отложил, а игумену Филиппу велел молвите свое слово архиепископом и епископом, чтобы игумен Филипп то отложил, а в опришнину и в царьской домовой обиход не вступался, а на митрополью бы ставился. А по поставление бы, что царь и великий князь опришнины не отставил и в домовой ему царьской обиход вступатися не велел, и за то бы игумен Филипп митропольи не отставливал, а советовал бы с царем и великим князем, как прежние митрополиты советовали с отцем его великим князем Васильем и с дедом его великим князем Иваном. И игумен Филипп по царьскому слову дал свое слово архиепископом и епископом: что он, по царьскому слову и по их благословению, на волю даетца стати на митрополью, а в опришнину ему и в царьской домовой обиход не вступатися, а по поставленьи за опришнину и за царьской домовой обиход митропольи не отставливати. А на утвержение к сему приговору нареченный на митрополью соловецкой игумен Филипп и архиепископы и епископы руки свои приложили. А писал сесь приговор митрополич диак Илья Царегородцев.

Нареченной на митрополью соловецкий игумен Филипп руку приложил.

Смиренный Пимин, Божиею милостию архиепископ Великого Новаграда и Пскова.

Смиренный Никандр архиепископ [Ростовский и Ярославский]

Смиренный Симеон епископ [Смоленский и Брянский]
Смиренный Филофей епископ [Рязанский и Муромский]
Смиренный епископ Иосиф [Коломенский и Каширский]
Смиренный Галактион епископ [Сарский и Подонский]
Смиренный Иоасав епископ Пермьски и Вологодцки.

Чудеса, случившиеся на могиле митрополита Филиппа (по его Житию)

[\[116\]](#)

О муже Василии, исцелившем молитвами святого Филиппа митрополита

Прошло немного времени после перенесения мощей блаженного Филиппа, и Феодосий иеромонах поведал мне следующее. «Некий муж, — сказал он, — именем Василий, из восточных краев, жил в обители преподобных отцев Зосимы и Савватия. Он был наделен добрым желанием к Богу и теплой верой во святых. Но славился и ручным художеством. Игумен той обители повелел ему с прочими тружущимися готовить бревна для поновления церкви и прочие монастырские потребности. Когда же они занялись рубкой леса, одно большое дерево упало на него. Кости его оказались переломаны, на теле образовалось множество ран. Сам он стал вроде расслабленного из Евангелия, которого исцелил Иисус. Спутники Василия едва довели его до обители. Он уже не помышлял о жизни, готовясь умереть. Сердце его, ум и утроба уязвлялись огнем печали. Сокрушаем тяжелой скорбью, он не мог двигаться или говорить, но только вздыхал и стонал. В слезах он обратился к блаженному Филиппу, призывая его помочь в болезни: «Ты мне будь надеждой и прибежищем, страдалец, спаси меня, погибающего ныне». Прошло три года, но болезнь его не покидала.

Но вот пришел праздник Рождества Христова. Друзья Василия пошли к утренней молитве. Сам же он оставался на ложе болезни и плакал. Думая о своих бедах, он печалился: «Кто мне, кроме Бога, подаст надежду к спасению? В ком обрету утешение? Кем избавлен буду от этой напасти?» Он уже перестал хотеть жить. Не попустил ему Бог и дальше сокрушаться печалью, ибо он скоро подает милость угодникам своим.

Заснув, больной увидел себя на всеобщем собрании с иноками, и сердце его наполняется радости от того, что он видит. А видит он блаженного Филиппа в святительских одеждах, окруженного сиянием,

кадящего инокам. «Когда же, — говорит, — приблизился он к моему ложу, посмотрел на меня и сказал: «Встань, Василий!» Больной отвечал ему: «Господи, владыка, не могу». «Тогда взял меня за руку святой и сказал: «Будь здрав именем Господним и ходи»... Вздвогнув и пробудившись, — рассказывает больной, — я почувствовал себя здоровым и увидел, что я стою у своего ложа». Когда-то он едва мог пошевелиться, а ныне ходит, не чувствуя боли. Возблагодарив Бога и святого, он пришел к утренней службе и поведал обо всем случившемся монахам, которые собрались в церкви. С друзьями он светло отпраздновал день своего исцеления. И ко гробу святого приходил, обнимал и целовал его, благодаря. А потом воздавал хвалу Богу, даровавшему такую благодать своему угоднику блаженному Филиппу»...

Об иноке Исaйе

Другую историю поведал мне священноинок Геронтий той же Соловецкой обители. Он говорил: «Брат по имени Исaйя прославился как великий труженик. У него была теплая вера в блаженного Филиппа, и на нее Исaйя получил достойное воздаяние.

Однажды у него заболели зубы, да так, что не было спасения от боли. Оставалось только вырвать их. Одна болезнь притянула к себе другую. У Исaйи отнялись ноги, он не мог сдвинуться с места. Хвори эти его не отпускали долгое время. Горюя, он целыми днями не выходил из кельи. В конце концов он умолил братьев, живших в той же келье, ради сочувствия к его болезни довести его до раки блаженного Филиппа: может, хотя бы там он получит некое утешение в страданиях своих от общего предстателя. Брат Григорий решил ему помочь, хотя тащить Исaйю было тяжело. Доставив его ко гробу святого Филиппа, Григорий оказался свидетелем чуда. Больной, увидев перед собой раку святого, простер моление к Господу, прося себе исцеления, и дерзнул прикоснуться к раке.

Ибо просящему будет дано, как говорил Иисус. И получил Исaйя по вере: недуг его умягчился. Если прежде он не мог шагнуть даже с помощью других людей, то теперь ходил сам. А получил он исцеление от обеих хворей, ясно проповедуя Божье величие и силу блаженного Филиппа в чудесах, принявшего эту благодать от Бога».

Об Иване серебрянике

Во океанской пучине, в Поморье, на реке, называемой Варзуга, живет немало деревень, питающихся от богатства морского. Там жил и один муж, именем Иван, мастер работы по серебру. Он пришел в обитель

преподобных Зосимы и Савватия, на Соловки, и поведал о себе на собрании инокам. «Однажды со мной случилась беда, — рассказывал он, — разболелось у меня всё внутри, и никакая врачебная хитрость не могла справиться с хворью. От печали и безнадежности я даже призывал смерть. Я страдал долго и без ослабы. День проходил, ночь приближалась^[117], а мне ниоткуда не было утешения. Оставалось мне надеяться только на Господа.

Господь же наш скор к милости и многотерпелив, ведь сколько у него божественной любви к людям! Он изволит действовать через своих святых. Как-то в ночное время я не спал и не бодрствовал, а подремывал. Вдруг передо мной предстал муж светолепен в святительской одежде и заговорил: «Человече, чем ты болеешь?» Я же ответил: «Господи, утроба мучает меня». Святой же попросил: «Покажи место, которое у тебя болит». Я показал пальцем. Блаженный осенил меня крестным знамением и сказал: «Ты не знаешь меня? Я митрополит Филипп с Соловков», — и тут же сделался невидим.

Пробудившись, я почувствовал себя здоровым — после посещения святого. И радовался знамениям и чудесам, сотворенным Божиим страстотерпцем».

Молитва, тропарь и кондак святому Филиппу

Молитва

О пречестная и священная главо и благодати Святаго Духа исполненная, Спасово со Отцем обиталище, великий архиерее, теплый наш заступниче, святителю Филиппе! Предстоя у престола всех Царя и наслаждался света Единосущные Троицы и херувимски со ангелы возглашая песнь трисвятую, великое и неизследованное дерзновение имея ко Всемилостивому Владыце, молися паствы Христовы спасти людей, благостояние святых церквей утверди, архиереи благолепием святительства украси, монашествующих к подвигам доброго течения укрепи, царствующий град и вся грады и страны добре сохрани, и веру святую непорочную соблюсти умоли, мир весь умири, от глада и пагубы избави ны, и от нападения иноплемennых сохрани, старья утеши, юныя настави, безумныя умудри, вдовицы помилуй, сироты заступи, младенцы возрасти, плененные возврати, немоществующия исцели, и везде тепле призывающих тя и с верою притекающих к тебе и усердно припадающих и

молящихся от всяких напастей и бед ходатайством твоим свободы. Моли о нас Всещедрого и Человеколюбиваго Христа Бога нашего, да и в день страшного пришествия Его шуияго стояния избавит нас и радости святых причастники сотворит со всеми святыми во веки. Аминь.

Тропарь, глас 8-й

Первопрестольников преемниче, столпе Православия, истины поборниче, новый исповедниче, святителю Филиппе, положивый душу за паству твою, темже яко имея дерзновение ко Христу, моли за обитель сию и люди, чтущия достойно память твою.

Кондак, глас 3-й

Православия наставника и истины провозвестника, златоустаго ревнителя, российского светильника, Филиппа премудраго восхвалим, пищею словес своих разумно чада своя питающа: той бо языком хваления пояше, устама же пение вещаше, яко таинник Божия благодати.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ МИТРОПОЛИТА ФИЛИППА [\[118\]](#)

1507, 11 февраля — рождение в семье представителя старого боярского рода Степана Ивановича Лобанова-Колычева первенца Федора.

1537, июнь — уход Федора Колычева из дома, путешествие пешком через Новгородчину до Соловков.

Конец года (или 1538, первая половина) — начало пребывания Колычева в Соловецком монастыре в качестве послушника.

1539 (или начало 1540) — пострижение в монахи с принятием имени Филипп.

1544, лето (?) — конец года (или 1545, начало) — первое поставление Филиппа от архиепископа Новгородского Феодосия в игумены Соловецкого монастыря. Отход от настоятельских дел.

1546, июль — окончательное утверждение Филиппа на игуменстве в Соловецком монастыре.

1547 — прославление на общерусском церковном соборе основателей Соловецкого монастыря Зосимы и Савватия в лике святых.

1551/1552 — 1557 — строительство по указанию игумена Филиппа и при его участии Успенского храма, трапезной, келарской палаты и других хозяйственных помещений в Соловецкой обители. Мощение дорог, соединение озер каналами, расширение Святого озера, постройка большой мельницы, других инженерных и гидротехнических сооружений на Большом Соловецком острове (датировка дискуссионна). Возведение на Большом Заяцком острове монастырской гавани и поварни с людской (гостиницей).

1558, май — 1566, август — строительство по указанию Филиппа и при его участии Спасо-Преображенского собора в Соловецкой обители.

1566, 25 июля — поставление игумена Филиппа в сан митрополита Московского и всея Руси.

1567, 19 января — проведение Филиппом церковного собора для избрания преемников на вакантные архиерейские кафедры.

Декабрь — открытое выступление Филиппа против опричнины на церковном соборе.

1568, январь (?) — первое обличительное выступление Филиппа в Успенском соборе Кремля.

8 февраля (?) — второе обличительное выступление Филиппа в Успенском соборе Кремля.

22 марта (?) — снятие церковным собранием с Филиппа ложных обвинений в содомском грехе.

Май — работа следственной комиссии по «делу» Филиппа на Соловках.

28 июля — столкновение Филиппа с Иваном IV после окончания крестного хода в Новодевичьем монастыре.

Конец июля — август — переезд Филиппа из Кремля в московскую обитель Николы Старого.

4–8 ноября — выступление с последней проповедью; извержение из святительского сана собором православных архиереев; арест и перевод Филиппа сначала в московский Богоявленский монастырь, а потом опять в обитель Николы Старого.

1569, 9 января — отправка Филиппа в заточение в тверской Отроч монастырь.

23 декабря — насильственная смерть от рук опричника Малюты Скуратова.

1590, начало года — разрешение царя Федора Ивановича перенести мощи митрополита Филиппа из тверского Отроча монастыря на Соловки.

8 августа — погребение мощей митрополита Филиппа в Соловецкой обители.

1636 — служба святому Филиппу входит в Минею московской печати.

1646, 30–31 мая — перенесение мощей святого Филиппа внутрь Спасо-Преображенского собора Соловецкого монастыря.

1652, 3 июня — прибытие на Соловки «посольства» из Москвы за мощами святого Филиппа.

9 июля — доставка мощей святого Филиппа в Москву, где они были поставлены на Лобном месте на Красной площади, а затем перенесены в Успенский собор Кремля.

19 июля — помещение мощей святого Филиппа в раку в Успенском соборе.

1989 — возобновление православных богослужений в Филипповской часовне на Большом Соловецком острове.

ИЛЮСТРАЦИИ

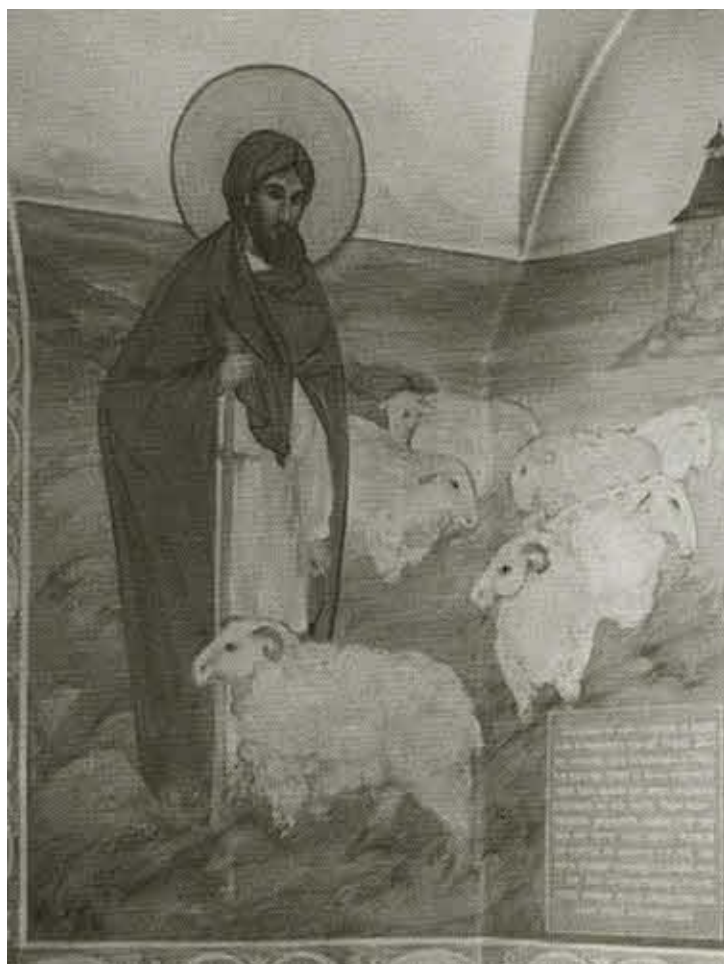

Анлиппзрѣкѣпрнложѣ

Федор Колычев покидает родителей.

Миниатюра из Жития святого Филиппа

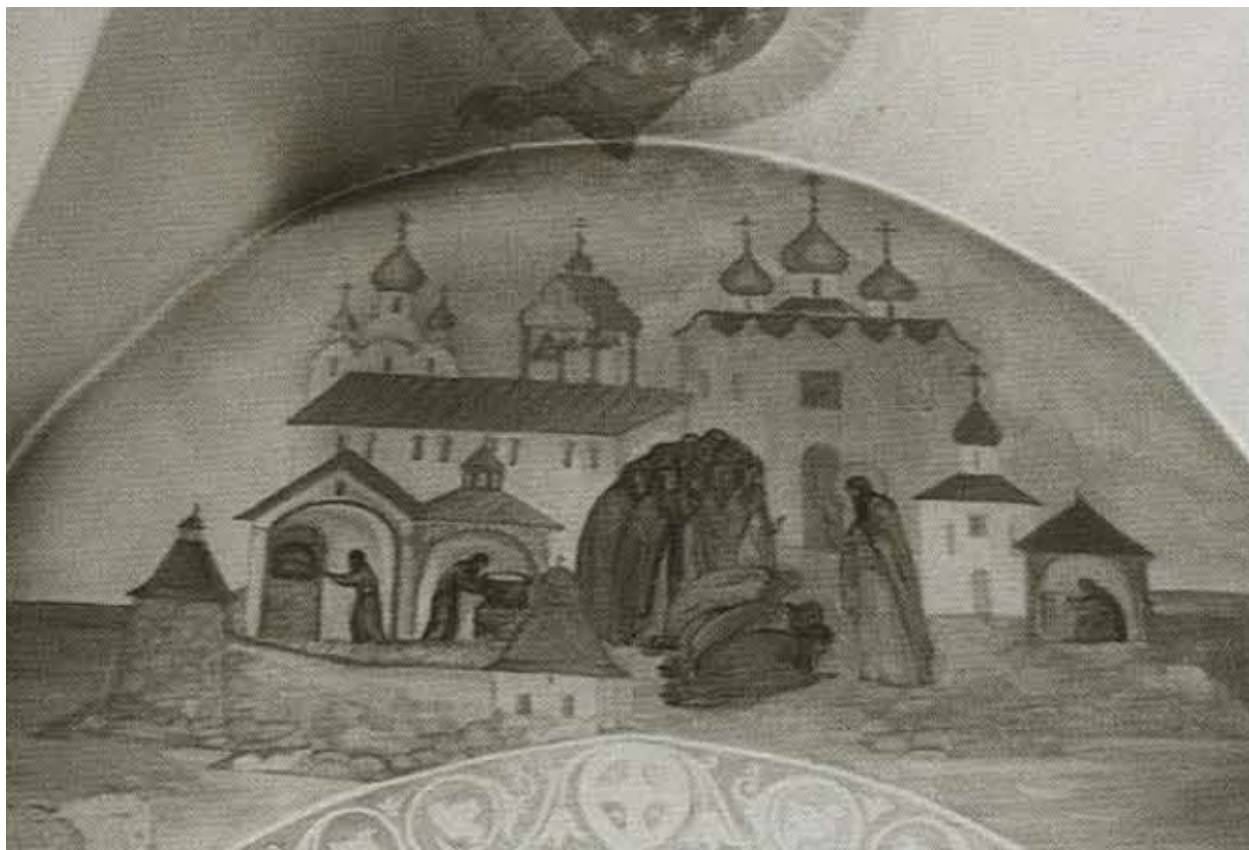
Будущий митрополит пасет овец.

Роспись церкви Святого Филиппа в Мещанской слободе в Москве

Филипп — послушник в Соловецкой обители.

Роспись церкви Святого Филиппа в Мещанской слободе

Послушания инока Филиппа.

Филипп становится настоятелем Соловецкого монастыря.

Роспись церкви Святого Филиппа в Мещанской слободе

Святые Зосима и Савватий Соловецкие.

Первая половина XVII в.

Спасо-Преображенский монастырь на Большом Соловейком острове

Миниатюра из «Повести о Зосиме и Савватии». XVII в.

Рыболовство во все времена существования монастыря было важной отраслью его хозяйства. Фото конца XIX в.

Спасо-Преображенский собор Соловецкого монастыря. 1558–1566 гг.

Трапезная и поварская палаты. 1552–1557 гг.

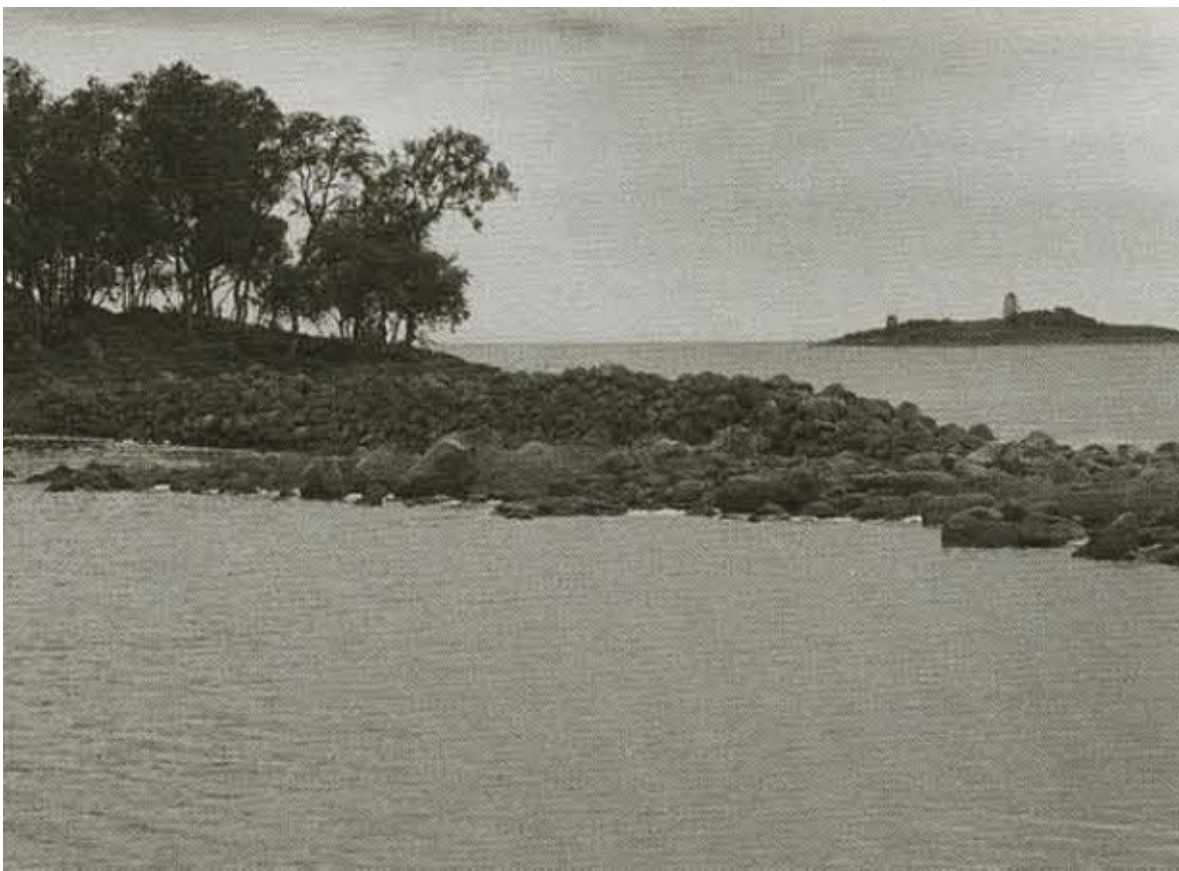
*Своды монастырской трапезной поддерживает массивный столп.
Фото конца XIX в.*

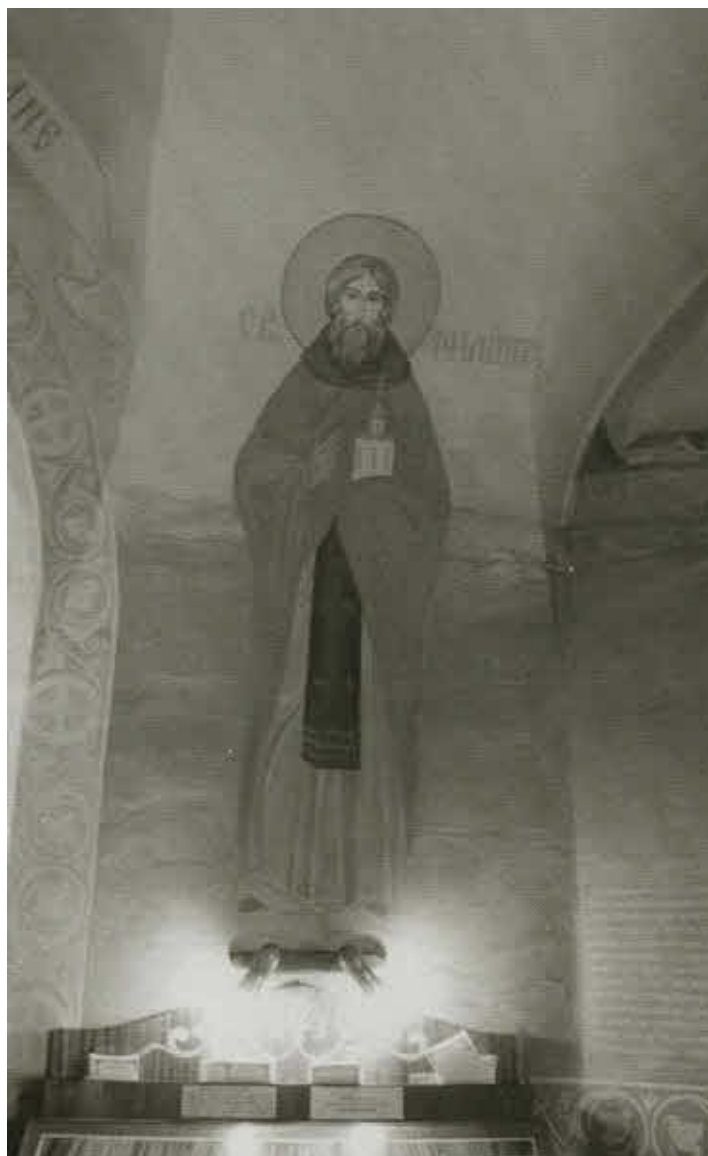
Современный вид трапезной

Силуэт Успенской церкви с моря напоминает корабль с тремя мачтами. 1552–1557 гг.

Филипповы рыбные садки

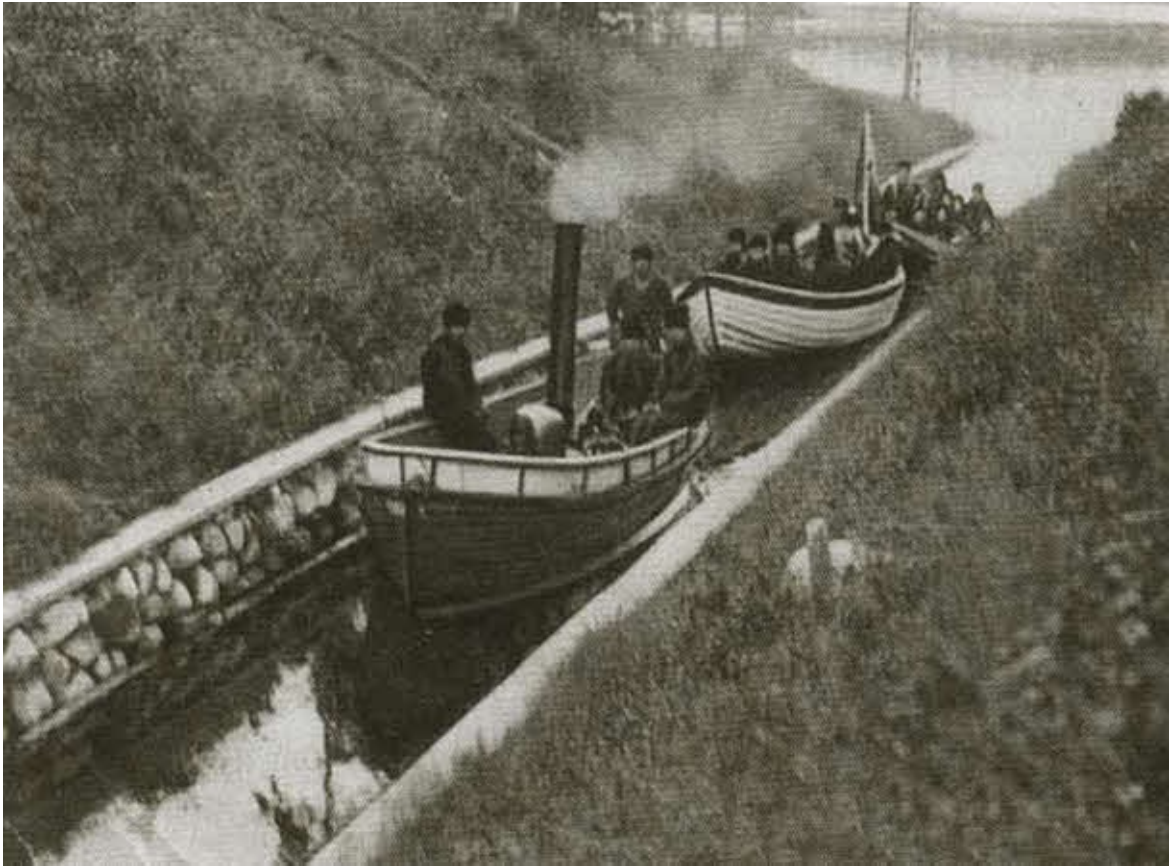

Филипп, игумен соловецкий.

Роспись церкви Святого Филиппа в Мещанской слободе

Система каналов начала создаваться на Соловках при игумене Филиппе

Канал между озерами Перт и Даниловым. Фото конца XIX в.

Строение на Большом Заяцком острове. Середина XVI в.

В гавани Большого Заянкого острова, обложенной валунами при Филиппе, суда могли укрыться от шторма

Часовня Филипповой пустыни. Литография В. Черепанова.

1884 г.

Каменное подголовье инокa Филиппа

***Крест, воздвигнутый в Филипповой пустыни после возрождения
монастыря в наши дни***

Келейное здание Филипповой пустыни после реконструкции

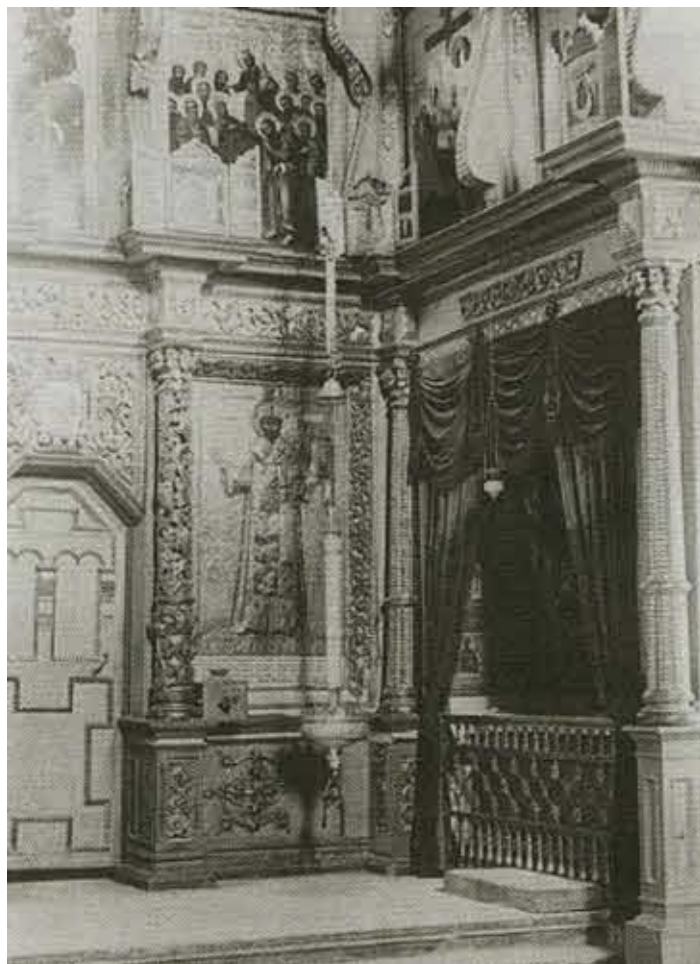
Вид монастыря с южной стороны с церковью Святого Филиппа. Конец XVIII в. Фото конца XIX в.

Современный вид Филипповской церкви Соловецкого монастыря

*Частица мощей святителя Филиппа в Филипповской церкви
Соловецкого монастыря*

Рака митрополита Филиппа в Свято-Преображенском соборе.

Фото конца XIX в.

Часовня Святого Филиппа на Большом Соловецком острове — первый возрожденный храм Соловецкого монастыря. 1989 г.

Митрополит Филипп. С. Ушаков. 1653 г.

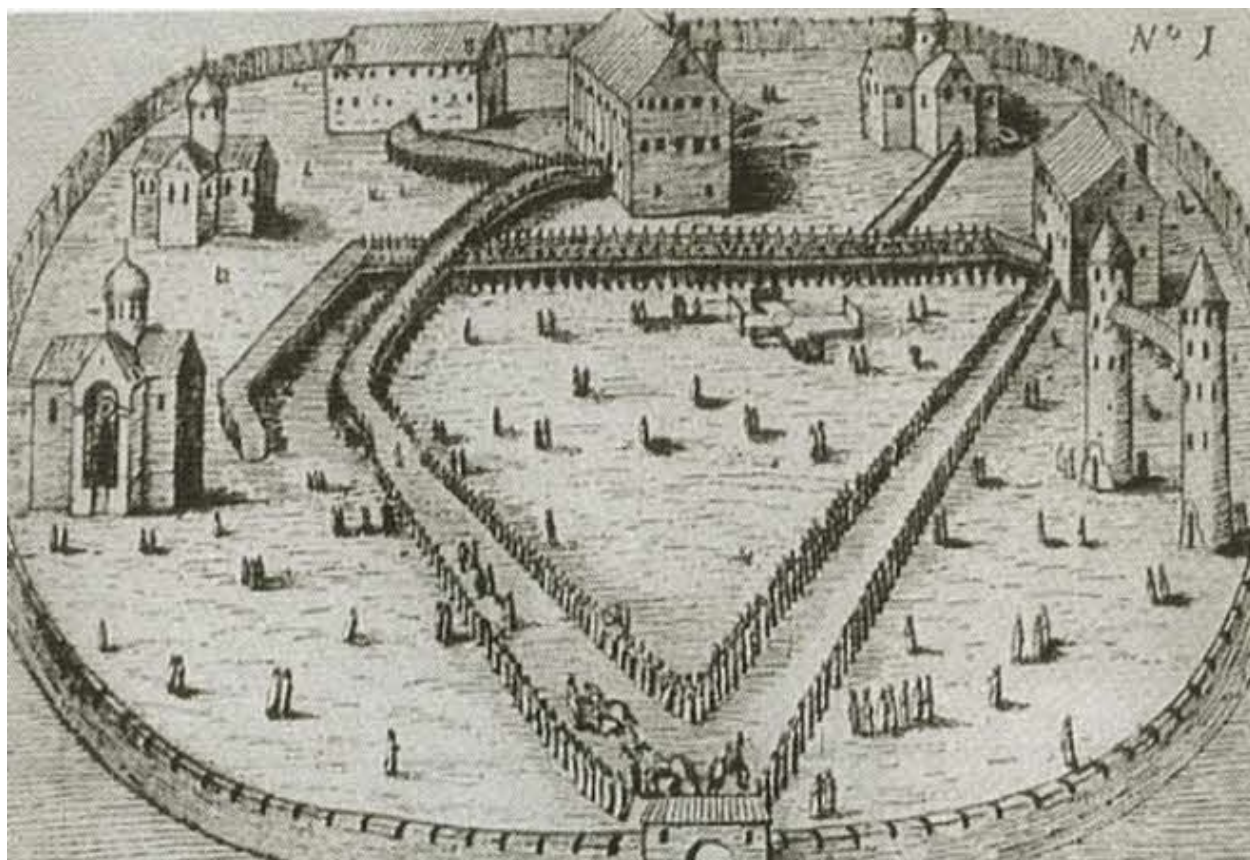
*В Успенском соборе Московского Кремля служил митрополит Филипп.
Здесь же в 1652 году нашли упокоение его мощи. Литография XIX в.*

Царь Иван Грозный. Немецкая гравюра. 1576 г.

На картине Н. Неврева изображена сцена убийства боярина И. В. Фсдорова-Челяднина в 1568 году. Вторая половина XIX в.

Александровская слобода.

Гравюра из книги Я. Ульфельдта «Путешествие в Россию». 1608 г.

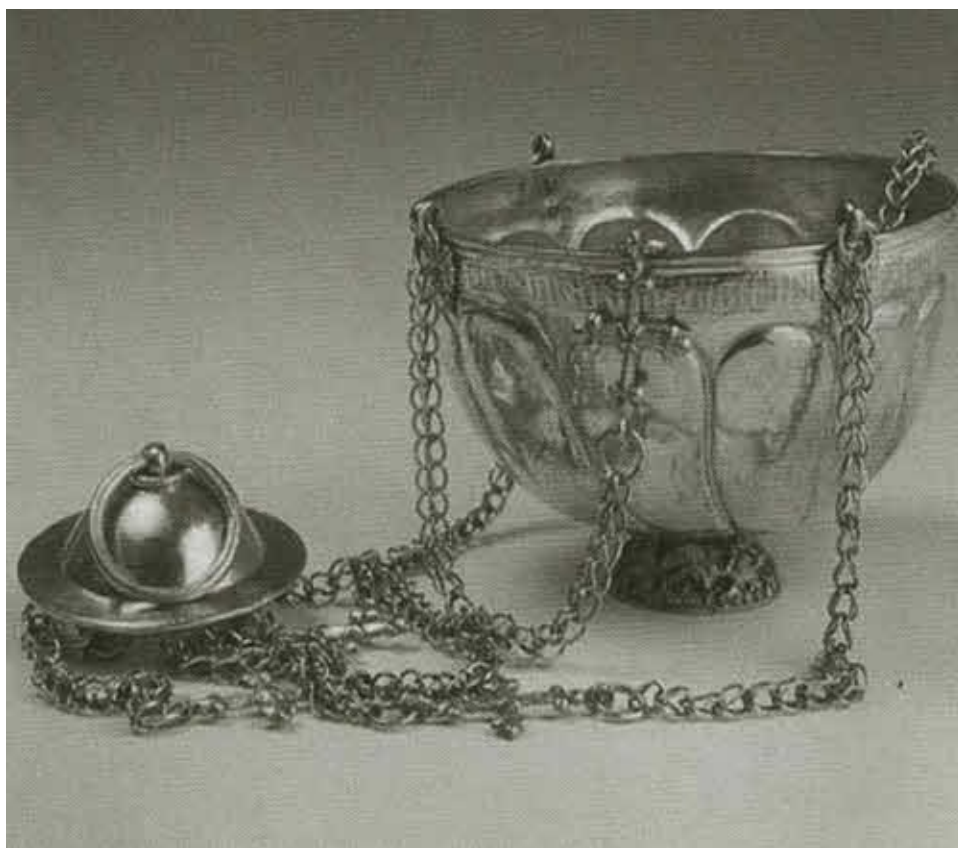
Опричник. Гравировка на поддоне подсвечника. XVII в.

Власяница — одежда опричников из грубой шерсти. 1560—1570-е гг.

212
 ИЗБИЕННЫМЪ ОПРИШНИНУ.
 А ПОЮТЪ ПОНЕ ПОМАНЬ ДОУ.
 НА . 3 . НАНЪ ЧЕТВЕРГЪ ПОПЦЕ.
 ПОМАНЬ ГИ ДШ ДОУГОШН
 РАЕЗЪ СВОИ . ІРАБІНЬ . ОУБН
 ЕННУХЪ . КНЗЕН . ІКНГНЬ .
 ІВСТЪ ПРАВОСЛАВНЫХЪ ХРІІАН
 МЪ ЖЕСКА ПОЛЪ . НЪ ЖЕНІСА .
 ІКОНЪ ГЪ ІМЕНА ІМЕНІСАНЫ .
 ПРПЕНАГО СЦАНАШЕГО . ІГЪ
 МЕНАНИСОНА . КНЗА ФЕО
 ДОРА . ДНМИТРІА . ГЕОРГІ .

Запись в синодике Троице-Сергиева монастыря о поминании избиенных
 в опричнину. XVII в.

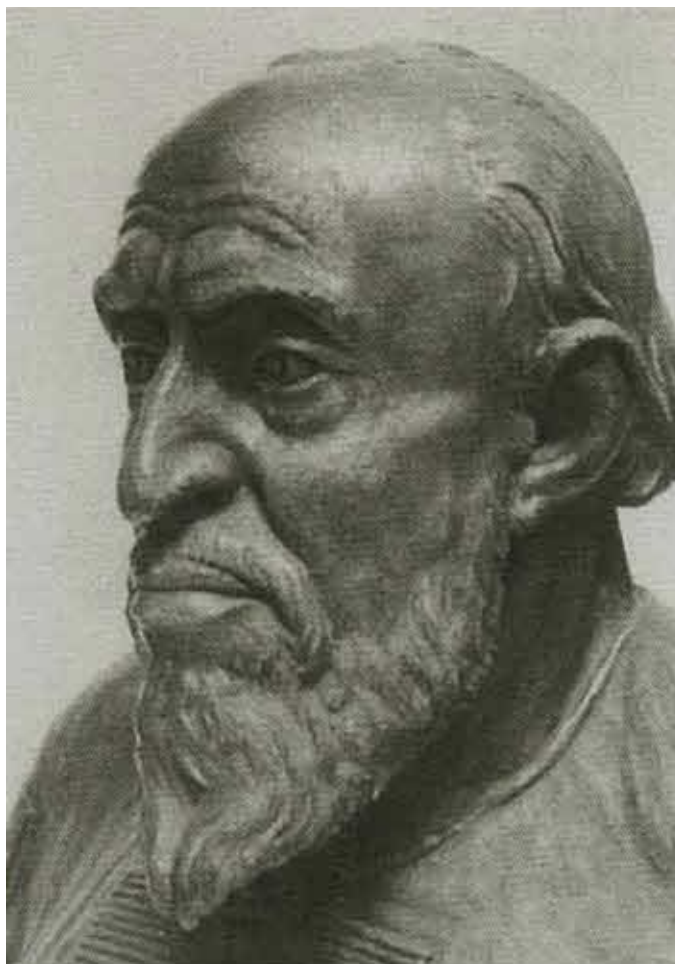

Вклады митрополита Филиппа в Соловецкий монастырь.

Слева — потир. Около 1555 г.

Справа — складень-мощевик. Оком 1561 г.

Внизу — кадило. 1530—1540-е гг.

Царь Иван Грозный.

Реконструкция антрополога М. М. Герасимова

Митрополит Филипп обличает царя.

Миниатюра из Жития святого Филиппа

Святой Филипп в заточении.

Миниатюра из Жития святого Филиппа

Последние минуты митрополита Филиппа.

Н. Неврев. 1898 г.

Смерть митрополита Филиппа. А. Новоскольцев. 1890 г.

Погребение святого Филиппа.

Миниатюра из Жития святого Филиппа

Саккос Филиппа из его погребения. XVI в.

Митрополит Филипп. Покров на раку. 1590-е гг.

Епитрахиль Филиппа из его погребения. XVI в.

Москва встречает мощи святителя Филиппа в 1652 году.

Роспись церкви Святого Филиппа в Мещанской слободе

Святой Филипп, митрополит Московский. Миниатюра XVII в.

Богоматерь Боголюбская.

*На левой доске трехчастной иконы изображены митрополиты
Алексий, Киприан. Филипп и епископ Стефан Пермский.*

И. Савин. После 1591 г.

Царь Алексей Михайлович и Никон, архиепископ Новгородский, у гроба чудотворца Филиппа, митрополита Московского.

А. Литовченко. 1886 г.

Церковь Святого Филиппа в Мещанской слободе в Москве. Фото начала XX в.

*Икона святителя Филиппа в Спасо-Преображенском соборе
Соловецкого монастыря*

Монах. О. Крестовская

БИБЛИОГРАФИЯ

Основные письменные источники

Акты социально-экономической истории Севера России конца XV–XVI в.: Акты Соловецкого монастыря 1479–1571 гг. Л., 1988.

Акты социально-экономической истории Севера России конца XV–XVI в.: Акты Соловецкого монастыря 1572–1584 гг. Л., 1990.

Грамоты святого Филиппа, митрополита Московского и всея России, в Соловецкую обитель // Душеполезное чтение. 1861. Ч. 3.

«Житие св. Филиппа» Тулповской редакции; «Житие св. Филиппа» Колычевской редакции // Колобков В. А. Митрополит Филипп и становление московского самодержавия: Опричнина Ивана Грозного. СПб., 2004.

Корецкий В. И. Соловецкий летописец конца XVI в. // Летописи и хроники. 1980 г. М., 1981.

Курбский А. М. История о великом князе Московском // Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XVI в. М., 1986.

Лобакова И. А. «Устав о монастырском платье» 1553 г. — один из неучтенных источников по истории Соловецкого монастыря времен игуменства Филиппа (Колычева) // Книжные центры Древней Руси: Соловецкий монастырь. СПб., 2001.

Макарий (Веретенников), архим. Грамота святителя Макария о соловецком игумене Филиппе // Соловецкое море. Вып. 3. Архангельск; М., 2004.

Новое известие о России времени Ивана Грозного. «Сказание» Альберта Шлихтинга. Л., 1934.

Описи Соловецкого монастыря XVI в. СПб., 2003.

Полное собрание русских летописей. Т. III. Новгородские летописи; Т. XIII. Никоновская летопись; Т. XXIX. Александро-Невская и Лебедевская летописи; Т. XXX. Новгородская вторая, она же Архивская летопись; Т. XXXIV. Пискаревский летописец.

Приговор об избрании Филиппа на митрополию // Собрание государственных грамот и договоров. М., 1813. Ч. 1. № 193.

Рогинский М. Г. Послание Иоганна Таубе и Элерта Крузе // Русский исторический журнал. Пг., 1922.

Сапожникова О. С. Записка об обретении и перенесении мощей митрополита Филиппа (Колычева) // Книжные центры Древней Руси: Соловецкий монастырь. СПб., 2001.

Сапожникова О. С. Слово на перенесение мощей митрополита Филиппа Сергея Шелонина // Книжные центры Древней Руси: Соловецкий монастырь. СПб., 2001.

«Сказание о Филиппове строении иже в Соловецком монастыре»; «Сказание вкратце от летописца» о Соловецких игуменах // Буров В. А., Охотина-Линд Н. А. Три произведения конца XVI — начала XVII в. о Соловецком монастыре // Книжные центры Древней Руси: Книжники и рукописи Соловецкого монастыря. СПб., 2004.

Соутэм Т., Спарк Д. Путь водою... // Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. Л., 1937.

Штаден Г. Записки немца-опричника. М., 2002.

Научная и научно-популярная литература

Альшиц Д. Н. Начало самодержавия в России. Л., 1988.

Андреев И. Алексей Михайлович. М.» 2006.

Б[оде]-К[олычев] М. Л. Боярский род Колычевых. М., 1886.

Барсуков Н. П. Источники русской агиографии. СПб., 1882. С. III.

Богуславский Г. А. Острова Соловецкие. Архангельск, 1978.

Борисов И. С. Две жизни Федора Колычева // Соловецкое море. Вып. 6. Архангельск; М., 2007.

Брагина И. Г., Сошин В. В. Церковь Святого Филиппа в Соловецком монастыре // Соловецкое море. Вып. 6.

Буланин Д. М. Филипп II // Словарь книжности и книжников Древней Руси. М., 1989. Т. 2. Ч. 2. Л-Я.

Булычев А. А. Между святыми и демонами. Заметки о посмертной судьбе опальных царя Ивана Грозного. М., 2005.

Буров В. А. «Памяти Филиппу игумену»: к истории первых каменных храмов Соловецкого монастыря // Соловецкое море. Вып. 6.

Буров В. А. Путешествие каменного «келейного креста» преподобного Савватия // Соловецкое море. Вып. 5. Архангельск; М., 2006.

Буров В. А., Охотина-Линд Н. А. Три произведения конца XVI — начала XVII в. о Соловецком монастыре // Книжные центры Древней Руси. Книжники и рукописи Соловецкого монастыря. СПб., 2004.

Вернадский Г. В. Московское царство. Тверь; М., 1997. Т. 1.

- Веселовский С. Б. Исследования по истории опричнины. М., 1963.
- Волкова Е. Митрополит Филипп: Исторический очерк. Пг., 1915.
- Володихин Д. М. Иван Грозный: Бич Божий. М., 2006.
- Глаголева О., Толычева Т. «Не в силе Бог, но в правде!» Святитель Филипп Московский. М., 2007.
- Дворкин А. Л. Иван Грозный как религиозный тип. Нижний Новгород, 2005.
- Димитрий (Самбикин), архиеп. Тверской патерик. Казань, 1907.
- Дмитриева Р. П. Житие Филиппа митрополита (Колычева) // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вторая половина XIV–XVI в. СПб., 1991. Т. 1. А — К.
- Досифей, архим. Географическое, историческое и статистическое описание Соловецкого монастыря. М., 1853. Т. 3.
- Досифей, архим. Летописец Соловецкой на четыре столетия, от основания Соловецкого монастыря до настоящего времени, то есть с 1429 по 1833 год. М., 1833.
- Епатко А. Адам Олеарий о прп. Филиппе // Соловецкое море. Вып. 6.
- Зимин А. А. Колычевы и русское боярство XIV–XVI вв. // Археографический ежегодник за 1963 г. М., 1964.
- Зимин А. А. Митрополит Филипп и опричина // Вопросы истории религии и атеизма. Вып. 11. М., 1963.
- Зимин А. А. Опричина Ивана Грозного. М., 1964.
- Знаменский П. Произведения соловецкой письменности, относящиеся к личности св. Филиппа митрополита // Православное обозрение. 1883. № 4.
- Иванов Н. Святитель Филипп, Митрополит Московский и всея Руси // Журнал Московской патриархии. 1957. № 8.
- Иоанн (Снычев), митр. Самодержавие духа. Очерки русского самосознания. СПб., 1995.
- Иосиф (Левицкий), иер. Святой Филипп, Митрополит Московский. М., 1873.
- История первоклассного ставропигиального Соловецкого монастыря. СПб., 1899. Переиздание: М., 2004.
- Карамзин Н. М. История государства Российского. Кн. III. М., 1989.
- Карташев А. В. Очерки по истории Русской церкви. М., 1991. Т. 1.
- Кобрин В. Б. Иван Грозный. СПб., 1992.
- Кобрин В. Б. Опричина. Генеалогия. Антропонимика: Избранные труды. М., 2008.
- Колобков В. А. Митрополит Филипп и становление московского

самодержавия: Опричнина Ивана Грозного. СПб., 2004.

Колосов В. И. Кто виноват в смерти митрополита Филиппа? // Труды второго областного Тверского археологического съезда. Отд. II. Тверь, 1906.

Корецкий В. И. История русского летописания второй половины XVI — начала XVII в. М., 1986.

Королев А. А. Соловецкая миссия и христианизация Мурмана в XVI в. // Соловецкое море. Вып. 3. Архангельск; М., 2004.

Крысанов А. А. Перенесение мощей святителя Филиппа, митрополита Московского, с Соловков в Москву через Белое море // Соловецкое море. Вып. 7. Архангельск; М., 2008.

Кукушкина М. В. Монастырские библиотеки Русского Севера: Очерки по истории книжной культуры XVI–XVII веков. Л., 1977.

Латышева Г. Г. Публицистический источник по истории опричнины (К вопросу о датировке) // Вопросы историографии и источниковедения отечественной истории: Сборник трудов. М., 1974.

Лаушкин А. В., Аксютин-Лаушкина В. В. Акафист святителю Филиппу — творение протоиерея Сергия Городцева (будущего митрополита Новосибирского и Барнаульского Варфоломея) // Соловецкое море. Вып. 6.

Лаушкин А., Аксютин-Лаушкина В. Соловецкий монастырь и его ближайшие окрестности: Пешеходный путеводитель. М.; Соловки, 2007.

Леонид (Краснопевков), еп. Жизнь святого Филиппа, Митрополита Московского и всея Руси. М., 1861.

Линд Т. Митрополит Филипп: Исторический очерк. М., 1913.

Лихачев Д. С. Соловки в истории русской культуры // Архитектурно-художественные памятники Соловецких островов. М., 1980.

Лихачев Н. Родство Колычевых с новгородцами // Известия Русского генеалогического общества. Вып. 1. СПб., 1900.

Лобакова И. А. Митрополит Филипп Колычев и Соловецкий монастырь // Монастырская культура: Восток и Запад: Сборник статей. СПб., 1998.

Макарий (Булгаков), митр. История Русской Церкви. СПб., 1887. Т. 6.

Макарий (Веретенников), архим. Иконы святителя Филиппа // Искусство христианского мира: Сборник статей. М., 1998. Вып. 2.

Макарий (Веретенников), архим. Митрополит Кирилл III // Святая Русь: агиография, история, иерархия. М., 2005.

Макарий (Веретенников), архим. Новгородский архиепископ Пимен (1552–1570) // О Церкви земной и Церкви небесной: Сборник статей. М., 2006.

Макарий (Веретенников), архим. Патриарх Иоасаф I и Соловецкий

монастырь // Соловецкое море. Вып. 5.

Макарий (Веретенников), архим. Святитель Макарий митрополит Московский и архiereи его времени. М., 2007.

Мелетий, архим. Историческое описание ставропигиального первоклассного Соловецкого монастыря. М., 1881.

Мельник А. Г. Гробницы святого Филиппа, митрополита Московского, в XVII в. // Соловецкое море. Вып. 6.

Мельник А. Г. История посвящений храмов Соловецкого монастыря XV–XVII веков // Соловецкое море. Вып. 2. Архангельск; М., 2003.

Мельник А. Г. Почитание русских святых в Соловецком монастыре в середине XV–XVI в. // Соловецкое море. Вып. 7.

Муравьев А. Н. Жития святых Российской церкви: Январь. СПб., 1857.

Начертание жития, подвигов и изречений святителя Филиппа II, митрополита Московского и всея России чудотворца. М., 1860.

Никитин В. Великий игумен Соловецкого монастыря. К 475-летию со дня рождения Святителя Московского Филиппа // Журнал Московской патриархии. 1983. № 5.

Павлов А. П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове. СПб., 1992.

Панова Т. Д. Некрополи Московского Кремля. М., 2003.

Первушин И. В. Св. Филипп митрополит Московский: Священство и царство в средневековой Руси // Вестник русского христианского движения. Р.; Н. У.; М., 1979. Вып. 130.

Полезнее Д. В. Канонизация митрополита Филиппа в идейной борьбе за упрочение авторитета церкви в середине XVII в. // Церковь, общество и государство в феодальной России. М., 1990.

Приклонский А. Житие митрополита Филиппа XVII в. // Материалы Соловецкого отделения Археологического общества краеведения. Соловки, 1926. Вып. 2.

Пуцко В. Г. Святитель Филипп, митрополит Московский и всея Руси, в иконописи и лицевом шитье XVII в. // Соловецкое море. Вып. 6.

Рамазанова Н. В. «Русскаго светилника, Филиппа премудраго, восхвалим» (служба святому в источниках XVII–XVIII вв.) // Рукописные памятники: Публикации и исследования. Вып. 4. СПб., 1997.

Савич А. А. Соловецкая вотчина XV–XVII вв. (опыт изучения хозяйства и социальных отношений на крайнем русском Севере в Древней Руси). Пермь, 1927.

Садиков П. А. Очерки по истории опричнины. М.; Л., 1950.

Святой Филипп митрополит Московский: Биографический очерк.

СПб., 1885.

Севастьянова С. К. Переписка Новгородского митрополита Никона с царем во время путешествия в Соловецкий монастырь за мощами митрополита Филиппа (март — июль 1652 г.) // Книжные центры Древней Руси. Книжники и рукописи Соловецкого монастыря. СПб., 2004.

Скопин В. В. На Соловецких островах. М., 2006.

Скопин В. В. Филипповские пустынь и часовня на Соловках // Соловецкое море. Вып. 6.

Скрынников Р. Г. Святители и власти. Л., 1990.

Скрынников Р. Г. Царство террора. СПб., 1992.

Смирнова А. Е. Первоначальная редакция службы митрополиту Филиппу // <http://www.solovki-science.ru/confl/smimova.htm>.

Соловецкий патерик. М., 1991.

Тальберг Н. История Русской церкви. М., 1994. Т. 1.

Толычева Т. Митрополит Филипп: Биографический очерк. М., 1907.

Уманец Ф. Митрополит Филипп // Древняя и новая Россия. 1877. Т. 3. № 11.

Федотов Г. П. Святой Филипп митрополит Московский. М., 1991.

Филипп II — митрополит Московский: Биографический очерк. СПб., 1892.

Флоря Б. Н. Иван Грозный. М., 1999.

Фруменков Г. Г. Соловецкий монастырь и оборона Беломорья в XVI–XIX вв. Архангельск, 1975.

Царь Иван Васильевич: Грозный или Святой? Аргументы Церкви против канонизации Ивана Грозного и Григория Распутина. М., 2004.

Шапошник В. В. Церковно-государственные отношения в России в 30–80-е годы XVI в. СПб., 2006.

Шевцов П. Святитель Филипп, Митрополит Московский и всея Руси // Православный вестник. М., 1983. № 8.

Яхонтов И. Жития св. севернорусских подвижников Поморского края как исторический источник. Казань, 1881.

Bushkovitch P. The Life of Saint Filipp: Tsar and Metropolitan in the Late Sixteenth Century // Medieval Russian Culture. Berkeley, 1994 (California Slavic Studies, XIX). Vol. II.

INFO

Володихин Д. М.

В 68 Митрополит Филипп / Дмитрий Володихин. — М.: Молодая гвардия, 2009. — 283[5] с.: ил. — (Жизнь замечательных людей: сер. биогр.; вып. 1173).

ISBN 978-5-235-03239-2

УДК 94(47)(092) "15"

ББК 63.3(2)43+86.372

Володихин Дмитрий Михайлович
МИТРОПОЛИТ ФИЛИПП

Главный редактор *А. В. Петров*

Редактор *Е. А. Никулина*

Художественный редактор *А. В. Никитин*

Технический редактор *В. В. Пилкова*

Корректоры *Л. С. Барышникова, Т. И. Маляренко, Г. В. Платова*

Лицензия ЛР № 040224 от 02.06.97 г.

Сдано в набор 03.02.2009. Подписано в печать 17.04.2009.
Формат 84х108/32. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Гарнитура «Таймс». Усл. печ. л. 15,12+1,68 вкл. Тираж 5000 экз.
Заказ 93034

Издательство АО «Молодая гвардия». Адрес издательства:
127994, Москва, Суцевская ул., 21. Internet: <http://mg.gvardiya.ru>.
E-mail: dsel@gvardiya.ru

Типография АО «Молодая гвардия». Адрес типографии:
127994, Москва, Суцевская ул., 21

notes

Примечания

1

Андрей Кобыла, вероятно, был коренным московским землевладельцем.

Ивангород — укрепленный форпост на северо-западных рубежах Руси, расположенный напротив Нарвы.

Некоторые историки считают и самого Федора Степановича Колычева уроженцем Новгородчины, но это лишь предположение, с которым не согласна часть их коллег.

Швеция тогда находилась в подчиненном положении по отношению к Датской короне. Стен Стуре Младший также регентствовал в Швеции — в 1512–1520 годах. Степан Иванович к тому времени был взрослым самостоятельным человеком, вряд ли он мог «подцепить» прозвище столь поздно.

Высказывавшееся в исторической литературе мнение, что Степан Иванович получил от Василия III боярский чин, основательных доказательств не имеет.

Видимо, Ринген, — в районе Юрьева (немецкий Дерпт, эстонский Тарту).

По сообщению писателя-краеоведа Романа Гацко, родители святителя похоронены в селе Ворсино-Колычево под Подольском.

Исихаст — приверженец средневекового православного мистического учения, требовавшего высокой духовной концентрации.

Проще говоря, он отведал кнута.

Экспертиза останков Елены Глинской привела заведующую Археологическим отделом музеев Московского Кремля Т. Панову к выводу, что отравление весьма возможно.

В 1537 году этот день пришелся на 3 июня.

С жизнью расстался не только Андрей Старицкий, но и другой брат Василия III — удельный князь Юрий Дмитровский. Его схватили вскоре после смерти великого князя, несколько лет держали в темнице, где и уморили в 1536 году. Летопись приписывает ему крамолу против государя-младенца. Видимо, мысли о быстром политическом усилении и перспективе захвата трона посещали Юрия Ивановича.

Фиваида — область вокруг города Фив в Верхнем Египте. Северной Фиваидой А. Н. Муравьев, церковный историк и духовный писатель XIX века, назвал территории, где основывались монастыри Русского Севера, по аналогии с египетской пустыней, в которой селились когда-то основатели раннехристианского отшельничества. (*Прим. ред.*)

В Житии отсутствует это имя, но его приводит жизнеописатель XVII столетия Сергей Шелонин.

Речь идет об окончательном утверждении Филиппа в игуменском звании — до того он был недолгое время настоятелем, но отказался от управления обителью.

Так длинно именовали в XVI столетии Соловецкий монастырь.

В одном позднем памятнике («Сказание вкратце от летописца» о соловецких игуменах) сообщается, что Филиппа постригли аж в 7045 году, то есть не позднее августа 1537-го. Это уже явная ошибка.

Можно, конечно, рассматривать извлеченные из Жития цифры как недостоверные. Тогда вероятен и 1539 год, и даже 1540-й. Но совпадение имени крестьянина, у которого Федор Степанович пас овец, с именем реального человека, проходившего по землеописаниям, является аргументом в пользу достоверности источника; следовательно, неправильность содержащихся в нем дат надо доказывать. Пока же таких доказательств не видно.

Очевидно, духовнику.

В настоящее время известно несколько почитаемых списков с этой иконы. Один из них был чудесным образом обретен под артобстрелом жительницей блокадного Ленинграда.

Подробнее о современном состоянии Филипповой пустыни рассказывается в девятой главе.

Киновия — здесь: монастырская община.

Схима (от *греч.* вид, форма, одежда) — высшая степень монашества, заменяет древнее отшельничество. Посвященные в нее дают обеты выполнения особо строгих аскетических правил. Великая схима — совершенное отчуждение от мира; великосхимники отличаются одеждой и головным убором (вместо клобука носят остроконечный кукуль) и имеют право служить литургию. (*Прим. ред.*)

Ектеня (ектения) — молитвенная просьба к Богу, возглашаемая во время богослужения; наиболее распространены ектеня за здоровье или упокой души. Каждое такое молитвенное прошение, оглашаемое священником, завершается ответом клира: «Господи помилуй» или «подай Господи».

Формулировка Жития позволяет предполагать, что Филиппа еще раз возили в Великий Новгород к Феодосию и он опять получил благословение на игуменство в Соловецком монастыре.

Лопатка (*арх.*) — узкий и плоский вертикальный выступ на стене, в отличие от пилястры не имеет капители и базы. Является конструктивным элементом стены, а также выполняет декоративную функцию членения фасада. (*Прим. ред.*)

Звонница — сооружение для подвешивания колоколов. В отличие от башнеобразной колокольни, обычно являющейся частью храма, возводится в виде плоской стенки, отдельно стоящей или надстроенной на стене храма. *(Прим. ред.)*

До пожара в обители имелись свои часы, но, как видно, они пострадали от огня.

По другим сведениям, государь передал Соловецкому монастырю «... деревню при реке Шишне, пустошь, называемую Сухой Наволок, и острова, лежащие по обе стороны реки Выга: Дасугею и Рахново».

Даже если эти данные не совсем полны, то пропущено немного.

Пузырево получено вкладом от И. В. Полева. Тут важно, что государь, не одобрявший уход земли из службы к монастырям и старавшийся ограничить этот процесс, вкладную Полева все-таки утвердил.

Яхонт, лал — минерал корунда. Красным яхонтом называли рубин, а «лазоревым» — сапфир. *(Прим. ред.)*

Стоглавый собор — церковный собор с участием царя Ивана IV и представителей Боярской думы, заседавший в Москве в январе-феврале 1551 года, получивший свое название по количеству глав в сборнике его решений. Собор провозгласил неприкосновенность церковного имущества и исключительную подсудность духовных лиц церковному суду. (*Прим. ред.*)

Сооружение каменных стен завершилось в 90-е годы XVI столетия.

Во времена строительства Спасо-Преображенского собора Соловецкую обитель считают в Москве уже довольно значительным монастырем, достойным внимания. От имени государя Ивана Васильевича туда отправляют два небольших колокола, еще один дорогой крест, серебряный кубок, а главное, значительные суммы на поминание членов царского семейства — трех монарших жен, последовательно сошедших в могилу, и его брата Юрия.

Адорация (*лат.*) — обожание, поклонение.

Возможно, изначально шатер был деревянным, а впоследствии был заменен каменным барабаном.

В описываемые времена Покровский собор именовали Троицким.

Тот же прием использован и при оформлении крыши Успенского храма.

Престол (в православном храме) — четырехсторонний стол посредине алтаря, служащий местом совершения таинства евхаристии — освящения Святых Даров. На престол ставятся дарохранительница, изображающая Гроб Господень, и светильники, символизирующие свет Христов. В данном случае речь идет об отдельных приделах с алтарями. (*Прим. ред.*)

Ирмологий — богослужебная книга православной церкви, содержащая молитвы, предназначенные не для чтения, а для пения. (*Прим. ред.*)

Впрочем, по мнению соловецкого архимандрита Досифея, «...железный промысел есть не что иное, как железный завод в поморских монастырских вотчинах. Попечением соловецких настоятелей отыскиваема была железная руда и вырабатывалось хорошее железо, которого достаточно было на удовлетворение монастырских надобностей». Доказательств этого утверждения нет. Напротив, А. А. Савич показал, что железа монастырю не хватало, оно закупалось на стороне в больших объемах. Какой уж тут завод!

Под обителью был проложен подземный канал, служивший монахам своего рода водопроводом.

По некоторым данным, Филипп завел также оленей. Но это известие не может считаться бесспорным: монастырские описи не упоминают о наличии оленей в стадах, принадлежавших обители.

Одигитрия (греч. Путеводительница) — один из наиболее распространенных типов изображения Богоматери с младенцем-Христом: он сидит на руках Богородицы, правой рукой благословляет, а левой — держит свиток или книгу.

По словам биографа святого Филиппа, В. Никитина, эта икона была поставлена соловецким настоятелем над гробницей преподобного Савватия.

Деисус (греч. моление) — обязательная часть православного иконостаса: икона (или иконы) с изображением Христа, Богородицы справа от него и Иоанна Крестителя слева (малый деисус), а также архангелов, апостолов и святых в позе молитвенного заступничества. (*Прим. ред.*)

Каптур — теплая шапка, кlobук, капюшон. (*Прим. ред.*)

Известно также, что у Филиппа было несколько икон и книг, но неясно, то ли он пользовался ими в келейном обиходе, то ли, скорее, на свои средства заказал их изготовление для нужд обители.

Историк соловецкого землевладения А. А. Савич написал, может быть, и не совсем справедливые, но меткие слова: «...Филипп перенес за ограду Соловецкого монастыря, где еще не совсем изжиты были традиции и строгость нравов первых насельников острова, привычки и широкий размах жизни крупной боярской вотчины». Точнее было бы сказать, что Филипп создал в Соловецкой обители хозяйство, немыслимо совершенное даже для крупной боярской вотчины тех времен.

Один из соловецких старцев на соборе дал показания в пользу Артемия.

Князь-беглец Андрей Курбский так назвал правительственный кружок, занимавшийся проведением крупных реформ в конце 40—50-х годах XVI века.

Саккос (греч. мешок) — верхнее архиерейское богослужebное облачение из дорогой ткани, длинная просторная одежда с короткими широкими рукавами и вырезом для головы, обычно не сшитая по бокам, а скрепленная 33 пуговицами (в напоминание о числе лет, прожитых Христом на земле). (*Прим. ред.*)

Согласно другим версиям, этот покров имеет московское происхождение.

Иконописный подлинник — руководство по изображению на иконах персонажей и событий, определяющее все детали канонических изображений. Первые подлинники появились в России не ранее XVI века. Лицевые подлинники содержат прориси икон, толковые подлинники включают описание канонических сюжетов, композиций, цветов и т. п. (*Прим. ред.*)

Успенский собор Московского Кремля.

Белое духовенство — общее название священнослужителей (священников и диаконов) православной церкви, не принимающих монашеские обеты, в том числе обет безбрачия. Церковные иерархи (архиереи), как правило, принадлежат к черному духовенству, то есть монашеству. *(Прим. ред.)*

Чудов монастырь — кафедральный мужской монастырь, основанный митрополитом Алексием (1365). Находился в восточной части Московского Кремля и получил название по соборному храму — во имя Чуда святого Архистратига Михаила. Был разрушен в 1929–1930 годах. *(Прим. ред.)*

Несмотря на свое высокое положение, Федор Иванович не смог защитить Филиппа, когда тот впал в немилость, так как сам оказался в опале. Вернувшись от польского короля, Колычев-Умной был приглашен в Александровскую слободу с друзьями и челядинами. А на обратной дороге опричники ограбили их и раздели донага. Многие из людей Федора Ивановича отморозили руки, ноги, а некоторые даже замерзли насмерть. Сам он шел до Москвы по стуже, едва прикрывшись старым плащом. То ли опала боярина Федора разжигала ярость Ивана IV в отношении митрополита, то ли нелады с Филиппом вызвали царский гнев против боярина, понять трудно. Можно лишь предположить, что Иван Грозный был недоволен Федором Ивановичем: тот когда-то рекомендовал в митрополиты Филиппа, в котором теперь государь видел недруга.

Окольничий — придворный чин и должность в Московском государстве, второй (после боярина) чин Боярской думы. Окольничие возглавляли приказы, служили полковыми воеводами, участвовали в организации придворных церемоний. (*Прим. ред.*)

Тогда же другой представитель рода, Михаил Иванович Колычев, в чине окольного заседателя в земской Боярской думе.

На Полоцкой епархии Афанасий пробыл до весны 1568 года, после чего, усталый и разбитый хворями, вернулся в Кирилло-Белозерский монастырь, чтобы вскоре окончить там земные дни.

Так стал называться митрополичий двор после введения в 1589 году в Русской церкви патриаршества.

Симфония (*греч.*) — созвучие. (*Прим. ред.*)

Вероятно, имеется в виду Часослов — богослужебная книга, содержащая тексты неизменяемых молитв суточного богослужебного круга и предназначенная для чтецов и певцов на клиросе. Часовник — сжатый вариант Часослова, молитвенник для мирян, содержащий тексты лишь наиболее популярных молитв; псалмы в нем не приводятся, а лишь указывается порядок их исполнения. (*Прим. ред.*)

Северская Русь (от северян — группы восточнославянских племен, живших на этой территории в I тысячелетии) — в XVI — начале XVII века территория на границе с Литвой и Диким полем в бассейне рек Сейма и Десны, с городами Брянск, Чернигов, Трубчевск, Новгород-Северский, Почеп, Стародуб, Путивль, Рыльск, Севск с Комарицкой волостью. В конце XV — начале XVI века северские города вошли в состав Московского государства. (*Прим. ред.*)

Таков один из вариантов объяснения сути правительственной деятельности Избранной рады. Есть и другие версии, но эта представляется наиболее вероятной.

В летописи сказано, что Иван Васильевич забрал с собой «святость». Видимо, имеются в виду частицы мощей и риз святых из московских церквей.

Таубе и Крузе сначала добились от царя больших почестей, но «не оправдали доверия» и, опасаясь за свою участь, подняли мятеж, окончившийся неудачей. Им оставалось перебежать к полякам. Там дуэту пришлось «отрабатывать» за совершённые на территории России художества (в том числе авантюрный проект подчинения царю всей Ливонии). У Таубе и Крузе были все основания для крайнего недоброжелательства и к государю, и к стране. Внимательный источниковедческий анализ обнаруживает в «Послании» фактические нестыковки и очевидную тенденциозность.

Впоследствии, с 1568 по 1571 год, политический курс на массовые репрессии будет проводиться из-за сопротивления опричным порядкам со стороны русского общества.

Часть ливонских городов и крепостей занимали русские гарнизоны, другие — литовцы, в остальных еще держались немцы. Кроме того, русские войска стояли в Полоцке и Озерище, которые до начала войны принадлежали Великому княжеству Литовскому.

Слова «домовый обиход» историки трактуют по-разному. Некоторые считают, что это синоним опричнины; другие полагают, что Иван IV воспротивился потенциальному вмешательству Филиппа в свои семейные дела; наконец, третьи уверены в том, что государь отобрал у митрополита право влиять на выбор царского духовника.

По всей видимости, Житие передает основной смысл речений Филиппа (это видно в сопоставлении с другими источниками); но, разумеется, не приходится рассчитывать на дословное их воспроизведение. По мнению некоторых современных историков, составитель Жития, пересказывая речи Филиппа, черпал щедрой рукой высказывания из популярного на Руси «Поучения благого царства» дьякона Агапита, а также из Жития и сочинений Иоанна Златоуста. Но возможен и иной вариант: сам Филипп должен был знать Иоанновы и Агапитовы словеса, а значит, мог приводить их в своих речах. Очень вероятно и то, что составитель жизнеописания Филиппа также использовал Жития Герасима Болдинского и Зосимы и Савватия Соловецких в качестве литературных образцов, хотя это предположение ничего принципиально не меняет.

Конюшенный приказ (Конюшенная изба) — орган, ведавший царской конюшней, дворцовыми экипажами, конюшенными слободами, селами и угодьями, сбором пошлин с московских торговых бань и с торговли лошадьми на конских площадках. Возглавлялся конюшим и его помощником-ясельничим, под их руководством состояли конюхи-стремянные, стряпчие, стадные или задворные. До конца XV века конюшие упоминались в документах после стольников, а с 1496 года — были боярами и писались за боярами-дворецкими. Иван IV впервые поставил конюшего И. П. Федорова над другими боярами. (*Прим. ред.*)

Юрьев-Ливонский — город, основанный князем Ярославом Мудрым в 1030 году в земле эстов; после захвата немецкими рыцарями в 1224 году стал называться Дерптом (современный Тарту в Эстонии). Во время Ливонской войны в июле 1558 года был взят русскими войсками, в 1582 году по итогам Ям-Запольского перемирия отошел к Речи Посполитой.
{Прим. ред.)

В этом свете не столь уж странно выглядит предательская сдача русского Изборска в 1569 году.

В отношении князей Мстиславского, Бельского и Воротынского подозрения, скорее всего, беспочвенны: эти люди всю жизнь честно дрались за Россию, а Бельский сложил за нее голову. Но у И. П. Федорова были основания пойти на сотрудничество с поляками. В 1546 году он был схвачен в связи с расследованием вооруженного столкновения новгородских Пищальников, пытавшихся подать челобитную, с дворянами. Федорова держали голым в заточении, пока он во всем не повинился, а потом отправили в ссылку. Забыть такие унижения трудно.

Иностранные источники сообщают также, что заговорщиков выдали, помимо князя Владимира Андреевича, также главные столпы земщины — князя И. Ф. Мстиславский и И. Д. Бельский. Но Б. Н. Флоря, тщательно изучив, где и когда находились эти лица, отверг основательность данного сообщения (см.: *Флоря Б. Н. Иван Грозный*. М., 2003. С. 217–218).

Синодик — здесь: список умерших, составлявшийся для поминания во время богослужения. {Прим. ред.)

Григорий Ловчиков — видный опричник, высокопоставленный вельможа Ивана Грозного.

Поместный собор — собрание архиереев и представителей других священников, монашествующих и мирян автокефальной Церкви, которому принадлежит высшая власть в области вероучения, церковного управления и церковного суда. *(Прим. ред.)*

Приближенные царя носили, помимо «черных риз», высокие черные шлыки (шапки).

Акафист (*греч.* песнь, которую поют стоя) — песнопение хвалебного содержания, которое может исполняться как отдельно, так и в составе молебна. Состоит из проимия (вступительной строфы), за ним чередуются 12 больших строф (икосов), оканчивающихся рефренами-хайретизмами (обращениями, начинающимися с *греч.* *Chaire* — Радуйся), и 12 меньших (кондаков), оканчивающихся рефреном «Аллилуйя». (*Прим. ред.*)

В Житии Харлампий назван дядей (стрыем) певчего. Однако возможно и другое прочтение: он являлся дядей самого Филиппа, принявшим в иночестве имя Харлампий.

Тафья (от *араб.* шапка) — пришедшая с Востока маленькая круглая шапочка типа тюбетейки или ермолки, прикрывавшая только макушку и служившая «домашним» головным убором. На улице на тафью обычно надевалась шапка. Тафьи шили из сафьяна, бархата и парчи, украшали вышивкой и отделывали драгоценными камнями. (*Прим. ред.*)

В оригинале: «Державе твоей царьстей наругался».

Реконструкция событий, связанных с антипричным восстанием московского посада, в академической среде не встретила единодушного одобрения. Некоторые историки считают, что выступления не было.

Не путать с опричником В. И. Колычевым-Умным, которого вместе с Тимофеем и Венедиктом Колычевыми казнили в середине 1570-х годов по причинам, никак не связанным с деятельностью митрополита Филиппа.

Автокефалия (греч.) — самоуправление, административная независимость поместной православной церкви. Русская церковь стала автокефальной в 1448 году. (Прим. ред.)

Существует свидетельство, согласно которому Филипп положил митрополичий посох и мирно оставил сан, однако по воле царя его уговорили вновь облачиться в митрополичьи одежды и отправили на последнее богослужение, чтобы иметь возможность публично унижить. Но достоверность этого свидетельства вызывает серьезные сомнения.

Филипповский (Рождественский) пост начинается 14 ноября, в День святого апостола Филиппа, и продолжается 40 дней до Рождества Христова. *(Прим. ред.)*

В 1918 году обитель закрыли, а в 1930-х на месте монастырских строений возвели Речной вокзал. Уцелела лишь церковь Успения Пречистой Богородицы, построенная в 1722 году в стиле барокко, с 1994 года — действующая.

Подробнее о поминании убиенных в опале см. в следующей главе.

Преемник Филиппа митрополит Кирилл III (1568–1572) хотя и знал о судьбе предшественника, не убоился вступить перед царем за опального полководца, князя И. Ф. Мстиславского, несправедливо обвиненного в измене.

Соловецкий летописец называет временем переноса мощей «лето 7099-е», что может означать как вторую половину 1590 года, так и первую половину 1591 года.

См. Приложения.

Известный духовный писатель, соловецкий инок Герасим Фирсов, создал пространное, до отказа наполненное «плетением словес» похвальное слово на перенесение мощей 1646 года. Его текст появился, очевидно, не позднее чем через два-три года после очередного перенесения мощей в 1652 году.

Оставляем на совести источника как указанные особенности формы бороды Филиппа, так и то несоответствие, что борода отросла после смерти, тогда как волосы в причёске остались короткими. (*Прим. ред.*)

Свод основных законов Московского государства, принятый в 1649 году.

«Повышенным» считалось училище, где сочетались предметы преподавания, характерные как для школы, так и для высшего учебного заведения.

К тому времени Иосиф скончался, и вскоре Никону предстояло самому занять патриаршую кафедру. Еще не вернувшись с Соловков, Никон знал, что царь видит в нем преемника Иосифа.

Имеется в виду Успенский собор Московского Кремля.

Это совсем не очевидно.

Название произошло от дубового креста, поставленного еще в XVII веке на месте встречи мощей Филиппа. Впоследствии он хранился в алтаре Предтеченского придела московского храма в честь иконы Божией Матери «Знамение» в Переяславской слободе. На оборотной стороне Филипповского креста вырезано: «От лет многих сокровенно бысть неистощимое сокровище вскрай Российского государства, во отоце Акиан моря, во острове Соловецком. Изволением всесильного в Троице славимого Господа нашего Иисуса Христа и Пречистые Его Матере лета 7160 (1652) июля в 9 день, сотвори сретение многоцелебных мощей новаго чудотворца Филиппа митрополита Московского и всеа Руси благочестивый государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Руси с чудотворными иконами, с митрополиты, со архиепископы и со освященным собором, с князи и боляри и со всеми православными Христианы. Не дошед восприятия мощей его, на сем месте преставися преосвященный Варлаам, митрополит Ростовский и Ярославский».

Кружок ревнителей благочестия — условное название группы духовных и светских лиц, выделявшихся своей образованностью и объединявшихся в конце 1640-х — начале 1650-х годов вокруг Стефана Вонифатьева, духовника царя Алексея Михайловича. В него входили боярин Ф. М. Ртищев, Новоспасский архимандрит Никон (позднее — патриарх), настоятель Казанского собора Иван Неронов, протопопы Аввакум, Логгин, Лазарь, Даниил. Они стремились поднять авторитет и усилить влияние Церкви путем борьбы с недостатками и пороками среди духовенства, возрождения церковных проповедей. Кружок распался после вступления Никона на патриарший престол (1652), а многие его члены стали активными деятелями раскола. (*Прим. ред.*)

Дальнейшему распространению русских канонов воспрепятствовала обвальная вестернизация, начавшаяся при Петре I.

Справщик — человек, занимавшийся исправлением рукописей, а с появлением книгопечатания выполнявший обязанности редактора и корректора. (*Прим. ред.*)

Интересно, что Филиппа добрым словом вспоминали книжники, получившие высокий духовный авторитет в старообрядческой среде, — Герасим Фирсов, протопоп Аввакум.

Знаменщик — мастер-рисовальщик в иконописной артели, выполнявший разметку композиции и предварительную прорисовку изображения. В XVII–XVIII веках знаменщики также создавали оригиналы для гравюр, рисунки шрифтов. (*Прим. ред.*)

В советское время эти здания были разрушены. Ныне на прежней территории обители, где теперь располагается Речной вокзал, сохранился всего один поздний храм.

В 1691 году на месте разобранный за ветхостью деревянной постройки был поставлен каменный храм, но и его состояние к середине XVIII века перестало удовлетворять прихожан.

Всё написанное о домовой Филипповской церкви на Большой Никитской улице в Москве относится к июлю 2008 года. Возможно, за время подготовки этой книги к печати что-то изменилось к лучшему.

Впрочем, другое «подглавие» Филиппа хранится в музее-заповеднике Коломенское. Оно было доставлено туда в составе коллекции соловецких художественных ценностей и реликвий в 1923 году. Возможно, имеет смысл говорить об «оригинале» и «реплике».

Печатается по изданию: Собрание государственных грамот и договоров. М., 1813. Ч. 1. № 193.

1566 года.

Текст адаптирован.

Очевидно, речь идет о полярном дне и полярной ночи.

Все даты приведены по старому стилю.

comments

Комментарии

1

Текст адаптирован.

Садилов П. А. Очерки по истории опричнины. М.; Л., 1950. С. 27.

Текст адаптирован.

Текст адаптирован.

Мелетий, архим. Историческое описание ставропигиального первоклассного Соловецкого монастыря. М., 1881. С. 93.

Текст адаптирован.

Зимин А. А. Опричнина Ивана Грозного. М., 1964. С. 225–226.

Текст адаптирован.

Соутэм Т., Спарк Д. 1556 г. Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. Л., 1937. С. 83.

Федотов Г. П. Святой Филипп митрополит Московский. М., 1991. С. 37.

Зимин А. А. Указ. соч. С. 234.

*Королев А. А. Соловецкая миссия и христианизация Мурмана в XVI в.
// Соловецкое море. Вып. 3. Архангельск; М., 2004. С. 53.*

Зимин А. А. Указ. соч. С. 234.

См.: Макарий (Веретенников), архим. Грамота святителя Макария о соловецком игумене Филиппе // Соловецкое море. Вып. 3. С. 47.

Пуцко В. Г. Святитель Филипп, митрополит Московский и всея Руси, в иконописи и лицевом шитье XVII в. // Соловецкое море. Вып. 6. Архангельск; М., 2007. С. 86.

Текст незначительно адаптирован.

Скрынников Р. Г. Царство террора. СПб., 1992. С. 291.

Текст адаптирован.

Текст адаптирован.

См.: Продолжение Александро-Невской летописи // Полное собрание русских летописей. М., 1965. С. 341–344; Таубе И., Крузе Э. Послание гетману земли Лифляндской Яну Ходкевичу // Иоанн Грозный. Антология. М., 2004. С. 391–393. Отчасти это предположение подтверждается и другими источниками. Впрочем, А. Шлихтинг (немец, живший долгое время в Москве) сообщает, что перед отъездом из столицы Иван IV не поднимал в беседах с церковными иерархами и аристократией вопроса о ненависти и измене, но, напротив, высказал желание удалиться от власти из-за пресыщения ею и ради монашеской жизни.

Штаден Г. Записки немца-опричника. М., 2002. С. 66–69.

Таубе И., Крузе Э. Указ. соч. С. 396.

Там же. С. 396–398.

Скрынников Р. Г. Иван Грозный. М., 2002. С. 301.

Булычев А. А. Между святыми демонами. Заметки о посмертной судьбе опальных царя Ивана Грозного. М., 2005. С. 145–146.

Цит. по: *Штаден Г.* Указ. соч. С. 44.

Текст адаптирован.

Текст адаптирован.

Текст адаптирован.

Штаден Г. Указ. соч. С. 45.

Таубе И., Крузе Э. Указ. соч. С. 42.

Новое известие о России времени Ивана Грозного. «Сказание»
Альберта Шлихтинга. Л... 1934. С. 62.

Текст адаптирован.

См.: Колобков В. А. Митрополит Филипп и становление московского самодержавия: Опричина Ивана Грозного. СПб., 2004. С. 146–160.

Там же. С. 160.

Текст адаптирован.

Текст адаптирован.

Текст адаптирован.

Текст адаптирован.

Послания Ивана Грозного. СПб., 2005. С. 193.

Слова митрополита Филиппа в двух редакциях Жития переданы по-разному, хотя общее ядро сохраняется. Пришлось составить своего рода реконструкцию основных фраз, адаптировав текст.

См.: *Колобков В. А.* Указ. соч. С. 297–298.

Текст незначительно адаптирован.

Текст адаптирован.

См.: *Корецкий В. И.* История русского летописания второй половины XVI — начала XVII в. М., 1986. С. 14–33.

Зимин А. А. Указ. соч. С. 259.

Скрынников Р. Г. Царство террора. С. 324.

Флоря Б. Н. Иван Грозный. М., 2003. С. 231.

Федотов Г. П. Указ. соч. С. 5.

Там же. С. 91.

Там же. С. 95.

Первушин Н. В. Св. Филипп митрополит Московский: Священство и царство в средневековой Руси // Вестник русского христианского движения. Р.; Н. У.; М., 1979. Вып. 130. С. 53.

Курбский А. М. История о великом князе Московском // Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XVI в. М., 1986. С. 348–351.

Таубе И., Крузе Э. Указ. соч. С. 42.

Штаден Г. Указ. соч. С. 47.

Колобков В. А. Указ. соч. С. 327.

Зимин А. А. Указ. соч. С. 255.

Штаден Г. Указ. соч. С. 47.

См.: Таубе И., Крузе Э. Указ. соч. С. 43.

Шапошник В. В. Церковно-государственные отношения в России в 30-80-е годы XVI в. СПб., 2006. С. 307.

Булычев А. А. Указ. соч. С. 38.

Текст приведен частично и адаптирован.

Текст адаптирован.

Первушин Н. В. Указ. соч. С. 54.